Мотрошилова Н. В

Путь Гегеля к Науке Логике

(Формирование принципов системности и историзма).

М.:, 1984. 351 с.
[Номер страницы следует за содержащимся на ней текстом.]

Книга представляет собой монографическое исследование становления философской мысли Гегеля (от ранних работ до включительно), проведенное под углом зрения проблем системности и историзма.

Впервые в советской литературе обстоятельно анализируются работы Гегеля раннего периода (в том числе непереведенные на русский язык). В ходе исследования дается критический разбор положений западного гегелеведения 60-70-х годов.

Оглавление

Введение 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первые этапы развития философии Гегеля в свете проблем системности и историзма

Глава первая

Идейное формирование молодого Гегеля: отрицание, догматических систем мысли и утверждение идей историзма 12

1. Пробуждение интереса к истории (Штутгарт, 1770 - 1788 гг.) 13
2. Между теологией и философией. Выбор в пользу анализа политики и истории (Тюбинген, 1788 - 1793 гг.) 20
3. Оправдание идеала свободы, осуждение систем политического деспотизма и (переписка с Шеллингом - бернский период, 1793 - 1796 гг.) 26
4. Ранние работы Гегеля о религии и нравственности в свете проблем системности и историзма 39

Глава вторая

Йена. Критика систем философии и поиски оснований собственной системы.
Мир отчуждения и гегелевский историзм 55

1. Гегель о судьбах философского системного мышления в условиях отчуждения (работа 1801 г.) 66
2. Борьба с псевдосистемами философии. Первые системные проекты 82
3. модель системы и ее противоречия (и) 95

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Идеи системности и историзма в

Глава первая

Загадки и противоречия. Диалектика и системная взаимосвязь формообразований чувственности 116

1. Апология системности и исторические идеи в Предисловии 120
2. Образ 128
3. Чувственная достоверность и восприятие, или первые акты феноменологической драмы 136

Глава вторая

Превратный мир рассудка и конфликты самосознаний 151
1. **Борьба сил, и бессилие рассудка 151**
2. Феномен под формой конфликта господского и рабского сознаний 158
3. Злоключения стоицизма, скептицизма, и противоречия гегелевского историзма 178

Глава третья
Мятущийся разум в поисках 185

Глава четвертая
Загадки, страдания и высоты 197
1. Феноменологическое понятие духа и облик нравственности 197
2. Конфликты разорванного общества и противоречия гегелевского историзма 207

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разработка принципов системности и историзма в
Глава первая

Нюрнберг. Создание диалектической логики и содержание логических принципов системности и историзма 226
Глава вторая

Учение о бытии как первая часть логической системы: единство системной логики науки и теоретической науки логики 250
1. Начало науки как системная проблема. Системная диалектика категорий сферы 250
2. Системная диалектика категориальных сфер и 283
Глава третья

Категориальная диалектическая логика сущности и понятия, ее роль в реализации и осмыслении системного принципа 297
1. Учение о сущности: соответствие между решением системных задач научной теории и диалектическим движением основных категорий 297
2. Учение о понятии: диалектика субъективно-объективного и итоги реализации системного принципа 324

Заключение 348

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге исследуется идейное развитие Гегеля, начиная с юношеских лет и кончая Нюрнбергским периодом (1808 - 1816 гг.), с его кульминационным пунктом -. Проблемный фокус исследования - зарождение новаторских гегелевских идей системности и историзма, постепенно перерастающих в сложный теоретический комплекс с целым спектром разнообразных подходов и аспектов, а в выступающих уже в виде подробно обосновываемых, применяемых в единстве друг с другом теоретико-методологических принципов философии. Становление принципов системности и историзма мы стремились соотнести с формированием Гегеля как философа, как творческой личности и одновременно с идейными процессами, происходившими в философском сообществе Германии конца XVIII -

первых десятилетий XIX в. Замысел предлагаемого исследования стимулирован как достижениями отечественного и мирового гегелеведения, так и нерешенными проблемами, трудностями, загадками, которых в понимании жизни и творчества Гегеля осталось еще немало.

Сначала о проблеме системы и системности. По крайней мере один из ее аспектов является традиционным для гегелеведения и наиболее основательно изученным. Речь идет о структуре, внутренних взаимосвязях системы философских дисциплин, которая была уверенно и в сравнительно короткий срок создана Гегелем после написания и на ее основе. Благодаря работам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина предметом специального анализа стало противоречие между стремлением Гегеля создать всеохватывающую, законченную философскую систему и диалектическим методом с его принципом непрекращающегося развития. Эта тенденция классического марксистского историко-философского исследования нашла продолжение в ряде работ, написанных философами нашей страны. Если иметь в виду только посвященные философии Гегеля книги, где эта тема была объектом специального изучения, то прежде всего надо назвать работу К. С. Бакрадзе (Тбилиси, 1958) - одно из луч3 ших в мировой литературе исследований, не утратившее актуальности и в наши дни. Проблема системности рассматривалась в монографии М. Ф. Овсянникова (М., 1959), также сыгравшей значительную роль в восстановлении в нашей стране исследовательского подхода к интерпретации философии Гегеля. Из работ марксистов других стран надо назвать двухтомное исследование румынского философа К. И. Гулиана.

К 60 - 70-м годам относится новое пробуждение интереса к рассмотрению проблемы системности в философии Гегеля, что было в определенной степени связано с широким развитием системных исследований в их современной форме. Правда, это была связь противоречивая. Так, западные специалисты по современному системному анализу - в тех редких случаях, когда они обращались к истории философии, - по большей части оценивали гегелевские системные идеи как развенчанные временем. Характерно, что представление о системных разработках Гегеля нередко черпалось не из сколько-нибудь основательного знакомства с произведениями самого Гегеля или с добротными книгами историков философии, но из популярных переложений. Советские же специалисты по системному анализу (И. В. Блауберг, А. И. Ракитов, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин), справедливо подчеркивая существенные различия между гегелевским подходом и современными системными исследованиями, одновременно отмечали, что при построении учения о системах, принимающего во внимание диалектические и содержательные аспекты, необходимо будет обратиться также и к достижениям Гегеля. Правда, сколько-нибудь подробных изысканий такого рода в русле современных исследований систем предпринято не было.

И все же системные исследования в их современной форме оказались в числе причин, побудивших специалистов по диалектике углубить и обновить анализ проблемы системности у Гегеля. Необходимо указать на работы Б. М. Кедрова, Л. К. Науменко, А. П. Огурцова, З. М. Оруджева, Г. Х. Шингарова, М. Бура (ГДР), И. Зелены (ЧССР). Особое значение для преодоления недооценки системной работы Гегеля имела книга В. П. Кузьмина (1976, второе издание - 1980). При исследовании отношения Маркса к предшествующей философии В. П. Кузьмин выдвинул на первый план некоторые позитивные аспекты системной концепции Гегеля.

4

В 60 - 70-х годах в западном гегелеведении также усилился интерес к проблеме системности. В 1975 г. в Штутгарте состоялся конгресс Международного гегелевского объединения, материалы которого были опубликованы в толстом томе, уже название которого показывает направленность и подчеркивает актуальность развернувшихся дискуссий: (Ist systematische Philosophic moglich? Stuttgart, 1977). Центральный тезис ряда западных авторов (отчетливо выраженный Г. Г. Гадамером, Д. Хенрихом, Х. Вагнером и др.) можно

свести к следующему: хотя сама по себе система Гегеля принадлежит прошлому, ценно стремление великого мыслителя поставить перед философией широкие мировоззренческие задачи, придать философским дисциплинам целостность, единство обоснования, охватить философским объяснением животрепещущие проблемы, волнующие человечество. Это убеждение в возможности и необходимости современной системной философии было противопоставлено - отказу от целостного философского мировоззрения, смело вторгающегося в объяснение проблем теории и практики. Подобная тенденция в развитии западного гегелеведения, несомненно, является перспективной. К числу достижений мирового гегелеведения в 70-х годах можно отнести то, что много основательнее, чем прежде, были изучены процессы становления системных идей Гегеля, и особенно их развитие в йенский период, чему способствовала новая издательско-текстологическая работа. (Более подробно новейшее западное гегелеведение будет оцениваться нами при анализе различных периодов развития Гегеля.) И все же в специальном исследовании философии Гегеля в свете системной проблематики, не говоря о ее непрофессиональном толковании, имеются серьезные пробелы, недоразумения, предрассудки. Что главное, гегелевские системные идеи нередко обедняются, сводятся лишь к вопросу о членении философской системы на соответствующие дисциплины и об их иерархии. Между тем философия Гегеля отличается богатством подходов к системной проблематике, разнообразием ее аспектов, не утративших актуальности и сегодня. Доказательство и раскрытие этой мысли - цель и содержание нашей книги. Молодого Гегеля интересует, например, актуальный и ныне вопрос о связи между системами социальной действительности и системами мысли. Сначала предметом социально-критического размышления становится особый оттенок этого вопроса - взаимодей5 ствие между системами деспотизма и догматическими системами идей. Затем Гегель разбирает еще один существенный аспект проблемы, уже в связи с начавшейся позитивной работой над созданием оригинальной системы: молодой философ стремится уяснить влияние общества отчуждения на процесс формирования новаторских философских систем.

Не станем предвосхищать последующий анализ. Отметим только, что вплоть до создания Гегель вел творческий поиск по широкому фронту: он размышлял над вопросом о социально-исторических предпосылках, воздействующих на процесс создания систем философии; стремился найти критерии, отличающие системы мысли от; искал наиболее пригодное теоретико-методологическое основание философской системы - соответственно основополагающую для системы философскую дисциплину; выстраивал первые проекты системы то на фундаменте социально-политической проблематики, то на фундаменте феноменологии.

Для самого Гегеля эти сложные поиски завершились тем, что философ вступил на путь логицизма. Создание было свидетельством решительного поворота к логике как основанию системы, т. е. четкого выбора из ранее опробованных. Но оставленное позади вовсе не потеряло смысл ни для Гегеля, ни для послегегелевской истории философии. Иные, отличные от логицизма, пути и способы построения философской системы, опробованные Гегелем, не закрыты и будут, несомненно, вызывать новый и новый интерес со стороны современной мысли. вместе с тем является непосредственным продолжением и итогом предшествующего идейного развития Гегеля, что особенно ясно видно на примере системного принципа философии, который в этом выдающемся гегелевском произведении развертывается в целую концепцию философской системности, причем и принцип, и концепция применяются для построения найденного теперь теоретикометодологического фундамента системы, диалектико-логического учения о категориях. Системный принцип Гегеля характеризуется следующими особенностями: 1) убеждением в необходимости системного построения подлинной науки; 2) сопряжением идеи системности с особыми задачами философии как абстрактного теоретического размышления; 3) соединением системного исследования с логическим, в свою очередь нацеленным на содержательные задачи; 4) фокусированием системного принципа на проблемах диалектики (диалектической

логики). Создание этого прин6 ципа - своего рода диалектико-логической, содержательной парадигмы - и развертывание его в теоретическую системную концепцию логики были великим новаторским достижением Гегеля, благодаря которому дальнейшее формирование системы философских дисциплин стало своего рода прикладной задачей. И с проблемой применения своей системной парадигмы Гегель, по нашему глубокому убеждению, справился куда менее успешно, чем с задачей открытия и обоснования самого системного принципа. Но это уже вопрос, выходящий за пределы настоящего исследования - он касается, зрелого Гегеля, тогда как книга посвящена Гегелю, философу, вовлеченному в трудный процесс поиска и становления.

Процесс обретения системного принципа и системной теории - это одновременно и история превращения Гегеля в великого философа, замечательного диалектика. В данной книге, таким образом, привлечено внимание к тем аспектам системной теории Гегеля, которые не только во многом согласуются с диалектическим методом, но являются одной из важнейших сторон конкретной, скрупулезной разработки великим мыслителем системно-диалектических форм, структур, приемов человеческой мысли. В книге будет в то же время показано, с какими противоречиями был у Гегеля связан этот плодотворный содержательно-диалектический системный поиск и какие действительные проблемные трудности стояли за идеалистическими издержками гегелевских рассуждений. Ведь формирование Гегелем собственной системы, поиски ее основополагающих критериев были неразрывно связаны также и с изменяющимся толкованием , которое все более отклонялось от кантовско-фихтевско-шеллинговского вариантов и все более наполнялось логицистским объективно-идеалистическим содержанием.

Работе Гегеля в области системной проблематики, обретению и применению на почве логики системного принципа сопутствовало развитие другой фундаментальной идеи гегелевской философии, идеи историзма. В отличие от западной литературы советское историко-философское исследование, в частности гегелеведческое, всегда было внимательно к проблеме историзма. Прежде всего здесь надо назвать работу В. Ф. Асмуса (в кн.: Асмус В. Ф. Избранные философские труды. М., 1971, т. 2, с. 207 - 413) - со специальным анализом достижений, ограниченностей и противоречий гегелевской философии истории. В разъяснении связи логического и исторического, абстрактного и конкретного (в том числе исторически кон7 кретного) в философии Гегеля особую роль сыграли работы Э. В. Ильенкова, а в понимании специфики историзма, преломляющегося через толкование Гегелем нравственных проблем, - произведения О. Г. Дробницкого. Необходимо подчеркнуть значение творческого марксистского освоения гегелевского философского наследия, предпринятого в специальных монографиях о Гегеле, написанных философами А. И. Володиным, А. В. Гулыгой, М. А. Кисселем, В. А. Малининым, М. К. Мамардашвили, В. А. Погосяном, И. Тевзадзе, В. И. Шинкаруком, юристами В. С. Нерсесянцем, А. А. Пиотковским и др.

Автор опирался на историко-философские работы, включающие анализ философии Гегеля, а также на исследования проблем историзма, которые выполнены советскими философами Ж. Н. Абдильдиным, А. С. Богомоловым, П. П. Гайденко, Б. А. Грушиным, Ю. Н. Давыдовым, Д. Н. Ерыгиным, Г. П. Кармышевым, М. А. Кисселем, В. А. Ковалевой, П. В. Копниным, В. П. Кохановским, Т. М. Лебедевой, В. А. Лекторским, Ю. К. Мельвилем, А. А. Митюшиным, И. С. Нарским, Т. И. Ойзерманом, В. М. Рыловниковым, Ж. Сааданбековым, Э. Ю. Соловьевым, Е. П. Ситковским, М. Б. Туровским, Б. С. Чернышевым и др.

И все же процесс становления гегелевского историзма и его специфика мало изучены и в отечественном и в мировом гегелеведении. В нашей книге применительно к проблеме историзма ставятся две основные задачи: во-первых, уточнить вопрос о становлении, истоках, специфике истористских идей Гегеля, о путях их превращения в принцип историзма; во-вторых, показать, что в идейном развитии философа системные идеи и идеи истористские постоянно сплетались в единство, которое на каждом из этапов, в каждом из произведений отличалось своеобразием.

Сделаем предварительные уточнения, касающиеся принципа историзма. Гегелевский принцип историзма, по нашему мнению, имеет следующие особенности: 1) утверждается исходный тезис, согласно которому особое рассмотрение истории является одной из фундаментальных проблем философии, а историческое измерение - одним из важнейших признаков диалектического мышления философа; 2) применительно к философии вообще и к разнообразию объектов философской работы так или иначе осмысливаются методологические особенности истории; 3) обосновывается связь между историзмом как методологическим принципом и философией истории.

8

Этот принцип, подобно системному принципу, в развитой форме появляется в философии Гегеля не сразу; он рождается в итоге длительного и глубокого размышления об исторических измерениях философского познания. В идеи складываются уже в некоторую концепцию, а в перерастают в глубоко продуманный, хотя еще не окончательно обоснованный и не полностью развернутый принцип. Собственно о принципе историзма в единстве двух первых аспектов можно говорить лишь применительно к, причем и в данном произведении есть немало осложняющих дело противоречий. Что же касается более ранних гегелевских сочинений, то для них скорее характерен первый аспект - четкое сознание необходимости исторического подхода (это тоже существенный момент, оригинальный по отношению к предшествующей мысли). Переход к третьему аспекту - связывание принципа историзма с философией истории - относится к более позднему периоду гегелевского развития и поэтому специально в нашей книге не рассматривается. Но и первые Гегеля весьма интересны, в частности в том аспекте, в каком они анализируются в книге - в единстве с системными идеями.

Напомним еще об одной особенности предпринимаемого в этой книге исследования. Всякий раз, когда осуществлялся переход от исследования одной исторической стадии эволюции гегелевской мысли к изучению другой, мы считали необходимым хотя бы кратко обратиться к питающим философское познание действительным социально-историческим, жизненным истокам. Их исследование во всей полноте, внутренней иерархии не входило в нашу задачу. Исторический материал, характеризующий гегелевскую эпоху, мы считали целесообразным, пользуясь двумя , через которые макросреда - жизнь общества, развитие истории - обычно и преломляется. И только в преломленном виде она оказывает то или иное влияние на философскую мысль.

Первая - конкретная социальная микросреда, называемая в книге и рассматриваемая в ее ипостасях официального и неофициального сообщества. Различное отношение к этим (конечно, не оторванным друг от друга) сообществам повлияло на становление ценностей и идей, исповедуемых молодым Гегелем. Все большее сближение мыслителя с официальным философским сообществом - как и движение последнего навстречу Гегелю, слава которого в своем государстве и за

9

его пределами растет, - обстоятельство, существенное для понимания путей развития позднего Гегеля. Правда, это сближение происходит уже после опубликования, рассмотрением которой заканчивается наша книга.

Одним из факторов, способствовавших формированию системного принципа и принципа историзма в их гегелевском варианте, были глубокие, новаторские философские разработки, которые осуществляли представители неофициального философского сообщества, и не менее глубокие размежевания, которые происходили сначала между ними и официальными философами, а потом и внутри кружка философов-новаторов.

Другая - это личностный мир самого мыслителя. Именно через него на философа воздействует историческая эпоха, а также оказывают влияние процессы, происходящие в микросреде интеллектуального, в частности философского, сообщества. Структуры личности - относительно устойчивые и меняющиеся - запечетлеваются как в относительной стабильности, так и в эволюции ценностей, идеалов, которые, в свою очередь, влияют на содержание философских взглядов мыслителя.

Биографические экскурсы, которые мы считали необходимым включить в книгу, имеют своей целью именно прояснение исторического, личностного контекста и специфического контекста философского сообщества в той мере, в какой они влияли на формирование принципов системности и историзма в философии Гегеля. Поскольку имеются сочинения биографического характера (и в их числе у нас книги А. В. Гулыги и В. С. Нерсесянца), мы останавливаемся только на особенно важных для нашей темы и наименее освященных в отечественной литературе сторонах гегелевской жизненной и идейной эволюции. (Аналогичная оговорка может быть сделана по отношению к материалу, касающемуся мыслителей, писателей, поэтов, чьи идеалы, идеи и образы повлияли на формирование Гегеля. Специально анализировать их произведения не представлялось никакой возможности, да это и не всегда было необходимо, так как о Канте, Фихте, Шеллинге, Гёте, Шиллере, Лессинге, Гёльдерлине имеются специальные исследования.) Особая трудность для нас заключалась в следующем.

Остро ощущая необходимость публикации в нашей стране специальной монографической работы по философии Гегеля, мы провели детальное исследование с обстоятельным анализом текстов Гегеля и новейшего западного гегелеведения.

Но жесткое (применительно к этой потребности и задаче)

ограничение объема книги заставило вынести за ее пределы ряд уже подготовленных разработок, и в частности те, где более подробно рассматривается отношение Гегеля к философии Канта, Фихте, Шеллинга, к творчеству Гёльдерлина.

Пришлось вынести за пределы книги и целостное конкретное исследование современного гегелеведения, ограничившись только проблемами системности и историзма. (Читатель должен, однако, с самого начала учитывать, что текстологическая основа гегелеведческого анализа существенно обогатилась.) Стремясь провести объективное, но, конечно, не бесстрастное исследование, мы не скрывали своего увлечения им, однако не маскировали и того, что в личности и творчестве Гегеля несовместимо с нашими жизненными установками и предпочтениями.

Приходилось иметь в виду, что в отношении к Гегелю сегодня обнаружились две крайности. Это, с одной стороны, широко распространившийся синдром почти роковой нелюбви к Гегелю, опирающийся на идеи, переживания, которые не всегда имеют прямое отношение к самому Гегелю, и, с другой стороны, засилье юбилейных славословий в адрес Гегеля, безосновательно выдаваемых чуть ли не за . Парадный стиль в разговорах о Гегеле особенно нетерпим. Ведь гегелевская философия причастна не только к достижениям культуры современного мира, но именно как выдающееся духовное явление - также и к идейным просчетам, потерям современного человечества. Духовные и нравственные поиски нашего времени несовместимы со сведением гегелевской философии к сумме результатов, к непротиворечиво оформленной системе взглядов, якобы проникнутой ясным и историзмом. Напротив, наиболее существенное и интересное в философии Гегеля - это беспокойные творческие искания, а с ними мы сталкиваемся сразу же, как только начинаем исследовать становление гегелевской мысли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первые этапы развития философии Гегеля в свете проблем системности и историзма

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Идейное формирование молодого Гегеля: отрицание, догматических систем мысли и утверждение идей историзма Путь Гегеля к построению оригинальной системы, охватывающей различные области философского знания и внутри каждой из них предлагающей тонко дифференцированные системные построения, - путь этот был длительным и трудным. Вот одна из первых загадок, представляющих интерес для исследователя: в начале пути - в первых своих работах - Гегель, будущий ревностный адепт системности, отождествляемой с научной истинностью, предстает скорее как противник всего, что в жизни или философии принимает системную форму. Слово в сознании молодого мыслителя чаще всего ассоциируется с ненавистными ему общественно-политическими и идейными явлениями. Погружаясь в поиски новых форм и методов философствования, осваивая вековые традиции философии и принимая близко к сердцу перипетии современного ему идейного развития, Гегель поначалу не только не связывал свои новаторские устремления с формированием разветвленной системы, но даже как бы сопротивлялся духу и принципу философской системности. Впрочем, судьба Гегеля сложилась так, что и само приобщение к философии далось ему нелегко.

Непростой жизненный выбор выпускника теологического института в пользу философии был подготовлен и опосредован интересом к анализу истории - интересом, в котором стремление переосмыслить религиознонравственные сюжеты сплелось с особой привлекательностью для радикально мыслящего Гегеля революционных переломов в историческом развитии, в чем сказалось влия12 ние французской революции. Что именно приковывало молодого Гегеля к рассмотрению религиозной истории, видно из его ранней работы. 1. Следовательно, Гегель концентрирует внимание на том, что представляется ему - и он стремится отыскать в ее скрытые, глубинные причины. Это и есть область исследования, где обязательно должен был стать философом, где стал зарождаться - в его гегелевском понимании - принцип историзма.

Отмеченные особенности творческого становления Гегеля - враждебное отношение к системам, системности и историзм, вырастающий из интереса к революциям, - мы рассмотрим более обстоятельно в их истоках и в их конкретном содержании.

1. Пробуждение интереса к истории (Штутгарт, 1770 - 1788 гг.)

Для нашей темы существенно, что тогдашнее гимназическое образование действительно включало изучение древних языков, литературы и истории - иными словами, это было, несомненно, исторически ориентированное образова13 ние. Основным документальным источником, позволяющим судить о мыслях и настроениях Гегеля-гимназиста, являются его дневниковые записи, которые он вел в последние годы обучения в гимназии. Эти записи свидетельствуют о глубоком интересе юноши к истории, которой он в гимназические годы был поистине вскормлен. Думается, прав Т. Хеаринг, когда он отмечает в духовном развитии юного Гегеля, и подчеркивает особое тяготение 3. Сосредоточивая свой интерес на истории, а среди исторических фактов и событий выбирая в особенности те, что относились к сфере духа, культуры, Гегель, правда, еще не проявляет особой оригинальности. Какой-то части немецкой молодежи, как и вообще немецкой культуре, было свойственно обнаруженное юным Гегелем стремление к, рассмотрению истории. Немецкие интеллектуалы, в том числе и молодые, склонны были подходить к самым различным сюжетам - и уж, конечно, к такому серьезному делу, как изучение истории, - с мерками.

Представляют интерес сделанные Гегелем 27 июня и 1 июля 1785 г. записи относительно предпочитаемого им способа изучения истории: это не должен быть рассказ о случайно выхваченных фактах, а; нужно проследить, считает Гегель, 4. В дневнике имеется своего рода формула, которая может показаться тривиальной, но ценно, что ее выводит для себя пятнадцатилетний юноша: никаких попыток понимания и схватывания действительности без знания фактов; одни факты тоже не имеют никакой ценности.

Дневники говорят о достаточно широком охвате юным Гегелем исторической проблематики, об уже намечающемся преимущественном интересе к сферам духа - к праву, религии, литературе, искусству, историографии и искусствоведению.

О том, как исторические сюжеты трактовались, можно судить по трем речам (или). Первая (30 мая 1785 г.) называлась, вторая (10 августа 1787 г.) была посвящена религии греков и римлян, третья (7 августа 1788 г.) была нацелена на выявление 5. Любопытно, о чем юноша Гегель заставляет реальных деятелей античной истории. Антоний начинает с обвинений в адрес Октавиана и Лепида - двух других триумвиров и виднейших - в том, что те погрязли в роскоши и разврате, пренебрегли государственными обязанностями. Лепид, как заявляет Антоний, дал себя использовать другим людям, которые через него пробираются к власти. Октавиан в ответ упрекает Антония в ненасытном властолюбии, предрекает ему политическую смерть. Октавиан выражает надежду, что когда-нибудь он сам получит власть и докажет свое величие. Основная историческая канва взята Гегелем у Плутарха, который навсегда останется его любимым историком.

Подчеркнем два по крайней мере факта. Во-первых, существенно, что гимназическая речь Гегеля посвящена проблеме власти и решает ее в своеобразном ключе. Обнаруживается гражданski-нравственный подход к проблеме. Это начало неослабевающего и в дальнейшем развитии Гегеля, хотя и принимающего различные формы, интереса к политике. Во-вторых, сочинения Плутарха служили Гегелю только отправной точкой; изображение же характеров почти буквально, как верно заметил современный западногерманский гегелевед Отто Пёггелер, заимствовано у Шекспира. Древняя история, таким образом, опосредовалась в восприятии юноши Гегеля более поздним историкопоэтическим взглядом Шекспира.

О влиянии Шекспира следует упомянуть особо. К Шекспиру немцы, по словам Гёте, издавна относились 6. В годы учения Гегеля в гимназии вышел из печати новый перевод Шекспира, выполненный Виландом. Не станем вникать в сугубо специальный вопрос о достоинствах и недостатках этого перевода. Достаточно сказать, что он оказался важным событием в развитии молодого поколения тогдашней Германии, о чем также свидетельствует Гёте: 7. В упомянутом гегелевском характеры римских триумвиров вылеплены в соответствии с драмой Шекспира. Можно утверждать, что склонного к историческим размышлениям гимназиста Гегеля более глубоко, чем литературные достоинства шекспировских драм (здесь и важны подчеркнутые нами слова: ведь перевод был прозаическим), захватывала трактовка характера исторических личностей, к деятельности которых юноша испытывал интерес*

(*И это, видимо, отвечало гегелевской оценке наиболее важного для него достоинства Шекспира как исторического писателя. Через несколько лет в работе Гегель пишет: 8.)

.

Для объяснения этой особенности умонастроения будущего философа соблазнительно сослаться на общий дух немецкой культуры 70 - 80 годов XVIII в. Ведь многие выдающиеся писатели, поэты, ученые, философы были захвачены работой над исторической проблематикой. Достаточно напомнить, что в эти два десятилетия достигла особого расцвета историческая драма (были написаны и пользовались огромной популярностью,,, Шиллера; Гёте были созданы и; в явились герои многих других наиболее влиятельных поэтических и прозаических произведений). Но как бы ни было удобно приписать интерес юного Геге-

ля к истории непосредственному влиянию немецкой культуры, есть существенное: Гегель в гимназические годы о культуре этой, в сущности, еще не имел никакого понятия.

Биографы Гегеля, опираясь на документы, показали, что в круге чтения штутгартского гимназиста, прилежного и думающего, все же еще почти не было современной отечественной литературы и философии. Судя по всему, Гегельгимназист читал, кроме Шекспира, также Вольтера, Монтескье, Руссо (влияние философско-исторических идей которых чувствуется в дневниках); он изучал произведения немецких просветителей9, но ему были неизвестны перечисленные ранее исторические по форме произведения немецкой культуры, да и многие другие выдающиеся сочине

ния, которые в Германии снискали особую популярность, например Гёте, Шиллера. Знакомство Гегеля с ними еще впереди.

В том, что неплохое, в сущности, образование, полученное юношей Гегелем, поначалу было оторвано от последнего слова интенсивно развивающейся культуры собственной страны, сказалось влияние окружающей среды - провинциального города, родительского дома. Кстати, с тем, что формирование ума и характера Гегеля происходило в Штутгарте, в Швабии, связаны некоторые черты личности, а также особенности дальнейшего трудного становления философа. Швабия имела неплохую репутацию в тогдашней Германии: считалось, что швабы - люди изобретательные, деловые, тяготеющие к техническим новшествам, способные к наукам, наделенные особым, (шокирующим, по замечанию Г.-Г. Гадамера), остроумием. Но Штутгарт никак не выдерживал сравнения с такими городами, как Йена, Веймар, Берлин, Гейдельберг, Тюбинген, ставшими в то время центрами образования и культуры Германии.

Поэтому когда Гегель уехал из Штутгарта, то поначалу он чувствовал и вел себя как неуверенный провинциал.

И хотя в Штутгарте тоже жили или бывали люди, прославившие немецкую культуру второй половины XVIII в. (так, в этом городе Шиллер написал драму), но с немецкой интеллигенцией той поры никак не пересекались жизненные пути гимназиста Гегеля и его семьи. Окружающая их среда - чиновники средней руки, зажиточные обыватели Штутгарта. Вспомнит же потом сам Гегель, - во фрагменте (блестящий русский перевод его выполнен Э. В. Ильенковым): 10.

Свое мнение о Штутгарте как духовной провинции Гегель ясно выскажет в письме Шеллингу от 16 августа 1803 г.:**11.**

Чтобы 14 - 15-летний юноша из провинциального города сразу пробился к высшей культуре своей страны, рождающейся буквально на глазах его поколения, нужны были

необычная школа и необычная семья. Между тем Гегель рос в типичной чиновничьей семье. И в школе и дома ревностно следили за соблюдением - с этим более всего стремились увязывать образование, которое в Германии вообще и в Швабии в частности традиционно весьма высоко ценилось. Все помыслы и желания родителей, о чем скажет Гегель в упомянутой автобиографии12, были направлены на то, чтобы сделать из старшего сына проповедника и теолога, человека, по понятиям тогдашней Германии, образованного и благочестивого. Такие, как воспитание подлинного литературнохудожественного вкуса, пробуждение самостоятельных мыслительных способностей, были, скорее всего, чужды семье чиновника финансового ведомства Георга Гегеля. То же можно сказать о тогдашней штутгартской гимназии - с одной, однако, существенной оговоркой. Обязательное в соот-

ветствии с учебными программами того времени изучение истории, особенно истории культуры, прежде всего античной, и было первоначальным - чуть ли не единственным - способом приобщения ума и характера незаурядного по своим задаткам юноши к вершинам человеческого творческого духа, способом восприятия настоящего литературнохудожественного, да и вообще вкуса. И когда Гегель станет домашним учителем, а позднее директором гимназии, он будет настойчиво подчеркивать уникальное воспитательное значение изучения молодым поколением истории, культуры человечества.

Итак, определенно можно говорить о воздействии на юношу Гегеля таких историков, драматургов, мыслителей, как Плутарх, Софокл, Платон, Аристотель, Шекспир, Монтескье, Вольтер, Руссо, что, конечно, весьма немало. (Правда, их влияние вряд ли правомерно считать фундаментальным, изучение их работ юным Гегелем - достаточно глубоким.) Другие создания человеческого духа пока еще ждут своей очереди, в частности еще не освоена истористская тенденция немецкой культуры 70 - 80-х годов XVIII в. А все же почва для их восприятия уже подготовлена - и полученным образованием, и интеллектуальными интересами, и устремлениями юноши.

Таковы главные духовные итоги развития Гегеля в юношеские годы. Идейный и нравственный багаж, с которым он отправится, покинув в 1788 г. родной Штутгарт, в дальнейшее путешествие по дороге жизни - исторические знания, знание языков, некоторые так или иначе освоенные великие творения культуры человеческого духа, принципы, проникшие в сознание будущего мыслителя в форме религиозной морали. Религиозные идеи и умонастроения прочно были преподаны юноше. Недаром же первую свою работу молодой Гегель начнет словами, имеющими, несомненно, и автобиографический смысл: 13.

Правда, в Германии второй половины XVIII столетия религия была довольно своеобразным сплавом, о чем ярко и точно рассказал Гёте, имея в виду свое поколение, но по существу воспроизводя более общие черты религиозного воспитания целой эпохи: 14. И Гёте рассказывает, насколько характерны были для немецких семей религиозная сентиментальность и интерес к от официальной церкви - и как жадно ловил юношеский ум сведения о более, ярких, человечных вариантах вероисповеданий и церковных объединений15.

Гегель, вероятно, не был чужд религиозных порывов.

Кстати, повышенная чувствительность, нередко замешанная на сентиментальности, тоже сделалась идейной характеристикой новых поколений интеллектуалов. Некоторые свои юношеские увлечения - и прежде всего тяготение к исторической сокровищнице человеческого духа - будущий мыслитель сохранит навсегда. Но многие мысли, устремления, предрассудки ему придется искоренять в самом себе, чем отчасти и можно объяснить то, что процесс превращения штутгартского гимназиста в выдающегося мыслителя был длительным и трудным.

И вот Гегель - прилежный, проявивший интерес к интеллектуальным занятиям выпускник гимназии, принят в Тюбингенский теологический институт (герцогство Вюртембергское). Он отправляется в Тюбинген, напутствуемый твердым желанием родителей в будущем увидеть своего сына на религиозно-теологической стезе. Этому желанию, как известно, не суждено было сбыться.

2. Между теологией и философией.

Выбор в пользу анализа политики и истории (Тюбинген, 1788 - 1793 гг.) Как развивался Гегель в Тюбингене, чему учили и как воспитывали студентов в Тюбингенском теологическом институте - это проблема, которая во всех ее деталях выходит за границы нашей темы. Мы хотим теперь упомянуть только о некоторых фактах и задаться лишь некоторыми вопросами, осмысление которых необходимо для понимания конкретного исторического контекста, личностной ситуации, повлиявших на формирование идей системности и историзма в творчестве молодого Гегеля.

Вопрос первый. Какое воздействие система теологического образования смогла оказать на тот дух свободомыслия, который властно проникал в умы и сердца немецкой молодежи и которым вскоре после появления в Тюбингене уже был заражен Гегель? Каков был - с точки зрения высоких критериев, заданных прогрессивной немецкой культурой, - уровень преподавания в этом вюртембергском теологическом учебном заведении? По этому поводу в литературе о Гегеле существуют две точки зрения. Дильтей16 исходил из того, что теологический институт был душителем свободомыслия и что революционные устремления, глубокие культурные и философские интересы некоторых его питомцев, в первую очередь Шеллинга и Гегеля, были подавляемы в самом зародыше. Другие авторы (например, Хеаринг) настаивали на том, что в Тюбингенском институте студенты развивались нисколько не менее свободно, чем в других высших учебных заведениях тогдашней Германии, что преподаватели там были выдающимися учеными17 - 18. И действительно, среди преподавателей были люди, которые, подобно Х. Ф. Шнурреру, обладали европейской известностью и водили знакомство с выдающимися умами тогдашней Европы или, подобно Г. Х. Шторру и И. Ф. Флатту, слыли ученейшими людьми; Флатт был к тому же знатоком философии Канта.

Но в действительности влияние наставников на становление ума и характера тех молодых людей, которые впоследствии составили славу Тюбингенского института, как видно, было весьма неглубоким. Гегель впоследствии похвалил только лекции Флатта по психологии. К Шнурреру отношение было самым прохладным, а лекции Шторра, основанные на Х. Ф. Сарториуса, вызывали ненависть свободолюбиво настроенных студентов из-за их консерватизма. В целом же Гегель и Шеллинг на всю жизнь вынесли из Тюбингена непреодолимую ненависть к ортодоксальной теологической догматике, к догматической, и критический расчет с ними превратился, как мы увидим, в одну из первостепенных задач, которую поставили перед собой вчерашние выпускники института.

В теологическом институте Тюбингена (чего также не отрицает Хеаринг) немедленно реагировали на всякое явное и публичное проявление вольнолюбия, политического радикализма. Годы, когда там учились Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин, были - прежде всего из-за французской революции - очень хлопотными для институтского начальства, его преподавателей и вюртембергского герцога Карла-Евгения, лично принимавшего участие в идейном в теологической цитадели. История не сохранила упоминаний о каких-либо серьезных волнениях студентов-теологов. Но как страстно обсуждались французские события, как ждали французских газет в радикальном политическом клубе!19 Было ли посажено легендарное дерево свободы? Если и не было, то это скорее говорит о невозможности какой-либо открытой демонстрации в условиях Вюртемберга неортодоксальных политических взглядов. В кондуите Тюбингенского института есть записи о прегрешениях студента Гегеля. Но это, что понятно и естественно, были отнюдь не открытые радикальные действия политического характера.

Гегель, не чуждый студенческих увеселений, пропустил строго установленный час возвращения из отлучки, попал в карцер, о чем и была сделана соответствующая запись. Подобные дисциплинарные срывы в соответствии с уставом института непременно карались, но на них все-таки смотрели сквозь пальцы. А вот если бы будущий теолог запятнал себя политически радикальными действиями, ему грозило бы неминуемое,, чреватое серьезными жизненными последствиями исключение. Гегель и его друзья очень хорошо помнили об этом. В их студенческих нет и намека на проявленную каким-либо явным образом политическую неблагонадежность. Гегель по крайней мере внешне сохранил верность тем словам присяги (произнесенной, по обычаю, при поступлении в теологический институт), в которых он клялся герцогу, покровителю института, и институтскому начальству20.

На этом основании некоторые авторы сделали заключение, что вряд ли имеет смысл вообще говорить о радикальности, тем более революционности взглядов и устремлений молодого Гегеля. Спокойный, консервативный, рассудительный по натуре, Гегель не посягал, по их мнению, на изменение status quo - его цель состояла только в том, чтобы , то, что превратилось в застывшее и косное. Так рассуждал, например, Т. Хеаринг.

С его трактовкой нельзя согласиться. Она упрощает дело, смазывает реальное противоречие развития взглядов и настроений молодого Гегеля. Ведь если система теологического образования и воспитания Тюбингена, в самом деле, решительно пресекала либеральные, тем более революционно-радикальные действия, то она все же была не в силах задушить процесс стремительной радикализации взглядов немецкого юношества, обусловленный французской революцией, а также социально-политическими, культурно-идеологическими поворотами, которые произошли в самой Германии. Недаром же один из герцогских инспекторов в 1792 г. доносил о множестве и в Тюбингене, среди которых наиболее существенно упоминание о и, обнаруженных питомцами института. Герцог отнесся к доносу с полным вниманием, потребовал от руководства и наставников.

Но никакие меры пресечения уже не могли приостановить начавшиеся в этой стране кардинальные изменения в мире идей, мыслей. Нельзя было препятствовать тому, чтобы юношество читало, вольнолюбивые книги - некоторые из них уже стояли на полках институтской библиотеки, ибо завоевали себе славу величайших творений человеческого духа. Разрешалось, а отчасти и поощрялось чтение Руссо, Вольтера, Монтескье - тех авторов, которых, по образному выражению Маркса, зародилась французская революция. Как раз в Тюбингене Гегель начал приобщаться к передовой культуре своей страны. Так, вместе со всей радикальной немецкой молодежью он увлекался Шиллером, влияние которого и на студентов-теологов Тюбингена было весьма глубоким.

А ведь шиллеровские произведения были не чем иным, как своеобразным поэтически-философским обоснованием идеала свободы.

Поэтому, отвечая на первый поставленный вопрос, можно сделать общий вывод: система обучения в Тюбингенском институте была связана с решительным подавлением ради22 кального политического действия и пресечением свободолюбивого мышления. Но в рамках этой системы не могли не развиваться - во многом вопреки и в противовес ей - свободолюбивые устремления. Они властно подчиняли себе мыслящих питомцев Тюбингена. Идеал свободы захватил Гегеля, Шеллинга, Гёльдерлина, что применительно к Гегелю будет показано в дальнейшем, при разборе его переписки и первых произведений.

Вопрос второй - его задают нередко: как получилось, что гениальные выпускники Тюбингена - Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин - не только не стали профессиональными теологами, но весьма рано порвали с теологией, вступив на почву философии или художественного творчества? (Кстати, этим они нарушили вступительную клятву: воспитанники Тюбингена обязывались стать теологами, и только ими.) Одна из разгадок этого факта - система теологического образования в Германии конца XVIII столетия. Среди дисциплин, которые преподавались в то время в институте Тюбингена, значительную долю составляли исторические, филологические и философские науки. Отметим - для нас это важно, - что в Тюбингене, как и в Штутгарте, Гегель был буквально погружен в изучение истории, преимущественно истории мысли, духа, религии, чем можно объяснить теперь уже прочно укрепившееся его желание выработать особые методы осмысления истории и устремленность к ее проблемам, истолкованным широко и масштабно.

Наиболее основательно, как показывают биографические свидетельства, Гегель изучал именно историю культуры, историю философии. Так, в течение двух первых лет обучения в Тюбингене Гегель добровольно посещал факультативный курс Флатта, посвященный Цицерона. Правда, лекции по истории философии читал Х. Ф. Рёслер, специалист по церковной истории. Но историко-философские источники были в распоряжении студентов.

Гегель в студенческие годы мог изучать работы Платона, Руссо, немецких мистиков Майстера Экхарта и Таулера, Локка, Юма, Шефтсбери, Лейбница, Мендельсона, Якоби и

др. Несомненно, преподаватели института, которые слыли поклонниками Канта, поощряли начавшееся увлечение своих воспитанников кантовской философией.

В годы учебы Гегеля в Тюбингене появились кантовские (1787), (1790), (1793). Студенты-теологи имели возможность знакомиться с гениальными работами Канта, что называется, по

свежим следам. Вот тут-то становится ясным: умел даже и проблематикой своих работ попасть в самую точку: работы о религии, нравственности и искусстве явились как раз тогда, когда этими проблемами заболели склонные к философствованию немецкие интеллектуалы. Кант ухватил и воплотил в форме развернутого теоретического учения свойственную той эпохи манеру переводить события социально-политических революций на язык религиозно-нравственных проблем.

Формирующееся гегелевское поколение пока еще отвергало сложную теоретическую системную работу над метафизическими, гносеологическими проблемами. Поэтому Гегеля не сразу заинтересовала.

Впрочем, и Канта также пока еще не были им глубоко осмыслены, что можно объяснить и студенческой жизни, и в общем-то понятным даже для способного студента отсутствием самостоятельного творческого подхода к философским проблемам. Позже, когда Гегель начнет пролагать свой путь в философии, он вновь и вновь будет обращаться к углубленному изучению Канта. Однако ясно, что уже в Тюбингене вряд ли что-нибудь мешало молодым радикалам по крайней мере в общей форме ознакомиться с кантовской философией - лучшим, что было создано в то время философской мыслью их страны.

Ортодоксальные теологи считали во многом неугодное им кантовское учение о религии, нравственности, человеке все же меньшим злом по сравнению с резко антиклерикальной идеологией соседней Франции. В одном, однако, теологи просчитались: в умах их талантливых воспитанников философия Канта, какой бы абстрактной, специальной она ни была, очень скоро объединилась со словом.

Пусть с Гегелем это случилось позже (во время бернского периода его развития) - истоки нельзя не искать в тюбингенских переживаниях.

Итак, в Тюбингене не было особых препятствий и даже существовали достаточно благоприятные условия для изучения именно философии. Правда, требовалось исправно собственно теологическую специализацию.

Но и она-то происходила в последние два года обучения, тогда как первые два года были преимущественно философскими, так что те, кому философия западала в душу, уже обретали противоядие против теологической догматики. Для нашей темы существенно, что в изучении философии также преобладал исторический интерес. Что касается собственно

теологических дисциплин, то и в них на первый план все больше выступала историческая ориентация. Преподаватель Шторр мог все же повлиять на Гегеля тем, что пробудил интерес к толкованию на основании Нового завета личности, характера Иисуса - мотив, который звучит в первых гегелевских работах о религии.

Третий вопрос, который будет поставлен в связи с учебой Гегеля в Тюбингене: как возникла и на чем основывалась его дружба с двумя другими великими деятелями немецкой культуры - Шеллингом и Гёльдерлином? Вопрос не внешний по отношению к философии, ибо ранние идеи Гегеля в наибольшей степени отмечены влиянием этой дружбы, можно даже сказать, согреты ее дыханием. У Гегеля был, вероятно, покладистый характер, и у него сложились неплохие отношения также и с некоторыми другими соучениками.

Однако отношения с Шеллингом (конечно, не только потому, что друзьям приходилось жить в одном дортуаре) и с Гёльдерлином были особого рода. Они основывались, о чем ясно говорит переписка бернского периода, на принципиальном единомыслии. Закончив обучение в Тюбингене, друзья расстались, и на некоторое время прекратилось их интеллектуальное содружество. Но стоило отношениям возобновиться (инициативу взял на себя Гегель, домашний учитель в Берне, отрезанный от интеллектуальной жизни Германии), и друзья, как бы продолжая прерванное тюбингенское общение, говорят о наиболее важном - о том, что им наиболее дорого, и о том, что они всего сильнее ненавидят.

До определенного периода Шеллинг играет в дружеских отношениях первую скрипку - от него исходят идеи, инициатива в разработке тех или иных проблем; он увещевает и подбадривает друга (который на пять лет старше его!), а порой строго и в то же время мягко исправляет противоречивые, компромиссные суждения Гегеля. Третий участник этого интеллектуального союза - поэтически одаренный, страстный Гёльдерлин. Отношение к нему Шеллинга и особенно Гегеля согрето исключительной теплотой. Гёльдерлин отвечает друзьям любовью и заботой. Это он потом устроил Гегелю, томящемуся в духовной изоляции Берна, место учителя во Франкфурте - все ближе к интеллектуальной жизни страны, к друзьям. Различие интересов трех молодых мыслителей, которое наметилось уже в Тюбингене, тоже весьма благоприятно: через друзей Гегель становился причастным к тем областям культуры, в которых ощущал себя более слабым - а в них глубоко и новаторски работали его более удачливые на первых порах вчерашние соученики.

25

Что было главным в союзе трех друзей? Что было основой их единомыслия? На эти вопросы лучше всего ответить словами самого Гегеля, которые взяты из его бернского письма к Шеллингу (январь 1795 г.): 21. Итак, свобода, разум и, добавим, основанные на этих ценностях содружество, братство ( ) - вот что составляет смысл, первооснову союза.

Мы подошли, таким образом, к вопросу об основных ценностях, которые были значимы для Гегеля как во время учебы в Тюбингене, так и вскоре после окончания института. Эти ценности определяют, как будет показано далее, отношение молодого Гегеля к проблемам системности и историзма, которыми он заинтересовался с первых шагов своего идейного развития. И дело не только в провозглашении великих гуманистических идеалов, обретенных Гегелем под влиянием изучения истории культуры. Дело в том, против чего и против кого борются молодые мыслители. А также в тех способах, формах борьбы во имя свободы, разума, братства, на которые отваживаются немецкие радикалы.

Это, скажем заранее, особые - во многом компромиссные, противоречивые - формы политического поведения, нравственных ориентаций, которых, определившийся на ранних этапах жизни, сохранится и в дальнейшем.

3. Оправдание идеала свободы, осуждение систем политического деспотизма и (переписка с Шеллингом - бернский период, 1793 - 1796 гг.)

Ценность всех ценностей, принцип всех принципов для молодого Гегеля и его бывших соучеников Шеллинга и Гёльдерлина - свобода. Слово буквально господствует в произведениях и переписке молодого Гегеля. Многое, разумеется, зависит от того, как оно толкуется, и изменения в понимании, осмыслении идеала свободы составят различные этапы развития гегелевской системы. Очень важно иметь в виду: самостоятельное духовное развитие Гегеля начинается с отстаивания идеала свободы, но понимание принципа свободы складывается в Германии, причем за стенами теологического института. Это не могло не сказаться как на содержании первых работ философа, так и на его дальнейшем идейном развитии.

За какую же свободу ратует молодой Гегель и вместе с ним выступают его друзья? Содержание, которое придается принципу свободы студентами, а потом и выпускниками Тюбингенского теологического института, в ряде пунктов определено влиянием французской революции и ее идеологии. Прежде всего имеется в виду - от тирании, угнетения, произвола власть предержащих, от их надзора за действиями и умами граждан. В письме Гегеля к Шеллингу от 30 августа 1795 г., где высказываются восторженные оценки и суждения по поводу шеллинговской работы, есть ценное свидетельство: Гегель сразу узнает в социально-критическом описании деспотизма. Характерно: Гегель и Шеллинг даже в переписке решаются говорить разве что о правительстве (письма просматриваются, о чем друзьям хорошо известно). Но их ненависть именно к политическому и идеологическому деспотизму то и дело находит свое выражение (в письмах более ясное, а в подготавливаемых для печати произведениях более замаскированное).

Противоядие против деспотизма - уважение достоинства человека. Прославление и отстаивание достоинства человека для Гегеля - 22. Важную цель Гегель усматривает в критике моралистических притязаний политического деспотизма: ведь деспоты рядятся в тогу попечителей о нравственности, благонравии, религиозности подданных. Создается политическая атмосфера, при которой, как верно подмечает Гегель, деспотизм коренится в лицемерии, трусости и 23.

Доносившийся до Германии гул французской революции, вызвав в сердцах передовых немецких юношей свободолюбивые порывы, в некоторых из них пробудил если не

прямые надежды на политическую карьеру, то во всяком случае желание мыслью и словом участвовать в политических преобразованиях своей страны. Реальная жизнь охлаждала горячие головы. Шеллинг пишет Гегелю из Штутгарта в январе 1796 г.: 24.

То, что политические амбиции владели и Гегелем, видно из его дальнейшей жизни. Когда представляется соответствующая возможность - Гегелю предлагают пост редактора бамбергской газеты, - он готов включиться в политическую борьбу в очень важной для Германии форме журналистской деятельности. Всего полтора года (март 1807 - ноябрь 1808 г.) Гегель был редактором - типичного баварского провинциального издания; он не посягал и вряд ли мог посягать на нарушение официальных предписаний. И все-таки газета из-за сущего пустяка25 была запрещена - как раз тогда, когда Гегель уже и сам стал тяготиться журналистской. И впоследствии политическая жизнь и борьба Германии будут выталкивать из своей непосредственной сферы людей типа Гегеля - с их глубокомыслием, талантом и неискушенностью в сложных политических интригах. Но нужно снова принять во внимание также и характер немецкого политического и идеологического радикализма, которому отдали дань молодые Гегель и Шеллинг.

Это был, бесспорно, радикализм, но радикализм в его немецком варианте: радикализм и свободомыслие подданных деспотического полицейского государства, граждан экономически и политически отсталого общества, с его сильнейшим религиозно-идеологическим контролем; радикализм интеллектуалов, чья склонность к анализу, рефлексии предопределяла немалую осторожность их открытых действий по отношению к господствующей репрессивной социальной системе. В германских государствах того времени, несмотря на раздробленность, хаос, царивший в стране, существовала единая и достаточно эффективная система репрессий: она включала законодательные установления и запреты, цензурные ограничения, действия сыскных, надзирающих и карающих инстанций. Цель системы состояла в сохранении социального status quo и в предотвращении - благодаря неусыпному контролю за действиями, мыслями и словами граждан - всяких попыток осуществлять,

оправдывать революционные или вообще сколько-нибудь кардинальные социальные преобразования.

28

Радикально настроенные интеллектуалы, которым противостояла такая действительно мощная система, не могли не переживать глубокий - часто скрываемый от себя и других людей - страх перед репрессивным аппаратом государства и церкви, порой даже и не испытав на себе его воздействия. в уме возможные опасности активного политического действия в пользу свободы, в пользу назревших общественных перемен, они чаще всего находили основания, и притом довольно веские, чтобы не ввязываться в большую политику. Не лишен убедительности аргумент, который нашел Шеллинг: мыслящих радикалов сразу же натолкнулась бы на противодействия, быть может, на прямые репрессии государства, и она - не случайно - представлялась безнадежной, неосуществимой.

Без труда можно было бы указать также и на ошибки тех радикалов-экстремистов, которые ввязывались в политику; например, многих немецких мыслителей, включая Гегеля и Шеллинга, оттолкнули действия якобинцев, представлявших наиболее радикальное крыло французской революции.

Они пока не поколебали в таких людях, как Гегель, веры в обновляющее значение революции, но заставили немецких интеллектуалов задуматься над вопросом о соотношении революции и террора. (Гегель потом сведет с якобинцами идейно-нравственные счеты в.) Одним словом, в аргументах против революционного действия не было недостатка. Отсюда - глубокий критицизм умонастроений и осторожность в реальном политическом поведении - постепенно формирующийся способ жизни молодого Гегеля и его друзей.

В чем, однако, нельзя отказать Гегелю и его единомышленникам, так это в вольнолюбивом характере их мыслей и настроений. Политика отныне становится для них притягательным объектом серьезных, все более глубоких и основательных размышлений. Правда, с течением времени - вместе с эпохи - Гегель становится и более сдержанным в эмоциональной форме своих критических инвектив в адрес деспотизма, системы подавления свободы.

Однако как политический мыслитель, он, до конца жизни размышляя над проблемами политики, государства, по крайней мере теоретически не изменял принципу свободы, преданность которому он обрел в Тюбингене, впитав дух французского и немецкого свободолюбивого гуманизма. Политический радикализм, изгнанный из сферы конкретного

29

политико-государственного действия, переносится в сферу мысли. Благодаря этому политическая практика Германии оставалась оплотом консерватизма, прибежищем умственной серости, немедленно расправлявшейся с малейшей личностной одаренностью и благородством характера как с . Куда было деваться талантливым и свободолюбивым людям, все же тяготевшим к политике?

Они часто уходили в сферу творчества, культуры. А это насыщало немецкую теоретическую и художественную культуру истинными талантами и благородными страстями, которые были заряжены энергией политического протеста. Пусть протест и шифровался в абстрактную символику философских рассуждений, окутывался в ткань художественно-литературных образов. Немцы наловчились использовать для социально-политического, идеологического критицизма даже теологическую тематику, богословский язык, чем и воспользовался молодой Гегель.

Общественное сознание долгое время было таким, и читающая публика, особенно оппозиционная, поднаторела в быстрой расшифровке политического подтекста рассуждений, казалось бы весьма далеких от политики. Немецкая культура была вынуждена для выра-

жения глубоко назревших настроений социально-политического протеста избирать темы и проблемы, на которые по тем или иным причинам не распространялся государственно-цензурный или церковно-моралистический запрет. Благодаря этому и по узкому руслу разрешенного рассуждения начинает течь, размывая установленные границы, достаточно мощный поток, питаемый социальным критицизмом. Такими разрешенными, даже весьма почтенными объектами рассуждений в стране политического морализма и официальной религиозности были религия и мораль. Но неверно было бы думать, что Гегеля и Шеллинга привлекает к ним только одно соображение - при помощи внешне благочестивых теологических и моралистических рассуждений замаскировать свой политический радикализм. Дело обстоит куда сложнее. Проблемы религии и морали глубоко и искренне волнуют во второй половине XVIII в. творческих людей Германии и других стран Европы.

Острая критика религии и церкви - знамение времени.

Официальная религия и действия церкви вызывают ненависть передовых студентов и выпускников теологического института - это много значит, да еще!

Влияние французской революции тут несомненно. Политически ориентированная вольнолюбивая французская идео30 логия еще задолго до революции указала на связь между произволом, деспотизмом политической власти и официальной политикой церкви как господствующего института. Эта связь несомненна и для молодого Гегеля, который пишет Шеллингу: 26. Выражается ненависть именно к системе государственно-политического деспотизма, а значит, ко всему, что освящает ее символами святости, моральности, просвещенности. Зрелость мышления молодого Гегеля заключается как раз в том, что он воспринимает политическое господство как разветвленную, единую систему (что, кстати, также питает страх перед ее мощью и вездесущием). Поэтому слова, отнесенные и к социальному устройству, и к сфере идей, становятся в переписке и первых произведениях Гегеля, в сущности, таким же негативным символом, что и деспотизм. Далее мы увидим, к каким теоретическим выводам на этой основе приходит Гегель, когда в ранних произведениях анализирует вопрос о системе и системности.

В чем специфика такого анализа в первых самостоятельных работах молодого Гегеля? Это не логико-гносеологическое исследование. Понятие Гегель приводит в связь с социальным развитием, с повседневной жизнедеятельностью человека - аспект проблемы системности, с фиксирования и рассмотрения которого началось идейное развитие Гегеля, не потерял своего значения до сегодняшнего дня. И ныне актуальным остается выявление Гегелем деспотизма. Итак, соответственно тому, что системные социальные связи рассматриваются Гегелем главным образом в их негативном воздействии на жизнедеятельность личности, в понятие вкладывается преимущественно критический смысл. Ценный результат, имеющийся в еще незрелых, во многом несамостоятельных философских размышлениях Гегеля, - критическое понимание молодым мыслителем социальной обусловленности и социально-политических функций ортодоксальных систем мысли (например, теологических систем официальной церкви, систем официозной философии), что особенно четко выражено в переписке. И поскольку свобода понимается молодыми Гегелем и Шеллингом прежде всего как - от политического деспотизма, произвола, унижения человеческого достоинства, то в единство включаются обслуживающие деспотическую систему невежество, косность, интеллектуальная серость, которые непременно ставят себя на службу системе подавления свободы.

Прозябание в Берне, вдали, тяготило молодого Гегеля. Он охотно уехал бы в другое место, он мечтал об ином положении, но твердо оговаривал:. Столь же категорична и оценка условий философствования в тюбингенских учебных заведениях: 27. И все-таки Гегель просит Шеллинга рассказать, что же делается в Тюбингене. В ответном письме Шеллинг пишет: 28. Правда, Шеллинг не может отказать в известной ловкости: на что уж казалась им поначалу неприемлемой кантовская философия, но потом и ее они захотели

поставить себе на службу. Сначала Канта за неугодное учение о религии бранили, а потом решили, что удобнее воспользоваться вошедшим в моду кантианством., - сетует Шеллинг29.

Гегель возмущен не меньше Шеллинга и не менее его язвителен. Переписка свидетельствует: Гегель понимает проблему глубже, чем его более преуспевший в философии друг. Причина жизненной стойкости ортодоксии заключена не в неожиданной кантианства. Прочность официальной, в тот период непременно теологически и моралистически ориентированной философии - в ее социальных корнях, в ее служебной роли по отношению к социальным системам. 30. Какая четкая и верная мысль! Гегель призывает Шеллинга - и это обдуманное нравственное правило действия - как можно больше мешать ортодоксов, выставлять их духовную наготу. Кроме того, он надеется, что для ортодоксов не пройдет бесследно и обращение к кантовской философии: желая, они из кантовского костра тащат к себе уголья, из которых, как надеялись в то время Фихте, Гегель, Шеллинг, должно возгореться пламя новых философских идей.

Заметим, кстати, что восприятие кантовской философии,

которое мы в книгах, статьях, учебниках превратили в своего рода безличную филиацию идей, в действительности было связано с глубочайшим личностным одушевлением, с самыми смелыми надеждами и ожиданиями. Как потом выяснилось, последние были соединены с изрядной долей иллюзий, которым вскоре суждено было развеяться. Но в конце XVIII в. усвоение кантианства радикальными мыслителями Германии меньше всего напоминало простую интеллектуальную рецепцию - происходило именно духовное потрясение: от переработки кантовской философии стали ожидать самых далеко идущих следствий - если не сразу революционного преобразования общества, то во всяком случае такого революционизирования философии и всей старой, которое будет прологом грядущих социальных переворотов. Казалось, что вот-вот поколеблется царство (выражение Шеллинга31). - так писал Гегелю Шеллинг 32.

Молодым талантам тогдашней немецкой философии приходилось прилагать немало усилий, чтобы не дать ядовитым испарениям ортодоксального философско-теологического болота поглотить открывшийся им великих идей, обосновывавших достоинство и свободу человека. Это была труднейшая битва принципов, установок, идей, и в ней не оказалось неуязвленных противником победителей. В этой битве талантливым мыслителям уже с самого начала творческого пути наносились тяжкие ранения.

Травля, обращенная официальными философами и теологами против Фихте, - случай хорошо известный, многократно описанный и интерпретированный в историко-философской литературе. Нас здесь интересует, как на нее отреагировали Шеллинг и Гегель. Понятно, что в целом они были на стороне Фихте, конфликт которого со студентами Йены в 1795 г. был не более как прологом к серьезному 1799 г.33 Шеллинг с возмущением пишет Гегелю о том, как использовала настроения студентов философская среда, которая тайно их к выступлениям против талантливого, яркого лектора, а сама - через журналы - устроила ему 34 (какое точное определение!). Мнение Гегеля об этом скандале примечательно: искренне жалея

Фихте (- тоже очень яркий и емкий социальный образ!), Гегель в то же время осторожно и мягко осуждает Фихте. Грубость и невежество корпоративной студенческой массы вряд ли своевременно исправлять; не лучше было бы привлечь к себе? Но в рассуждениях и оценках своих Гегель и Шеллинг, конечно же, четко принимают сторону гонимого таланта. 35.

В тех же письмах, в которых говорится о Фихте, друзья в более серьезной и общей форме обсуждают постоянно тревожащий их вопрос о своем отношении к системам ортодоксальной философии, к. Вместе с письмом от 21 июля 1795 г. Шеллинг высылает подготовленную им для диспута работу (защищалась она в Тюбингене 27 июля 1795 г.). Работа написана быстро, и Шеллинг просит друга при прочтении быть снисходительным. Он сообщает: охотнее занялся бы другой темой, которую поначалу выбрал, -. Название показывает, что тема избиралась с несомненным критическим прицелом. Но Шеллингу ее 36.

Сколько еще тем и проблем было в самом начале или отброшено молодыми философами по размышлению? Написанное тоже не удовлетворяет: что-то весьма существенное..

Гегель тщательно изучает и диспутационную работу, и присланные одновременно другие сочинения Шеллинга*. Он оценивает их чрезвычайно высоко, причем прямо признает, что идеи, теснившиеся в его уме, прояснились благодаря работам Шеллинга. Гегелю импонирует именно радикальная направленность произведений друга против догматизма ортодоксальных систем теологии и философии. Диспутационное сочинение радует Гегеля: в ней нет страха перед и 37.

Проходит несколько месяцев, и в письмах, относящихся к лету 1795 г., все более нарастает тревога. (посвящена разъяснению оснований философии Фихте),.

34

мой, - пишет Шеллинг, - революция, которую должна вызвать философия, еще далека. Большинство из тех, кто, казалось, хотели ей способствовать, теперь со страхом отступают. Этого они не ждали!»38 Гегель охотно подхватывает тему - здесь уже он подбадривает друга. Ведь Шеллинг стал оригинальным мыслителем; он смело бросил свои творения, презрев сегодняшних судей. Гегель также увещевает друга, да и самого себя, внутренне подготовиться к самым крайним формам неприятия, даже травли со стороны официальной философии - ведь начала же она разделываться с Фихте! Что должно служить опорой и утешением? 39.

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы. Основная причина критического отношения молодого Гегеля к ортодоксальным философским системам коренится в страстном отрицании. И опосредуется оно пониманием внутренней связи между социально-политическим угнетением и ортодоксально-догматическими идейными формообразованиями. На первый план пока выступает не творческое созидание философской системы (и, следовательно, не формирование новой логики, нового принципа системности), а радикальное по своим устремлениям (имеющее прямые социально-политические предпосылки и достаточно четкие адресаты критики) преодоление ортодоксального. И хотя Гегель, как видно из переписки, предполагает возможность создания и распространения неортодоксальных, прочно увязанных с принципом свободы философских систем, все же час позитивной работы над собственной системой мысли еще не пробил.

Радикальное философское сообщество, на которое ориентируется и в которое входит Гегель, к середине 90-х годов XVIII в. находится в состоянии интеллектуального брожения. Французская революция обострила многие идейные процессы, происходившие в Германии, изменив их форму и сообщив им особую направленность, новое ускорение. В бо35 лее спокойное время усвоение и преодоление кантианства были бы, возможно, более специальными и более. Но в конце XVIII столетия свободолюбиво настроенные мыслители подходили к философии Канта, к тенденциям ее дальнейшего развития, к другим системам философии со строгими радикальными мерками. Не на внутренних оттенках философской системы пока сконцентрировалось внимание тех, кто, подобно Гегелю, связывал кантовско-фихтевскую философию с революционными общественными преобразованиями. Служение философии и философов принципу свободы - вот тот главный критерий, в свете которого Гегель и Шеллинг оценивают величие, достоинство философского учения. Но как добиться, чтобы новая философия, новаторская философская система действитель-

но удовлетворяли такому критерию? Гегель мучительно ищет ответ на этот коренной для него вопрос. Ищет вместе с Шеллингом, постепенно вступая на путь придирчивой критической оценки результатов, достигнутых в лучших философских учениях его времени.

Как бы ни было важно для понимания идейной борьбы в философии принимать во внимание единство мыслителейноваторов в их критике теологов и философов-ортодоксов, не меньшее, если не большее значение с точки зрения содержания имеют различия творческих путей, личностных ориентаций, которые намечаются в неортодоксальном философском сообществе. Гегель точно и искренне пишет Шеллингу:, - и тут же говорит о пути, избранном им самим: 40. Для свободолюбивого молодого ума, только что начавшего углубленную работу в философии, естественно стремление присоединиться к философии Канта. Последняя обладала несомненными гуманистически-нравственными преимуществами по сравнению с ретроградно-ортодоксальными системами философии и в то же время выгодно отличалась от многих, если не всех, радикальных социально-критических воззрений тогдашней Германии своей наибольшей теоретической разработанностью.

* - по отношению к тюбингенскому периоду.

С Гегель познакомился в 1789 г., т. е. через 8 лет после ее первой публикации, и, видимо, читал ее уже во втором издании.

36

Гегель пока скромно понимает задачу своей работы в философии - применить к интересующим его принципы философии Канта. Шеллинг, который раньше Гегеля начал поиски самостоятельного пути, относится к философии великого Канта с почтением, но уже и с немалой критичностью., - пишет Шеллинг. Поэтому молодого мыслителя так раздражают правоверные кантианцы, которые соорудили из недавно столь необычной системы новый идейный, даже религиозный фетиш41.

Зимой 1795 г. у Шеллинга появился новый философский кумир - Фихте. С деятельностью Фихте связываются большие ожидания:. Видимо, письмо было ненадолго отложено.

Шеллинг заканчивает его через некоторое время сообщением, что им прочитано Фихте. Восторженное отношение к автору сохраняется:. Весь контекст письма не оставляет сомнения в том, что наукоучение Фихте привлекает Шеллинга прежде всего радикальностью своих социально-политических предпосылок и выводов. Гегель в общем и целом разделяет оценку друга, он сообщает также, что Гёльдерлин 42.

В переписке 1795 г. большей радикальностью, глубиной и зрелостью критических устремлений отличается, конечно, Шеллинг. От него исходит и немало влияет на Гегеля умонастроение резкой непримиримости по отношению ко всему устаревшему, ортодоксальному. Он - за то, чтобы идейное наследие, передаваемое будущему, было обретено 43. 44. Радикальные настроения Шеллинга передаются Гегелю. 16 апреля он пишет другу письмо, в котором наиболее ярко и резко выразились критицизм его суждений о политическом деспотизме и полити37 ческих интригах, надежды на поистине универсальное значение философской революции в Германии. Вот почему каждый, кто хочет подчеркнуть политический радикализм молодого Гегеля, так охотно - и в какой-то мере оправданно - ссылается на это письмо. И слова в переписке 1795 г. еще встречаются45. Но скоро надежды на революцию в философии станут таять.

Начиная с лета 1795 и в 1796 г. Гегель - и, видимо, не он один - переживает, что имело различные причины - общественные и личные. К общественным можно отнести отлив свободомыслия в Европе и, конечно же, едва ли не раньше всего в Германии. Инициированная кантианством 46, которая, казалось бы, вот-вот ниспровергнет догматизм, как хотели нетерпеливые молодые мыслители, не оказала ожидаемого действия. сделались еще ничтожнее, а не только удержали, но и упрочили свои привилегии. На повестке дня, как

ни грустно было взглянуть правде в лицо, стоял вопрос о сосуществовании с преданными ортодоксальной системе ее адептами. Где же можно еще было найти опору? Гегель ищет утешение и надежду в дружбе с единомышленниками, что видно, например, из письма Гёльдерлину, написанного в ноябре 1796 г.47 В 1795 - 1796 гг. существовало важное различие между Шеллингом и Гегелем: первый обрел опору в творческой философской работе, где уже ощущал себя оригинальным мыслителем, в то время как второй чувствовал себя в философии весьма неуверенно. Его мучили сомнения. 48. Интерес Гегеля к работам, формально посвященным проблемам религии, и их направленность были если не пробуждены, то по крайней мере поддержаны Шеллингом. Именно под влиянием Шеллинга Гегель захотел взяться более серьезно за критическое - в духе идеалов, ценностей, устремлений неортодоксального философского сообщества - освещение ряда проблем, связанных с толкованием религии и нравственности. Но уверенности в том, что достигнуты ценные результаты, у него

так и не появилось. Современники не увидели работ Гегеля о религии; они были изданы Г. Нолем только в 1907 г. Название было им дано тенденциозное: 49. Эти фрагментарные, незаконченные сочинения представляют немалый интерес, так как они, раскрывая исходные позиции творческого становления Гегеля, немало говорят об отношении молодого философа к двум интересующим нас темам: системности и историзму, причем в связи с последними своеобразно выражаются Гегелем выводимые из принципа свободы другие идеалы, ценности, надежды.

4. Ранние работы Гегеля о религии и нравственности в свете проблем системности и историзма.

В работах Гегеля о религии идеи, тесно связанные с принципом свободы, носят четко выраженный ценностный характер - они отстаиваются со страстью и категоричностью молодости, резко противопоставляются ряду принципов, которые пока еще кажутся неприемлемыми, прямо противоположными. Аргументация развертывается здесь через построение своеобразных ценностных антитез. В то же время, как мы увидим далее, социальное мышление молодого Гегеля в некоторых принципиальных вопросах, несмотря на резкость, глубину, даже блеск критики, уже носит компромиссный характер.

Ценностные антитезы выстраиваются в ранней работе *, ***(*Русский перевод (в издании: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет:***
В 2-х т. М., 1970. Т. 1) выполнен Е. А. Фроловой.)
начатой в Тюбингене в 1792 г. Гегель, видимо, не раз обращался к этим текстам, но в 1795 г. в Берне перестал над ними работать. Эти наброски интересны тем, что автор не сумел - или не захотел? - подчинить обуревающие его чувства, сталкивающиеся друг с другом идеи размеренному порядку мысли и композиции печатно-подцензурного труда.

Работа отличается резкостью настроений.

Одновременно она представляет одну из первых и любопытных попыток Гегеля опробовать доступный ему в то время вариант рассмотрения истории.

Сначала - об исходных ценностных принципах, позициях и антитезах. Молодого философа больше всего заботит обычный человек, его поступки, действия, страсти, его

50, ситуацией продиктованное и оправданное мышление, выстраданная и укорененная в сердце вера - человек, который 51. О жизни простых индивидов, в совокупности составля-

ющих, молодой Гегель пишет с глубоким уважением и сочувствием. В выборе такой идейно-ценностной платформы сплелось очень многое - от влияния Реформации до воздействия французской революции. К этим идейно-нравственным максимам тянутся нити как от непосредственных социально-политических событий, например событий в соседней революционной Франции, за которыми немецкая молодежь следила с надеждами и, наверное, с затаенным страхом, так и от теоретической и художественной культуры Европы с ее явной и яркой гуманистической ориентацией, с ее интересом к судьбам, правам и народа.

Соответственно центральной ценностной позиции - сочувствие к обычному человеку и интерес к его обычным действиям - Гегель строит более конкретные антитезы.. Действия, поступки, мысли, которые, ценятся превыше всего, потому что они, и не беда, что их порицает 52. Невероятно было бы, чтобы немецкий мыслитель, имеющий возможность учесть итоги спора эмпиризма и рационализма, защищал чувственность как чувственность и просто выстраивал антитезу. Его антитеза иная. Молодого философа пока совсем не интересуют гносеологические споры - ему важно значение чувств, рассудка и разума для той же обычной жизни человека. Рассудок подвергается резкой критике - он уподобляется придворному, который угождает своему господину: ведь рассудок, отмечает Гегель, может подыскать основания для всякой затеи и любой страсти, в том числе для себялюбия.

Даже просвещенный рассудок, делая человека умнее, не делает его более совершенным нравственным существом.

Поэтому неверно, считает Гегель, выводить добродетель из рассудка и рассудочной мудрости. Напротив, рассудок и даже разум только тогда ведут к нравственному действию, когда они основаны на непосредственном -, - чувстве., книжной учености, показному просвещению и формально усвоенной науке противопоставляется, в выражениях страстных и торжествен40 ных, почерпнутая из глубин жизни простого человека мудрость. 53.

Соответственно обосновывается молодым Гегелем другая антитеза, ради выстраивания которой, собственно говоря, и пишется вся работа: официальной религии, оснащенной целым арсеналом догматических идей, убеждений, ритуалов, нравственных норм, объединенных в систему, противопоставляется религия. Иначе говоря, обосновываются религиозно-нравственные принципы, целиком ориентированные на повседневный опыт простых людей и их непосредственное нравственное чувство, на их внутреннюю - предполагается, свободно и самостоятельно выбранную - религиозную веру. Гегель далек от и теоретического атеизма. Цель молодого мыслителя - способствовать перестройке религии в соответствии с духом времени. 54 С этим связаны надежды на личное обретение новой религиозности, которая была бы способна удовлетворить ум, сердце, нравственные чувства.

В дальнейшем своем развитии Гегель вообще оставит претензию споспешествовать реформированию религии как формы идеологии и как институциональной организации.

Он отойдет и от поисков, личной религиозности, связав для себя проблему исключительно с творчеством в сфере культуры. Включив проблематику религии в систему философии, он будет добиваться того, чтобы вера и религиозная нравственность прежде всего были сложноопосредованной деятельности разума и уж во всяком случае не были предоставлены чувствованию, тем более превозносимому в

его непосредственности. Но в ранних работах молодой Гегель обращает критический пыл против, противопоставляя ей религию субъективную, что также делается в форме категорической, страстной, яркой55.

Ранние гегелевские рассуждения о религии во всех их деталях не являются для нас предметом непосредственного анализа. Нам важно сейчас лишь то, что превращение индивида и его непосредственной жизнедеятельности в ценностную точку отсчета тесно увязано у молодого Гегеля с неприязнью по отношению ко всему, что имеет характер отчужденной или отчуждаемой объективности, усвоение чего может пойти лишь по пути внеш-

него зазубривания, формального исполнения, делающих рассудок и разум холодными, а сердце пустым и лицемерным. Навязанная извне официальная религия в этом смысле ставится на одну доску с,
с, а их, сетует молодой философ, так много в его

56.

Мысли и настроения молодого Гегеля порой кажутся простым следствием незрелости ума и неопытности в философии. Верно, Гегель - мыслитель пока еще неискушенный, не вовлеченный в тонкости профессиональных философских споров. Но в этом - и преимущество его нравственной позиции. Разве не было знамением времени стремление многих выдающихся людей тогдашней Европы оттолкнуться от , застывших форм, результатов мысли и обратиться к непосредственности чувств, к собственному опыту - к менее, но во всяком случае более , искренним своим переживаниям? Разве не была связана с этим энергия протеста? Вовсе не случайно борьба против догматизации самого немецкого классического идеализма через несколько десятилетий вылилась в апеллирование к, к непосредственному опыту в сочинениях Фейербаха и молодого Маркса. В XX в. (в частности, в 60 - 70-х годах) мы явились свидетелями противоречивого движения - движения, также принесшего с собой новое пробуждение доверия к , обращаемой против догматизированной идеологии, философии и науки, против формального и апологетического рассудка.

Суждения молодого Гегеля как бы вписаны в эту непрекращающуюся череду сложных и противоречивых идейных форм, в рамках которых чувственность (читай: непосредственный, живой опыт индивида) и опирающееся на нее размышление противопоставлялись и еще будут, видимо,

42

противопоставляться отчужденным формам культуры, , воплощенному в жесткости навязываемых индивиду учреждений, идей, принципов, ценностей.

И постановка проблемы системности, и попытки объединения идей системности и историзма - все это в конце XVIII столетия определялось в духовном развитии Гегеля, во-первых, апелляцией к опирающемуся на чувственность разуму обычного индивида, а во-вторых, преимущественным интересом философа к сферам религии, нравственности, государства. Связь между религией и негативно оцениваемой системностью для Гегеля была несомненной. Религиозная идеология на протяжении целых столетий действительно тяготела к системно-догматической форме; даже и обычные ритуальные действия образовывали своего рода систему, отличавшуюся формализмом и косностью. В своих первых работах Гегель прежде всего оправданно фиксирует эту сторону дела, а потому резко критически относится к системному мышлению и - что ему особенно важно, - к определенному им способу поведения, особому (как правило, апологетическому) строю нравственности, точнее, безнравственности. Подчеркнем еще раз, что системное мышление и познание для молодого Гегеля отнюдь не гносеологический, не логико-методологический феномен. Приверженность системе оценивается с точки зрения социальнонравственных критериев. Системы официальной религии возвышаются и отчуждаются, согласно Гегелю, над сферой жизни, над здравым смыслом человека. 57 предоставляет преимущество, а не чувству. Этим Гегель хочет сказать, что при господстве догматически-ритуалистской системы правил, предписаний, незыблемых догм процветают люди, которые умеют их запоминать и принимать к неукоснительному руководству. Что же происходит с теми, кто по каким-либо причинам не сразу и не окончательно подпадает под власть системы? Человеку, который идет от собственного опыта, но в какой-то момент вдруг сталкивается с жесткостью системы, ритуалистская система предписывает особый путь жизни - это путь покаяния, самобичевания, унижения. Обнаружив это, неприспособленный к системе индивид станет

каяться,. Покаяние, конечно же, не возымеет успеха: без толку каяться, если. В результате получается, что индивиды, с большим трудом и испытаниями приспосабливающиеся к системе, в пугливости, предусмотрительности, покорности, послушании, но зато отстают в решительности, мужестве, силе и других качествах, которые Гегель называет добродетелями. Молодой философ ставит читателя перед общим вопросом: 58 Итак, система, системность отвергаются потому, что для Гегеля они становятся символами догматизма, насилия, подавления свободы и индивидуальности личности, в самом деле исходивших от церковных институтов и официальной религиозной идеологии. 59.

Не будем забывать, что это вчерашний питомец теологического института безоговорочно защищает принцип свободы и категорически отвергает официально закрепленную религиозно-догматическую систему. И хотя такой шаг в конце XVIII в. делали многие передовые мыслители, для Гегеля он имел особый смысл: он предполагал твердую решимость выйти за пределы предмета теологии и связанного с ней способа мышления, способа жизнедеятельности. Произведение* ***(Русский перевод (в издании: Гегель Г. В. ф. Работы разных лет, т. 1) выполнен А. В. Михайловым.)***
, которое ранее уже цитировалось, явно свидетельствует о том, что Гегель сделал выбор - он сознательно вышел за границы официального системно-теоретического мышления, диктуемого теологией.

В конце XVIII в. заметным общественным идейным явлением, особенно ярко расцветшим на французской почве, стала просветительская критика религии как системы, которая является,. Гегель, в принципе не исключающий критику

(*Над ним Гегель работал в 1795 - 1796 гг.;)

начальная часть была заново переписана в 1800 г. Работа представляет собой важнейший творческий итог, с которым мыслитель вступил в новое, XIX столетие.

суеверий, заблуждений, иллюзий, имеющихся в религиозной системе, считает, однако, что на этом нельзя остановиться, ибо тогда останется неясным, как. Гегель подчеркивает: - о 60. В противовес интерпретациям, превращавшим религию в простую сумму заблуждений, Гегель утверждает идею, к концу XVIII в., правда, уже не оригинальную: 61. Вдаваться в доказательство этой идеи Гегель считает излишним, ибо пришлось бы, говорит он, заниматься метафизическими изысканиями об отношении конечного к бесконечному и т.п. (здесь чувствуется влияние кантовской трактовки идеи бога как регулятивного принципа разума). Гегель лишь отмечает, что краткая формула - - на самом деле подразумевает исследование многих отдельных потребностей. Но такие исследования, продолжает он, 62.

Что молодой Гегель считает основной целью своего трактата, так это рассмотрение религии в связи с изменениями, историческими модификациями человеческой природы в различные века, в тесной 63. Для того чтобы обосновать преимущества своего подхода, Гегель подробно развивает в целом достаточно плодотворную и для того времени новую идею о необходимости анализировать человеческую природу именно в свете ее исторических модификаций. Отдает ли Гегель себе отчет в том, что, выбравшись из дебрей догматически-религиозной системы, он попадает на почву принципов философского мышления нового времени, где понятие ведь также было вплетено в системы теоретического размышления, в системы философского познания?

На этот вопрос можно ответить утвердительно. Работы молодого Гегеля интересны и знаменательны еще тем, что позволяют увидеть: переход от теологии к философии требует от немецкого юноши конца XVIII в. немалых нравственных и интеллектуальных усилий. Гегель должен убедить себя и своих читателей, что именно философская по45 зиция, причем обретенная человечеством в новое время, дает мыслителю преимущество по сравнению с теологической. Преимущество - в неизмеримо большей степени свободы для человека, вступающего в философское сообщество, в, и принимающего ту или иную систему взглядов. 64 Принимая понятие человеческой природы в качестве объясняющего принципа, Гегель вовсе не во всем непременно следовать приемам и методам философских систем, в которые данное понятие прежде было включено. Напротив, начинающий философ сразу обнаруживает склонность критически анализировать содержание и функции используемого им понятия.

Гегелевский критицизм, направляемый теперь уже в адрес предшествующих философских систем, тесно переплетен, что для нас особенно важно, с зачатками исторического подхода. Понятие Гегель трактует как исторически относительное. Как бы давно это понятие ни вошло в теоретические системы философии, особенно употребительным оно сделалось в новое время, причем в своем содержании оно детерминировалось исторически конкретными потребностями объяснения жизнедеятельности человека - такова основная идея Гегеля. И только потом понятие - вместе с системой других понятийных средств - приобрело абстрактный, застывший характер. Но это стало возможным, подчеркивает Гегель, только благодаря длительному историческому опыту человеческого познания. 65. С этой идеей будут перекликаться обобщающие формулы, где наличие исторически подготовленной абстрактной формы Гегель причислит к важнейшим характеристикам Духовного развития своей эпохи.

46

Истолкование понятия человеческой природы как исторического - новшество по сравнению с основными тенденциями учений о человеке нового времени. В в полемике с Бентамом К. Маркс показал: философы нового времени стремились отыскать всеобщие, во все времена присущие человеку существенные свойства. Само по себе это, согласно Марксу, не было ошибкой: ведь такие свойства действительно имеются, но все дело было в том, что одновременно не была поставлена и осмыслена проблема исторических видоизменений, модификаций человеческой природы66. Гегель же с самых первых своих шагов в философии обратил внимание именно на исторические модификации человеческой природы. Впрочем, здесь плодотворно сказалось воздействие кантовско-фихтевских идей о человеке, а также влияние философии молодого Шеллинга. 67. Расхождение между, к поиску которого с полным правом устремляется философия, и, свойственными реальному развитию, Гегель считает принципиально неизбежным. 68.

Как вдохновенно звучит голос молодого Гегеля, возвышающего, ее бесчисленные, неотделимые от жизни, а потому модификации над узостью и сухостью понятия! Какой контраст с апофеозом понятия у зрелого Гегеля! Для нас интересен и контекст, в который вплетено это противопоставление. Ведь в этом случае - многообразие исторических форм религии и связанной с ней человеческой жизни. Понятие не может и не должно, утверждает молодой Гегель, перечеркнуть или сделать однотонной многоцветную картину исторического бытия. 69 Опятьтаки какое (если сопоставлять с поздними принципами гегельянства) рассуждение! История, реальное течение человеческой жизни, действительное преобразование нравов и типов людей многообразнее, важнее,, чем свойств и характеристик человека. 70.

Мысль о неподвластности живого течения человеческой жизни, всех ее бесчисленных и многокрасочных модификаций и абстрактному понятию человеческой природы отнюдь не склоняет Гегеля к иррационалистическим выводам, которые пытались приписать ему эк-

зистенциалистские интерпретаторы. Дело для Гегеля, напротив, заключается в том, чтобы работать с понятиями, с самого начала учитывая историческое развитие выражаемого ими явления, а стало быть, исторический смысл самих понятий.

А потому молодой автор стремится создать и опробовать в процессе исследования религии особую разновидность исторического подхода. Но едва только Гегель вступает на сознательно выбранный им путь, считая, что действует как , как он сразу сталкивается с немалыми трудностями.

Положим, нетрудно принять вполне разумное решение, что развиваемый в данном случае исторический подход будет исключать из рассмотрения 71-72 и что он вообще будет свободен от бесчисленных деталей, считающихся неотъемлемыми атрибутами эмпирического исторического описания. Но если исследователь все-таки остановился на историческом подходе к религии, то ему так или иначе придется обращаться к реальной картине истории и осуществлять отбор среди доступных ему, иногда обозримых, а иногда необозримых исторических фактов. Где и в каком объеме он будет добывать факты? И что станет тогда точкой отсчета, критерием их отбора? Надо отметить, что у Гегеля таких точек отсчета и критериев сразу несколько - это проблемы, особенно его интересующие, когда перед умственным взором его пробегает история христианства, усвоенная из известных ему исторических сочинений (как правило, напи48 санных церковными историками, что очень и очень существенно). Но основными критериями отбора исторического материала становятся ценности, критические мысли и настроения, происхождение которых и отношение к теперь осуществляемому историческому осмыслению представляют первостепенный интерес.

Какие же проблемы Гегель выдвигает на первый план и какие ценности защищает, когда он как будто бы объективно хочет проанализировать христианство как исторический феномен?

Пожалуй, наиболее важная для Гегеля проблема та, которую он четко формулирует только к концу своего труда (трудно сказать, почему главное появляется под занавес - из композиционных ли, цензурных или каких-то иных соображений). Это и есть зафиксированный нами во вступлении к настоящей главе взгляд на период вытеснения христианской религией язычества как на одну из, обнаружение скрытых причин которых - причин, лежащих в, - и является целью исследования (или, что то же самое, истористски ориентированного философа). Революции в сфере духа толкуются молодым Гегелем весьма широко.

Мы сможем далее убедиться, что понятие уже у молодого Гегеля - обозначение некоторых вскрываемых им немаловажных исторических особенностей той эпохи, которая породила христианство, и особенностей его последующей истории.

Не имея возможности вдаваться в детали, кратко суммируем основные идеи, которые Гегель развивает в связи с рассмотрением истории христианства. Они важны для оценки типа зарождающегося историзма. изоляционизм части иудейского народа, согласно Гегелю, был исторически обречен.

В народе росло сознание этой обреченности, что способствовало огромному успеху призывов Христа к. Гегель, несомненно, имел в виду не только давнюю историю. Изоляционизму и провинциализму официальной политики своей расколотой страны он противопоставлял освящаемую сединами истории и именем Христа идею единства человечества.

Далее человечность, простоту, естественность отношений Христа (изображаемого реальной исторической личностью) с его ближайшими учениками Гегель противопоставляет отчужденности, ритуальной холодности и фальшивости отношений между людьми, впоследствии складывающихся на

основе христианской религии73. Причину нравственной деградации религиозных объединений Гегель видит в социально-политическом содержании их жизнедеятельности. Последняя сконцентрировалась вокруг завоевания собственности и власти, вокруг возрастающих государственных притязаний церкви74. С его точки зрения, предназначение истинной ( ) религии не отправление государственной власти, а нравственное, духовное обновление личности. В соответствии с этой целью должны строиться и религиозные объединения75.

В действительной же истории религией был утрачен смысл поучений Христа. Государственные притязания, нетерпимость, насилие, проявленные церковью в реальной социальной жизни, имели своим следствием догматизацию церковных доктрин, их превращение в системы, чуждые жизни, порывам, устремлениям истинно религиозно-нравственного человека. Человеку нужно предоставить возможность выбрать себе веру - разумеется, на основании свободного знакомства с существующими верованиями. А что было в истории? 76 В критическом анализе Гегелем истории церкви просматривается конструктивный принцип, от которого зависит и характер первых проб гегелевского историзма. Гегель выбрал путь исторического исследования, но исследования не описательного, а теоретического, сущностного, философского. При рассмотрении истории он пользуется ценностно-теоретическими критериями: ими становятся представления о человека и о предназначении религии. Но откуда были взяты эти представления о сущности, превратившиеся в своего рода логико-теоретические точки отсчета при обработке исторического материала?

На первый взгляд кажется, что основой является реальная история и наблюдение за ней: поэтому рассуждение как будто бы начинается с выявления смысла поучений и действий самого Иисуса Христа как исторической личности, верований и деяний первых христиан. Но если приглядеться к делу внимательнее, окажется, что история скорее служит

иллюстрацией (для этого она соответственно обрабатывается) к заранее заданному идейному - к противоречивому сплаву идеалов, ценностей, устремлений. А он, этот сплав, как мы пытались показать, выковался в процессе социального опыта неортодоксального философского сообщества Германии последнего десятилетия XVIII в. и носил на себе следы происхождения, образования, формирования самого Гегеля.

Среди идей, предопределивших оценку, отбор исторического материала, было ранее рассмотренное понимание системности, вылившееся в ценностно-критическое умонастроение. Деятельность учреждений, господствующих или стремящихся (подобно церкви) к господству, имеет тенденцию - и это правильно подметил Гегель, - образовывать систему, отчужденную от индивида; соответственно реальной системе господства формируется, догматизируется, насильственно внедряется в сознание людей официальная идеологическая система ритуалов, догм, принципов. Связывание системы учреждений, господства и системы идей (на примере истории религии) - глубокое прозрение молодого Гегеля. Противостояние индивида и таких систем, пережитое передовыми людьми гегелевского поколения, обрисовано в письмах, первых произведениях молодого мыслителя с искренностью и талантом. Именно с точки зрения спора системы и свободолюбивого индивида просматривается (бегло, фрагментарно) история. Гегель проклинает таким образом понимаемые системные образования и прославляет свободолюбивые порывы, ненасильственные, нравственные человечные устремления. При несомненном гуманизме самих ценностей становится явным, что как содержание идей системности и историзма, так и их применение к конкретному материалу во многом сводится к иллюстрации заведомо принятых ценностных антитез. А это порой ведет к неисторическому взгляду. Отчуждение индивида от (системы господства и системы идей) как скольконибудь значимый феномен вряд ли составляет стержень всей наблюдаемой истории.

У Гегеля в этом проецировании на историю современного ему отчужденного, свободолюбивого сознания есть немалое оправдание - ведь и раньше велась борьба против сил деспотизма, догматизма, которая в разных формах велась на протяжении всей истории, в частности истории религии. Но применительно к идеям системности и историзма история еще должна быть более глубоко и тонко осмыслена, что чувствует и сам Гегель.

51

Итак, в Берне Гегель еще не избрал собственного пути в философии. Но интенции радикальной философской критики отныне и навсегда остались в гегелевском мышлении, хотя формы ее в дальнейшем существенно видоизменились.

Следующий после бернского, франкфуртский период жизни Гегеля (1797 - 1800 гг.) из-за ограниченности объема исследования мы лишены возможности рассмотреть специально. Его основные результаты, существенные для нашей темы, хорошо подытожены в следующих словах западногерманского исследователя Ф. Николина: 77.

Набросок, проект, о котором упоминает Николин, - написанный, видимо, в 1796 г. фрагмент* ***(*Впервые опубликован в 1917 г. Русский перевод (в издании: Гегель Г. В. ф. Работы разных лет, т. 1) выполнен А. В. Гулыгой.)***. Однако о том, кто его автор, гегелеведы спорят до сего дня78. Высказывались (Ф. Штарком и др.) обоснованные, как нам кажется, сомнения в том, что автором фрагмента был именно Гегель.

Думается, фрагмент написан или одним Гёльдерлином, или последним в соавторстве с Гегелем, а возможно, и с Шеллингом (но вряд ли одним Шеллингом, которому Ф. Розенцвейг и другие гегелеведы приписывали авторство).

В фрагменте выражены ценности, оказавшие решающее влияние на формирование и развитие молодого Гегеля. Во главу угла поставлена ценность свободы индивида, о которой говорится как о чем-то само собой разумеющемся: 79. Далее системное размышление переходит к природе, точнее, к ней (это выражение автора или авторов фрагмента довольно точно обозначает статус природы и в будущей системе Гегеля); затем система следует к, где снова центром становится идеал свободы. Что касается других деталей первого проекта системы (провозглашение эстетического, призыв создать), то они представляются нам нехарактерными как раз для Гегеля, даже если

52

сделать скидку на присущую ему в молодости способность одушевляться чужими идеями.

Но главное, мысль о системе как необходимой конструктивной стороне философствования начинает все более четко утверждаться в сознании молодых мыслителей Шеллинга - Гегеля - Гёльдерлина уже в 1796 г. Ее более явная и развернутая разработка относится к йенскому периоду.

К его анализу - в свете проблем системности и историзма - мы далее и переходим.

\Основная литература, в которой имеются свидетельства о гимназических и студенческих годах Гегеля: Klaiber I. Holderlin, Hegel und Schelling in ihren swabischen Jugendjahren. o. O., 1877; Ziegler Th. Zu Hegels Jugendgeschichte - Kant-Studien, 1909, Bd. 14;

Zeller E. Uber Hegels theologische Entwicklung. - Theologische Jahrbucher, 1845, Bd. 4; Rosenkranz K.

Hegels Leben. B., 1844; Dokumente zu Hegels Entwicklung/Hrsg. von J. Hoffmeister. Stuttgart, 1936;

Гайм Р. Гегель и его время. СПб., 1861.

Из новых материалов интересен изданный Фр. Николином подробный каталог посвященной Гегелю юбилейной выставки 1970 г. в Штутгарте: Hegel, 1770 - 1970. Leben. Werk. Wirkung; Eine Austellung des Archivs der Stadt Stuttgart. Stuttgart, 1970. См. также:

Nicolin Fr. Zur Situation der biographischen Hegel-Forschung: Ein Bericht. Stuttgart, 1975. (Veroffentlichungen des Archivs der Stadt Stuttgart; S.-H. 6). В марксистской литературе см.: Lukacs G.

Der jungen Hegel. B., 1954. Оценка этой работы дана в кн.: Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958, с. 60, 74 - 75; Овсянников М. Ф.

Философия Гегеля. М., 1959, с. 62;

Хевеши М. А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977. См. также: Гулыга А. В. Гегель. М., 1970, с. 7 - 31; Buhr M. Zur Geschichte der klassischen burgerlichen Philosophic. Leipzig, 1972, S. 58 - 69. \1 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2-х т. М., 1970, т. 1, с. 183 - 184. 2 Hegel G. W. F. Werke: 20 Bd.

Frankfurt a. M., 1970, Bd. 2.

Jenaer Schriften, 1801 - 1807. S. 582. 3 Haering Th. L. Hegel, Sein Wollen und sein Werk: Eine chronologische Entwicklungsgeschichte der Gedanken und der Sprache Hegels. Leipzig; Berlin, 1929. S. 16. 4 Ibid. 5 См.: Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. М.;

Л., 1933, с. 5. 6 Гёте И. В. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1976, т. 3, с. 415. 7 Там же, с. 416. 8 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 179. 9 Р. Гайм делает небезынтересное замечание о компенсирующем значении просветительских идей и настроений, адаптированных в такой стране, как Германия, и особенно в такой ее части, как Вюртемберг, где в период правления эрцгерцога Карла-Евгения страдали от и искали спасения. (Гайм Р. Указ. соч., с. 25). Гайм перечисляет имена просветителей, которые цитируются в дневниках Гегеля-гимназиста:

Клопшток, Лессинг, Виланд, Рам53 лер, Обергард, Кампе, Николаи, Гарве, Зульцер, Мейнерс - видные представители немецкой литературы вперемешку с присяжными моралистами, о которых Гегель впоследствии (например, о Кампе) будет говорить с нескрываемым презрением. Дальнейшее развитие Гегеля до какого-то времени еще будет связано с отстаиванием просветительских идеалов, но уже в ранних работах начинается процесс преодоления идейных установок Просвещения. 10 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 392. О чертах в характере и мышлении Гегеля см.: Gadamer H.-G. Die verkehrte Welt. - In: Materialien zu Hegels Phanomenologie des Geistes. Frankfurt a. M., 1973, S. 108. 11 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., 1971, т. 2, с. 241. 12 См.: Hegel G. W. F. Werke.

Bd. 2, S. 582. 13 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 47. 14 Гёте И. В. Указ. соч., т. 3, с. 38. 15 См.: Там же, с. 39 - 40. 16 См.: Dilthey W. Die Jugendgeschichte Hegels. B., 1905. 17 - 18 Hearing Th. L. Op. cit., S. 49, 51. Более подробные сведения о преподавателях Тюбингена в гегелевское время см. в кн.: Hegel, 1770 - 1970. Leben. Werk. Wirkung. S. 60 - 68. 19 В гегелеведческой литературе основательно рассмотрен вопрос о значении французской революции для немецкой классической философии, и в частности для формирования молодого Гегеля. См.:

Buhr M. Zur Geschichte der klassischen burgerlichen Philosophic.

S. 49 - 53; Droz J. L'Allemagne et la Revolution francaise. P., 1949;

D'Hont J. Verborgene Quellen des Hegelschen Denken. B., 1972; Ritter J. Hegel und franzosiche Revolution. Koln; Opladen, 1957. 20 См.: Hegel, 1770 - 1970. Leben. Werk. Wirkung. S. 71. Далее факты и материалы о Тюбенгене даны по этому изданию. См. также: Hearing Th. L. Op. cit., S. 49 и др. 21 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 220 (перевод нами уточнен). 22 Там же, с. 224. 23 Там же, с. 230. 24 Там же, с. 232. 25 См.: Фишер К. Указ. соч., с. 60. 26 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 224. 27 Там же, с. 213, 214. 28 Там же, с. 215. 29 Там же. 30 Там же, с. 218. 31 Там же, с. 221. 32 Там же. 33 См.: Яковенко Б. Предисловие. - В кн.: Фихте И. Г. Избр. соч. М., 1916, т. 1, с. XLVIII и далее. См. также: Leon X. Fichte et son temps. P., 1924, t. 2, p. 121 - **131.**

34 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 227. 35 Там же, с. 231. 36 Там же, с. 226. 37 Там же, с. 231. 38 Там же, с. 226 - 227. 39 Там же, с. 229. 40 Там же, с. 217. 41 См.: Там же, с. 216. 42 Там же, с. 217, 220. 43 Там же, с. 220. 44 Там же. 45 См.: Там же, с. 223. 46 См., например: Там же, с. 231. 47 См.: Там же, с. 233. 48 Там же, с. 231. 49 Оценку этих работ Гегеля и полемики вокруг них см. в кн.:

Бакрадзе К. С. Указ. соч., с. 59 - 61 и др. 50 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 65. 51 Там же, с. 59. 52 Там же, с. 48, 49 - 50. 53 Там же, с. 62. 54 Там же, с. 54. 55 См.: Там же, с. 52. 56 Там же, с. 63. 57 Там же, с. 168. 58 Там же, с. 169. 59 Там же, с. 174. 60 Там же, с. 95. 61 Там же, с. 99.

62 Там же. 63 Там же, с. 95. 64 Там же, с. 131. 65 Там же, с. 90. 66 См. по этому вопросу: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983, с. 508. 67 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 91. 68 Там же. 69 Там же. 70 Там же, с. 92. 71 - 72 Там же, с. 96. 73 См.: Там же, с. 131 - 132. 74 См.: Там же, с. 144. 75 См.: Там же, с. 159 - 160. 76 Там же, с. 164 - 165. 77 Hegel, 1770 - 1970. Leben.

Werk. Wirkung. S. 112. 78 Литературу по этому вопросу и анализ современных дискуссий см. в кн.: Das alteste Systemprogramm: Studien zur Fruhgeschichte des deutschen Idealismus. - Hegel-Studien. Bonn, 1973, Beih. 9;

Dusing K. Asthetischer Platonismus bei Holderlin und Hegel. - In:

Hamburg von der Hohe in der deutschen Geistesgeschichte: Studien zum Freundeskreis um Hegel und Holderlin. Stuttgart, 1981, S. 113 - 114.

79 Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 211.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Йена. Критика систем философии и поиски оснований собственной системы.

Мир отчуждения и гегелевский историзм Важнейшим достижением мирового гегелеведения 60-х и особенно 70-х годов было более глубокое, чем прежде, исследование йенского периода развития Гегеля. Представить результаты этих новейших исследований тем более необходимо, что предлагаемая нами в дальнейшем интерпретация йенского периода творчества Гегеля в свете проблем системности и историзма отталкивается от наиболее серьезных и, надо отметить, весьма острых гегелеведческих дискуссий последнего десятилетия (хотя о них придется говорить - за неимением места - очень кратко).

Прежде всего важно иметь в виду, что проделана обширная издательская историко-текстологическая работа, которая позволяет современным исследователям располагать более полно представленными и более точно датированными материалами по сравнению с теми, которые были известны благодаря работе К. Розенкранца (1844)1 и публикации йенских текстов Х. Эренбергом и Х. Линком (1915)2. На текстологической основе этих двух последних изданий строились прежние интерпретации йенского периода (в работах Т. Хеаринга, Ф. Розенцвейга, Ю. Шварца, Г. Лукача, Х. Шмитца3 и др.). В 60-х годах началась и в 70-х годах продолжилась новая публикация

на языке оригинала гегелевских текстов этого периода4, которая стала предпосылкой более глубокой работы над ними.

Значительным событием в философской жизни нашей страны явилась публикация - с учетом новых материалов и уточненной датировки - ранее непереводившихся на русский язык йенских работ Гегеля (в книгах: Гегель Г. В. Ф.

Работы разных лет, т. 1 и Гегель Г. В. Ф. Политические произведения - с вступительными статьями соответственно А. В. Гулыги и В. С. Нерсесянца). Но надо с сожалением отметить, что основательной работы над йенскими текстами Гегеля в нашей стране до сих пор проведено не было.

На Западе историко-текстологическая работа и проблемные интерпретации йенского периода сконцентрировались вокруг двух основных тем. Сначала обсуждались на новом уровне произведения Гегеля, посвященные естественному праву и политике. Основными участниками дискуссии были К. Илтинг, Ю. Хабермас, О. Пёггелер, М. Ридель, Г. Гёлер5. Не имея возможности дать полную информацию об этих весьма интересных спорах, мы в дальнейшем только вкратце коснемся их при рассмотрении и.

В конце 60-х и начале 70-х годов центр дискуссий западных гегелеведов переместился к проблемам логики и метафизики и, что особенно важно для нашей темы, к вопросу о специфике ранних системных разработок Гегеля. Это также было связано с новыми текстологическими изысканиями и обнаружением ранее неизвестных гегелевских текстов. Х. Киммерле в результате текстологического анализа (с применением современных методов статистического исследования текстов) изменил датировку гегелевской рукописи, известной под названием 6. Розенкранц датировал ее 1801 г., Эренберг и Линк относили к 1801 - 1802 гг. Теперь принято в соответствии с изысканиями Х. Киммерле датировать работу 1804 - 1805 гг. Это весьма важно, ибо меняет представление о вехах развития гегелевской мысли в Йене, да и вообще дает основания для уточнения представлений об эволюции гегелевской философии. В связи с этим возникла острая дискуссия, - ее участниками были, кроме Х. Киммерле Р. П. Хорстманн, И. Х. Треде, К. Дюзинг7 и др. В 1975 г.

Ева Цише обнаружила неизвестные ранее рукописи Гегеля, относящиеся к 1801 - 1802, 1803 и 1803 - 1804 гг.8 Они подготавливаются к изданию М. Баумом и К. Р. Майстом9.

Эти философы уже выступили в печати с изложением ос56 новных идей новых рукописей; имеются и некоторые другие публикации, в которых частично использовались новые материалы10. И снова разгорелись споры вокруг вопроса о путях развития гегелевской мысли в Йене.

Остановимся сначала на идеях, оценках, гипотезах, которые существенны для основной проблематики нашей книги. Исследователи справедливо обратили внимание на то, что довольно долго без должной точности и дифференцированности употреблялось понятие. Скажем, о работах, написанных Гегелем до, говорилось очень бегло. В интерпретациях многих гегелеведов, начиная с 40-х и кончая первой половиной 60-х годов, стала, по существу, единственным достойным внимания йенским произведением, да и вообще для них она как бы затмила собой другие гегелевские сочинения. В йенских размышлениях философа видели не более чем для будущих системных построений, не имеющие самостоятельного значения и интереса.

В новых исследованиях, конечно, не только не снят, но и более широко анализируется вопрос о том, как соотносятся первые системные проекты Гегеля с его системой, развернутой после создания и на ее основе.

Но этот вопрос применительно к теме системности в йенских произведениях Гегеля теперь уже не заслоняет другие аспекты системной проблематики и выступает в единстве с ними. Западногерманский исследователь К. Дюзинг правильно отмечает: 11.

В новых работах была сформулирована верная исследовательская установка: поскольку речь идет о становлении гегелевской философии, системы Гегеля, необходимо внимательно изучить 12, которые делают картину идейного развития философа в Йене не однотонной, а многокрасочной.

Что касается проблемы системности, то интерес представляют не только те йенские тексты, в которых так или иначе высказывается мысль о логике как теоретическом ос57 нова-

нии системы. Они действительно очень важны, ибо могут расцениваться как наметки логицистского подхода к системной мысли, который становится для Гегеля основным уже в период создания. Но и другие системного построения, основанные на социальнополитической проблематике, вплетенные в феноменологический анализ, тоже существенны, интересны. При их создании и применении, во-первых, опробывались различные варианты системного размышления, которые в наши дни привлекли еще большее внимание, чем в ту эпоху, причем и удачи, и ошибки Гегеля остаются поучительными. Во-вторых, каждая из таких вносила какую-либо крупицу нового содержания в формирующийся принцип системности, подробно развитый Гегелем на диалектико-логической почве, так что все йенские работы важны для расшифровки этапов пути философа к. Кроме того, отдельные результаты, включенные в иной общий контекст, затем вошли в соответствующие разделы гегелевской системы. В-третьих (и эта сторона дела западными гегелеведами рассматривалась мало), в связи с новыми гегелевскими системными разработками меняется, ограняется также и идея историзма.

Далее мы постараемся подтвердить справедливость этих общих оценок в ходе поэтапного анализа идейной эволюции гегелевского понимания проблем системности и историзма (в связи с чем будут более конкретно охарактеризованы достижения и недостатки новейших гегелеведческих изысканий).

В начале века в Йене совершился четкий переход Гегеля к системным умонастроениям и построениям13. Возникает важный вопрос, который, как нам представляется, мало обсуждался в гегелеведческих дискуссиях: каковы основные причины, определившие интерес Гегеля не только к критическому, но и к позитивному анализу идеи системности? Попытаемся дать на него ответ.

Прежде всего этот переход был связан с новым обращением мыслителя к общественно-политической проблематике. Существенно, что теперь Гегель не остается лишь во власти ценностных, проистекающих из чувства отчуждения способов размышления об обществе, государстве, политике, а настойчиво стремится к, как он сам говорит, трактовке политических проблем. Намечающийся поворот в мышлении Гегеля, в частности, состоит в том, что он хочет сделать более основательные, объективные выводы из подмеченного им системного характера господствующих

общественных отношений, т. е. из представлений о как взаимосвязанной системе отношений, учреждений, действий, событий, предписаний, духовных принципов. И пусть порой социальный порядок в Германии граничил с беспорядком, хаосом, а система заявляла о себе через сумбурные, внешне бессистемные действия, все же в ней, что хорошо чувствовали и начинали лучше понимать немцы, были свои цельность, последовательность, жесткость, был свой набор объективированных целей.

Основное устремление Гегеля этого периода, запечатлевшееся в его так называемых политических произведениях: надо подключить общественные, социально-политические реалии к, рассмотреть их не совпадающее с социально-исторической эмпирией, скрытое от глаз сущностное движение для того, чтобы более глубоко осмыслить возможности реализации свободы, гуманности, справедливого правопорядка. Если раньше Гегель главным образом клеймил системы деспотизма и связанные с ними идеологические системы, то теперь он, не отказываясь от многих своих прежних оценок, в то же время стремится понять источники и объективные формы системной взаимосвязи важнейших областей социального действия. Новый тип социального размышления молодой исследователь пытается применить и в его, можно сказать, моделирующем значении по отношению ко всей; Гегель пытается набросать проект системы, ориентированной прежде всего на философское осмысление социальных отношений. (Мы, к сожалению, вынуждены были из-за соображений объема отказаться от включения в книгу уже написанного раздела, посвященного ана-

лизу в этом ключе социально-политических работ Гегеля начала XIX в. Отсылаем читателя к самим этим работам и к исследованиям специалистов по гегелевской философии государства и права14.) Не менее важным для Гегеля обстоятельством - как в позитивном, так и в критическом плане - стало то, что уже был воплощен в философии Канта, Фихте, Шеллинга, что их работа над принципом системности была подчинена стремлению привить на философской почве наиболее характерный для всей тогдашней немецкой культуры росток - идею,. Считалось, что тяготение к целостности заложено в устремлениях сердца и усилиях духа, но простирается и далее, захватывая природу и историю, ближний мир вещей, событий, индивидов и дальний мир неземных

пространств, ушедших и грядущих времен, когда-либо живших и будущих поколений. Несмотря на известную расплывчатость, а порой почти метафизическую абстрактность идеи целостности как таковой, она облекалась в уточнявшие ее гуманистические образы, чувства, идеалы, которые достаточно четко отделяли передовую культуру и философию Германии от реакционной идеологии, апологии деспотизма, в тот период усиленно эксплуатировавших понятия „,,.

Взлелеянные передовой культурой Германии сердце и ум индивида одушевленно, порой сентиментально хотели побрататься со всем миром, увидеть в нем самих себя и проникнуться надеждой, что даже и в мертвой природе в унисон с переживаниями, мыслями, страданиями человека - обязательно благородными! - пульсирует скрытая , созвучная людям жизнь. И если возникали разногласия, то в этом вопросе они касались оттенков: ли с человеком бог, самой природы или некий (не случайно обожествляемый) дух, объемлющий и природу и человека; сообщается ли с человеком при помощи языка сердца, обращая к нему страстный голос, или он вещает индивиду свои тайны языком интеллектуальных, требующих специальной расшифровки абстрактных символов.

Культура Германии - вспомним, страны, истерзанной раздробленностью и хаосом, - была буквально пронизана идеей космического, духовного порядка, и философия, черпая подобное умонастроение из общего потока культуры, снова возвращала в него метафизически обоснованный, укрепленный и расширенный принцип единства. По целому ряду причин, которые станут более ясными при конкретном анализе философии Гегеля, в культуре Германии конца XVIII - начала XIX в. духа предстала как гарант целостности мира. На почве науки и философии эта общая тенденция культуры не случайно переливалась в идею системности. Если поэзия, литература, изобразительное искусство могли позволить себе передавать впечатления и мысли фрагментарно, эмоционально, то философия в соответствии с фундаментальными ее традициями (а к ним Гегель в Йене делается особенно чувствительным) бралась обосновать, доказать, развернуть применительно к самым различным областям единый принцип и целостности мира.

Как бы метафизична ни была немецкая культура, она не могла подменить собой метафизики философствования -

к философии она подводила вплотную, часто в нее переливалась и тем еще острее выражала свою нужду в философии. И философия не могла бы ответить на идейную потребность всей культуры в целостности, когда бы она не попыталась представить самую себя в виде новой целостности, соответствующей духу современности.

А это значит, что философия должна была предлагать культуре целостные системные построения, причем все время искать новые, оригинальные системы. Гегель, как мы увидим, глубоко чувствует эту потребность общественной жизни и культуры, переживает трудности и противоречия, связанные с ее реализацией.

Мировоззренческая целостность культуры, взаимовлияние ее отдельных областей для передовой немецкой интеллигенции были опорой в борьбе за социальные преобразования, против государства - раздробленного, внешне хаотичного, но единого и жесткого в системе полицейского надзора, идеологической слежки. Художественная культура в Германии всегда играла немалую роль, но во второй половине XVIII - начале XIX в. она стала невиданно влиятельным общественным феноменом. В единстве с ней развивалась философия, некоторое время оставаясь в тени литературы, затем, и в немалой степени благодаря усилиям Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, она вырвалась вперед. Науки, включая естественные и математические, в Германии XVIII столетия еще не были влиятельной формой общественного сознания. Однако и в них к началу XIX в. тоже намечается известное оживление, происходит некоторый перелом, причем их воздействие на культуру, ее идеи и идеалы начинает возрастать.

15

(имеется в виду данное в одном из писем Шеллинга толкование опытов и теории физика Риттера, из которых философ пытался извлечь идею полярности и всеобщей природы). Гегель, между прочим, признается другу, что слаб по части проведения опытов и выражает желание поучиться у опытных экспериментаторов. В йене Гегель продолжал усиленно изучать естествознание и плодотворно общался с естественниками (на титуле он именовался не только профессором Йенского университета, но и членом Минералогического общества. О принятии в общество (1804 г.) Гегель как о предме61 те особой гордости сообщает в цитировавшемся ранее наброске автобиографии16).

В работах и письмах йенского периода Гегель все чаще ставит вопрос, который постепенно превращается в важнейшую проблему его произведений - о роли наук в человеческой жизни, о соотношении философии и других наук, о научности самой философии. Гегель особым образом трактует проблему науки и научности, вопрос о связи философии с царством наук. Наука для молодого философа есть прежде всего 17, что при более конкретном гегелевском рассмотрении означает ответ на мировоззренческие, смысложизненные загадки. Читатель должен иметь в виду, что понятие в это время еще не приобрело того отвлеченного логического смысла, какой Гегель будет придавать ему в более поздних произведениях., мыслятся прежде всего как умение освободиться от субъективных пристрастий, учесть собственное движение, внутренний исследуемой целостности, будь то жизнедеятельность людей в государстве или ход на глазах протекающей истории. для Гегеля - это именно система объективных ориентаций, которая позволяет человеку не захлебнуться в пучине житейской прагматики, сохранить духовные устремления, не растеряться перед быстро сменяющимися историческими событиями. Для формирования первых собственных вариантов системного и исторического анализа поворот Гегеля именно к и в понимании истории имел первостепенное значение.

Гегель пришел к новому способу интерпретации исторических событий отнюдь не сразу. Еще 13 октября 1806 г., только что закончив, он, как известно, восторгался Наполеоном - с сентиментальностью, распространенной тогда среди радикально настроенных немцев (к их числу принадлежал и Гёте). Император представляется Гегелю самой на коне. Да и как было не взволноваться, не испытать, когда, по словам Гегеля, можно было собственными глазами созерцать! Ведь она!18 А вот из письма, написанного всего через несколько месяцев, 23 января 1807 г., видно, что рекогносцировки воплощенного мирового духа успели приесться вчерашнему поклоннику, а всего больше набили оскомину пустые словопрения вокруг непростых для Германии исторических событий. Гегеля теперь интересуют, занимают не просто деяния

отдельных личностей, пусть и великих, а воздействие недавней истории на целые нации и на отдельных индивидов:

19.

Отсюда - надежды на науку, которая помогает понять суть, объективность, необратимость хода истории и действовать в соответствии с таким пониманием. 20. Это первостепенно важный для Гегеля объективистско-истористский ход мыслей.

Согласно данному ходу мыслей философии как форме культуры вверяется важнейшая миссия, в чем Гегель един не только с крупнейшими философами, но с писателями, художниками, учеными своего времени.

В такой стране, как Германия, где все еще продолжали носить трещавшую по швам, сброшенную другими народами, где позволяли себе отворачиваться от уроков истории, - в этой стране именно философия брала на себя задачу сохранить смысл объективных социальноисторических уроков, собрать, сгруппировать их, тем самым представив сознанию современников и людей грядущих эпох. Гегель по существу уже начал ставить перед философией системную цель - выразить в мыслях свою эпоху, а следовательно, сохранить через форму преемственности философского познания схваченную в мыслях совокупную человеческую историю. Не будем, однако, забывать, что Гегель находится в самом начале этого пути.

Для формирования системных идей было существенно то, что уже и молодой Гегель видел задачу философии по отношению к истории в ее синтезирующей, объединяющей

63

миссии. Прибыв в Йену, расцветшую (и, кстати, покинув ее позже также и потому, что выдающиеся таланты культуры и науки тогдашней Германии один за другим оставляли этот некогда блестящий город), Гегель должен был особо решать вопрос о миссии философии не только по отношению ко всей человеческой жизни, но и по отношению к.

И вот вариант суммарного ответа (отрывок из письма Фоссу, май 1805 г.): 21.

Столь широкое толкование проблем, предмета, задач, миссии философии естественным образом подталкивало к выработке целостной, систематической формы философского исследования. Но хотя Гегель уже в Йене приблизился к идеалу системного построения широко разветвленной сферы философского познания, в реализации и разработке системных идей он сделал лишь первые шаги.

Нельзя сбрасывать со счетов еще одну причину, обусловившую усиление интереса к системности, - по сравнению с перечисленными она может показаться второстепенной, но реально была довольно важной. В Йене Гегель впервые становится университетским преподавателем - впервые, стало быть, включается в официальную систему образования. Это была заведенная - и в Германии бюрократически утвержденная - система дисциплин, лекционных курсов и т. д. Куно Фишер помещает подробный перечень курсов, которые Гегель читал в Йенском университете с 1801 по 1807 г. (во время первых четырех семестров - 1801 - 1803 гг. - вместе с Шеллингом и под его - Schellingo diriget). По установленному порядку это были именно системные курсы - логика, метафизика, естественное право; к ним присоединятся в 1805 - 1806, 1806 - 1807 гг. курсы математики, арифметики и геометрии (читанные скорее по необходимости), а также истории философии, которую он использовал для выражения своих рождающихся в процессе исследования идей22.

64

Надо иметь в виду простую вещь: системности требовал не только тот или иной установленный порядок преподавания, который в Германии, в свою очередь, опирался еще на

лейбницевско-вольфовскую систематизацию довольно обширной совокупности философских дисциплин. Лекционные курсы, особенно если их читает столь глубоко мыслящий человек, как Гегель, естественно, внутренним образом требуют систематизации, в идеале нуждаясь в проработке единых и объединяющих фундаментальных идей. Эти обстоятельства тем более должны были укрепить в Гегеле системные устремления, что он с присущей ему теоретической основательностью рассуждает о - в философии Гегеля оформляется линия анализа, которая будет особенно углублена в нюрнбергский период.

Заговорив о системности официального преподавания философии, мы касаемся более общей черты официозного философствования в Германии конца XVIII - начала XIX в.

Не станем предвосхищать деталей последующего рассмотрения, скажем одно: это было догматическое философствование, тоже усиленно эксплуатировавшее системную форму. Глядя на достигнутые им результаты, было от чего прийти в отчаяние; было бы даже понятно, если бы Гегель продолжал обличать систему и системность в философии, - так претило думающему человеку официозное системосозидание. Но Гегель отныне будет стараться, чтобы этот чертополох, это системное обезьянничание не забило здоровых ростков философской системности, пробившихся под воздействием всей истории философии нового времени, а особенно учений его соотечественников Канта, Фихте, Шеллинга.

Еще во Франкфурте (1797 - 1800 гг.), а особенно в первые годы пребывания в Йене, Гегель глубоко погружается в проблематику, осмысление которой, как и раньше, целиком захватывает философа, переживается им как напряженный личностный поиск. Гегель не удовлетворяется внешним и формальным включением в философию и философствование. Ответственный по натуре, требовательный к себе человек, Гегель, видимо, воспринял вступление (в январе 1801 г.) на стезю профессиональной философии как повод снова и снова задуматься над вопросами: а что значит быть философом? Каково предназначение философии и какое философское учение в наибольшей мере отвечает специфике, общекультурной миссии философского познания?

В письме к Шеллингу от 2 ноября 1800 г. Гегель дает сжатое, но чрезвычайно емкое определение смысла и целей

своего идейного развития в философии:. И Гегель добавляет, что из всех, кого он видит вокруг себя, только Шеллинг - истинный друг, поскольку оба они разделяют единые принципы. Гегель обращается к другу:

23. На той же странице,

где были написаны Гегелем эти слова, Шеллинг затем сделал пометку:, тем самым как бы скрепив единой нитью гуманистические, жизненные притязания философии, с одной стороны, и ее системные построения - с другой. А последние, как тогда согласно полагали друзья, должны опираться на принцип тождества. Связь двух аспектов философии - гуманистического, жизненного и специально-системного - хорошо видна в написанной Гегелем в 1801 г. и опубликованной в Йене работе.

1. Гегель о судьбах философского

системного мышления в условиях отчуждения (работа 1801 г.) Названная работа Гегеля (далее для краткости -) в последнее десятилетие привлекала внимание гегелеведов24. Для фиксирования поворота Гегеля к позитивному пониманию системной проблематики она особенно интересна25. В гегелеведческих исследованиях и дискуссиях 70-х годов обсуждался главным образом вопрос о том, из каких частей состоял намеченный здесь проект

системы и в каком отношении это членение находится к структуре системы позднего Гегеля26-27.

Однако существующими исследованиями, в которых разбирается вопрос о системности в работе, нельзя полностью удовлетвориться. Споры о структуре системы немаловажны, но ведь и тип системного членения сам зависел от смысла тогдашних духовных исканий Гегеля.

В анализируемой работе, несомненно, видны результаты

поворота к системным построениям. Но проблемы, тревоги, которыми молодой Гегель в Берне и Франкфурте, еще не исчезли в первых йенских сочинениях. Более того, Гегель объективировал свои сомнения и колебания в, стремясь разъяснить и оправдать переход от досистемной, а отчасти и позиции к построению новой системной философии. Существенно, что это было сделано благодаря связыванию, с одной стороны, критических и позитивных размышлений о философской системности и, с другой - глубоко эмоциональных, личностных, смысложизненных раздумий об исторических судьбах философии в условиях отчуждения. Иными словами, в гегелевском мышлении нашло продолжение и дальнейшее развитие своеобразное объединение идей системности и историзма.

При анализе мы должны были считаться с тем, что это произведение, существенное для понимания идейного развития Гегеля, не переведено на русский язык и в работах советских историков философии специально не проанализировано. Поэтому представляется уместным дать также и некоторые общие характеристики работы.

Объектом критического разбора в ней становится философская система И. Г. Фихте. Эта система в истории мысли потом нередко подвергалась критике. И не кто иной, как Гегель, стоял у истоков основательного, во многом меткого критического анализа философии Фихте. Гегель начал воевать с ней опять-таки по инициативе Шеллинга и под его сильным влиянием. А ведь еще совсем недавно, как мы видели, Шеллинг почти заразил Гегеля убеждением, что философия Фихте и есть та истинная философская система, пришествия которой заждалась Германия. Если Гегель и поддался восторженному, недолгому правда, преклонению друга перед системой Фихте, в конце века вряд ли изучив ее достаточно основательно, то в начале нового столетия, после тщательной работы над философией Фихте, он охвачен уже гораздо более глубоким и самостоятельным устремлением осуществить критический расчет с новым философским учением.

Возможно, Гегель и не решился бы на открытый выпад против Фихте - ведь это означало бы увеличивать и так уж немалое число противников талантливого философа. Но у Шеллинга завязалась перепалка с Фихте. Поскольку война была объявлена, Гегелю ничего не оставалось, как выступить на стороне своего друга и философского союзника.

Сама по себе теоретическая задача - сопоставление фило67 софских систем Фихте и Шеллинга, которые после Канта и под его несомненным влиянием очень скоро повернули философскую мысль к новым пластам серьезнейших проблем, - была для современника и сотоварища этих новаторов в философии столь же увлекательной, сколь и трудной научной задачей*.

Суждение о философских системах Фихте и Шеллинга в 1801 г. уже могло опираться на довольно представительный материал, хотя, разумеется, их развитие продолжалось и Гегель еще не мог знать, что произойдет с этими системами в дальнейшем. Историческая дистанция, одним словом, была слишком короткой, чтобы уверенно судить о содержании фихтеанства и шеллингианства как философских и в более широком смысле идейных явлений. (Так, предметом критики была работа Фихте 1794 г.) Существовала еще одна немалая трудность: Гегель, теперь уже более свободный и самостоятельный в критических суждениях о системе Фихте, испытывал пока что глубокое воздействие личности, таланта, дружбы Шеллинга. Внешне он проявлял себя адептом шеллингианства. И это делает не-

равнозначными разделы и суждения работы, соответственно относящиеся к Фихте и Шеллингу.

Но как бы то ни было, Гегель ищет твердый теоретический фундамент для более конкретного разбора особенностей обоих философских учений. Им становится весьма интересное для нашей темы размышление о том, как и почему философы вновь и вновь побуждаются к созданию

(*Надо отметить, что резкая по содержанию полемика Гегеля с Фихте носит уважительный по форме характер - в основе своей это дискуссия с коллегой, философствование которого безоговорочно признается, т. е. относящимся к сути и специфике философского мышления. В приложении Гегель разбирает полемику Рейнгольда против Фихте и Шеллинга (Рейнгольда, когда-то восторженного поклонника кантианства и фихтеанства, но потом, как саркастически свидетельствует Гегель, многократно объявлявшего - letzte Beendigung der Beendigungen - философской революции). Гегель категорически отметает рейнгольдовы критические такого рода: -де обрела в системах Фихте и Шеллинга свои принципы и свою философию28.

Гегелевскую критику полемических произведений Рейнгольда - это небезынтересное свидетельство размежевания в рамках философского сообщества Германии - мы вынуждены оставить в стороне. Отметим только, что Гегель выступает против идеи Рейнгольда, согласно которой надо выдвинуть на первый план и, отвергнув 29. Но ведь это, по сути дела, и критика Гегелем своих прежних резких (теперь значительно смягчаемых) противопоставлений и.)

оригинальных философских систем - и в чем, стало быть, состоят сущность и истоки непрерывных системных устремлений в философии. Перед нами - еще один аспект вопроса о системах и системности в философии. И снова же аспект, актуальный также и в наши дни. Гегель ставит проблему своеобразно, интересно, связывая контекст философии и личностные переживания философствующего индивида, стремящегося к построению системы. Иными словами, идея системы и проблема исторического развития (системность и историзм) предстают в мышлении Гегеля в определенном единстве друг с другом, а также в единстве с глубокими смысложизненными раздумьями о философствующей личности.

Человек, решающий стать философом, рассуждает Гегель, сразу оказывается перед задачей глубокого смысла и огромной трудности - ухватить противоречивость, даже драматичность своего участия в историко-философском процессе. Попытаемся определить специфику гегелевского истористского рассмотрения. В данном случае оно относится к истории философии. Не случайно же специальная, конкретная - по своему заголовку - работа начинается с. И вот она - внутренняя драма философского творчества: новые и новые системы не могут не рождаться, но какова ожидающая их судьба?

Гегель считает, что новые системы рождаются из противоречия между устремлением к вечности и влиянием особой исторической эпохи, из противоречия между свободой и духом несвободы, отчуждения. 30. Какова бы ни была последующая судьба создаваемых философских систем - очень часто они обречены, увы, на то, чтобы увеличивать и в истории мысли, все же нельзя оДолеть стремления индивидов новых поколений проникнуть в философию глубже, чем это сделали предшественники. Выпадает ли на их долю успех, зависит не

только от индивидуальной одаренности мыслителей, но и от того, сумеют ли они уловить, в чем состоит задача философии каждого момента по отношению к уже протекшей, истории философской мысли, по отношению к целостности философского развития.

Иногда, рассуждает Гегель, историю философии представляют как своего рода ремесленное, рукодельное искусство и соответственно новый шаг вперед видят в изобретении чего-то абсолютно своеобразного. 31. Гегеля не удовлетворяет подобный подход к пониманию связи и в развитии философии, ибо если бы все так и было, то тогда даже великие философские системы играли роль однодневок, как бы созданных ради неповторимого момента истории: целостность философии распалась бы на дискретные. Иными словами, Гегель восстает против упрощенного историзма - против того, чтобы замыкать философское мышление только на, а значит, погружать в пучину забвения навсегда ушедшее .

В гегелевской работе привлекают внимание раздумья начинающего философа над вопросом, который не может не задавать себе каждый индивид, ищущий собственный путь в философии. Естественно его стремление внести в философию нечто новое, оригинальное, своеобразное. Но что вообще означает новизна в контексте философского мышления? Пытаясь разобраться в этом вопросе, Гегель прежде всего считает важным выступить против оригинальничания, формальной игры в. 32. В противном случае, были бы только воззрениями; вместе взятые, они составляли бы случайное скопление множества понятий и мнений - 33.

Выступая против субъективизма и исторической релятивизации философского мышления, Гегель в то же время отстаивает идею о его исторической обусловленности, которую он относит к коренным особенностям формы (Gestalt) философствования, к специфике. Эту форму определяет характер эпохи, поставляющей для философии. как характеристика сущности, проблемного содержания и историческое своеобразие как характеристика имманентной формы системы - таковы, по мысли молодого Гегеля, тесно взаимосвязанные стороны философии. Сущность подлинной философии неотделима от; формируются же и форма и сущность. Отсюда вытекают императивные требования, обращенные к философствующей личности: испытывая неустранимое влияние эпохи, ориентироваться вместе с тем на, т. е. на спекулятивный разум, заставлять свою мысль течь по руслу проблем и решений.

Такова ясная, казалось бы, цель философствования, но Гегель видит на пути ее достижения колоссальные трудности. Он рисует ситуацию исторического выбора философа как глубоко драматическую. 34.

Значит, философия в соответствии с ее природой ввергает приобщающегося к ней индивида в глубокое противоречие между устремлением духа к свободе, подлинно творческой оригинальности и ограничением свободы. Свобода проявляется в стремлении и умении индивида, породив оригинальную систему, слиться с безотносительной философии, с ее сутью. Несвобода состоит в скованности

влиянием конкретной эпохи, в преувеличении роли формы - тоже в стремлении к оригинальности, только неподлинной. Очень важно подчеркнуть, что несвобода, как утверждает Гегель, связана с внутренне присущим философии на системы и с неустранимостью самого духа системности. Поскольку же свобода философствующего субъекта скована, ограничена, в процессе философствования рождается своеобразное, прорывающееся тем беспокойнее, чем, и оно состоит в том, чтобы снова и снова.

Такой подход позволяет Гегелю связать чисто специальные на первый взгляд философские противоположения с лежащими в их основе интересами человеческой жизни.

35.

Гегель в связи с этим далее конкретизирует противоречие между свободой и несвободой в жизнедеятельности, в мышлении философа, тяготеющего к новаторству. Его удел - напряженное между противоположностями: их различение, объединение, снятие - и неминуемый новый достигнутого единства противоположностей. Это и общий закон жизни, и закон развития философии. Итак, Гегель глубоко одушевлен диалектикой, которую он черпает из всей мировой философии (из философской), но особенно из современной ему отечественной философской мысли. Особенность гегелевских размышлений, их главный для нашей темы интерес - в начавшемся соотнесении диалектики и идеи системы. Причем это соотнесение существенно отличается от более поздних логицистских образцов. Гегель пока еще не овладел манерой абстрактно размышлять о всеобщих духа, избирающих индивида, в том числе индивида философствующего, своим послушным орудием.

Движение философа в рамках противоречия свободы и несвободы рисуется и переживается им как личная драма. мыслящего индивида, к которой был так

72

внимателен Гегель в конце столетия, не перестала интересовать философа. Потребность в философии, утверждает он, рождается там и тогда, когда. Поэтому философское противопоставление застывших противоположностей - и самой важной из них: субъективности и объективности - молодой Гегель не считает одних лишь абстрактных сущностей. Здесь он видит свидетельство отчуждения, широко захватившего и интеллектуальные занятия, подобные философии, и жизнь тех, кто к ним приобщается. Отчуждение же коренится в более фундаментальных процессах человеческой жизни. Это плата за многосторонность, многоформие бытия человечества, плата за прогресс и просвещение. 36. (Проскользнула тема, которая скоро станет для Гегеля главным объектом интереса: развитие в человеческой жизни форм объективирования,.) Итак, к чему же пришел Гегель? Если системные устремления философии - отражение духа, распадения, (прилагательное fremd - чуждый - часто встречается в работе), не означает ли это, что нужно решительно противостоять духу системности, что следует бороться со всяким системосозиданием в философии? Даже в ранних, наиболее антисистемных по форме высказываниях нет такой идеи. Но уж во всяком случае в работе 1801 г. системность, как и дух обособления, предстает как неотъемлемая, вовсе не случайная, а имманентная черта философствования, научного размышления вообще. С этого времени и до конца своей жизни Гегель становится защитником идеи об обязательном системном построении философии, если она хочет быть наукой.

Но пока защита ведется своеобразно. Философия и философы-исследователи, согласно Гегелю, в любую эпоху не просто хотят создавать новые оригинальные системы - они на это. Устранить эту обреченность невозможно. Значит, единственно верный путь - все же овладеть принципом системности и, если возможно, связать его не

73

только с тенденцией обособления, но и с духом Целостности, с принципом тождества, с идеей абсолютного. Однако усилия именно такого рода - направленные на созидание философии и учитывающие драму отчуждения - предпринимаются и удаются очень редко. Их результаты тонут в потоке псевдосистем. Что не случайно: такова уж эпоха, такова ее культура. Ибо отчужденный дух распадения целостности на дискретные духовные атомы, считает Гегель, начинает торжествовать в новое время. Болезнь эпохи - удовлетворенность: сегодняшнего дня с культурой прошлого; обе формы культуры.

Но и это в лучшем случае. Ибо еще чаще рассудок, который Гегель обвиняет в приверженности духу обособления, , отчуждения, начинает 37.

Борьба разума с рассудком - одна из центральных тем предшествующей и современной философии - особым образом осмысливается Гегелем.

При анализе проблемы в работе Гегель развивает диалектические идеи, которые имеют самое прямое отношение к теме нашей книги.

Так, в небольшой главке в центре внимания стоит именно вопрос о системности. Почему так? Да потому, что высший идеал разума, который отстаивается Гегелем, - это, как уже упоминалось, разум спекулятивный. Или иначе: порождающий системную целостность. Заметим, что в принципе такое же общее понимание спекуляции, спекулятивного сохранится и в более поздней гегелевской философии. Присмотримся ближе к проблеме спекулятивного разума, отныне приобретающей для гегелевской философии большое значение. Центр тяжести спекулятивного - поиски, новое и новое обретение, удержание тотальности, ориентация на абсолютное38. Рассудок не только не понимает устремления спекулятивного разума к целостности - это устремление рассудку ненавистно и представляется источником неуверенности, непрочности39.

Итак, надо учесть прежде всего, что философии Гегель теперь считает детищем спекулятивного разума, противопоставляемого рассудку. 40 Трудность, согласно Гегелю, состоит в том, что рассудок проникает и в самое сердце философии. Он тоже берется продуцировать системы, точнее, псевдосистемы - а это представляет собой, как выражается Гегель: достаточно с помпой 41 какое-либо одно положение, выдать его за, связать с ним какие-либо другие утверждения, и система как будто бы готова! Это (Wahn) выглядит тем более делом, что ведь и подлинно философская система строится на некоторых основоположениях, что и она прибегает к дефинициям и т.д. Но вот тут-то и заключена великая, для многих так и не разгаданная, тайна приобщения к подлинной философии.

На пути построения философской системы неудачи постигают и талантливых философов. Гегель задумывается над их причинами. В частности, поднимается вопрос, для немецкой классической философии не новый, - о диалектике начала системы и дальнейшем диалектическом развертывании системного движения мысли. Линия гегелевской критики учения Фихте - анализ непоследовательностей и слабостей фихтевского понимания системной диалектики.

42. Такой

системой, как будто бы нацеленной на тождество как диалектическое единство противоположностей, но так его и не достигающей, является, согласно Гегелю, учение Фихте.

Речь идет в данном случае о тождестве субъекта и объекта, которое Гегель вслед за Шеллингом считает необходимым положить в основание системы. Фихте тоже претендует на то, что корень его системы - тождество субъекта и объекта, из которого затем и развертывается их диалектика.

Однако Фихте, рассуждает Гегель, не замечает по крайней мере двух ограниченностей своей системы. Во-первых, исходным пунктом системного движения у него реально является не подлинное тождество субъективного и объективного, а только субъективное, в котором объективное является не полноправной стороной диалектического противоре75 чия, а всего лишь аспектом субъективного Я. Поэтому, вовторых, при первом же исходного фихтевского псевдотождества - а не распадаться оно не может, ибо иначе не было бы системы, не было бы философствования, - объект, строго рассуждая, не может вернуться в лоно тождества. Как бы Фихте ни стремился пробиться к объективному, это ему уже не удается - столь мощный заслон поставлен неверным выбором исходного принципа философствования.. В результате системность движения и его исходный принцип у Фихте побивают друг друга:.

Напротив, шеллинговская философия обладает тем достоинством, что в ней становится принцип тождества; 43. Пройдет несколько лет, и Гегель иначе оценит философию Шеллинга. Однако данная формулировка весьма существенна, ибо суд над шеллингианством будет осуществляться на основе той же статьи кодекса - о необходимости последовательного, проведения философской системы принципа тождества. Поэтому-то рассуждения о

тождестве существенно важны для понимания дальнейшей судьбы системы самого Гегеля.

Гегель в ходе критики действительной слабости фихтевской системы ставит вопрос, имеющий немалое значение для понимания диалектики познания и построения систем.

С точки зрения отношения к противоречиям исследуемой области системы (системы научного познания, системы философии) могут быть разделены на два типа. Системы первого типа (сознательно или бессознательно) отвлекаются от противоречий изучаемых объектов или объектных областей.

Они не фокусируются, таким образом, на проблемах диалектики, на исследовании развития. Системы второго типа в центр внимания помещают диалектику, т. е. собственно противоречия изучаемой области. Создать такого рода систему философии (охватывающую диалектику теоретического и практического разума) уже стремился Кант. Фихте еще более детально, чем Кант, исследовал вопрос о диалектике философского системного мышления. Однако Гегель в анализируемой работе объявляет попытку Фихте в целом

76

неудавшейся. Почему? Да потому, что Фихте, по убеждению Гегеля, все же изменил диалектике, вследствие чего он, борец против, попал в объятия догматизма! 44.

Оставим в стороне то обстоятельство, что Гегель в работе (как, впрочем, и впоследствии) преувеличивает субъективизм фихтевской философии. Здесь существенно, что Гегель формулирует центральное диалектическое требование к оригинальному философскому (в более широком смысле - теоретическому) системному построению: следует исходить из единства противоположностей; надо двигаться к раскрытию их тождества; но нельзя допустить, чтобы одна из противоположностей подмяла под себя другую. Так, в философском познании необходимо, согласно Гегелю, иметь в виду противоположность субъективного и объективного, которая в известном смысле становится отправным пунктом, началом системного движения. В противовес фихтевскому объективного субъективным Гегель выдвигает инициированный шеллингианством принцип их тождества. Для Гегеля основной пока что смысл тождества - равноправие, равносущественность, неразделимость, подлинное единство противоположностей.

Иной подход к системному изучению связи субъективного и объективного - к одной из противоположностей - заклеймен Гегелем как философский догматизм.

Вспомним, что в нашем веке многие мыслители Запада обвиняли классическую философию (включая философию Гегеля) в том, что ею не было достигнуто именно единство субъекта и объекта. В ходе этой критики, направленной, правда, на позднюю гегелевскую философию, не без оснований подчеркивалось, что гегелевский абсолютный ДУХ противоположности - природу и жизнедеятельность индивида. Законченная гегелевская система впала в грех догматизма и антидиалектики, которого так опасался молодой Гегель. Впрочем, молодой философ хорошо понимал, сколь велика опасность подобного догматического, антидиалектического грехопадения; мало кто, признает Гегель, может противостоять духу, отчуждающей, а не интегрирующей эпохи.

77

Одна из проблем, которую, по убеждению Гегеля, так и не удалось разрешить Фихте, - вопрос о сопряжении теоретического и практического разума, т. е. теории, философии, науки, с одной стороны, и нравственности, права, государственной жизни - с другой. Подлинная философская система та, которая будет охватывать субъективное и объективное, или, выражаясь понятиями фихтевской философии, сферы Я и не-Я, которая найдет способы перехода от первой области ко второй. Гегель тут согласен с Фихте. Но он утверждает, что эти переходы как раз и не удались Фихте. 45.

Здесь - один из центральных пунктов расхождения с Фихте, где уже как бы замешивается раствор, который впоследствии пойдет на строительство фундамента собственной философской системы Гегеля. Неприемлемо для Гегеля не то, что объективный мир в системе Фихте стал теоретической способности. Существенно другое: сама эта способность истолкована так, что она оказывается не в силах объективный мир. Иными словами, Гегель критикует систему Фихте не за то, что она исходит из идеалистических постулатов, а за то, что экспансионистские притязания интеллигенции, направленные на полное овладение объективным миром, оказались нереализованными. Объективный мир остался непроницаемым для фихтевского Я, . Идеальное, продолжает Гегель, тем самым обособляется у Фихте от реального, причем на смену начальному - и правильному - стилю позитивно утверждаемого тождества Я = Я (Я есть Я) не случайно приходит менее уверенное,: Я должно быть равно Я. Поэтому в системе Фихте не увязываются концы с концами: 46.

Обратим внимание на требование связать начало и резуль78 тат системы: оно также будет развито далее в более поздних гегелевских рассуждениях о системности.

Другая фундаментальная проблема, которая, как считает Гегель, остается у Фихте нерешенной из-за пороков его системы: это отношение Я к природе. Для Гегеля здесь довольно существенный пункт прежде всего в силу его тогдашних шеллингианских ориентаций. Но дело не только в них. Для всего мировоззрения, мироощущения философа, глубоко коренящегося в идеалах молодых лет, весьма существенно, чтобы природа, с одной стороны, не была оставлена в ее противоположности по отношению к человеку, по отношению к духу и чтобы, с другой стороны, объединение человека и природы не было получено ценой принесения в жертву человеческой свободы.

Фихте, конечно, руководствовался аналогичными побуждениями, что Гегель понимает, приводя соответствующие фихтевские размышления о. Но, заявляет Гегель, природа остается у Фихте 47. Та же судьба - омертвление, нереализуемость - постигает свободу в ее фихтевском толковании48. Не удался Фихте и другой системный замысел - создать теоретическую платформу для единства наук49. Таков жесткий приговор, выносимый Гегелем фихтевской системе, а через нее и кантианству50.

Что же Гегель в работе противопоставляет фихтеанству? Как мыслит он ответить на диалектические требования, выдвигаемые перед новаторской философской системой? Увы, единственный ответ - общая апелляция к тождеству. Заимствованный из философии Шеллинга и вырванный из сложного контекста шеллинговских рассуждений, принцип тождества здесь не более чем призыв добиться единства противоположностей субъективного и объективного, свободы и необходимости: 51.

Как конкретно философ может добиться этого единства?

Гегель вслед за Шеллингом выдвигает на первый план , а кантианцев и фихтеан79 цев критикует за. Любопытный контраст по сравнению с более поздним гегелевским логицизмом! 52. Апология трансцендентального созерцания, которое так резко критически (значит, и самокритически) будет оцениваться в, - одно из свидетельств того, насколько мало Гегель в начале века продвинулся в разработке позитивных оснований собственной философской системы. Ее еще нет, хотя некоторые контуры будущего системного здания начинают прорисовываться.

Оценивая работу 1801 г. с точки зрения интересующих нас проблем системности и историзма (в связи с идейным развитием философского сообщества), мы вправе сделать следующие выводы.

1. Гегель пока еще не готов разработать собственную философскую систему. Но мыслитель уверен: новая философская система должна быть создана; более того, она обязательно будет создана, побуждаемая и пробуждаемая философствования. Имманентная цель системы - обеспечить внутреннее единство многомерной философской проблематики. Предварительно должны быть, как полагает Гегель, выявлены основные критерии философского системного мышления. Мыслитель формулирует требования к системе философии, которые представляются немаловажными. Недаром же и впоследствии Гегель не из-

менит некоторым из них. В основание системы надо положить, согласно Гегелю, диалектический принцип противоречия, единства противоположностей в форме тождества субъективного и объективного, который конкретизируется через единство 53.

Итак, Гегель стал продумывать критерии философской системы, диалектические требования к ней. Работа является шагом на пути формулирования Гегелем принципиальных для него идеалов системного философского мыш80 ления. Возникает один из первых проектов членения философской системы.

2. Гегель отныне будет считать альфой и омегой системной работы сопряжение теоретического и практического разума, наук о природе и наук о человеке, в конечном счете во имя объединения необходимости и свободы. Идеал свободы по-прежнему ставится во главу угла, но уже более тесно связывается с необходимостью. Только благодаря их диалектическому объединению, как полагает Гегель, философ и философская система способны пробиться сквозь „ неминуемо присущие самому духу системности, - пробиться к, целостности, включиться в совокупную историю человеческой культуры, человеческого духа. Этот процесс столь же неизбежен, сколь и драматичен.

3. Избран, таким образом, особый стиль рассуждения о системах и системности философии. Испытывая на себе влияние традиционной абстрактной философии (с ее метафизическими, логико-гносеологическими темами и методами), Гегель вместе с тем предпочитает своеобразный подход, при котором философско-метафизические, размышления о критериях, об их судьбах переплетаются с абстрактными историческими сопоставлениями и конкретной эпохи. В этом подходе, в этом сплаве есть еще один важный ингредиент - чувственность в форме переживаний, устремлений, разочарований философа, на новаторскую философскую работу.

4. Перечисленные особенности философии Гегеля были в немалой степени связаны с острыми размежеваниями внутри неофициального философского сообщества, в стане философов-новаторов, в рамках того на первый взгляд целостного, но по сути дела весьма противоречивого историкофилософского образования, которым была формирующаяся немецкая классическая философия. Это дискуссии глубоко содержательные - за каждым оттенком критического анализа скрываются в дальнейшем более основательно исследуемые узлы философских проблем. Это дискуссии внутри высокой философской культуры, что отличает их от полемики Гегеля с системосозидающей официальной философией.

81

2. Борьба с псевдосистемами философии.

Первые системные проекты Как сообщает Куно Фишер, в Йенском университете в период работы в нем Гегеля существовало философов: 54. Названы имена тогдашних йенских философов: И. Ф. Фриз, К. Х. Краузе, И. Б. Шад, Ф. Аст, Г. Грубер, Г. Генрици - имена, в сегодняшней истории философии в сущности забытые. Скорее всего, отношения Гегеля с Йены внешне были спокойными и прохладными. (Более близкими для начинающего преподавателя Гегеля были профессор ботаники Ф. И. Шельвер, известный тогда физик Т. И. Зеебек, которого высоко ценил Гёте; переводчик Тассо, Ариосто и Кальдерона И. Д. Гриз и издатель К. Ф. Фроман.) Что думал Гегель о типичной для тогдашней Германии официально принятой философии, гадать не приходится.

Гнев и ненависть против, против господствующей и воинствующей серости у Гегеля и его друга Шеллинга не смягчились. Более того, теперь им решено было дать выход, для чего использовалась главным образом, где был помещен ряд очень резких, блестящих рецензий Шеллинга и Гегеля (в переписке Гегеля имеются деловые и в то же время довольно откровенные письма к издателю газеты профессору Г. Мемелю). Затем был учрежден, совместное издание Шеллинга и Гегеля - других авторов у нового журнала, кажется, так и

не нашлось. Программа действий двух друзей против официальной философии, а одновременно и программа будущего журнала была определена Гегелем в одном из писем так: 55.

Гегель ничего не опубликовал против своих коллег по университету, что, пожалуй, в свете исторической перспективы можно признать и невезением для йенских философов, ибо имена тех, на кого обрушился-таки сарказм гегелевской критики, все же чаще употребляются в истории философии - правда, как приложение к очерку развития идей великого философа. Но Гегель в Йене пока еще не

казался; его будущее вряд ли рисовалось доцентам Йены сколько-нибудь ясно. Зато наверняка находились коллеги, которые смотрели на уже не молодого, но еще только начинающего университетское преподавание Гегеля с зазубренной немецкой доцентской философии (вспомним, Гегель читал лекции суховато, без внешнего блеска, почему он не сразу стал популярным лектором). Против кого непосредственно были направлены Гегелем удары, предназначаемые, конечно же, всей официальной немецкой философии? Мемелю, - люди одного сорта; каждый называет свою совершенно случайную и незначительную форму [мышления] оригинальным открытием и ведет себя как философ. Cardo [осью], вокруг которой мы должны вращаться, является утверждение, что эти господа не имеют вообще никакой философии»56. Можно наверняка утверждать, что запальчивость Гегеля, сражающегося за философию, вызывала приблизительно такую ответную реакцию: а что создал в философии, что опубликовал сам критик? Да какое имеет право выражать требования и оценки от имени философии, отлучать от философии почтенных профессоров довольно-таки скучный лектор и автор одной-двух небольших работ?! История уже рассудила, что Гегель такое право, бесспорно, имел. Но суд истории, однако, вещь довольно отвлеченная, когда дело идет о сегодняшней жизни.

Что же в Йене в начале века поддерживало в Гегеле воинствующий пыл и уверенность в своей правоте? Ничего, кроме ощущения глубокой внутренней причастности к философии и кроме дружбы другого настоящего философа, Шеллинга. Как выяснилось, этого было не так уж мало.

Война официальному сообществу философов была объявлена. Первые объекты нападения - кто они? Рейнгольд - философ, конечно, не рядовой, однако в начале XIX столетия сам себя записавший в разряд официозов; Круг и Боутервек были, видимо, всех тех, про кого Гегель сказал:. Добавятся Герштекер, Вернебург, тоже приобретшие вследствие этого честь стать к истории гегелевской философии.

К проблеме системности спор Гегеля с перечисленными философами тогдашней Германии имеет самое непосредственное отношение. Ибо если и существовала, что называется, зримая отличительная черта у такой философии, то это была амбиция буквально каждого философствующего до83 цента создать хоть какую-нибудь да систему, заложить не иначе как философии и всех наук. Достаточно привести названия сочинений упомянутых господ: - так именовалось, написанное Ф. Боутервеком.

Ф. Герштекер в названии своей книги воплотил несколько более претензии:. В. Круг же написал.

Анализируя эти и другие произведения, Гегель приводит читателя к простому и ясному выводу: во внешне эффектную обертку системного глубокомыслия упаковываются обыкновенные глупость, пошлость, невежество, бездарность, смешанные с претенциозностью. Обобщающее произведение, написанное Гегелем совместно с Шеллингом и опубликованное как программный документ в первом номере, называется*. В нем блестяще описываются приметы и истоки системной болезни в ходячей философии Германии. Самое удивительное - в том, что заразилась ею официозная философия от великих философий Канта и Фихте. Недавние рьяные противники кантианства и фихтеанства или их прямые потомки по догматической линии стали под сурдинку красть у Канта и Фихте идеи. Правда, идеи в

собственном смысле своровать невозможно, ибо они идеями-то являются только в контексте развиваемой мысли. Но можно стащить и вставить в свою книгу или статью слово и форму. Системной болезнью, как об этом напоминает нам история немецкой философии, заразились, и потом даже с немалой охотой выставляли ее напоказ,, вчерашние противники системной философской работы, из-за того, что легко заимствуемая лихорадка формы позволяет создать видимость мыслительной активности, многообразия содержания и наукообразия рассуждений.

Так и возникла, замечательно пишут Шеллинг и Гегель,

57.

В заражении официозной, плоской, ходячей немецкой философии болезнью системности в ее преимущественно кантовско-фихтевской форме косвенно и негативно выразились по крайней мере три реально значимые и интересные тенденции, которые хорошо проследили в своей статье Гегель и Шеллинг.

1. Прежде всего, с недоверием воспринятые и многими так и не понятые системы Канта и Фихте одержали победу даже над официозной философией Германии. Причина была довольно проста: в последней к тому времени был такой вакуум идей, что он всасывал и чужеродные философские элементы, заимствуемые в идееподобной форме. Перед диалектикой замаячила, и не в последний раз, реальная опасность псевдоупотребления, сведения к игре словами.

2. Далее Гегель и Шеллинг подметили широкое распространение всегда, впрочем, близкого немецкому духу, требования теоретичности; в ходячих философиях они сразу же приобрели свой квазиоттенок. 58 3. И еще одно обстоятельство подчеркивают Гегель и Шеллинг: 59. В официозной философии это было не подлинное устремление к оригинальности, а только мода на нее. Мода на оригинальность, а не на догматичность - притом в ходячей философии такой страны, как Германия, - что-нибудь да значит. Но в условиях, когда объективные тенденции развития науки и философии приобрели превращенное выражение, понятно желание Шеллинга и

85

Гегеля (высказанное, как мы видели, и в работе) оригинальничанию, стремлению к своеобразию любой ценой противопоставить близость подлинного философствования к 60, 61.

Глубокие и точные общие оценки состояния тогдашнего массового философствования блестяще подтверждены Гегелем в рецензиях на труды ранее названных авторов (рецензии на русский язык не переведены). Каковы, например, особенности Боутервека? На первый взгляд она содержит необозримое обилие материала, но на деле, показывает Гегель, представляет 62. Оригинальничание Боутервека проявилось в том, что он вознамерился пронизать всю систему философии. Гегель прекрасно показывает, в какую белиберду все это вылилось.

Сначала автор убеждает читателя, что скептицизм заставляет осуществлять только, а потом он уже в параграфе 384 (читатель должен был дотерпеть почти что до четырехсотого параграфа!) заявляет, что скептицизм может и должен быть опровергнут. У Боутервека, язвительно замечает Гегель, даже хватает мужества, поплутав по им самим построенному скептическому лабиринту, поставить сакраментальный вопрос: 63.

Автор, доведя скептическую манеру до крайности, уже не смог дать ответ на столь резонный вопрос. Но потом он всетаки нашел: он предложил начать… хотя бы с перечисления сил и способностей души. Хороша же система, когда она прежде всего скептически лишает саму себя какого-либо достоверного начала, а потом от усталости, порожденной бесплодным скептическим словоблудием, предлагает начать хоть с чего-нибудь!

Рецензирование работ другого,

В. Круга, связано с разбором проблемы, которая для Гегеля в этот период, да и в периоды последующие была очень важна; она обозначена названием рецензии: (напечатана в январе 1802 г. в первом томе). Гегель, как мы видели ранее, высказал серьезные критические претензии в адрес фихтеанства. Рецензирование же сочинений Круга он сознательно использует как повод категорически отмежеваться от манеры рассмотрения, точнее, оплевывания философии Фихте официозной философией.

Претензии, адресуемые Кругом трансцендентальному идеализму, в точности совпадают с типичными обвинениями, которые здравый, обыденный рассудок предъявляет философии.

Фихтевскую дедукцию, проистекающую из Я, Круг не приемлет не из-за действительных ее философских ограниченностей, а из-за того, что не выполняется выдвигаемая от имени здравого рассудка задача не что-то абстрактное, малопонятное обычному человеку, а все то, что окружает его в жизни. Правда, Круг как будто отмежевывается от свойственного разве что ожидания, что философия обязана и станет 64. Комично, продолжает Гегель, как господин Круг, который уже столь милостив по отношению к философии, что даже позволяет ей не заниматься всеми такими делами, потом все же требует от философов - дедукции хотя бы некоторых определенных представлений, например, луны со всеми ее особенностями или розы, лошади, собаки, дерева, железа, звука и т. д.

Гегель далек от того, чтобы просто отмахиваться от подобных претензий и ожиданий рассудка. Философия так или иначе говорит и должна говорить об окружающих человека вещах. Но суть, в которую даже не делает и попытки вникнуть господин Круг, требует особым образом рассуждать, скажем, о луне, как и о планетах солнечной системы. Иными словами, нужно прежде всего освоить специфику философии и тщательно разработать различные разделы философской системы, чтобы в нее вошло - опосредованное делом философии - дело самой жизни. К подобному рассуждению, показывает Гегель, не склонен и не способен господин Круг65.

Общий вывод Гегеля: философская система В. Круга представляет собой 66.

Так язвительна, беспощадна, точна была гегелевская рецензия. Круг опротестовал ее через и сообщил читателям, что рецензент не ознакомился с какими-то приложениями к его. Гегель ответил заметкой в - очень краткой. Приговор Кругу вынесен и обжалованию не подлежит: что бы еще ни читать из сочинений Круга (пусть все семь или восемь томов, которые он обещает обрушить на читателя) суть дела не изменится.

Все равно это будет 67.

Не станем из-за недостатка места разбирать другие рецензии Гегеля на произведения авторов, которых вообще можно было бы счесть малозначительными, недостойными внимания, когда бы их не определяло лицо господствующей философии Германии конца XVIII - начала XIX в. Неудивительно, что в этих рецензиях Гегель только намечает, но не разбирает позитивные проблемы, касающиеся системности. Как и в работе, в произведениях 1802 - 1803 гг. отправной точкой анализа проблемы системности для Гегеля продолжает оставаться размежевание с великими философами - Кантом и Фихте или по крайней мере со столь серьезными мыслителями, как Якоби.

Обстоятельная критическая и одновременно позитивная работа проделана Гегелем в йенском сочинении*. Не входя во все детали полемики, коснемся только проблемы системности.

Теоретический аспект проблемы, который разбирается Гегелем и который существен для научной системы философии, состоит в следующем: где философия берет материал для системного конструирования, как она его использует и обрабатывает? Это вопрос, который стоит в центре названной работы и решается в полемике с Кантом, Фихте, Якоби. В работе речь идет о таких проблемах, как нравственность, благочестивость, образование индивида, которые отнесены к практической философии.

В этом контексте разрабатывается проблема соотношения

*(*Впервые опубликовано в в 1802 г.; на русский не переведено.)*

88

между эмпирическим материалом и специфическими для самой философии системными предпосылками. Итак, на одной стороне стоит с его, на другой - эмпирия с многообразием конечного. Каково же между ними отношение?

Типичная для эпохи Просвещения посылка, превратившаяся в, согласно Гегелю, такова: единственную реальность представляет конечное, которое в себе и для себя абсолютно, содержит множество единичностей. Стало быть, и содержание должно исходить от него, и только от него, как бы заполняя заведомо пустую, все готовую принять в себя форму понятия.

68

Немецкая философия, отмечает Гегель, стремилась преодолеть идейные установки Просвещения прежде всего потому, что считала их дуалистическими: как же бесконечное примет в себя конечное, если последнее чуждо ему, хотя и господствует над ним? Проблема разбирается так, что постоянно переплетаются анализ систем, понятий, текстов Канта, Фихте, Шеллинга и выходы Гегеля к широкой исторической оценке самого запечатленного в них типа философского рассуждения. И тут его анализ связан со своеобразным историзмом, который проявляется в попытках дать обобщенный, но исторически определенный образ, объединяющий объективные предпосылки и эпохальные характеристики познания.

Например, эвдемонизм, присущий философии Просвещения, Гегель понимает как выраженный ею с наибольшей четкостью жизненный принцип, который состоял в легитимизации чувственного, конечного, субъективного, эмпирического и который пришел на смену многовековому их принижению перед лицом. 69 - задает вопрос Гегель, как бы предупреждая недоумение читателя. Ответ его таков: как бы ни стремились немецкие философы противостоять эвдемонистскому духу Просвещения, как бы ни хотели они приостановить распространение культа конечного,

89

все же несмотря на сознательную направленность 70 Кант, Фихте, Якоби не сумели выйти за его рамки. И пусть немецкие философы подчеркнули активность духа, особенность позиции мыслящего субъекта, они поддались Просвещению в том, что решились взять. Тем самым была лишь 71, которая не может не соотноситься с конечным субъектом и конечным миром. 72 В этом рассуждении Гегеля подчеркнем два момента.

Во-первых, позиция философов, отправляющихся от предметами и рассудок чувственности как первоосновы философского системного построения, с полным на то основанием объявляется эпохальной исторической характеристикой, увязывается с глубоким интересом европейской культуры нового времени к человеку. Во-вторых, существенна идейная переориентация Гегеля: если раньше он ратовал именно за исходных позиций философа, за их близость к миру чувств, мыслей, к (воспользуемся гуссерлевским термином) индивида, то теперь, как мы видим, мыслитель уже страстно восстает против превращения конечного в единственную и высшую реальность, по отношению к которой духовное со всеми его принципами, включая нравственные, есть простое производное, пустая форма, заполняемая лишь содержанием.

Тем самым мыслителем объявлена не прекращающаяся и далее война - и не только против материалистических, эвдемонистско-утилитаристских тенденций философии Просве-

щения (во многих других моментах, впрочем, высоко ценимой Гегелем), но также против материалистических оснований учения Канта, которые - включая эпохально толкуемую идею об предметами чувственности - прозорливо выводятся Гегелем из духа эпохи, из ее характерных идейных принципов. Основным недостатком кантианства Гегель как раз и считает дуализм, который, по его мнению, воспроизводится в различных формах, делая

90

несостоятельной претензию Канта На последовательность философского анализа. Гегель отвергает кантовскую манеру выведения характеристик познания и знания, следовательно, построение гносеологических и логических разделов системы из эмпирического материала, относящегося к сознанию. Перед нами здесь выступает не философский разум, заявляет Гегель, а самый обыкновенный рассудок - эмпирическое человеческое сознание73.

В кантовской философии, продолжает Гегель, с продуктивной способностью воображения происходят превращения: объединяется то с априористским изображением (соответственно системным ходом мысли), то берется в обыкновенной эмпирической, психологической форме. Правда, Гегель порой отмечает (как и в работе) некоторые моменты философии Канта, созвучные принципу тождества, зарождающемуся абсолютному идеализму и соответствующему пониманию характера системности. Например, толкование в веры в бога (но не проблем, касающихся веры в бессмертие души - их интерпретацией Гегель весьма недоволен). Однако основной вывод Гегеля таков: в философии Канта нет, непротиворечиво, монистически выбранного основания для философской системы - должным образом понятого духа, а потому не способен создать и истинную философскую систему. (На примере дедукции каузального принципа, осуществленного Якоби в работе, Гегель удачно вскрывает искусственность, игравшей немалую роль в трансцендентальном идеализме74.) В гегелевской оценке философии Канта начинает появляться и усиливаться один момент, который как бы высвечивает перспективы дальнейшего идейного развития Гегеля. Критикуя Канта за эмпиризм, Гегель вместе с тем одобряет принципиальную для кантовской системы процедуру вещи в явлении. Связывание категорий диалектики именно с явлениями йенский Гегель считает Канта75, началом подлинно современного философствования. Но ни сам Кант, ни Якоби, ни Фихте, продолжает Гегель, не направляли это самое важное в кантианстве прозрение против изначальных постулатов, не расширяли и не обращали против старой системы уже по существу содержащийся в дедукции категорий Канта новый исходный тезис системы, а он гласит, что.

91

Эту так никем и не выполненную, тоЛько начатую Шеллингом работу Гегель, как видно, берет на себя, считая ее тем более значительной миссией, что она тесно увязывается и критикуемыми философами, и им самим с проблемами свободы, нравственности, разума, веры. Мы читаем в последнем абзаце рассматриваемого труда:), но обозначить это нужно не менее чем в качестве момента высшей идеи. И таким образом, надо придать философское существование тому, что либо было моральным предписанием пожертвовать эмпирической сущностью, либо понятием формальной абстракции, вследствии чего требуется наделить философию идеей абсолютной свободы, а благодаря этому восстановить абсолютное страдание или страстную пятницу, которая ведь была исторической, причем восстановить во всей истине и жесткости ее богооставленности.

А уж из одной такой жесткости… может и должна возникнуть высшая тотальность во всей ее серьезности и возникнуть из ее глубочайшего основания - одновременно в универсальности и в яснейшей свободе ее облика»76.

В эти слова Гегель вложил очень и очень многое: и признание того, что для нового времени, и свое стремление восстановить, ощущение необратимости исторического развития, условий, в которых приходится обретать, и уверенность, что задачу эту следует решать не, благодаря чувственно-непосредственной религиозности, а только средствами системной философии. Не личный религиозный экстаз, а творческая теоретическая работа, созидание философской культуры - вот, согласно Гегелю, истинный противовес обезбоживанию, захватившему человечество. При этом системная философия должна руководствоваться установкой, одновременно нравственной и теоретической: изобразить в качестве момента высшей идеи исторически пережитые мысль и боль, неотъемлемые от. Опираясь на эту установку, Гегель несколько позже создает причудливый мир - мир, где развернутся в си92 стему моментов идеи боЛь, страдание, истина, пережитые, обретаемые и отчуждаемые человечеством.

Итак, самые первые годы пребывания Гегеля в Йене были заполнены раздумьями о судьбах философских систем, критикой псевдосистем, поиском некоторых общих критериев подлинных систем философии, с чем было связано историческое измерение тогдашних творческих исканий мыслителя. И эти размышления, и первые наброски системы подталкивали Гегеля к дальнейшей более углубленной работе, нацеленной на построение оригинального системного здания философии. На этом пути камнем преткновения снова и снова оказывался вопрос об основополагающей модели системы - о ее теоретико-методологическом фундаменте.

В зависимости от того, какой материал и какие методы анализа используются Гегелем как господствующие, правомерно выделить три разрабатывавшиеся в Йене модели: логико-метафизическую, политико-этическую и феноменологическую.

К работе над логико-метафизическим основанием системы Гегель в течение йенского периода возвращался несколько раз. Западный исследователь К. Дюзинг сделал немаловажные уточнения относительно гегелевского понимания соотношения логики и метафизики, ссылаясь на найденные в 1975 г. рукописи гегелевских набросков 1801 - 1802 гг. 77. Логика в первом смысле должна, согласно Гегелю, дать рассмотрение антиномий чистой рефлексии, разоблачая претензии последней на истинность. В рефлективном понимании антиномий содержатся первые подходы к диалектике, которые, однако, требуют снятия, ибо диалектика остается здесь только негативной и скептической. Подчеркнем, что с таким определением подготовительной, но отнюдь не окончательной роли перекликаются

более поздние Гегелевские оценки кантовской (и некоторых форм докантовской) философии.

78. Гегель,

следовательно, не располагал в то время 79. Но намечается и различие между Шеллингом и Гегелем. В отличие от Гегеля Шеллинг полагал, что рефлексия вообще не обладает никакими конститутивными функциями, даже негативными. А интеллектуальному созерцанию Шеллинг все более уверенно вверял поистине универсалистские претензии: оно должно обеспечивать не только самосозерцание Я, но и разумное познание бога и абсолюта. Таким образом, интеллектуальное созерцание отнюдь не постулат - это всемогущий в глазах Шеллинга, центральный системообразующий философский принцип. К. Дюзинг (на основе новых рукописей и ранее опубликованных материалов) показывает, что, несмотря на это, только намечающееся, пока не вполне явное расхождение, Шеллинг и Гегель едины в приписывании роли единой и единственной метафизической субстанции80.

Ценность и перспективное значение йенских набросков состоит, по нашему мнению, в следующем.

1. В 1801 - 1804 гг. логика и метафизика понимаются Гегелем прежде всего как пропедевтические разделы системы, которые обосновывают принципиальные для нее диалектические цели: необходимость достигнуть единства субъекта и объекта, теоретического и практического разума, конечного и бесконечного и т. д. Несколько позже обоснование целей и специфики философского системного мышления будет осу94 ществляться во вводных разделах, но затем эти функции снова будут переданы логике.

2. Хотя после Канта и Фихте сама по себе идея обновления логики и метафизики, их диалектического, толкования уже не была первооткрытием, очень важно, что поиски системного основания и обоснования философии привели и Гегеля к реформе логики, к созданию логики содержательной, логики диалектической.

3. Логико-метафизические йенские размышления Гегеля вписаны в социально-критический, нравственно-гуманистический контекст, причем способность логики и метафизики выполнять системные задачи четко увязывается с поисками целостности и духовности в практической жизни, мировоззренческой в науке и культуре. И это поиски, которые, согласно Гегелю, в истории человечества настойчиво вели и ведут не просто отдельные люди, но целые народы.

Перечисленные моменты нашли дальнейшее развитие в более поздних работах Гегеля. Однако было бы неверно преувеличивать значение йенских логических проектов. Логика, как ее в самом начале XIX в. понимает Гегель, еще не приобрела и не могла приобрести конструктивно-моделирующего значения для построения системы. С чего начать создание системы философии, на какие центральные понятия и категории ориентироваться, как именно развернуть их в целостность - все это для Гегеля пока остается проблематичным81. И логические размышления еще не дают ясной перспективы для системной работы. Но это, в сущности, касается и других системных моделей, проекты которых набрасывались в Йене82.

3. модель системы

и ее противоречия (и) Каковы особенности второй гегелевской системной модели, условно названной нами? Какова роль* (1802 - 1803 гг.) и** в эволюции гегелевских системных идей?

(*Русский перевод (в издании: Гегель Г. В. Ф. Политические произведения) выполнен Е. А. Фроловой.)

(**Русский перевод (в издании: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 1) выполнен П. П. Гайденко.)

Ответить на эти вопросы вовсе не просто. Оба произведения, и особенно, чрезвычайно трудны для понимания. К обычным трудностям чтения, интерпретации гегелевских текстов присоединяется здесь то, что в этих ранних работах много туманных, сбивчивых рассуждений - мысль самого автора как бы с огромным напряжением пробивается сквозь толщу непроясненных проблем, неотработанных терминов и т. д. Для выявления специфики системного проекта Гегеля нам представляется необходимым прежде всего поразмыслить над тем сложным и противоречивым содержанием, которое вкладывается философом в ключевое для двух названных работ понятие . молодой Гегель соотносит - однако не отождествляет - с общественно-политической жизнью и главным образом со сферами права, политики, государства. Чем же именно в этих сферах человеческой жизнедеятельности интересуется Гегель? Что же он в них вычленяет и исследует?

В дается членение, которое может навести на мысль о трактовке в ней этических, правовых, политических сюжетов. Работа начинается обширной вводной частью, которая де-

лится на три основных параграфа: 1. Абсолютная нравственность как отношение (здесь вводятся и используются понятия,,,, орудие»); 2. Негативное, или свобода, или преступление (здесь говорится о справедливости, принуждении, ограблении, краже, борьбе, войне и т. д.);

3. Нравственность (тут упоминается о семье, народе). Следующий раздел, носящий название, анализирует системы правления. В система также имеет своими опорными пунктами аналогичные проблемы (договор, преступление и наказание, закон, отношения сословий, правительство, связь государства и церкви).

Основываясь на этой системы, некоторые интерпретаторы существенно сближают йенский проект и гегелевскую., - такова оценка западногерманского исследователя Г. Гёлера. Он также считает, что в ранних работах более четко, чем в, выражено стремление Гегеля, положить в основу системы такие 83.

Попытка Г. Гёлера и ряда других авторов истолковать йенские работы Гегеля как первый вариант философии права вызывает сомнения. При этом мы, разумеется, не отрицаем тематической, проблемной, а отчасти и философскометодологической преемственности между йенскими набросками и философией права как частью развитой гегелевской системы. Однако думаем, что сохранению тематики, а также сходству отдельных высказываний придается слишком большое значение; в результате ранние работы скорее к философии права, чем осознаются в их специфике.

Нельзя кстати забывать о том, что, вводя названные ранее темы, проблемы, понятия, равно на них системную канву своих йенских произведений и систему философии права, Гегель вряд ли был оригинальным: какая предшествующая или современная философская концепция права и нравственности не вела ту же?

И даже интерес Гегеля к социально-экономическим явлениям - скажем, к проблемам труда и собственности - не выглядит ни чем-то особенным, ни новаторским, если учесть уже солидную традицию классической политэкономии и твердое желание Гегеля построить модель системы, сориентированную на социально-политическую проблематику.

Оригинальность, специфика йенских политико-этических набросков, их роль в развитии гегелевской мысли, конечно, связана с проработкой упомянутых Гёлером моментов, ведущих в конечном счете к более поздней философии государства и права. Однако дело в значительной степени осложняется тем, что итог пути, известный интерпретаторам, в Йене вовсе не был сколько-нибудь ясен самому Гегелю. Он ведь прояснился после создания основополагающей системной модели в. В йенских же работах весь смысл и состоял в поисках фундаментальной системного построения. С этим и связана, как мы полагаем, их специфика. Отсюда - совершенно особая, несамостоятельная роль политического, правового, этического материала, особое соотношение политики и этики, их подчиненность социально-философскому ракурсу анализа, существенно отличному от более поздних системных философии права.

В конечная теоретическая цель системы усматривается в том, чтобы достигнуть тождества

созерцания и понятий. Тождество мыслится диалектически: созерцание и понятие, причем созерцание сначала выступает в, а понятие - в; для достижения же тождества должна осуществиться диалектическая перестановка: понятие должно принять форму всеобщего, а созерцание - форму особенного. В связи со сказанным большое методологическое значение придается процедурам (субсумирования - subsumieren) понятия под созерцание и созерцания под понятие. При этом Гегель, еще испытывающий немалое влияние Шеллинга, объявляет не понятие, а созерцание84.

Поскольку эти процедуры по крайней мере образуют внешнюю системную канву, важно выявить их реальный проблемный смысл. Нам представляется, что в одном из заголов-

ков вводной части 85 содержится существенное для понимания всей работы указание Гегеля. Действительно, первоначальное имеет своей задачей выяснение частичной природной обусловленности человеческих действий, которое Гегель, следуя мощной традиции европейской философии, повлиявшей и на Канта, начинает с чувственности и с чувственных,. Для становления феноменологической модели системы, к выработке которой вскоре приступит Гегель, такой ход мысли также очень важен: и она будет иметь отправным пунктом анализ чувственности.

Дальнейшее уяснение специфики рассматриваемой здесь политико-этической модели зависит, в частности, от расшифровки того, в каком аспекте Гегель анализирует, человеческие действия.

Говорится здесь, в частности, о наслаждении, потребности, труде, орудиях труда и т. д. Как именно? Вот пример: 86. Феномены наслаждения, потребности, труда, овладения как бы пропускаются сквозь сетку диалектических понятийных элементов - ими являют98 ся созерцание и понятие, разъединение и объединение противоположностей, субъект и объект, средний термин и т. д.

Гегель подчеркивает, с одной стороны, несовершенство чувственных, связанное с их преимущественной зависимостью от природы, неразвитостью противоречия, представленного в них тождества, а с другой стороны, уже выявляет заключенную в них тенденцию, ведущую (через ряд последовательных ступеней) к , богатому тождеству, единству развернутых противоположностей и если не к освобождению от природной зависимости, то во всяком случае к преобразованию, снятию прежних отношений к природе.

Если практически-политические явления, попадающие в поле гегелевского системного анализа, сменяют друг друга и ни одно из них не играет роли начала, то не так обстоит дело с нравственностью. Нравственное, по Гегелю, постоянно, и то, как именно оно на каждой стадии, и составляет главный предмет исследования. Поэтому вся работа называется , а вводная часть имеет заголовок . толкуется как, как первоначальная, обусловленная главным образом природой и поэтому несовершенная нравственность. Здесь еще нет 87, которое должно быть в конечных пунктах движения системы.

И хотя задуманная Гегелем телеология системы (движение к тождеству созерцания и понятия, особенного и всеобщего, субъективного и объективного, природного и общественного, природного и нравственного) организует и направляет исследование, все-таки не вполне верной представляется оценка тех гегелеведов, которые преувеличивают роль системного начала в гегелевской работе над истолкованием явлений права и нравственности88.

Ибо нельзя отрицать, что гегелевские системные понятия, как и конкретные функции различных стадий системного движения, не отличаются ясностью. Поэтому-то в гегелеведении и ведутся споры о типе, характере, специфике самой системы, как она представлена в йенских работах89. С этой точки зрения - непроясненности для самого Гегеля вопроса о стержневых моментах системы - интересно определенное различие между и. В первой работе образует слишком общую и не вполне ясную системную канву, чтобы она позво99 ляла глубоко рассмотреть такие сложные общественные явления, как потребность или труд. Так, к труду Гегель переходит после рассмотрения чувственного наслаждения - оно же введено в систему абстрактно, без должного системного обоснования. Как движется мысль далее?

Чувственно наслаждаться, конечно, можно каким-то объектом. Логика простая и элементарная, но Гегелю она внешне облегчает переход к категории, объектом, а вместе с этим к труду. Хотя между потребностями человека и удовлетворяющим их трудом есть несомненная и существенная связь, которой и воспользовался Гегель для придания естественности системному переходу, надо не упускать из виду: системы, т. е. внимание ее создателя, сфокусировано отнюдь не на этом.

Не действительная связь потребностей и труда является для Гегеля предметом исследования. Она всего лишь канва для интересующего Гегеля момента, прямо налагаемого им на реальную канву.

Главный для Гегеля вопрос о том, как в труде или наслаждении нравственность, решен заведомо, априорно. В наслаждении и труде нравственность столь скрыта, что граничит с безнравственностью. Гегель и не думает заниматься обоснованием такого рода постулатов и оценок. Ему это все несущественно, ибо функция начальных ступеней системы определяется не исходя из логических особенностей системы, а диктуется телеологически: наслаждению и труду, предопределено Гегелем побыть некоторое время на грани с безнравственностью, чуть-чуть подержать в напряжении и ожидании - но для того только, чтобы позволить ему насладиться не сразу и не просто одержанной победой. Благо что исторических, реальных ассоциаций для этого сколько угодно. И вот важнейшая ступень, где разумное, нравственное, всеобщее как бы на время отодвинуты, - ступень, где звеном системы становится. Мы уже подготовлены к тому, что и труд будет и он станет лишь одной из ступеней тернистого восхождения к нравственности. Гегелю в какой-то степени удается это сделать - лучше всего на примере или таких форм труда, когда, скажем, трудящийся лишь растения или животных.

Гегелевские рассуждения на этих страницах частенько выглядят как пародия на философствование, потому что в них глубокомысленная фило100 софская форма как бы прилеплена к банальным житейским вещам. Чего стоит такая, например, фраза: 90. Манера комичная. У Гегеля, однако, внешне комичные умствования подчинены далеко идущей цели: правильно различая простое потребление и труд, придавая более высокую ценность труду, Гегель все же и труд заносит в разряд ступеней проявления духа и нравственности (более высоко ценится труд по человека, но опять-таки идет выспренне-комичная игра словами, вроде: 91).

Но там, где относительно системного движения мысли можно смело говорить о произвольности переходов, о содержательных натяжках, об априорности, т. е. ориентированности хода рассуждения на заранее принятые ценностные определения - как раз там Гегелю удается глубоко и верно вскрыть бездуховность, тупость, безнравственность механического труда. 92. И вообще: когда (с обычной для всей работы Гегеля поспешностью, искусственностью переходов) вводятся темы собственности, господства и рабства, брака и семьи, преступления, государства (определяемого как), то Гегелю всякий раз удается давать меткие исторические характеристики упоминаемых им общественных форм.

Но ведь конечная цель, к выполнению которой Гегель стремится на этих более высоких ступенях системы, не состоит ни в рассмотрении конкретных экономических отно101 шений, ни в анализе реальных социально-политических форм. Субсумирование - здесь уже наконец в форме подведения под понятие - вот что имеется в виду прежде всего.

И все перечисленные разделения в и должны иметь смысл только как моменты системы, что и сам Гегель определяет следующими словами: 93.

Это разъяснение, очень существенное для понимания того, как обосновывается и развертывается системная идея в йенских произведениях Гегеля. Поскольку подведение под понятие (на ранних стадиях принимающее вид субсумции, осуществляемой созерцанием) есть заранее данный пункт, в который полагается прибыть системе, то уж и в каждой остановке приходится помнить главным образом о цели - ею не только пронизано, но частенько подменено все более конкретное движение. Особенная форма промежуточных ступеней отступает перед, она значима лишь формально. Иными словами, собственность или государство разрешается настолько, насколько это нужно, чтобы оттенить власть, подвижность, противоречивость понятия, его способность (до почти бездуховных, безнравственных форм) выйти из горнила испытаний подобно закаленному металлу - во всем блеске своей силы.

То, что казалось низким на первых ступенях, должно, согласно Гегелю, появиться еще раз, но в новой, более высокой системной форме. Один Пример., - уже была рассмотрена

формально как система всесторонней физической взаимозависимости. С точки зрения целокупности своей потребности никто не существует для себя самого. Труд индивидуума или то, каков способ, которым он может удовлетворить свои потребности, не обеспечивает ему этого удовлетворения. Чужая сила, над которой он не властен, - вот от чего зависит определение того (перевод в этом месте нами уточнен. - Н. М.), станет ли для него избыток, которым он владеет,

102

целокупностью удовлетворения»94. И далее следует неплохое изображение товарного рынка - сталкивание на нем и, взаимовлияние и.

Возникает вопрос: почему бы, собственно, Гегелю не начать исследование человеческих потребностей таким образом, чтобы сразу была введена идея об их общественном характере? Зачем было начинать движение мысли с их , формы? Гегель делает видимым, по существу, только одно основание - теологию системы.

Однако достаточно вглядеться в абстрактные на первый взгляд различения в и, чтобы увидеть, что детерминирующее значение имеют не сами по себе моменты системы, а беспокоящее Гегеля обесчеловечивание человеческих потребностей.

Человеческие потребности, например, могут выступать на некоторых стадиях истории человечества и развития отдельного человека приблизительно так, как они изображены на начальных этапах развертывания мысли в. Некоторые авторы умиляются такому прекрасному совпадению системно-логического и исторического, не замечая никакого подвоха. А он есть: внешнее субсумирование со стороны системы скрывает то, что в нее на самом деле включается - в критическом или некритическом восприятии - реальное, позитивное, историческое, изображенное то более конкретно, то более абстрактно.

В результате в якобы звенья системы зашифровываются особенности наличного исторического состояния.

С этим связана и особая, противоречивая форма отношения к истории: Гегель полагает, что обнаруживает всеобщие, абстрактные философские формы, но довольно часто в них зашифровывается конкретно-историческое содержание. Это своего рода, который будет более подробно рассмотрен на примере.

Отсюда - характерное для йенских работ противоречие, касающееся идеи системности. Рассуждение как будто бы направляется системы - общей идеей субсумции всего и вся сначала в созерцании, а потом в понятии, но, как это ни парадоксально звучит, им не детерминируется сколько-нибудь реально, содержательно. На глубине потока философского анализа Гегеля не система определяет движение материала. Напротив, эмпирический материал господствует над системой. Под эмпирическим материалом

103

здесь позволительно понимать смесь исторических наблюдений Гегеля (оформляющихся в некоторые социально-философские, социально-экономические, социально-политические выводы), усвоенных и как-то скорректированных им тогдашних теоретических представлений об обществе и - элемент, пожалуй, ведущий - разделяемых им ценностей, идеалов, касающихся общественно-исторического развития человека.

Вопрос о том, в какой дозировке перечисленные компоненты входят в каждый узел системного движения, требует конкретного рассмотрения. Бывает, что перед нами - своеобразный типологический образ какой-либо сферы человеческой деятельности, например отчужденного, механического труда. В другой раз дается заимствованная из классической политэкономии картина стихии товарного рынка.

А увенчивается все ценностными увещеваниями, как бы исходящими от некоего совестливого, гуманного духа и обращенными к государству, точнее, к правительству: 95.

Гегель, конечно, понимает, что правительства тогдашнего общества трудно было пронять подобными увещеваниями, но с тем большим энтузиазмом он переносит свой уравновешивающий, примиряющий идеал на то, от чего можно одновременно требовать и всевластия, и всепримирения - на сконструированный образ целостного духа, умеющего управлять миром не иначе как разумно, справедливо, совестливо.

Просвечивает лежащая у истоков гегелевской системной философии и в дальнейшем все более ревностно маскируемая антропоморфность, духа, который пока еще в пеленках, но рожден Гегелем с целью доверить ему управление всем миром, причем в йенский

104

период это антропоморфность с очень сильным социальным, социально-политическим, ценностно-гуманистическим оттенком, порожденным исторической эпохой. Наверное, именно явные такого особенного, оставшиеся на теле всеобщего, беспокоили Гегеля. Снять их начисто значило уничтожить жизнь, реальность, силу в рождающемся духе, уничтожить его повязанность идеалом свободы. На это ни тогда, ни после Гегель не мог пойти. Но вот замаскировать особенное под всеобщее, выдвинуть всеобщее на первый план было можно, и это отныне стало для Гегеля самым важным. Непосредственно социализированная, слишком повязанная с моральностью и правом форма системы препятствовала, таким образом, абсолютистскому притязанию, которое Гегель уже тогда присваивал духу, - править всем миром.

Проходит всего два-три года после написания. Гегель создает еще один проект системы - (использовав для ее написания формальный повод - необходимость подготовиться к лекционному курсу 1805 - 1806 гг.). Вот теперь в центр анализа более определенно ставится проблема, что в немалой степени определялось и системными соображениями. Гегель, вероятно, почувствовал, что в нет философского системного стержня, что телеология субсумирования - слишком общий и, прямо говоря, слишком искусственный, формальный, однообразно-скучный принцип, чтобы под его влиянием сами собой рождались содержательные различения системы: Дух, который движет и движется, должен быть разъяснен в его сути и в его важнейших формообразованиях, - таково было теоретическое устремление Гегеля, когда он приступил к новому этапу системного экспериментирования.

Некоторые черты, приметы духа пока остаются в восприятии Гегеля незыблемыми, а поэтому в их изображении продолжена линия. Но в особенно ясно видно, насколько попытки построения собственной философской системы в начале века были связаны у Гегеля со своеобразным генетическим изучением форм бытия духа. Особо было исследовано становление тех его бытийственных форм, которые первоначально рождаются в сознании индивида, но затем, как бы проходя через индивидуальное сознание, отчуждаются от него, превращаясь в бытие, существенно отличное от бытия материальных предметов.

105

В точкой отсчета при создании образа духа становится сознание, а именно формы . Но почему Гегель превращает в точку отсчета особым образом истолкованное и почему для произведений всего йенского периода, включая, оно остается главным предметом анализа, источником, рождающим поток духовного?

Ответить на этот вопрос - значит прежде всего уяснить, что именно разумеет Гегель, говоря о сознании. Относительно новый момент, характеризующий, заключается в том, что Гегель прежде всего имеет в виду деятельность сознания, порождающего формы. Он начинает интересное и довольно глубокое исследование такой деятельности. Как это осуществляется?

Постулат Гегеля состоит в том, что движения духа следует начать с сознания. Начальным же пунктом сознания - опять-таки под немалым влиянием Шеллинга - объявлено са-

мосозерцание. - вот что разбирается в первую очередь. Созерцание как начало системы духа удобно Гегелю по двум по крайней мере причинам. Сущность созерцания справедливо усматривается в. Гегелю, который хочет пробиться к бытию духа, к духу как, это очень важно. Далее, взятый в виде созерцания дух, и являющийся непосредственным, в то же время дух.

Гегелю вот что особенно существенно: 96. Сознание (созерцание, в частности) становится отправной точкой прежде всего по той принципиальной для раннего Гегеля причине, что позволяет опираться на деятельность Я, на превращение любого содержания в - и в тексте четко расставлено множество подобных акцентов. Как бы прерывая начавшееся в абстрактно-метафизической манере движение повествования, Гегель вводит образ, или (Nacht der Aufbewahrung), чтобы обозначить и особое состояние духа, состояние сознания, и его структуру. Дух может быть представлен как образов, еще не пробужденных, не осознанных человеком. 97.

что, которое содержит все в своей простоте, богатство бесконечно многих представлений, образов, из которых ни один не приходит ему на ум или же которые не представляются ему налично»98 (в оригинале в конце фразы - die nicht als gegenwartig sind, что точнее перевести: не стали современными, актуальными99).

И вот что снова становится важным для Гегеля: состояние сознания превращается в благодаря 100. Эта разбираемая Гегелем связь деятельности сознания с активным превращением ничто в нечто - любопытный генетический момент в ранней гегелевской мысли, который впоследствии исчезает в безличном самодвижении логических категорий на стадии бытия. Активная сознания - при извлечении ли образов наружу, при превращении ли созерцаемого в предмет - оказывается существенно ограниченной в своем произволе.

Интерес автора направлен на обнаружение той, ограничивающей силы, которая исходит от форм, порождаемых самим человеческим сознанием. - именование вещей, благодаря чему из, из фантасмагорий как сознание как бы переселяется в им же порождаемое. Интересно и оригинально показывает Гегель, как в языке и благодаря языку происходит своеобразное удвоение бытия предмета, точнее, порождение нового, на этот раз духовного, бытийного слоя. Гегель, однако, не устает подчеркивать, что возникает именно человеческое бытие. 101.

Проблема, по Гегелю, состоит в следующем: Я утверждает самого себя в мире имен и в то же время возникает - в противовес Я как - бытие, обладающее силой, самостоятельностью, своими необходимостью и порядком102. Проблема отчасти решается благодаря тому, что языковое творчество в интерпретации Гегеля есть, работа (Arbeit), в котором Я обретает ,, не переставая быть беспокойством и движением. Происходит, кроме того, своеобразное Я: стоит беспокойному, движущемуся Я породить языка, как 103. Средством удержания, фиксирования порядка становится память. Под

влиянием идей Канта и Фихте, в согласии с Шеллинговым активизмом духа Гегель, стало быть, выдвигает на первый план внутреннюю спонтанность сознания, его творческую активность, свободу, не устраняемую необходимостью, ибо пока речь идет о необходимости, в конечном счете порождаемой и организуемой трудом духа. 104. В творческом процессе называния вещей и использования имен для Гегеля важен не только выход сознания, Я в сферу бытия духовного, но первое приобщение ко всеобщему. тут уже . (Многие из намеченных Гегелем моментов сохранятся в поздних трактовках форм языка.) Мы не можем прослеживать все стадии движения мысли Гегеля, тем более что многие переходы не продуманы, не выведены, не обоснованы автором сколько-нибудь строго, но чаще

всего просто постулированы. Читатель не приглашается, как это будет в , понять и принять, что переход к следующей категории мысли рождается необходимым и спонтанным образом. В чувствуется, что Гегелю не терпится как можно быстрее перейти от абстрактного хода мысли на стадии интеллекта к более структурам духа, появляющимся в разделе , а от них к наиболее интересной для автора части, названной. Здесь, как и в, имеет место политизирование, социологизирование, этизирование понятийного системного движения.

Это также проявляется во включении в систему таких проблем, как труд, признание прав и владения других лиц посредством договора; преступление и наказание; закон, имеющий силу, и его связь с неравенством собственности, с богатством; судопроизводство; конституция; всеобщая и индивидуальная правовая воля; сословия; правительство и государство, государство и церковь; искусство, религия и наука. Это последовательно разбираемые в темы, узлы движения мысли, которые Гегель намеревается связать в единую систему.

В конечном счете ему не удается ни доказать необходимость именно такой последовательности, ни органично вы108 явить системные переходы. Сферы воли и нравственности не изучаются в их специфике, но зато они объединяются с вопросами, которые затрагивают фундаментальные, с некоторого исторического периода постоянно наличествующие и действующие социальные институты, формообразования, установления человеческого общества. Действительность, далеко выходящую за пределы духовной сферы, Гегель заставляет двигаться по специфическому руслу. Если вследствие этого обедняется действительность, то зато обогащается реальным содержанием понятие духа.

Читатель-материалист естественно задал бы вопрос: а какие у Гегеля основания превращать объективные, вне сознания существующие формы общественно-исторического развития - такие, как государство, право, законы - в проявления духа, искать их генезис в сознании и действии индивида. Вопрос относится, конечно, не только к раннему Гегелю; речь идет о идеалистического характера всей его системы. В и просвечивает то, что позже (даже в) нередко остается скрытым, - начавшаяся идеалистическая абсолютизация некоторых реальных срезов, структур, проблем социального, в частности социально-политического действия индивидов.

Что же за срез изучается и главенствует в?

Одна из наиболее важных особенностей и одновременно духа получает здесь у Гегеля обозначение Anerkanntsein, что передано в русском переводе словами 105. Имеется в виду, по существу, то, что необходимым элементом любой социальной формы - труда, сообщества, правового, договорного регулирования, идейно-культурного общения, политики и т.д. - должно стать предварительное признание одним индивидом другого индивида и других людей, акт, который привычно и чаще всего незаметно для человека осуществляет его сознание и который является одной из духовных предпосылок социального взаимодействия индивидов. Гегелю, однако, важно не только и даже не столько то, что акт сознания имеет место, и не то даже, что социальное бытие людей сопровождается признанием.

Самый главный для Гегеля пункт: структура признания и признанности сама приобретает характер бытия. В термине Anerkanntsein, стало быть, есть еще один и, возможно, наиболее существенный для Гегеля оттенок, не улавливаемый

в приведенном ранее переводе: сама становится бытием,. Гегелю очень важно, что в бытие благодаря этому внедряется структура, которую философ-идеалист трактует как чисто духовную: в его изображении признание как бы из сознания, отчуждается от него и становится одним из образований духа.

Маленький параграф, как раз и озаглавленный словом Anerkanntsein, позволяет увидеть, как много существенных социальных процессов и структур Гегель связывает с этим актом сознания.

Вот образец того, в какой манере Гегель вводит и подает, пользуясь понятием признания, социально-исторические проблемы: 106. Иногда такая манера вызывает у читателя утомление и раздражение, и он не видит, насколько реальным и содержательным является анализ Гегеля. Ведь акт обмена - например, обмена товарами, о котором рассуждает тут Гегель, - в самом деле предполагает в качестве пусть не единственного, но неотъемлемого элемента своеобразную объективацию. Причем объективируется не только сделанный продукт, вещь, но также знание, цель, волевое решение, действие, мнение. Индивиды, не одни только вещи-товары, но и вместе с ними объективированные сгустки своих интеллектуальных и волевых процессов, могут потом не узнать их, ибо в результате общественного обращения индивидуальные особенности имеют тенденцию изменяться, усредняться, терять личностную форму в куда большей степени, чем вещи-товары.

Интеллектуально-волевой конвейер работает постоянно, и он никогда не пустует. И о чем бы ни шла речь - о сфере права, закона, о государственной жизни, о науке, искусстве, философии - всегда имеются реальные основания применить к ним подобную точку зрения, что Гегель не без определенной последовательности и делает в и. Под различными названиями в этих работах интерпретируются, стало быть, те соотнесенные с сознанием индивида - выведенные из него и распространенные за его пределы - формы и результаты, которые отчуждаются, становятся. Благодаря этому они как бы оседают в виде проявлений духа, так или иначе доступных интеллектуальному наблюдению, в частности интеллектуальному созерцанию.

И если - всей гегелевской философии, то названные йенские работы - самого предмета феноменологического исследования Гегеля и применяемой им особой методологии.

Сделаем общие выводы. В и

Гегель продвигается вперед в разработке идеи системности: намечены некоторые контуры, важные для дальнейшей системной организации гегелевской философии. Но главный, пожалуй, результат заключается в попытках исследования связи, единства сменяющих друг друга духа, в стремлении осмыслить их генетически, продемонстрировать, так сказать, в конкретном действии принцип активности, свободы, спонтанности духовного. На целые годы объектами исследования стали для Гегеля своеобразно объективирующиеся формообразования сознания, с чем будет связана и особая трактовка системного принципа. Это было опробование пути, который в то время представлялся главным, системообразующим, но в дальнейшем как бы свернулся в одну из частей системы. При этом образ духа и рождающей его почвы - обстоятельство, для системы Гегеля центральное, - в зрелом системном построении будет существенно иным, чем в йенский период. Философ в Йене не мог не чувствовать, что целостная, стройная, развернутая система, к построению которой он уже сознательно стремился, еще не создана. Он предпринимал попытку за попыткой, причем пока всего напряженнее искал фундаментальное содержательное основание системы. Подобно тому как философы древности превращали в первоначала ТО огонь, то воздух, лишь постепенно двигаясь к более отвлеченному принципу, так и Гегель в Йене все время экспериментировал: то нравственность, то другие социальные явления (связанные воедино феноменом признания) выступали в качестве специфического носителя. Следующим этапом стала разработка, которая в работе Гегеля некоторое время фигурировала как основание и фундаментальный принцип будущей философской системы.

\1 Rosenkranz K. Hegels Leben.B., 1844.

2 Hegels erstes System / Hrsg. von
H. Ehrenberg, H. Link. Heidelberg, 1915.

3 Hearing Th. L. Hegel. Sein Wollen und sein Werk: Eine chronologische Entwicklungsgeschichte der Gedanken lind der Sprache Hegels. Leipzig; Berlin, 1929; Rosenzweig F. Hegel und der Staat.

Munchen, 1920. Bd. 1; Schwarz J.

Hegels philosophische Entwicklung.

Frankfurt a. M., 1938; Lukacs G.

Der junge Hegel. B., 1954;

Schmitz H. Hegel als Denker der

Individualitat. Meis a. G., 1957. 4 Hegel G. W. F. Gesammelte Werke. Hamburg. Bd. 4. Jenaer Kritische Schriften / Hrsg. von H. Buchner, O. Poggeler, 1968; Bd. 6.

Jenaer Systementwurfe I / Hrsg. von

K. Dusing, H. Kimmerle, 1975;

Bd. 7. Jenaer Systementwurfe II /

Hrsg. von R. P. Horstmann, J. H.

Trede, 1971; Bd. 8. Jenaer Systementwurfe III / Hrsg. von R. P.

Horstmann, J. H. Trede, 1976. 5 Ilting K. H. Hegels Auseinandersetzung mit der aristotelischen Politik. - In: Philosophische Jahrbuch, 1963 - 1964, N 71; Habermas J. Arbeit und Interaktion. - In: Natur und Geschichte: K. Lowith zum 70. Geburtstag. Stuttgart, 1967, S. 132 - 155; Riedel M.

Hegels Kritik des Naturrechts. -

Hegels-Studien, 1967, H. 4, S. 177 - 204; Gohler G. Kommentar zu Hegels fruhen politischen Systemen. - In: Hegel G. W. F. Fruhe politische Systeme. Frankfurt a. M. etc., 1974, S. 339 - 610. 6 Kimmerle H. Zur Chronologie von Hegels Jenaer Schriften. - Hegel-Studien, 1967, H. 4; Dokumente zu Hegels Dozententatigkeit / Hrsg. von H. Kimmerle. - Ibid. 7 Kimmerle H. Das Problem des Abgeschlossenheit des Denkens: Hegels in den Jahren 1800 - 1804. Bonn, 1970. (Hegel-Studien; Beih. 8); Horstmann R.-P. Problem der Wandlung in Hegels Jenaer Systemkonzeption. - Philosophische Rundschau, 1972, N 19, S. 87 - 118; Trede J.H.

Hegels fruhe Logik (1801 - 1803/ 04). - Hegel-Studien, 1972, H. 7.

S. 123 - 168; Dusing K. Das Problem der Subjektivitat in Hegels Logik: Systematische und entwicklungsgeschichtliche Untersuchungen zum Prinzip des Idealismus und Dialektik. Bonn, 1976. (Hegel-Studien; Beih. 15); Kimmerle H. Ideologiekritik der systematischen Philosophie: Zur Diskussion uber Hegels System in Jena. - In: HegelJahrbuch, 1973. Koln, 1974. S. 85 - 101; Dusing K. Idealistische Substanzmetaphysik: Probleme der Systementwicklung bei Schelling und Hegel in Jena. - In: Hegel in Jena.

Bonn, 1980. S. 25 - 44. (Hegel-Studien; Beih. 20). 8 Ziesche E. Unbekannte Manuskripte aus der Jenenser und Nurnberger Zeit im Berliner Hegel-Nachlass. - Zeitschrift fur philosophische Forschung, 1975, Bd. 29. S. 430 - 444.

9 Предполагается издание: Hegel G. W. F. Gesammelte Werke.

Bd. 6. 10 Baum M., Meist K. R.: Hegels

Konzeption der Philosophie in den neuaufgefundenen Jenaer Manuskripten. - Hegel-Studien, 1977, H. 12, S. 43 - 81.

11 Dusing K. Hegel in Jena. - Zeitschrift fur philosophische Forschung, 1978, Bd. 32, H. 3, S. 405. 12 Kimmerle H. Ideologiekritik…,S. 91.

13 См.: Ibid., S. 86. 14 См.: Конституция Германии:

О научных способах естественного права. - В кн.: Гегель Г. В. Ф.

Полит. произведения. М., 1978;

Нерсесянц В. С. Гегель. М., 1979, с. 12 - 15. Зарубежные работы см. выше в примеч. 5. 15 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2-х т. М., 1971, т. 2, с. 267. 16 Hegel G. W. F. Werke: 20 Bd.

Frankfurt a. M., 1970, Bd. 2. Jenaer Schriften, 1801 - 1807. S. 583.

112

Материалы по этому вопросу см.:
Hegel, 1770 - 1970. Leben. Werk.
Wirkung: Eine Ausstellung des Archivs der Stadt Stuttgart. Stuttgart, 1970, S. 133 - 134. 17 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2, с. 261. 18 Там же, с. 255. 19 Там же, с. 262. 20 Там же, с. 261. 21 Там же, с. 248. 22 См.: Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. М.;
Л., 1933, с. 49 - 50. 23 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2, с. 237 - 238. Перевод письма уточнен по кн.: Briefe von und an Hegel / Hrsg. von J. Hoffmeister. Hamburg, 1952. Bd. 1.
S. 59 - 60.

24 См.: Zimmerli W. Chr. Die Frage nach der Philosophie: Interpretation zu Hegels. - Hegel-Studien, Bonn, 1974, Beih. 12; Trede J. H. Hegels fruhe Logik (1801 - 1803/04). - Ibid., 1972, H. 7, S. 127 - 146. 25 Kimmerle H. Ideologiekritik…, S. 89.

26-27 Ibid., S. 87. 28 Hegel G. W. F. Werke, Bd. 2. S. 120.

29 Ibid., S. 117. 30 Ibid., S. 15. 31 Ibid., S. 17. 32 Ibid. 33 ibid., S. 19. 34 ibid., S. 20. 35 Ibid., S. 21. 36 Ibid., S. 22 - 23. 37 Ibid., S. 23. 38 См.: Ibid., S. 33. 39 Ibid., S. 34. 40 Ibid., S. 35 - 36. 41 Ibid., S. 36. 42 Ibid., S. 47. 43 Ibid., S. 94. Разбирая полемику Гегеля против Фихте в работе, связывая ее с центральной для этого сочинения проблемой системы, современный западногерманский исследователь Л. Зип правильно подчеркивает влияние на критический ход мыслей Гегеля предшествующих антифихтевских выступлений, прежде всего Гёльдерлина и Синклера. См.:
Siep L. Hegels Fichtekritik und die Wissenschaftslehre von 1804. Freiburg; Munchen, 1970. S. 19 - 27; см. также: Henrich D. Holderlin uber Urteil und Sein. - HolderlinJahrbuch, 1965 - 1966, N 14, S. 73 - 96; Hegel, Hannelore. Isaak von Sinclair zwischen Fichte. Holderlin und Hegel. Frankfurt a. M., 1971.
Здесь еще одно свидетельство вызревания идей Гегеля в тесной связи с развитием неортодоксального философского сообщества. 44 Hegel G. W. F. Werke. Bd. 2. S. 61.

45 Ibid. S. 63. 46 ibid. S. 68. 47 Ibid. S. 76. 48 Ibid. s. 82. 49 Ibid. s. 103. 50 Ibid. S. 108. 51 Ibid. S. 107 - 108. 52 Ibid. S. 143. 53 Ibid. S. 115. 54 Фишер К. Указ. соч., с. 53.
О друзьях и коллегах Гегеля в
Йене см. также: Hegel, 1770 - 1970. Leben. Werk. Wirkung. S. 137 - 139.

55 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2, с. 240. 56 Там же, с. 239. 57 Там же, т. 1, 1970, с. 273 - 274.

58 Там же, с. 274. 59 Там же. 60 Там же, с. 274 - 275. 61 Там же, с. 275. 62 Hegel G. W. F. Werke. Bd. 2. S 154.

63 Ibid., S. 144. 64 См.: Ibid., S. 202. 65 Ibid., S. 164. 66 Ibid., S. 202 - 203. 67 Ibid., S. 164. 68 Ibid., S. 293. 69 Ibid., S. 294. 70 Ibid. 71 Ibid., S. 298. 72 Ibid., S. 299. 73 Ibid., S. 308. 74 См.: Ibid., S. 338.

113

75 Ibid. 76 Ibid., S. 432 - 433. 77 Dusing K. Idealistische Substanzmetaphysik…, S. 32. 78 Ibid. К. Дюзинг ссылается в этой связи не только на соответствующие абзацы неопублико-

ванных рукописей, но и на материалы, имеющиеся в 4-м томе Полного собрания сочинений Гегеля в издании Майнера (см. выше в примеч. 4 - Bd. 4, S. 27 ff.). 79 Dusing K. Idealistische Substanzmetaphysik…, S. 33. 80 Ibid., S. 34 ff.; см. также:

Tilliette X. Schelling: Une philosophie en devenir. P., 1970, t. 1, p. 357 - 358; Krings H. Die Entfremdung zwischen Schelling und Hegel (1801 - 1807). - In: Sitzungsberichte der Bayerischen Akad. der Wissenschaften. Munchen, 1977, S. 1 - 23.

81 По вопросу о значении йенских набросков логики для и для интересна дискуссия между О. Пёггелером и Х. Ф. Фульдой. Фульда утверждал, что тут имеется довольно строгая преемственность, развитие (см.: Fulda H. P. Das Problem einer Einleitung in Hegels Wissenschaft der Logik. Frankfurt a. M., 1965, S. 140 ff.). О. Пёггелер оспаривал эту идею, справедливо подчеркивая несовершенство первых проектов логики (йенского и нюрнбергского), их существенное отличие от (см.: Poggeler O. Die Komposition der Phanomenologie des Geistes. - In: Materialien…, S. 360 ff.). По вопросу об оценке другими философами вариантов логики 1804 - 1805 гг. ( ) и логических Проектов 1801 - 1802 гг. ( ) см. выше Примеч. 7 и 8. 82 Kimmerle H. Ideologiekritik…, S. 89.

83 См.: Gohler G. Vorbemerkungen des Herausgebers. - In: Hegel G. W. F. Fruhe politische Systeme, S. 8. 84 См.: Гегель Г. В. Ф. Полит. произведения, с. 276. 85 Там же, с. 278. 86 Там же, с. 279 - 280. 87 См.: Там же, с. 278. 88 Таким преувеличением страдает, по нашему мнению, комментарий Г. Гёлера. См.: Gohler G.

Kommentar zu Hegels fruhen politischen Systemen, S. 343 ff. 89 Ibid., S. 357. 90 Гегель Г. В. Ф. Полит. произведения, с. 285. Ср.: Hegel G. W. F.

Fruhe politische Systeme, S. 24. 91 Гегель Г. В. Ф. Полит. произведения, с. 287. 92 Там же, с. 296. 93 Там же, с. 354. 94 Там же, с. 355 - 356; ср.: Hegel G. W. F. Fruhe politische Systeme, S. 90. 95 Гегель Г. В. Ф. Полит. произведения, с. 364 - 365. 96 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 1, с. 288. 97 Там же; ср.: Hegel G. W. F.

Fruhe politische Systeme, S. 203. 98 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 1, с. 289. 99 Hegel G. W. F. Fruhe politische Systeme, S. 204. 100 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 1, с. 289. 101 Там же, с. 292. 102 См.: Там же, с. 295. 103 Там же. 104 Там же, с. 296. Ср. более поздние формулировки Гегеля (#462): (Гегель Г. В. Ф.

Соч., М., 1959, т. 3, с. 273). Видны связь между ранними и поздними произведениями Гегеля и различия между ними. В начале своего творческого пути философ пытался установить конкретно пути бытийных духовных форм из сознания; в поздних произведениях его более всего занимает констатация характера, именно подобных духовных формообразований. 105 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 1, с. 323. 106 Там же, с. 327 - 328.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Идеи системности и историзма в

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Загадки и противоречия.

Диалектика и системная взаимосвязь формообразований чувственности - первое значительное произведение Гегеля, после него на небосклоне немецкой и мировой философии засияло целое созвездие гегелевских работ, но не померкла в блеске зрелых произведений мыслителя. Что касается интереса гегелеведов, то в нашем столетии он был в наибольшей степени отдан именно

выявляет любопытную особенность этого произведения - неисчерпаемость, многогранность, актуальное значение и в изменившихся исторических условиях. Эта работа была задумана как 2, помогающая взбираться на высоты науки, которые, по убеждению мыслителя, постоянно будут привлекать индивидов, поколения, целые народы. Пожалуй, еще удачнее, чем образ лестницы, подходит другой символ, использованный Гегелем в кратком автореферате (он был помещен 28 октября 1807 г. в): фиксируемые и осмысливаемые в книге формообразования духа ее автор называет (Station) того пути, который проходит чистое знание и абсолютный дух, станциями, которые, по замыслу Гегеля, не может миновать дух, где бы и когда бы он ни устремлялся навстречу науке3.

Мыслитель хотел таким образом обозначить эти и ведущий к ним маршрут, чтобы его духа пригодилась других поколений, стран, эпох.

Но сама эта карта задуманного маршрута создавалась Гегелем с превеликими трудностями.

Начать хотя бы с того, что оказалась вовсе не такой ясной целью, как можно было предположить: с этим понятием можно было связывать различный смысл. - иными словами, коренные для духа,

поэтому неминуемые для него формообразования, - хотя и были, казалось, самым подробным образом зафиксированы, однако тоже не всегда вырисовывались сколько-нибудь четко. Поэтому вокруг вопроса о том, какие же формообразования духа на самом деле изучаются Гегелем, постоянно идут споры.

Один из самых важных и до сих пор открытых вопросов, над которым бился Гегель: как наиболее рациональным путем привести индивида к чистой науке? Сложность и актуальность проблемы очевидны, как очевидна сегодня и необходимость решать ее с учетом коренных исторических изменений общества и индивида, что также диктует необходимость постоянно возобновлять теоретическую разведку маршрута, заинтересовавшего Гегеля. В каком, например, порядке надо пройти через центральные, сколько их и каких именно должно остаться на пути, чтобы индивид действительно вышел к и вышел не раньше и не позже, чем сможет овладеть заветной целью? Наконец, существенно было заранее приготовить, опробовать и усовершенствовать в процессе движения те интеллектуальные инструменты, которые для обретения цели уже представлялись необходимыми, плодотворными. Важнейшими среди них Гегель, несомненно, считал принципы системности, историзма, диалектики, вернее, некоторый единый теоретикометодологический инструментарий, который он хотел получить из сплава упомянутых философских принципов.

Сложностью, необычностью проблематики и трудным рождением оригинальных мыслительных результатов и можно в конечном счете объяснить то, что воспринимается как одно из самых загадочных и - не поэтому ли? - привлекательных произведений мировой философии., - так определяют противоречивую судьбу гегелевского произведения издатели книги Г. Ф. Фульда и Д. Хенрих4. Работа, которая, по определению Гегеля, посвящена знанию, находящемуся в процессе становления, сама - применительно к процессу развития гегелевских идей - оказалась переходным этапом, после которого снова начались поиски оснований системы.

Хорошо известно, что начинается с апологии, просто апофеоза системности, отождествляемой с подлинной научностью, с самой истиной. Но почему же Гегель после создания будет существенно иначе понимать идею системности и пойдет по иному пути в организации собственной системы философии? (впервые была издана с таким общим заголовком:. Имелось предуведомление, извещающее, что публикуется основополагающая первая часть системы и что за ней последуют философии - науки о природе и духе. Эти части тог-

да не появились, что не случайно: прочие разделы системы возникли впоследствии, но уже не на фундаменте феноменологии. Феноменология в дальнейшем уже никогда не будет фигурировать в качестве первой - в смысле основополагающей, фундаментальной части системы.) Успехи, находки, обогащающие диалектический системный принцип, переплетены в книге Гегеля с заведомыми неудачами, натяжками, отступлениями от системной диалектики. (Отсюда - крайности в интерпретациях: одни авторы, например экзистенциалисты, считали автора мыслителем5, другие же приписывали ему непротиворечивую, зрелую системную концепцию.) В последнее десятилетие исследователи старались учесть противоречивость системной мысли Гегеля, и эта тенденция будет поддержана и критически переосмыслена в нашей книге6.

Со сходными трудностями мы встречаемся и при исследовании того, как в представлены истористские идеи. Движение индивида через станции духа Гегель коррелирует с движением истории, по крайней мере с духовным развитием человечества, с духа. Однако возникает вопрос: почему же в таком случае Гегель так усердствовал в уничтожении исторических опознавательных знаков представленной им диалектики духа, почему начертанная философом генетическая картина объ118 ективных проявлений духовного так стыдится показать свое родство, и родство, надо сказать, действительное, с человеческой историей? соткана из этих (и связанных с ними более частных проблем) трудностей, противоречий, разбор которых будет целью дальнейшего анализа. Недаром же, закончив И желая поскорее опубликовать созданную им книгу, Гегель (в письме к Шеллингу от 1 мая 1807 г.) отмечает, что отдельные места сочинения 7. Когда вышедшая из печати работа не вызвала, по выражению Г. Фульды и Д. Хенриха, 8, когда она встретила более чем прохладный прием у друга и соратника Шеллинга (подробнее об этом впереди), у самого Гегеля возникло особое отношение к. Уже в начале 1807 г., читая корректуру книги, Гегель был охвачен настроением, выраженным в одном из писем: 9, - настроением неуверенности и недовольства, нормальным для любого автора Отчужденной от него книги, тем более написанной, как, в едином порыве вдохновения, в сложный для немцев период истории. И в 1829 г. - вот только когда зашла речь о новом издании - Гегель считал, что нужно сделать другой вариант, ибо сочинение нуждается в переработке. Осенью 1831 г. он, однако, отказался от плана дорабатывать; в одном из документальных набросков (изданных Хоффмейстером) дано и объяснение: 10.

Иными словами, на закате своей жизни Гегель придавал скорее то значение, что она знаменовала его творчества и что была Тесно связана с идейно-философской ситуацией начала века, став ее свидетельством. Эта авторская оценка обусловлена главным образом изменившимся характером зрелой философской системы Гегеля, но также - о чем забывают некоторые гегелеведы, захлебывающиеся от восторга, когда пишут о, - существенными недостатками теоретического характера, которые выявляются не только в свете более поздних идей, концепций, методологических решений, но и при сопоставлении одних положений текста с другими, объявленных самим автором целей и способов их реализации, достигнутых результатов.

Далее будет сделана попытка реконструкции идей системности и историзма, выраженных в, которая опирается на целостную интерпретацию гегелевского произведения. В ней нет претензии на то, чтобы дать исчерпывающий комментарий к книге Гегеля, но подробной текстологической работе будет придано большое значение. Это представляется тем более необходимым, что работа такого рода (исключение составляет небольшая книга В. А. Погосяна) у нас до сих пор не осуществлялась.

1. Апология системности

и истористские идеи в Предисловии При анализе Предисловия необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, имеется различие между начальным гегелевским текстом и теми наслоениями, которые внесены в более поздние издания и вместе с которыми, как правило, воспринимает работу современный читатель. Во всяком случае в 4-м томе Сочинений Гегеля на русском языке11 напечатана с подзаголовками, внесенными Лассоном12. Возможно, они, как надеялись издатели, облегчают восприятие текста, но они же маскируют известную фрагментарность, сбивчивость Предисловия, непродуманность, непроясненность некоторых логических переходов. Есть в этих фрагментах определенная цельность мысли и устремлений, но их надо специально реконструировать в процессе обстоятельного разбора. (Не случайно анализу Предисловия и Введения к посвящались специальные исследовательские работы - на некоторые мы будем далее ссылаться.) Во-вторых, новейшие исследования с применением статистических методов убедительно продемонстрировали, что Предисловие было написано после завершения работы. Его вернее было бы считать послесловием, причем таким, в котором автор post festum формулирует идеи и принципы, в самом труде еще не развернутые четко и последовательно.

Идея системности заявлена именно в Предисловии к , причем столь определенно, что в мировой литературе и после Гегеля трудно, пожалуй, найти такую апологию системного принципа. 13. Или: 14.

Итак, ряд важнейших - притом высоких, позитивных для мышления нового времени - понятий поставлен в теснейшую связь, взаимозависимость с понятием: это понятия,,, , философии. Введено понятие. Подобные формулировки увязаны с критической оценкой состояния философии: такой искомой , т. е. истинной формы, в которой была бы воплощена философская истина, по мнению Гегеля, в истории философии пока не было создано. Вместе с тем философия подошла вплотную к решению задачи: уже имеется, считает Гегель, философии (субъекта и объекта), но он еще не развернут в систему, стало быть, дело лишь за системной работой.

Присмотримся к тому, как далее развивается и конкретизируется эта идея. Поставим вопрос так: что же удалось Гегелю в Предисловии сказать нового, оригинального - по сравнению с предшествующей и современной философией - о системе философии и ее исходном принципе? Гегелеведы считают новаторским требование, согласно которому понять и выразить истинное надо 15. Сам же Гегель более верно констатирует: 16. Тут существенно, что Гегель видит исторические предпосылки и заимствованный характер понимания системы как одновременного взаимопроникающего развертывания субстанции и субъекта. Кантианцы, фихтеанцы, наконец, Шеллинг будут иметь немало оснований думать и писать, что идея субъективностью субстанции, понятой в качестве живого духа, открытием Гегеля не является.

Ряд других положений, касающихся системности, вводится декларативно, в виде постулатов, которые потому и утверждаются столь категорично, что тогдашней филосо121 фией были хорошо освоены. Когда Гегель заявляет, что , что 17, то он высказывает столь же здравую, сколь и популярную в его время диалектическую идею. Кто же в начале XIX в., после системных разработок Фихте, не принимал как должное требование строить развернутую философскую систему, выводя ее из исходного принципа? Кто же стал бы оспаривать, что?18 Да и сам этот образ заимствован Гегелем из Лессинга - произведения, на которое философ ссылался еще в.

Общая нацеленность этих и подобных программных требований Гегеля (против отрыва цели, принципа от их осуществления19, - от процесса его становления20, - от 21, результатов - от движения, мыслей - от 22) четко диалектическая. В идейном развитии самого Гегеля это очень важный знак решительного поворота к диалектике, принципы которой выражены в Предисловии в яркой, страстной, порой поэтической форме. Это великое умонастроение порождено всем духом прежней немецкой классической философии, а также античной диалектики, идеями немецких мистиков, Бёме, Лейбница и многих других фило-

софов. Ценно для последующего развития философии заострение внимания на понятии научности, научной системы.

Но после работ Канта и стремления Фихте построить системное наукоучение пропаганда идеи научности (в связи с системностью) тоже не представляется особенно оригинальной. Гегель и сам признает это: 23. идеи - та, например, что 24, - тоже, несомненно, подсказаны кантовскофихтевско-шеллинговской традицией.

В одном Гегель, вводя идею системы и системности, идет, вернее, начинает идти против основного потока современной ему философии. Это связывание судьбы системной

122

идеи именно с понятием, что на фоне увлечения Фихте, Шеллинга и их сторонников самосознанием, Я, созерцанием представляет собой шаг новый и достаточно смелый. Однако и принцип понятия выливается скорее в призывы, смысл которых в последующей системе для самого Гегеля более ясен тому, кому история даровала возможность ретроспективного взгляда. Во всяком случае гегелевское требование при создании и изучении науки (включая создание научной философии) 25, 26, несомненно, представляло собой новаторскую заявку.

Несколько слов о гегелевской критике псевдосистемной философии. Когда Гегель писал, что метод 27, то всем было ясно: это выпад против Фихте. Гегель подмечал действительные слабости системы Фихте, но в целом и по существу был необъективен по отношению к превосходному философу, немало сделавшему для утверждения принципа системности. Выступление против Шеллинга было несколько смягчено. Но, несмотря на все уважение к другу, Гегель должен был противопоставить столь дорогой для Шеллинга интеллектуальной интуиции. Правда, понятие, что не преминул заметить Шеллинг в письме к Гегелю28, осталось в Предисловии неясным. (Шеллинг, кстати сказать, удосужился прочесть в одно лишь Предисловие.) И все же в критических замечаниях Гегеля, обращенных против некоторых типичных исполнений системного принципа, есть немало верного. Как точно и едко были заклеймлены некоторые примитивные (и сегодня нередкие) построения, представляющие собой не более чем классификаторскую игру в системность. Как метко поражают стрелы гегелевской критики другие квазисистемные потуги: за систему выдают случайный, который не имеет права называться наукой29, при этом забывая о постепенной, терпеливой системной работе и сваливая в одну кучу то, что разделено мыслью30; используют то обстоятельство, что в определенной области науки бывает собрана , и вверяют философии якобы системную задачу - этот материал 31 и т. д.

123

Конечно, неверно было бы ожидать от Предисловия и Введения, чтобы там глубоко и подробно анализировалась идея системности. Яркая апология системной идеи и не менее яркие критические выпады против ее псевдотолкований - уже и этого немало. И все же контраст между заимствованным характером, декларативностью системных идей в Предисловии к и глубоким раскрытием смысла оригинального системного принципа во Введении к снова говорит о слабостях и противоречиях йенских системных концепций. Характерно для и то, что более глубоко проблема системы разрабатывается там, где идет конкретная, кропотливая работа над приведением в порядок, т. е. над системной организацией формообразований являющегося духа. Системоформирующая работа над была философским опытным полем, где проверялись, изменялись, уточнялись многие идеи Гегеля, и в их числе идея системы. Был сделан первый реальный шаг, подготовивший оригинальные, беспрецедентные в истории философской мысли метасистемные построения. Но между ними и началом пути еще пролегала длинная дистанция.

Вопрос о характере и степени разработанности истористских идей в Предисловии также является дискуссионным в современном гегелеведении. Вернер Маркс, западногерманский философ, посвятивший специальную работу анализу Предисловия и Введения, правильно отмечает: 32. Надо отметить, что столь четко поставленная В. Марксом проблема затем уже сравнительно мало фигурирует в его книге. Остается неисследованным вопрос о том, в чем состоит специфика историчности, в частности Предисловия, в других аспектах более тщательно анализируемого В. Марксом.

Идея, от которой мы отправляемся и которую постараемся доказать, состоит в следующем: в Предисловии делается заявка на исследование знания и познания в их взаимосвязи с крупными историческими эпохами. Говоря конкретнее, Гегель связывает познавательные задачи, ко124 торые приходится решать в его время науке и философии, с глубинными чертами, взятой в ее отличии от прошлых исторических эпох. Его историзм с самого начала покоится на идеалистическом основании. Хотя философ дает эпохально-исторические характеристики конкретных духовных образований, однако последние он сводит только к. Это главное противоречие гегелевского историзма важно и далее иметь в виду, потому что на него мы наталкиваемся не только в.

Автор вместе с тем проявляет себя как большой мастер эпохальных характеристик человеческого познания. В теоретико-методологическом отношении историзм феноменологии представляет прообраз и предпосылку социологии познания. Гегель смело бросает обобщающий взгляд на целую историческую эпоху в развитии человеческого познания, сознания, культуры, - словом, в развитии духа и пытается выявить ее черты. Интересно, масштабно изображаются столкновение и смена идейных стилей двух эпох: это (с размытыми историческими контурами) и. Философ сопоставляет исторические эпохи, выявляя различное значение духовных ценностей и различное отношение индивидов к опыту, к своей обычной жизни. 33.

Духовное противоборство двух исторических форм социального бытия - средневековья и нового времени - обрисовано Гегелем через переоценку жизненных ценностей.

В условиях средневековья привязанное к небу - к таким символам, понятиям, ценностям, как бог, потустороннее, загробный мир, бессмертие души, духовные устремления и помыслы, - сознание человека (здесь, как и повсюду в оно берется в качестве всеобщего сознания)

на заре нового времени, что сначала обедняет духовные помыслы человека. Гегель анализирует возникшую уже в его веке новую тенденцию, которая воплощалась в самых различных идейных формах, включая философскую. Философ прослеживает ее начиная от смысложизненных корней. Это 34.

Для Гегеля существенно то, что наука и философия в упомянутые эпохи проходят через исторически развивающиеся, сменяющие друг друга стадии: на одной совершается преимущественное накопление эмпирического материала в различных областях знания, на других наступает пора его углубленного изучения. (Разумеется, речь не идет об исключении теории на первой стадии и опыта - на второй, а лишь о преимущественном интересе того или иного периода, о его своеобразном колорите.) Характеристика современной Гегелю эпохи в свете названного критерия в высшей степени важна, и не только для: в той или иной степени гегелевская философия и впоследствии будет исходить из этого определения специфики начатой в новое время и переживаемой также и в начале XIX в. познавательной эпохи. 35.

Другой аспект историзма Предисловия связан с принципиальной для всей конструктивной идеей - идеей, которая обусловливает и фактическое развертывание имманентной системности данного произведения: речь идет о знаменитом тезисе, согласно которому феноменология указывает индивиду маршрут, каким он должен идти навстречу науке (или со-

ответственно другому образу предоставляет ему ведущую к науке), и в то же время благодаря раскрытию логики являющегося духа в сжатом виде очерчивает основные станции, которые исто126 рически были пройдены внеиндивидуальным, всеобщим чэловеческим духом. Гегель говорит об индивиде как об обобщенном субъекте: 36. Образование здесь является символом формирования, становления, прибытия в конечную точку - в лоно науки -.

Разумеется, можно на данный путь бросить взгляд и (но и тогда, как изображает дело Гегель, мы увидим разве индивида, добывающего себе то, что находится перед ним, поглощающего в себя свою неорганическую природу и овладевающего ею37). Специфика же - в том, что индивид, его познание, его превращены Гегелем в особого рода духовные процессы, причем индивидуальность служит маской безличного, а историчность становится с большим трудом распознаваемой, глубоко скрытой характеристикой движения духа, которое принимает внеисторическую форму. Выбранный ли путь исследования толкает к тому Гегеля, или ход работы сам является следствием сдвига в ценностях, но только факт остается фактом: если в ранних работах Гегель порой колебался, отдать ли предпочтение индивидуальному или настаивать на примате всеобщего, то теперь все его симпатии и надежды на стороне индивида, с готовностью, даже энтузиазмом отдавшегося во власть всеобщего.

Этим принципом, опять-таки подкрепляемым авторитетом самой истории, самой эпохи, заканчивается: 38. Эта ценностная позиция Гегеля воплотится в сложном движении являющегося духа, где обязательно будет присутствовать и за всем почти что божественное всеобщее. Позиция индивида, как мы увидим, становится противоречивой:

его Гегель и наделяет особыми правами, и безусловно подчиняет необщему.

Так мы подошли к предмету исследования -. Его неправильно было бы считать - из-за того, что он, - заранее данной, лишь требующей описания реальностью. Являющийся дух - труднейшая для понимания, отчасти теоретическая, отчасти ценностная конструкция. И прежде, чем мы поймем суть реализующегося в этом произведении системного движения и специфику связанного с ним историзма, надо выяснить, о движении чего идет речь. А это и значит обнаружить, что понимает Гегель под.

2. Образ

К с разных сторон подводило развитие Гегеля в йенский период. Ибо в речь пойдет - тут мы применяем не собственно гегелевскую терминологию, а переводим ее на современный язык - о совокупности формообразований, которые рождаются в сознании индивида, но затем способны принимать объективированные, т. е. закрепленные историей социально значимые формы. (Над этой проблематикой Гегель работал в ряде других произведений, предшествовавших.) Несколько слов о гегелевской терминологии. Вместо слова (от него происходит феноменология - учение о феноменах) в тексте всюду употребляется немецкий эквивалент - явление. Соответственно предмет феноменологии, являющееся знание, в оригинале обозначается словами. Гегелевские (феномены) - это одновременно и своеобразные (Gestalten), которые как бы имеют вид устойчивых данностей.

То обстоятельство, что формообразования сознания способны принимать объективированную форму, своего рода идеальных объектов, способны, так сказать, отчуждаться от индивидов, образует предпосылку, от которой отправляется Гегель, создавая феноменологическую концепцию. Вопрос о том, где можно найти такие данности, Гегель решает довольно просто. Он полагает, что такими формами люди уже - и не менее плотно, чем физическими вещами и процессами. Надо лишь уметь опо128 знать их в реальной жизнедеятельности сознания и в культуре, чему помогает философия, которая в ходе своей исто-

рии ведь так или иначе вводила в оборот своего размышления формы являющегося духа. (Заметим, что на подобное же историческое поле данности логического Гегель станет опираться в.) Отличные друг от друга и взаимосвязанные формы являющегося духа, согласно Гегелю, это: a) Сознание, b) Самосознание, c) Абсолютный субъект. Именно так озаглавлены три основных раздела. Три основные формы внутри себя распадаются на подчиненные им формообразования, причем их обозначение в целом заимствуется из традиционной философии. Первая форма, сознание, конкретизируется, разделяясь на чувственную достоверность, восприятие и рассудок. (Это опять-таки данности, уже себя в истории мысли.) Что касается последнего раздела, посвященного духу, то Гегель, по существу, пользуется тем, что нравственность, религия, искусство, философия также представляют собой исторически закрепившиеся (и давно осмысливаемые именно философией) формы духовной деятельности. Марксистская философия не случайно в этой связи пользуется понятием форм общественного сознания. У Гегеля нет подобной формулировки. Однако он, по сути дела, осознал историческую данность, относительную самостоятельность этих форм, взятых в целом и характерных для каждой формы объективированных и объективирующих структур сознания. Отсюда - первая особенность и соответственно специфическая черта: философ стремится собрать вместе и объединить обширную, поистине универсальную совокупность формообразований, которые вышли из горнила индивидуального сознания, но стали играть относительно самостоятельную роль в духовной жизни человечества.

Подчеркнем также: собраны и объединены такие формы сознания, которые тесно связаны с самыми различными сферами человеческой жизни. Прежняя философия во многом разъединяла их, когда изучала то в гносеологическом срезе, то под углом зрения. Гегель же как бы ломает прежние границы философских дисциплин, благодаря чему и становится возможным такое небывалое по размаху объединение в целостность объективированных формообразований духа. Затем он продолжил (но под иным углом зрения) эту собирательскую работу в, на что впоследствии указал Маркс в своем кри129 тическом анализе гегелевской диалектики. Гегель, по словам Маркса,*.

Маркс показывает, что превращение моментов человеческой жизнедеятельности, реальных противоречий развития в моменты сознания и самосознания, в противоположности лишь между формами являющегося духа - такое идеалистическое толкование процессов объективирования произошло уже в предшествующей Гегелю и современной ему философии, перекочевав затем и в. С этим связана Марксова критика, обращенная против идеалистических предпосылок и выводов гегелевского труда.

Имея их в виду, следует с самого начала учитывать, что гегелевская собирательская работа над объективированными духовными формами глубоко противоречива. Благодаря универсальному набору форм гегелевское произведение становится содержательно богатым: согласно Марксу, Гегель дает**. В ходе анализа нам предстоит в этом убедиться. Но ведь данные области - что совершенно ясно - не сводятся к духу, к сознанию или самосознанию. В же***. Поэтому говоря пока в общей форме о первой отличительной черте являющегося духа - этого предмета и одновременно действующего лица, - мы должны уточнить: речь идет о поистине огромном охвате формообразований, часть из которых действительно относится к сфере индивидуального и общественного сознания; другая же часть форм (подобно государству или праву) по существу сведена Гегелем к духовным сторонам и проявлениям. Поясним эту первую особенность являющегося духа более подробно.

(*Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 628.

О Маркс также говорит, что Гегель в ней, явившихся результатом отчуждения человеческого мышления (см.: Там же, с. 640).)

(**Там же, с. 626 - 627.)

(Там же, с. 627.)***

За что бы Гегель в начале XIX в. ни принимался - за анализ ли индивидуального сознания, человеческого тела, человеческого труда, поступков человека, за рассмотрение ли языка форм логики, за осмысление ли политики, государства, религии, нравственности, - все погружалось в (одно из излюбленных слов молодого Гегеля) являющегося духа. Сначала этот эфир выступал как яркий и ясный, пронизанный лучами свободы. Потом Гегель почувствовал, что в являющемся духе находит себе место все и все разделяется на противоположности: есть дух дружбы, братства и дух предательства, дух рассудительности,, понимания и дух безмыслия, дух добрых деяний и дух жестокости. Одним словом, первым делом было собирание воедино всех различимых для интеллекта, для созерцания формообразований духа, включая проявления самые страшные, неблаговидные, безнравственные.

Итак, царство являющегося духа меньше всего напоминает Гегелю сентиментальную идилию. Кстати, на реализм и всесторонность в описании проявлений духовного всегда была ориентирована мировая, в частности немецкая, культура, которая собрала весьма многообразную галерею образов-духов, и среди них целый паноптикум страшного, отталкивающего, жестокого. Примем во внимание прежде всего этот реалистический мотив.

Впоследствии Гегель не смог выдержать реализма собственных образов духа, его в отрицании, двигаясь все ближе к новому синтезу - к, спокойному, невозмутимому и всецело благому духу. Для создания системы феноменологии нужно было, чтобы предварительно осуществилось скрупулезное, по-немецки тщательное накопление являющихся форм, что предполагало собственно собирательную работу Гегеля, которая и ранее проводилась под разными измерениями и с помощью разных методов.

Дух являет себя и в формах чувственного восприятия, и в формах понятийного мышления. Гегель считает также и специфические формообразования, относящиеся к сфере борьбы философских идей - таковы, например, философский скептицизм или концепция, согласно которой необходимо сначала исследовать орудия познания и только потом познавать. Последняя, превращенная в , служит для Гегеля примером формы, которая в свете строгих критериев научности сразу оценивается как. Если из состава других наук подобные иллюзорные представления могут быть отброшены, то

не так обстоит дело с наукой о являющемся знании. Эта наука интересуется также и ложными идеями, иллюзорными по содержанию утверждениями, если они представляют собой сколько-нибудь значимые целостные формообразования. В типологичности их для феноменологии есть не меньший интерес, чем в победном шествии истинного знания, тем более что согласно диалектическому взгляду, отстаиваемому Гегелем буквально с первых страниц, истина, эта светлая цель, не отделена резкой границей от тьмы заблуждения. Поэтому и саму науку, согласно Гегелю, правомерно рассматривать как являющееся знание. 39 Вторая особенность являющегося духа - та роль, которая в системе его форм принадлежит науке. Хотя наука, как мы видели, тоже рассматривается как форма являющегося знания, ее, согласно Гегелю, наполнены специфическим смыслом. В конечном счете через них высвечивается абсолютное, читай: дух в его тождестве с бытием40. Для понимания этой особенности, а значит, сути и структуры являющегося духа немалую роль играет разбираемый Гегелем спор между наукой и индивидом, непосредственным самосознанием: 41. Но и право индивида по отношению к науке Гегель считает не менее весомым: 42-43. И далее следуют слова, в которых хорошо запечатлено отличие от более поздних произведений Гегеля: право индивида, выраженное таким образом притязание к науке, зиждется, заявляет Гегель,; да и сам индивид признается 44.

Противоречивая роль науки как раз и имеет непосредственное отношение к структуре являющегося духа и способу

его исследования в, каждое из формообразований духа будет рассматриваться в двух ипостасях: в качестве с собственными и одновременно вступающего в конфликты - как с другими формами, так и с наукой. И когда автор будет развенчивать иллюзии, претензии форм духа, раскрывая их действительную роль, то основным критерием станет следующий: в какой мере и благодаря чему через эти формы прокладывается путь индивида к науке. Стержень, на который своеобразно нанизываются многообразные, быстро сменяющиеся формы духа - это заранее заданная цель - наука, движение к которой, однако, должно начаться с первого шага, т. е. с первой формы. При конкретном анализе произведения мы увидим, что этот принцип отчасти помогает Гегелю в систематизации являющихся форм духа, однако он оказывается слишком абстрактным, что говорит об ограниченности в понимании и реализации идеи системности в.

Третья особенность репрезентации и анализа форм являющегося духа частично уже введена. Формы сознания, самосознания, рассудка, разума, духа, как было сказано, у Гегеля выступают с разного рода претензиями, впадают в иллюзии - словом, выступают на сцене, каждый раз играя свою, только им отводимую роль. Переход от одного формообразования к другому осуществляется через их споры, конфликты, порой через борьбу не на жизнь, а на смерть. Это коренным образом отличает от традиционных гносеологических произведений, где проблемы чувственности - рассудка - разума считалось необходимым рассматривать обособленно от контекста поведения субъекта, его переживаний, требований, условий жизни и социальной борьбы. Причудливость и противоречивость - в том, что она, с одной стороны, покоится на абстрагировании от жизнедеятельности конкретно-исторических индивидов, условий их социального бытия, от целостности форм материального и духовного производства исторических эпох. Автор стремится выявить всеобщие структуры абстрактных формообразований сознания и самосознания. Но, с другой стороны, он отходит от чисто гносеологических образцов; он придает как будто бы абстрактно взятым формообразованиям духа социально-исторические, психологические, нравственные черты, причем такие, которые присущи деятельности людей целых исторических периодов. Далее мы на конкретных примерах покажем, как с

этим противоречием, заложенным в самом образе являющегося духа и в типе его феноменологического анализа, связаны и противоречия принципа историзма.

Четвертая особенность являющегося духа состоит в том, что читатель для его адекватного понимания должен стать своего рода участником превращений этого духа.

У зрителя, следящего за феноменологическим действием, за своего рода феноменологической драмой, есть особые преимущества - они связаны со специфической исторической позицией сознания (и самосознания) индивида.

Ведь ставится цель - пробежать в сокращенном виде маршрут, уже проделанный индивида, т. е. рассмотреть исторический путь многих и многих человеческих сознаний. Отсюда - парадоксы сложившейся ситуации: с одной стороны, индивидуальное сознание, руководимое феноменологией, способно рассмотреть путь как бы со стороны, тогда как проделавшие его сознания чаще всего пребывали в неизвестности относительно того, что происходило у них. Но, с другой стороны, наблюдающее сознание - по самой своей природе - не сможет, если бы и захотело, выдержать роль бесстрастного зрителя. Это ему надо подняться к науке, это ему надо преодолеть отчуждение.

И если в разделе до определенного момента еще возможна отчужденная, наблюдающая позиция читателя-зрителя, то скоро автор вызовет его на для непосредственного участия в феноменологической драме (это произойдет во время разыгрывания акта). Изучение фор-

мообразований сознания удобно, следовательно, в том смысле, что можно наблюдать воочию обычно, стороны процесса сознания и самосознания: на сцене феноменологии будут то совмещаться, то разъединяться различные предметности, позиции, иллюзии, порождаемые сознанием; можно будет увидеть и то, что выступает сознанием, и то, что развертывается.

Дело, однако, не только в переживаниях наблюдающего сознания, а в том, что позиция наблюдателя определена, по Гегелю, противоречивой, поистине трагичной исторической судьбой сознания, драматичностью его отношений с знанием и самим собой. 45.

Таким образом, читатель - он же зритель, следящий за феноменологической драмой, - должен быть готов сомнение, отчаяние являющегося духа, его самомнение; зритель познакомится со способностью духа жить псевдореальностями и упускать из виду реальность истинную и т. д. Он не должен забывать, что эти и подобные страдания, внутренние противоречия, напряженная диалектика духа - его собственная судьба. Феноменолог говорит с ним и о нем46. И все в феноменологии, в том числе, должно предстать в полноте форм - это будет, череда*, которая сродни и (в кавычках выражения Гегеля), накопленному самой историей. Читатель приглашается не только прочитать текст, но пережить, его для себя47. Недаром Гегель пользуется образом Голгофы - им и завершается: слово (Gestalt - в оригинале), потому что оно более определенно, чем имеющийся в переводе термин, связано с попыткой Гегеля подчеркнуть зримое, доступное интеллектуальному усмотрению вступление явлений духа на сцену феноменологии. Для понимания текста читателю, однако, полезно оставить в стороне иные, негегелевские толкования гештальта.

гнутая в понятии, - и составляют воспоминание абсолютного духа и его Голгофу, действительность, истину и достоверность его престола, без которого он был бы безжизненным и одиноким; лишь - Из чаши этого царства духов Пенится для него его бесконечность»48.

Итак, важнейший источник жизненности науки о являющемся духе - заключенное в ней историческое воспоминание. Весь вопрос, однако, состоит в том, чтобы самым конкретным образом разобрать достоинства и ограниченности обращения к истории в ходе феноменологического исследования, что и является одной из задач дальнейшего рассмотрения.

Одно замечание об особенности нашего исследования . Мы стремились в ходе анализа удержать то, что отличает ее как произведение непривычного для философии жанра. Ведь это своего рода философская драма; во многих случаях Гегелю удаются поистине сценические эффекты; формообразования сознания, несмотря на их абстрактность, предстают как портреты человеческих типов; обобщенность форм маскирует, но не скрывает исторической подоплеки и значимости мастерски рисуемых Гегелем конфликтов духа. Надеемся, в процессе конкретного рассмотрения текста читатель поймет, почему нам так хотелось избежать привычной манеры абстрактно-сциентистского изображения этого яркого и необычного произведения.

3. Чувственная достоверность и восприятие, или первые акты феноменологической драмы Первым на сцене появляется именно сознание, причем сначала как гештальты. Гегелеведы нередко делают упор на традиционный - как им кажется, гносеологический - характер этого начала, что их очень радует49.

Между тем исследование гештальтов чувственной деятельности в - непривычное для теории познания. Начинается оно с разбора глубокого конфликта между сознанием и знанием, между сознанием и предметом, что для теории познания необычно. Гегель исходит из того, что обыденное чувственное сознание склонно противопоставлять себя науке, изображая себя. Итак, с выражения притязаний чувственной досто136 верности начинается ее роль на сцене феноменологии. Она заявляет о себе, что ее познание самое богатое и достоверное. Гегель сразу произносит свой приговор: на самом деле речь идет только о, только о, однако видимости, имеющей прочные объективные основания.

Ведь чувственная достоверность потому представляется богатейшим познанием, что перед ней, как кажется, расстилается поистине бесконечное богатство - в пространстве и во времени, или 50. Видимость поддерживается и тем, что чувственная достоверность имеет перед собой предмет во всей его полноте, и кажется, что она ничего не упустила из предмета. 51.

Знание, которым располагает чувственная достоверность, - первейшая и, как представляется, незаменимая чем-то другим инстанция, обеспечивающая непосредственный контакт с предметом, - согласно Гегелю, есть беднейшее знание. Оно еще реально не включает богатейшего множества опосредований, действительного содержания.

И все богатство, и множество свойств вещи на уровне чувственной достоверности скрыты от сознания. Единственное, что удостоверяется на данной стадии, - предмет есть; предмет есть; есть; есть. Но ни, ни вещь здесь не имеют значения многообразного опосредования52. В результате мы видим, что сознание первоначально явилось нам в виде своеобразного отношения: 53.

Необходимо принять во внимание, что в споре чувственной достоверности с наукой Гегель не оставляет первую безоружной, хотя его анализ в конечном счете имеет целью поддержать вторую. На стороне чувственной достоверности и ее претензий - не только исходное значение для познания, не только объективный характер видимости, но также и довольно мощные философские традиции. Ведь усилия многих философов были посвящены тому, чтобы претензии чувственной достоверности (на роль самой богатой, самой подлинной действительности) принять за самую суть исход137 ного этапа познания. Претензии, по мнению Гегеля, можно было бы счесть иллюзией с точки зрения научного понимания человеческого познания, когда бы они ни выдвигались (в разных связях и с разных позиций) в качестве жизненных или идейных притязаний индивидов и общественных групп. Например, претензии обыденного сознания на то, что оно, а не наука видит, охватывает сами вещи,, находят выражение также в односторонних сенсуалистических философских концепциях, исходным пунктом которых является принятое за реальность чувство само по себе.

Гегель очень ненадолго дает выступить, чтобы затем пригласить читателя-зрителя внимательнее присмотреться к сути, проступающей за обличием чувственности. 54. Языковые тонкости напоминают о гегелевском сценически-игровом образе, помогающем понять природу. На сцене выступает и играет свою роль чувственная достоверность. Незаметно для самой себя - но уже явно для читателя, когда он, побуждаемый автором, обратит на это внимание - она с самого начала нечто (spielt beiher) со своей явной ролью. Особый, непрямой смысл приобретает в связи с этим слово (здесь:, закрепившееся значение -). Гегель и хочет сказать: нужно сразу видеть и прямую, явную игру чувственной достоверности, и ту побочную, дополнительную игру, своего рода подтекст ее роли, который, однако, вот-вот станет открытым текстом.

Что же чувственная достоверность?

Многое - и выбор из множества оттенков роли читатель вряд ли осуществит самостоятельно. Он вряд ли догадается о подтексте без подсказки автора. Но с подсказкой, тем более прочитав предварительно что-то у Канта и Фихте, он, пожалуй, сочтет верным гегелевское разъяснение сути этой -:

55.

Вот теперь перед нами предстают первые звенья диалектической системы: чувственная достоверность как знание, , раскалывается далее на два взаимосвязанных момента: и. Уместно поставить вопрос: откуда появился, как введен и развит первый элемент системного движения, сразу взятый диалектиком Гегелем в виде единства противоположностей?

Представляется обоснованным дать следующий ответ.

То, что сначала говорится именно о чувственной достоверности, в известной степени обусловлено предметом анализа феноменологии, каковым стал являющийся дух и отчуждающиеся от него формообразования знания. Все множество явлений порождается.

Такова была позиция предшествующей философии, в особенности четко утверждаемая в рамках сенсуалистической традиции. Сделав чувственную достоверность первой в ряду объективированных феноменов, Гегель по-своему признал силу этой традиции, что раньше сделал Кант, влияние которого на автора было немалым. Но особая интерпретация чувственной достоверности одновременно говорит и о стремлении Гегеля дать бой сенсуалистической (локковско-юмовской) традиции.

В известной степени взятые напрокат понятия и мыслительные ходы у Гегеля наполняются новым смысловым содержанием, в свою очередь зависящим от избранной им цели. Поскольку задачей является подведение индивида к позиции науки, то Гегель считает необходимым уже на первой стадии так представить последовательность движения формообразований сознания, чтобы в процессе движения уже прояснялась цель, и притом не как нечто постороннее самому процессу, а как заключенное в нем сначала хотя бы в зародыше. Надо отметить, что благодаря этому кристаллизовалось то представление об исходном пункте системного движения - о его клеточке, о цели, заданной в начале, - которое затем будет развито в деталях и получит метасистемное воплощение в.

Каким образом Гегель сближает конечную цель системного Движения с его исходным пунктом?

Конструктивно это делается как раз благодаря выявле139 нию - через диалектические взаимоопосредования и - глубинного смысла побочной игры чувственной достоверности. А смысл заключается, согласно Гегелю, в том, что При всей ее претензии на выражение внешних, действительных, всецело личных, индивидуальных черт неповторимое вещей оказывается невыразимым для человека; вместо чувственная достоверность способна выразить. Таков окончательный приговор, заключительное слово только что разыгранного первого акта феноменологического сценария с участием чувственной достоверности. Как бы чувственная достоверность ни отрекалась от своего родства с наукой (претендуя на выражение индивидуальной неповторимости окружающего мира вещей, а не присущей им общности, закономерности), Гегель видит свою задачу в обнаружении именно этого внутреннего родства. Отсюда и выводится способность человеческого сознания - отправившись от станции, прибыть в конечный пункт, именуемый.

Однако для осознания специфики продуцирования и систематизации Гегелем феноменов, гештальтов духа очень важно принять во внимание следующий поворот анализа.

Хотя претензии чувственной достоверности развенчаны, хотя ее внутреннее родство с наукой раскрыто, сам по себе гештальт - со всеми претензиями и иллюзиями - остается актером феноменологического действия. Поэтому дальнейшее движение анализа своеобразно и причудливо:, сознание, так и не принимающее своей истины, всеобщего, как бы остается на сцене духа в виде неуничтожимых и постоянно оживающих формообразований, а 56 берем с собой в дальнейший путь уже преобразованную чувственность, не жалеющую о потере иллюзий и ориентирующуюся на всеобщее. Действие первое заканчивается, задергивается занавес, чтобы открыться вновь - на сцене появляется новое, теперь уже синтетическое формообразование являющегося духа, восприятие. - так называется второй акт феноменологического действия. Названием уже очерчивается важность сюжета для всего философствования, для обычного сознания человека, для его жизни. Ведь сознание постоянно вращается именно вокруг вещи и ее свойств. Гегелевская феноменология трактует тему восприятия глубоко и оригинально. Тут нас снова ожидают ситуации интеллектуальные, но в то же время и драматические; перед зрителем будут выступать и вещь, как она сознанием, и сознание, поскольку оно приняло вещь и приняло ее как (игра со словами - истинный и - принимать, брать, составляющими части немецкого термина - восприятие). На сцене появятся, пусть ненадолго, феноменологизированные идейно-философские пози-

ции, в том числе и зафиксированные философской наукой теоретические иллюзии, упорствующие в своих претензиях на истинность.

Когда восприятие впервые вступает на феноменологическую сцену, Гегель сразу определяет его основную роль: оно призвано стать носителем всеобщего. Но далее восприятие вновь, согласно диалектической структуре анализа, распадается. 57. Теперь мы готовы к тому, что и автор все равно предоставит слово. Позиция и позиция заявят о своих претензиях.

Воспринимаемая сторона - это, по Гегелю, вовсе не вещь, а позиция сознания, околдованного вещью. И когда Гегель говорит о претензиях, то на самом деле имеет в виду особую разновидность, даже особую идейную ориентацию сознания. Суть ее - в убеждении, что достаточно в сознание уже действующую на него вещь, чтобы располагать истиной58. Итак, на одной стороне выступает сознание, готовое принять тезис о своей абсолютной зависимости от вещи на стадии восприятия. Теперь мы уже не сомневаемся, что Гегель сразу же поведет борьбу с этими иллюзиями - она станет продолжением борьбы с чувственной достоверностью, претендующей на самодостаточность, на изоляцию от других форм сознания, выражающих общее и всеобщее. Но теперь разбираются несколько иные притязания. Богатство, сообщаемое нам восприятием, с точки зрения такого сознания, определяется лишь предметом, который непосредственно, 59. Попутно заметим: Гегель не всегда определенно указывает на то, что, согласно конструктивному принципу своего труда, он предоставляет той позиции, которая несколькими абзацами позже будет подвергнута критике и будет снята более высокой точкой зрения. Для понимания текста в высшей степени важно

распознавать конструктивно-системный, характер текста: постоянную смену масок и ролей на сцене являющегося духа, сохранение автором дистанции по Отношению к действующим на сцене гештальтам духа. Поэтому сбивают с толку такие интерпретации (чаще - такое цитирование), когда каждая упомянутых гештальтов выдается за суждение самого Гегеля.

Гегель, правда, готов признать определенную силу, правоту позиции сознания по отношению к восприятию. Вещный гештальт во многом опирается на структуру самого являющегося духа. Воспринимающее сознание, согласно Гегелю, создает обобщенный образ вещности, без которого непредставимо последующее объединение вновь открываемых свойств в цельность той же самой вещи. Немалая роль данной структуры сознания подтверждена современными исследованиями процесса восприятия в философии и психологии. В изображении позиции, или, у Гегеля можно найти и другие весьма тонкие детали. Так, он различает следующие процедуры сознания: подчеркивание (имеется в виду соотнесенность мыслимой восприятием совокупности свойств с самой вещью) и, который состоит в том, что на определенной стадии восприятия упор на примат самой вещи приводит к перечислению ее свойств по принципу .

Позиция сознания, суть которой вещь -, приводит к результатам, следующим образом структурируемым Гегелем: вещь предстает как: 1) (das Auch) многих свойств или, лучше сказать, материй», 2) как - она есть, что означает исключение противоположных свойств, и 3) 60.

Тут перед нами снова предстает используемая и отрабатываемая Гегелем триада, которая становится своеобразной имманентной единицей развития мысли. Она, в свою очередь, включена в более широкое системное рассмотрение. Диалектическое введение и снятие различий Гегель использует как прием, который ведет к разрастанию

системной целостности. Это ход мысли, весьма перспективный для дальнейшего развития гегелевских системных идей, это предпосылка системного принципа.

Гегель мыслит подобную позицию сознания (внутри себя диалектическую) как своеобразное. Естественно, что дальнейшее движение феноменологического анализа получает диалектический толчок. Раз восприятия оказывается противоречивым в себе формообразованием, то неизбежна новая коллизия.

Снова разыгрывается конфликт - между позицией сознания, застрявшего на рассмотренных ранее и вполне действительных достижениях, и дальнейшим движением сознания. 61.

Дальнейший разбор в притязаний впадающего в новые иллюзии духа, постоянства таких притязаний и вместе с тем необходимости их преодоления - блестящий, тончайший гегелевский анализ, который до сих пор еще недооценен в его положительном значении для раскрытия всеобщих структур человеческого сознания. Одновременно это редкий в истории философии метод вписывания предшествующих философских позиций в позитивное исследование, причем исследование, проникнутое диалектикой, ибо рассматривается отталкивающееся от противоречий движение формообразований сознания. Мы лишены возможности развертывать все детали гегелевского анализа и воспроизведем только основные его моменты.

Вещь на предшествующей стадии феноменологического анализа предстала как, как некая.

62. Целостность предмета, данная

в восприятии, на новом этапе анализа распадается - и прежде всего благодаря тому, что в воспринятом, приписываемом лишь, сознание вдруг узнает самого себя. 63.

Сознание, таким Образом,, и с прежним формообразованием сознания неминуемо происходит изменение - само сознание 64.

Гегель, следовательно, обнаруживает в самом процессе восприятия любопытное свойство воспринимающего сознания, своеобразную критическую саморефлексию - готовность принять на себя появляющиеся в сознании иллюзии.

Он высоко оценивает эту способность: благодаря признанию того, что возникла, возможна ее корректировка. И вот прекрасные слова Гегеля, проливающие свет также и на тайну предмета и способа исследования : 65. Перед нами - выраженная на языке феноменологии мысль о неизбежном вмешательстве сознания в процессе восприятия, наблюдения. И ценно, что Гегель выявляет здесь позитивные, конструктивные моменты, связанные с активностью сознания на стадии восприятия.

Вслед за этим подводится итог уже пройденного небольшого отрезка системного пути: обнаружилось, что вещь есть, и это является, которое должно быть удержано; затем становится ясно, что вещь является также в силу определений, которые исходят от нас. Новое противоречие находит отражение в противоборстве философских позиций (концепций, отстаивающих объективность или субъективность чувственных качеств). Конфликты, рассматриваемые Гегелем в первых актах феноменологического действия, - между вещью и сознанием, между чувственной достоверностью и всеобщностью, между сознанием, зациклившимся на самих вещей, их, и сознанием, почувствовавшим свое влияние на истинность вещей - все это вскоре предстанет как целый мир, мир рассудка, чья очередь появиться на сцене. Здесь нас ожидают конфликты более драматические, чем на стадии чувственности, где гегелевское рассуждение еще порой сохраняло личину отвлеченного философско-гносеологического рассуждения и где отношение к реальному сознания автор устанавливал лишь время от времени. Переходя к рассудку, феноменология Гегеля еще

ярче раскрывает необычность, уникальность своего анализа по сравнению с тем, что до той поры писали о рассудке.

144

Прежде чем мы вслед за движением гегелевского анализа перенесемся в царство рассудка, сделаем выводы относительно постановки и разрешения в двухпервых разделах, посвященных чувственности, проблем системности и историзма.

1. Гегель в этих разделах почти не употребляет слово , что составляет резкий контраст с апофеозом системы в Предисловии. Вместе с тем, по нашему мнению, на конкретном материале осуществляется развитие системных идей. Гегелю приходится, подчиняясь высказанному в общей форме в Предисловии системному принципу, прежде всего выбирать начало исследования, имея в виду конечную цель - движение являющегося духа к науке. Поэтому, избирая - под влиянием многих предшествующих и современных ему гносеологических учений - чувственность в качестве первой темы своего повествования о судьбах духа, Гегель с самого начала интерпретирует ее иначе, в соответствии с феноменологическими замыслами и представлениями о внутренней логике избранного им типа системного построения. Чувственность, которая в большинстве философских концепций рассматривалась абстрактно-антропологически (как относительно самостоятельная способность человека) или абстрактно-гносеологически (как особая ступень в движении познания), в гегелевской феноменологии приобретает новый вид. В своеобразный сплав объединены прежде всего сознание и знание: они, кроме того, именно на ступени чувственности вовлекают в свое движение вещнопредметную сферу, причем это причудливое движение не сухая система взглядов автора, а изображение (в движущейся системе) объективирующихся формообразований сознания, своего рода верований, убеждений, ориентаций сознания, обладающих жизненной стойкостью и потому закрепленных в виде философских позиций.

Стиль феноменологического повествования причудлив, необычен его язык. Формообразования, гештальты духа с самого начала из элементов предметности, сознания и самосознания ( ). Им приписывается некоторый вид (с такими его чертами, как способность выдвигать претензии, питать иллюзии, рефлектировать и т. д.). Благодаря этому образуется уникальное для истории философии исследовательское поле динамичного, комплексного, выражаясь современным языком, изучения духовных феноменов. По нашему глубокому убеждению, все это своеобразие анализа, осуществленного именно в и в дальнейшем Гегелем очень мало раз145 витого, до сих пор недостаточно выявлено и учтено. А ведь отсюда проистекали специфические приемы системного построения.

2. Своеобразие системного анализа, зависящее от особого среза гегелевского феноменологического исследования состоит в том, что в определенной степени решается задача объединения, приведения в порядок, таких проявлений духа, которые уже на арене мировой истории.

66.

3. Суть и особенность гегелевского феноменологического историзма определяются, по нашему мнению, его зависимостью от охарактеризованного выше принципа конструирования и приведения в системное единство гештальтов являющегося духа. Поэтому исторически данные (например, благодаря истории философии) формообразования духа Гегель включает в не в том виде, в каком они предстали в исторической эмпирии. Рассказ о них в - это прежде всего типологический портрет, где, скажем, изображена не одна какая-нибудь форма обыденного сознания, кичащегося своими преимуществами перед наукой. Портрет намеренно делается таким, чтобы любая форма обыденного сознания, выступающего с аналогичными претензиями, могла быть при его помощи опознана. И философс-

кие позиции, суть которых - в апологии, сознательно фиксируются так, чтобы под изображенный гештальт подошли взятые в определенном же срезе учения Демокрита, Эпикура, Гассенди, Локка, Юма или какого-нибудь другого философа. И поскольку делается портрет именно типологический, живописец-феноменолог по большей части скрывает, какая именно реальная форма обыденного сознания или концепция философии в наибольшей степени служила ему конкретным прообразом. Поэтому зашифровка исторически конкретных опознавательных знаков гештальтов духа, этих станций и полустанков системного пути феноменологии, производится в соответствии с важнейшим конструктивным принципом гегелевского произведения, который можно условно назвать системно-типологическим историзмом. Здесь форма историзма определяется, как бы шлифуется системным феноменологическим построением. (Почему и слабости системной мысли питают непрозрачность, противоречивость историзма.) Обобщение гештальта осу146 ществляется тем более усиленно, что Гегель стремится совместить контурами те формообразования, которые в реальной истории существуют изолированно, даже выступают как результаты деятельности людей, подвизающихся в различных сферах разделения труда.

4. Ни тщательным типологическим портретированием духа, ни набором большого количества таких портретов системная работа не заканчивается, она по существу только начинается. Собранные гештальты еще требуется оживить, выпустить на сцену феноменологии в определенном порядке, в определенной последовательности. Как решает эти задачи Гегель?

Говоря обобщенно, сценарной канвой системного движения является диалектика. В тексте имеются фрагменты, в которых начинает развиваться имманентная для системы диалектика, причем это уже новое слово Гегеля, а не вариант кантовско-шеллинговских диалектических рассуждений. Раскол целостного, единого формообразования духа на противоположные моменты, их объединение в новую целостность, последующее распадение последней - таков внутренний импульс движения анализа, таков системообразующий фактор. Системная идея объединяется в с диалектикой. Этот перспективный гегелевский замысел реализуется в последующих разделах труда, в частности в разделе о рассудке, к рассмотрению которого мы и переходим.

примечания

\1 Современная литература о огромна.

Далее будет идти речь об исследованиях 60 - 70-х годов. В 70-е годы у нас вышла всего одна монографическая работа, специально посвященная:

Погосян В. А. Проблема отчуждения в Гегеля. Ереван, 1973. В ряде монографий, посвященных более общей проблематике, под различными углами зрения рассматривалась эта книга Гегеля (например, в книгах и статьях В. Ф. ГолосОва, А. В. Гулыги, Ю. Н. Давыдова, В. П. Кохановского, К. Н. Любутина, И. С.

Нарского, Т. И. Ойзермана, В. И.

Шинкарука и др.). В 70-х годах в нашей периодической печати был опубликован ряд статей, посвященных (авторы, кроме уже названных, в порядке хронологии статей: З. Н. Мелещенко, А. Н. Ерыгин, А. М. Анохин, Л. И. Бондаренко, Е. А. Яблоков, А. А. Митюшин, Г. В. Болдыгин). Более конкретные библиографические указания см. в изданиях: Советская литература о Гегеле (1970 - 1979): Библиогр. список. М., 1980.

Из фундаментальных работ зарубежных марксистов, специально посвященных Гегелю и основательно рассматривающих, необходимо, кроме уже упоминавшейся книги Г. Лукача, отметить двухтомник румынского философа Г. Гулиана (рус. пер.: М.,

1962, т. 1, с. 300 - 380), а также книгу философа из ГДР Г. Штилера (Stiehler G. Die Dialektik in Hegels. B., 1964). Многочисленная современная западная литература, посвящен-

ная и обобщенно характеризуемая далее, в известной степени выросла из осознания ограниченностей тех попыток интерпретации, которые были предложены в 30 - 50-х годах западными философами различной, прежде всего экзистенциалистской, ориентации.

Весьма существенный с точки зрения историко-философского исследования недостаток работ экзистенциалистов состоял в попытках превратить Гегеля в мыслителя экзистенциалистского типа, а также в вытекающих отсюда двух линиях интерпретации, о которых существенно сказать в связи с темой нашей книги: 1) оправданный интерес к историзму Гегеля вылился в, порой вульгарно-историцистское и вульгарно-социологическое интерпретирование; 2) использование меткой критики ограниченностей ранних гегелевских реализаций системного принципа стало поводом - без глубоких исследований, доказательств - категорически сделать из автора мыслителя. Необходимо отметить, что ведущие представители Г. Маркузе, Т. Адорно, Ю. Хабермас, по сути дела, примыкают к интерпретации, даваемой философией жизни и экзистенциализмом; их анализу также свойственны упомянутые недостатки.

В работах о, которые опубликованы на Западе в последние 10 - 15 лет, проделаны новые текстологические исследования. Среди авторов этих работ можно назвать таких философов как Г.-Г. Гадамер, Д. Хенрих, О. Пёггелер, Г. Ф. Фульда, К. Дюзинг, Р. Виль, Л. Пунтель, В. Маркс, Р. Бубнер, В. Виланд, Г. Крюгер, Э. Ланге, Б. Либрукс, К. Нуссер, Х. Крумпель, Х. Х. Оттман (ФРГ); Ж. Говен, П.-Ж. Лабарьер, Г. Ярчик, Ф. Шателе (Франция); Г. Кейнз, К. Лоуэр, Р. Норман (США), Ч. Тейлор (Канада) и др.

На Западе популярны комментарии к.

В последние годы появилось сразу несколько книг-комментариев, и некоторые из них представляются интересными и оригинальными.

Среди них можно назвать книгу французского гегелеведа П.-Ж. Лабарьера (Labarriere P.-J. Introduction a une lecture de la phenomenologie de l'esprit de Hegel. P., 1979). В англоязычной философской литературе см.:

Kainz H. P. Hegel's Phenomenology, Pt 1: Analysis and Commentary. Birmingham (Ala), 1976; Lauer Q. Reading of Hegel's Phenomenology of Spirit. N. Y., 1976;

Norman R. Hegel's Phenomenology: A Philosophical Introduction.

N. Y., 1976; etc.

В западногерманской истории философии этот жанр менее распространен. Можно назвать две работы такого рода: Becker W. Hegels Phanomenologie des Geistes:

Eine Interpretation. Stuttgart, 1971;

Marx W. Hegels Phanomenologie des Geistes; Die Bestimmung ihrer Idee in und.

Frankfurt a. M., 1971. 2 Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959, т. 4, с. 13. 3 Hegel G. W. F. Phanomenologie des Geistes. Frankfurt a. M.,1973, S. 588.

4 Materialien zu Hegels Phanomenologie des Geistes. Frankfurt a. M., 1973, S. 8. 5 Такую интерпретацию, по существу, предложил Ж. Ипполит, не без основания начавший с фиксирования противоречия, даже парадокса: (Hyppolite J.

Anmerkungen zur Vorrede der Phanomenologie des Geistes und zum Thema: das Absolute ist Subjekt. - In: Materialien…, S. 45, 46). 6 Современные исследователи, с одной стороны, подвергли достаточно убедительной критике утверждение Т. Хеаринга, а также идею экзистенциалистов о том, что в вообще отсутствует идейно-архитектоническое, внутреннее системное единство. О. Пёггелер, Г. Киммерле, П.-Ж. Лабарьер и другие авторы продемонстрировали внутреннюю логику, цельность этого произведения, не исключающую, разумеется, присущих ему противоречий и даже определенной двойственности движения мысли. Однако соглашаясь с тезисом о систематическом единстве произведения, о его идейной, структурной, композиционной целостности, вряд ли правомерно упускать из виду, как это иногда происходит в работах о Гегеле, сколь неравномерная содержательная нагрузка ложится на системный принцип в разных частях, как часто избранный самим Гегелем внутренний рабочий ритм системного анализа являющегося духа сменяется внеш-

ними эффектами. 7 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971, т. 2, с. 271. 8 Materialien…, S. 8. 9 Briefe von und an Hegel / Hrsg. von J. Hoffmeister. Hamburg, 1952, Bd. 1, S. 136. 10 Hegel G. W. F. Phanomenologie des Geistes / Hrsg. von J. Hoffmeister. Hamburg, 1952, S. 578. 11 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4. 12 Hegel G. W. F. Die Phanomenologie des Geistes / Hrsg. von G. Lasson. 2. Aufl. Leipzig, 1921. 13 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 3. 14 Там же, с. 12. 15 Там же, с. 9. 16 Там же, с. 12. 17 Там же, с. 2. 18 Там же, с. 20. 19 См.: Там же, с. 2. 20 См.: Там же, с. 14. 21 См.: Там же, с. 21. 22 См.: Там же, с. 17. 23 Там же, с. 39. 24 Там же, с. 11. 25 Там же, с. 31. 26 Там же, с. 32. 27 Там же, с. 27. 28 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2, с. 283. 29 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 1. 30 Там же, с. 4. 31 Там же, с. 7. 32 Marx W. Hegels Phanomenologie des Geistes, S. 10 - 11. 33 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 4 - 5. 34 Там же, с. 4. 35 Там же, с. 18. 36 Там же, с. 14. 37 См.: Там же, с. 15. 38 Там же, с. 40. 39 Там же, с. 43. 40 М. Хайдеггер в комментарии к Введению так поясняет особенность науки. (Heidegger M.

Hegels Begriff der Erfahrung. - In:

Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M., 1980, S. 137). Хотя у Гегеля действительно на сцену феноменологии связано с репрезентацией абсолютного, Хайдеггер - как будто ничего не меняя в содержании, но прибегая к особому языку - значительно мистифицирует, мифологизирует картину гегелевского понимания являющегося духа. 41 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 13. 42 - 43 Там же. 44 Там же. 45 Там же, с. 44. 46 Диалогически - диалектическое столкновение формообразований духа - принципиально важный структурный элемент. Поэтому не менее, чем образ драматического театрального действия, помогает восприятию работы Гегеля напоминание о родстве с диалогами Платона и соответственно с особой ролью, которая (в споре гештальтов) придается авторской сократической иронии. Эту тему хорошо развивают некоторые современные гегелеведы. См., например:

Wiehland W. Hegels Dialektik der sinnliechen Gewissheit. - In: Materialien…, S. 70. 47 См.: Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 44. Эту сторону абсолютизировали экзистенциалисты. Однако у экзистенциалистской трактовки были свои сильные стороны. В отличие от многих интерпретаторов, похоронивших в наукообразных рассказах о ее яркую, своеобразную диалектику, экзистенциалисты обратили внимание на поиск, беспокойство, страсть, столь характерные для гегелевского труда. Ж. Ипполит, например, писал, что - произведение, что это, что в книге Гегеля спекулятивное, якобы вечное круговращение мысли - (Hyppolite J. Op. cit, S. 47). 48 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 434. 49 См., например: Westphal M.

Hegels Phanomenologie der Wahrnehmung. - In: Materialien…, S. 83. 50 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 51. 51 Там же. 52 См.: Там же. 53 Там же, с. 52. 54 Там же. 55 Там же. 56 В литературе о Гегеле ведутся споры относительно содержания этого, играющего немалую роль в тексте. Так, Г.-Г. Гадамер правильно показывает, что в гегелевском изображении этот гештальт имеет двойственную природу: он представляется в, и в том виде, в каком противоречия гештальта духа предстают для наблюдающего сознания в процессе опыта. См.: Gadamer H.-G. Die verkehrte Welt. - In:

Materialien…, S. 111.

П.-Ж. Лабарьер обращает внимание на различие - и, - имеющееся гегелевского анализа. Первый уровень ( ) - ситуация, когда сознание как бы приглашается к конфронтации между содержанием

своего схватывания мира и правилами, которые ему даны; это уровень, где сознание вовлечено, в процесс собственного движения, где оно обязано как бы изменять самому себе, чтобы приспособить свое видение вещей к этим последним. - уровень, который позволяет как бы дать экспозицию условий опыта, сделать выводы из ангажированного опыта, показывая, как в нем в какой-то момент возникает и новый объект, и новые правила проч-

тения объекта., т. е. сказать, что речь идет об одном и том же опыте сознания, и раскрыть, в чем состоит единое его значение (Labarriere P.-J. Op. cit., p. 36, 37).

(Wiehland W. Op. cit., S. 80). 57 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 60. 58 См.: Там же, с. 62. 59 Там же, с. 61. 60 Там же, с. 62. 61 Там же, с. 63. 62 Там же. 63 Там же, с. 64. 64 Там же. 65 Там же, с. 64 - 65. 66 Там же, с. 47.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Превратный мир рассудка и конфликты самосознаний

1. Борьба сил,

и бессилие рассудка

Третий подраздел раздела назван Гегелем . Это подраздел, столь же важный для уяснения конструкции , сколь и трудный для понимания.

На наш взгляд, здесь представлены глубокие и оригинальные достижения Гегеля, проливающие свет как на образ , так и на важнейший для всего гегелевского идеализма принцип, его .

Гегель завершает раздел о сознании и намечает переход к самосознанию, вводя необычное для учения о духе, знании, сознании понятие силы. Он хочет выявить, в чем же коренится немалая сила рассудка, где источник его дейст151 венности и. Ставится цель - обнаружить механизм специфического, обретения особой реальности всем тем, что поначалу гнездилось в недрах индивидуального сознания. Тут будут продолжены начатые в ранних произведениях исследования механизмов объективирования духа, сила которого, по Гегелю, и состоит прежде всего в порождении и утверждении, мира. И нам представится возможность увидеть, как Гегель заставляет мир являющийся, мир чувственный, преобразоваться - благодаря силе рассудка - в мир сверхчувственный. (Впоследствии автор все чаще будет работать над исследованием особенностей уже сформировавшегося, объективировавшегося духа.) О Гегель впервые говорит в подразделе о чувственности. На сцену выводится особая способность человеческого сознания - порождать относительно самостоятельные, сталкивающиеся друг с другом абстракции. Деятельность абстрагирования - типичный для теории познания сюжет - подается в как один из наиболее важных, интересных гештальтов, внутреннюю силу и претензии которого Гегель разбирает с большой тщательностью. На чем же основана сила рассудка? На том, показывает Гегель, что - например, свойства вещи, как бы соединенные в ее образе, - превращаются в своего рода отдельные. Обособление и , т. е. абстракций рассудка, - вот одновременно гештальты и сюжеты дальнейшего развертывания феноменологического сценария. Важно отметить, что развитие содержания в гегелевском исследовании будет подчинено принципам диалектики, но это будет развитие, обусловленное внутренней, имманентной диалектикой проблемы. , появившиеся на сцене феноменологии, обладают особыми свойствами. Это гештальты, потому можно, наблюдать, фиксировать их.

Но в отличие от гештальтов чувственности силы рассудка обладают новой способностью: они, приобретают особое бытие. Их бытие бытию сознания, которое по-прежнему остается актером феноменологического действа. Силы рассудка, располагающиеся с сознанием, способны, по Гегелю, вести свою, весьма сложную и специфическую игру. В тексте этой части большую роль начинают играть понятия - (прибавляемое, как мы увидим, к

другим словам, и в ряде мест необоснованно выпускаемое переводчиком), а также и *1.

Тема объективирования, формообразований духа, начатая Гегелем в более ранних произведениях йенского периода, находит в метатеоретическое развитие2. На примере сил рассудка Гегель раскрывает сложные механизмы образования, функционирования и сохранения аспектов духа. Гегель обозначает парадокс этой в высшей степени своеобразной бытийственности: она как бы парит между и; рассудочные формы действительно способны и сохранять относительную самостоятельность, и (sich beruhren), проникать друг в друга, находясь во взаимодействии. Своеобразие таково, что его принципиально неверно (при переводе, в частности) отождествлять с. Ибо некоторые формообразования сознания, например ощущения и восприятия, обладают только (скажем, когда органы чувств человека вступают в контакт с внешним миром). Что же касается рассудочных форм - абстрактно выраженных свойств, формальных правил деятельности рассудка и т. д., - то их бытийственность, что глубоко подмечает Гегель, в самом деле, связана с определенного рода. Увидеть, просто ощутить такое бытие с помощью органов чувств нельзя и в то же время возможно их снова, снова сделать бытийственной оттесненную обратно к самой себе, порожденную человеческим рассудком.

Когда Гегель говорит о способности относительно самостоятельных сил, вести уже как бы независимо от породившего их сознания - наподобие взаимодействия механических сил в мире природы, то установление самой возможности причудливого духа вовсе не является идеалистической мистификацией.

Всякий, кто работает со знанием, его формами, с абстрактными понятийными результатами познания (и особенно тот, кто эту должен как бы переснять и пере

(*В данном контексте не вполне точно переводить, как это делается в 4-м томе сочинений Гегеля, и словами „ причем неточность тут и смысловая- о чем далее - и контекстуальная; о Гегель тоже говорит, употребляя, как и раньше, понятие; в переводе это важное смысловое различие между и смазывается.)

дать машине), сразу поймет, сколь оправданна эта попытка Гегеля проникнуть в тайны духовного, того процесса, в результате которого невидимая глазу работа сознания как бы осаждается разнообразными кристаллами духа.

Механизм овнешнения (Auszerung) очень важен для понимания природы духовных форм как таковых, но в особенности существен он для выявления скрытых источников объективирования духа и образования духовных форм, которые, подобно науке, способны кристаллизоваться в относительно самостоятельные сферы человеческой деятельности, как бы окружая скелет кристаллизаций духа плотью социального бытия. (Они - предмет анализа последней части.) Поэтому существенно отметить еще три момента гегелевского анализа.

Первый - обозначенная Гегелем структура: сила есть . Далее благодаря феноменологическому анализу будет обнаружено, что объективации духа возникают не случайно, а под влиянием потребностей человеческого общения. Второй момент: только после того, как на сцене феноменологии появлялись различные, относительно самостоятельные силы (ведь нужно же было составить представление об их сущности, т. е. получить), после того, как была продемонстрирована в игре сил механика их - после всего этого Гегель выводит на сцену ни много ни мало…! Его появление, надо отметить, не будет неожиданным для внимательного читателя-зрителя. Диалектика перехода определена самой сутью разбираемой проблемы. Ведь если порождения рассудка выступают как силы, способные быть относительно самостоятельными и взаимодействующими, если они выходят вовне, приобретают устойчивость существования, если между ними возникают особые игры, то разве все это

не означает, что рожден наряду с миром чувственных вещей еще и другой мир, который можно, не впадая в мистику, назвать? И если мир материально определенных вещей, событий назвать, как это делает Гегель, -, то правомерно обозначить многослойный, внутренне подвижный, обособленных абстрактных, порожденный рассудком, словом -. Гегель не имеет в виду ничего мистически-религиозного, а только подчеркивает грань между мирами, определяемую их существенно различной бытийственностью. Но возникновение причудли154 вого нового мира питает и новые иллюзии. Они гнездятся вокруг сложной проблемы соотношения двух миров, чувственного и сверхчувственного. Хотя второй мир, как было показано автором, возникает именно из игры сил сознания, сознание не опознает его как свой. И это не случайно. Мы подошли к третьему моменту, который Гегель считает необходимым проанализировать во имя прояснения особенностей рассудка.

Рассудок стремится теперь понять им самим порожденный сверхчувственный мир. Понимание это наталкивается на немалые трудности, казалось бы неожиданные. Раз второй мир родился через, рассудок пытается уподобить сверхчувственный мир миру чувственному.

3. Приходится все же находить особые приемы работы со сверхчувственным миром - миром ,. Приемы и средства вырабатываются благодаря тому, что начинается тщательное сопоставление, сталкивание сил, осмысление их игры, что во всех подробностях показано Гегелем на сцене феноменологии.

В результате рождается такое определение: 4, и читатель вправе посетовать на искусственность перехода.

Остается не вполне ясным, как и почему из рождается, почему новым формообразованием становится именно закон. Наиболее веское, впрочем, оправдание перехода к закону - это телеология всего произведения, влияние конечной цели, о которой Гегель, разумеется, не забыл. Уж если в обители чувственной достоверности Гегель почти сразу поселил всеобщее, то что говорить о владениях рассудка? Порожденный им сверхчувственный мир - мир внутренний, странный, превратный, как называет его Гегель, 5, - рассудок не может, не умеет освоить собственными. Нужно сразу поселить в нем иную, чтобы она уяснила и превратный, наизнанку вывернутый сверхчувственный мир, и отношение его к миру чувственному. Этой силой может быть только наука.

Наука снова ненадолго являет на сцене духа свой сверкающий, неясный пока лик - для того лишь, чтобы обли155 чить. Она-то умеет работать с; в, невесть откуда свалившемся на ошеломленный рассудок, она - у себя дома. В отличие от рассудка она умеет смотреть на предмет через законов и видеть мир вещей в их бесконечности. 6. Для дальнейшего феноменологического действия существен переход, полагаемый начавшимся осознанием сверхчувственного мира: ведь сознание впервые начинает заниматься самим собой; оно приобретает форму самосознания. Подготавливается сцена для следующего действия.

Надо учесть, что гештальты самосознания поведут себя иначе, чем те, к которым читатель-зритель уже привык: теперь они станут исключительно с самими собой!

Но и от наблюдателя требуется - именно потому, что на сцене появится самосознание, - другой, не внешний способ участия в происходящем действии. Теперь он сам должен на сцену. 7. Требование непростое, но в свете феноменологических усилий XX в. оно представляется понятным: надо одновременно и всматриваться в сущность сознания и вглядываться в собственное сознание. Если исследовательфеноменолог и станет заглядывать за кулисы,, то он не должен надеяться что-нибудь увидеть, не поместив туда самого себя, свое сознание - в двойной роли и объекта и субъекта наблюдения. Гегель предупреждает, что подобную позицию обрести весьма сложно. Сложность прежде всего в том, что процесс непосредственного, простого самонаблюдения, самосознания невозможен - на его пути уже прочно встала завеса сверхчувственного мира, рассудка. Подобным образом - имея в виду к тому же сложные наслоения культуры, предрассудки философии - станет рассуждать Э. Гуссерль, предлагая при156 менить - именно для уничтожения завесы на пути к сознания - сложные приемы феноменологической редукции.

Гегель, если соотнести его исследование с феноменологией XX в., тоньше, мудрее. феноменологии не то, что просто можно отринуть, отодвинуть в сторону (как на то поначалу надеялся Гуссерль). Это не занавес, который (вспомним гуссерлевское - буквально: подвешивать, иносказательно: выводить из игры, - выполняющее свою роль в разъяснении процедур редукции). Завеса то, за что самосознанию всякий раз нужно заходить, проникать. Но она тоже своего рода действующее лицо, а не мертвая кулиса. В оперировании с завесой действующее сознание и сознание вступающего в действие наблюдателя ожидают немалые трудности. 8. Прежде чем мы увидим, как Гегель произведет (Auseinanderlegung) гештальтов и соответствующих им, сделаем - в дополнение к ранее сказанному - выводы относительно характерных особенностей гегелевского рассмотрения рассудка и связанной с этим системной проблематики.

Анализ рассудка тесно увязан с заданной в Предисловии истористской координатой. Дело усматривается как раз в подготовке исторически значимой абстрактной формы, разнообразных, гештальтов, которые, как считает Гегель, благодаря рассудку, но уже за начали причудливую, неясную для самого рассудка игру. В таком промежуточном расположении рассудка между чувственностью и более высокой человеческой способностью - наукой разума или разумом науки - после Канта уже нет ничего оригинального. Общий абрис системы, следовательно, в какой-то мере подсказан кантовско-фихтевско-шеллинговской мыслью. Вместе с тем содержания понятия у Канта и в феноменологии Гегеля существенно различны. Кант вверяет именно, подкрепляемой, конечно, всей мощью продуктивной способно157 сти воображения, развитие и обоснование естествознания. Иными словами, у Канта рассудок и порождает сверхчувственный мир, и познает его принципиальное отличие от мира чувственного, и в хаотическом мире явлений, приписывая им законы, а заодно и .

Не то в: рассудок - комплексный, сложный гештальт духа, но это пока еще своего рода слепой гештальт. Впоследствии, в или , будет более объективно оценена огромная мощь рассудка; подходя ближе к системной схеме Канта, Гегель свяжет силу рассудка с успехами практической деятельности и достижениями естествознания. Но пока, в , рассудок со всеми его объявляется бессильным. Он не проникает сколько-нибудь глубоко в созданный им мир. Рассудок пасует перед труднейшими задачами, которые связаны с познанием законов явлений. Более того, именно он, по Гегелю, погружает индивида в пучину многих жизненных бедствий.

Они коренятся в описанной выше способности рассудка , создавая целый мир и порождая их таинственную, неясную ему игру. перерастает в, т. е. обособление, вышедших вовне порождений рассудка, а легко оборачивается, т. е. отчуждением.

Гегелевский анализ так и построен, чтобы разрушить тесные границы академического философско-гносеологического системного исследования, преодолеть его формализм в пользу содержательности самой жизни. И хотя это будет, как мы увидим далее, ограниченная содержательность, в приоткрытые шлюзы хлынет довольно мощный поток действительных проблем. Проложенное и пролагаемое далее русло, как и прежде, будет их преобразовывать по знакомой нам модели типологии гештальтов, типологического историзма. Однако история уже будет ставить свои все более явные опознавательные знаки на гештальтах духа.

2. Феномен под формой конфликта

господского и рабского сознаний

Раздел Гегель помещает между рассудком, который уже сыграл свою роль, и разумом, чья партия еще впереди. Такая раскладка обусловлена задачами логики феноменологического системного рассмотрения. темы чувственной достоверности и рассудка, исследователь как бы обращает микроскоп анализа в мир невидимых глазу движений самосознания, чтобы понять, как и почему в действительные эмпирические процессы жизнедеятельности

людей, в частности и особенности деятельности духовной, вкрапливаются процессы, обстоятельства, характеризующие именно роль самосознания.

При анализе раздела, посвященного самосознанию, гегелеведы охотно прибегали к расшифровке гештальтов, прямо связывая их с реальными историческими и социальными процессами. Гегель, несомненно, дает для этого повод, ибо наделяет тот или иной обобщенный гештальт чертами некоторой исторической реальности: событий, процессов жизни греческого, средневеково-христианского или новоевропейского мира. С этим главным образом и связывали историзм, считая, что Гегель последовательно изображает в виде феноменов духа сменяющие друг друга этапы общественного развития. По нашему мнению, при таком подходе специфика и противоречивость гегелевского историзма не выявляются. Историзм покоится на более сложных и более противоречивых методологических решениях Гегеля, что мы попытаемся показать в ходе последующего анализа.

Мы вынуждены, и с немалым сожалением, не задерживаться на всех неторопливого гегелевского анализа. Поэтому далее будут рассмотрены в их проблемном значении только основные вехи, которые оставляет являющийся дух в царстве самосознания9. Сознание оказывается в своеобразной ситуации раздвоения. Можно зримо представить себе нового формообразования на сцене феноменологии. С одной стороны,, т. е. приобретя важнейший оттенок, сознание приобрело более реальную форму: оно стало (ведь без самосознания действительно нет жизни, развития индивида; и сознание без него остается абстрактным символом).

Расшифровав элемент, феноменолог (и читатель) также приблизились в своем анализе к, к реальным действиям индивида, наделенного сознанием. Но в везде господствует идеалистическая по своему характеру манера анализа, о которой Маркс сказал:

*.

В разделе о самосознании речь также идет не о деятельности, поведении индивидов, но о всеобщем и одновременно

(*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 140.)

индивидуализированном самосознании и его.

С этим, несомненно, связана пронизывающая весь феноменологический анализ, отражающаяся и на языке гегелевского произведения идеалистическая мистификация.

Однако в пределах мистифицирующего хода мысли Гегелем раскрываются действительные особенности структуры самосознания. В анализируемом разделе по существу поставлен немаловажный вопрос о том, как сам факт, жизненных потребностей человека влияет на самосознание и наоборот, как оно воздействует на процесс удовлетворения потребностей. Уже и то обстоятельство, что включается в феноменологическое действие на более поздней станции маршрута, - глубокое прозрение Гегеля. Удовлетворение потребностей в человеческом обществе по своей сути не есть примитивный животный акт, а сложное явление социокультурной жизни, так или иначе взаимодействующее с сознанием и самосознанием. Сознание же благодаря самосознанию обретает новое отношение к предмету и предметному миру вообще.

Согласно гегелевскому диалектическому пониманию, на новой стадии феноменологического движения две формы - бытие, вещь, предметный мир и сознание - представляют собой особое единство, которое 10. Они появляются на сцене то попеременно, то вместе, вступают в игру, во взаимодействие. Сталкиваются не просто два гештальта, но два мира: мир индивида, сопровождаемый самосознанием текучий процесс жизни, и - мир пока не определенный во всех его оттенках, но впервые намекающий сознанию на родство с ним.

Это уже особая, гегелевская раскладка взаимодействия: членами его не являются, как в схеме созерцательного материализма и созерцательного идеализма, мир вещей, с одной стороны, и сознание (представленное, потенциями восприимчивости) - с другой. Друг с другом взаимодействуют, согласно новой схеме Гегеля, сознание, уже умеющее координировать, коррелировать чувственно-рассудочные способности, наделенное первыми проблесками самосознания, и мир, в котором и в вещных формах сознание уже оставило свой след, да к тому же утвердило - в его причудливой - мир сверхчувственный. Значение этого гегелевского подхода противоречиво. Здесь - и источник величия гегелевской философии, и корень ее ограниченностей.

160

Переход к такой схеме - несомненно, начатый другими представителями немецкой классической философии - в учении о человеческом познании и обо всей духовной деятельности человека равносилен в естественных науках. Если созерцательная схема улавливала объективную видимость: чувственность-де вокруг самостоятельного материально-вещного мира, то с помощью новой теоретической схемы философия подошла ближе к реальности человеческого познания. Ведь чувственность (понятая как способность восприимчивости, как деятельность органов чувств) не является самостоятельным субъектом в воздействии на мир: она встраивается в комплексную целостность человеческого действия. И сознание действительно не вокруг нетронутого, заведомо темного для него мира, а вокруг мира вещей, событий, обстоятельств, процессов, немалое (и все растущее) число которых является как бы искусственными солнцами, созданными человеком. в мире тоже чрезвычайно важное звено, без которого невозможно не только познание, но даже в этом мире. Не в мире вещей, человек попросту погиб бы - вот момент гегелевской схемы, в котором, как и во всей схеме, есть не меньшая достоверность, реальность в изображении познания и всей духовной деятельности, ее социально-исторической природы, чем в по видимости более реалистичном созерцательном материализме.

Противоречивость же переворота была связана также с тем, что немецкая классическая философия, разоблачив подвластность прежней философии одной объективной видимости, сама поддалась другим, возможно, более сложным видимостям, приняв их за реальность.

Какие же объективные видимости стали основой позиции немецкого классического идеализма? Говоря кратко, гипостазировалось действительно активное участие сознания в процессе преобразования окружающего мира. Сознание оставляет след в вещном мире, в мир оно вносит свою конструктивную природу, свое. Ни с образа мира, ни с образа духа уже нельзя устранить этих следов, Поэтому мир явленный - это опосредованный сознанием мир. Человек способен, следовательно, овладевать миром только при помощи такого естественно данного и исторически сформированного инструмента, который уже никогда нельзя из человеческой картины мира. Именно к такому выводу привела философия Канта, используя и

161

интерпретируя реальный факт вмешательства сознания в мир, опираясь на его активно-творческую, конструктивную природу.

В анализируемом разделе Гегель примыкает к кантовскому пониманию сознания и в то же время стремится преодолеть его рамки. Сознание (вместе с самосознанием) он тоже считает инструментом, обеспечивающим реальную, жизнедеятельность индивида.

Этот инструмент он также понимает как активный и в смысле его способности к творчеству, к превращению мира в, и в смысле способности впадать в иллюзии (ведь и иллюзии - результат своеобразной активности, сознания, особенно если речь идет об интересу-

ющих Гегеля иллюзиях, своего рода объективных видимостях). Но вот то, что для Канта составляет самую суть сознания и самосознания, - их принципиальная миру - для Гегеля скорее составляет специфику лишь одной группы формообразований самого сознания. Их роль должна быть тщательно описана, осмыслена, но никак не преувеличена, полагает Гегель. Вслед за раскладкой формообразований на стадии - и раскладкой чрезвычайно тщательной, в известной степени более обширной, чем у Канта, - совершенно необходимо, согласно Гегелю, показать, что сознание не следа в мире, а только смутно почувствовало, ясно увидев там только свое, присутствие в мире другой духовной. Какая это самость, пока еще сказать нельзя. Выражаясь более поздним гегелевским языком, эта пока еще. до сих пор вводила нас в специфически кантовский мир (мы так считаем вопреки утверждаемому в некоторых гегелеведческих работах тезису, что с кантовской философией Гегель главным образом в разделе о восприятии, и в согласии с рядом других авторов11, по существу выступающих против локализации лишь в первых разделах - и больше уже ни в каких других, - критических расчетов Гегеля с предшествующей и современной философией). Почему же этот мир позволительно назвать? Да потому, что духу философии Канта всего более соответствует образ и сознания, узнавшего себя в мире (в немалой степени благодаря самосознанию), но постоянно отталкивающего мир от себя в качестве чуждого. Именно такое мироощущение до сих пор пронизывало сценическое действие феноменологии, пока на нем нам показывали. Но вот в анализе наступает перелом. Пожалуй, он обозначается тогда, когда на сцену выходит реальное формообразование, через которое первоначально утверждает себя, жизненное сознания, индивида, самосознания в его отношении к предмету: это .

Тема вожделения разрабатывалась Гегелем в предшествующих йенских работах. В повторяются рассуждения о значении отношения к предмету для поддержания самой жизни, о познании самостоятельности предмета благодаря его потреблению. Процесс теперь интересует Гегеля с точки зрения участвующих в нем актов сознания и самосознания. Простой как будто бы акт вожделеющего уничтожения предмета - примитивной его, как говорил философ в, - уже включает в свернутом виде ряд важных моментов. Как бы примитивно ни вел себя человек (в терминах гегелевского идеализма: как бы примитивно ни сознание на исходной стадии самосознания), все-таки даже в вожделеющем, удовлетворяющем свои потребности сознании можно выделить три взаимосвязанных, системно развивающихся далее момента: а) уже необходимо вмешательство, самосознания - здесь пока в простейшей форме; b) как бы ни рядились акты вожделения и его удовлетворения в одежду, на деле последняя 12 (будем следить за этим едва проступившим , ибо оно скоро приведет нас к); с) далее Гегель вводит самый важный для него, момент: 13. (так называется весь раздел) заключается, по Гегелю, в том, что сознание, мнящее себя как бы, в одиночестве и с удовлетворением насыщающее свое вожделение, - такое сознание уже таинственным образом. Гегель по существу утверждает следующее: достаточно сознанию, приобретшему форму жизни (а значит, никак не ограничивающемуся одним, для примера разобранным, актом вожделения) возжелать иные предметы, как оно должно будет вспомнить о смутно других людях, других сознаниях. Вот почему после небольшого введения, смысл которого нами только что разобран, читателю предлагается посетить станцию - там нас ожидает драма, которую автор считает столь же жестокой, сколь и неизбывной, для сознания в его форме самосознания.

В большой мере Гегель прав, и потому, возможно, раздел так манил к себе истолкователей, причем внимание к нему было тем более сильным, чем более глубоко и страстно индивиды, наделенные сознанием, переживали проблему господства и угнетения в реальной жизни, в реальном историческом развитии. Так как весьма часто случается, что о разделе судят понаслышке, мы видим задачу в том, чтобы держаться как можно ближе к тексту и одновременно пытаться выявить смысл, специфику гегелевского анализа.

О чем же Гегель ведет речь в разделе? Никак нельзя забывать, что опять-таки о сознании и самосознании. У каждого исследователя и, конечно же, у Гегеля есть право выби-

рать предмет анализа. Поэтому первая предпосылка восприятия текста - уяснение того, что именно хотел исследовать Гегель в этом разделе, имея в виду общий замысел. (Не менее существенно попутно выяснить, какие возможные - по большей части известные и Гегелю - аспекты анализа не входили в кадр феноменологии, намеренно были оставлены за пределами ее сцены.) Философ вовсе не намеревался анализировать господство и рабство как действительный социальный феномен, как более или менее определенное историческое явление. Поэтому тот, кто сначала припишет Гегелю свое собственное ожидание, что такая многосторонняя социально-историческая реальность будет, должна быть в рассмотрена, тот будет основательно разочарован. (Отметим, что некоторые критические интерпретации данного произведения на том и строятся.) Гегель не стремится, в частности, исследовать экономическую сторону отношений. И не потому, что он не знал о ее существовании или отрицал ее важность. В феноменологическом изображении этих отношений как бы трудовая теория стоимости классической политэкономии - что породило целую литературу, основной дискуссионный вопрос которой хорошо выражен названием одной из ранних работ Э. Ю. Соловьева: .

Мы не станем сейчас вникать в этот спор. Но считать ли,

как думал Г. Лукач, что влияние на Гегеля трудовой теории стоимости было значительным, или полагать, как Э. Соловьев, что ранний Гегель далек от желания следовать экономическим учениям, - и в том и в другом случаях нельзя отрицать знакомства автора с экономической стороной отношений господства и подчинения.

Гегель, однако, не ставил себе задачей экономическое рассмотрение проблемы потребностей, труда, отношений господства и подчинения. Вряд ли плодотворно критиковать его за то, что в он не занимается экономическим анализом. И конечно же, глупо получается, когда Гегель становится виноватым чуть ли не в том, что он не сподобился написать. Гегель, естественно, не мог этого сделать, но он ведь вовсе и не стремился превратить главу о господстве и рабстве в некоторый дайджест теории стоимости, в продолжение А. Смита или какого-либо другого экономического произведения.

Итак, существенно иметь в виду, что по замыслу своему не должна была выходить прямо на экономический уровень анализа. Подобное же можно сказать и в отношении конкретно-исторического рассмотрения. Будет разочарован тот, кто станет искать в разделе сколько-нибудь точное изображение рабовладельческого строя, а далее - в подразделе, названном, - достоверное описание соответствующих духовных феноменов античного мира.

Но, могут возразить нам, почему же столь тонкий знаток произведений молодого Гегеля, как Г. Лукач, так настойчиво выделял аспекты, а экзистенциалисты А. Кожев и Ж. Ипполит, тоже досконально знавшие текст, заявляли, что Гегель в этом произведении изображает и сущность истории, и даже ход событий на ее отдельных этапах?

Гегель действительно не просто надеялся на исторические ассоциации, но и намеренно вызывал их в памяти читателя, подобно тому как он сознательно отсылал своего, как он мог надеяться, грамотного современника, читающего его труд, к соответствующим исследованиям экономистов.

Однако для нас столь же несомненно другое: Гегель намеренно лишает раздел о господстве и рабстве (кстати, очень маленький по объему: в 4-м томе советского издания он уместился на пяти страницах) всяких конкретно-исторических опознавательных знаков. Это строго соответствовало

замыслу - писать не о господстве и рабстве как отношениях людей на особом историческом этапе развития, а о всеобщих, независимых от отдельных исторических эпох структурах, отношениях самосознаний. Подчеркиваем: самосознаний, даже не индивидов, обладающих сознанием и самосознанием. Итак, очищение от непосредственного исторического и экономического рассмотрения было продиктовано не второстепенными, а именно принципиальными соображениями - здесь сама сердцевина гегелевского замысла.

Общий замысел нуждается в конкретизации применительно к особой проблематике раздела. В отношениях господства и рабства может быть выделено немало различных и весьма важных аспектов, но Гегеля в них непосредственно интересует особая сторона, определяемая исследовательской темой -. Различные взаимодействия, которые возникают между знанием и сознанием, между сознанием и самосознанием, а также между самосознаниями (но все это применительно к проблеме господства и рабства), - таков, и только таков, по замыслу Гегеля, был предмет исследования в, в разделе , в подразделе.

Почему и как Гегель вышел на тему самосознания, мы уже видели. Отчасти было видно и то, как и почему анализ вывел Гегеля к проблеме нацеленности одного самосознания на другое - говоря гуссерлевским языком, более или менее оправданно появилась тема. Но сразу же подчеркнем, что Гегель не приводит веских оправданий введения в систему феномена интерсубъективности самосознаний именно в виде такого достаточно специфического гештальта, как господство и рабство. Это проблема, к которой обязательно надо будет вернуться, но уже после того, как мы будем иметь более полное представление о важнейших звеньях системной конструкции Гегеля и поймем, по какому типу они сочленяются в единую цепь.

Гегель ввел читателя в новый акт и подготовил к тому, что далее уже не некое единственное, или, лучше сказать, типологически обобщенное всеобщее сознание будет вступать в отношения то с вещью, то с знанием. И теперь эти отношения будут развертываться, но к многомерному действию добавится еще одно измерение - и столь важное для Гегеля, что оно своим светом будет как бы пронизывать все дальнейшие перипетии исследования. Это измерение - от166 ношение сознаний, их,; как и раньше, оно будет разворачиваться как бы по мановению волшебной, мистифицирующей палочки, которой распоряжается автор.

В чем же мистификация? Ведь люди, одаренные волей, сознанием, действительно вступают в отношения друг с другом. Но в том-то и дело, что Гегель как бы отделяет от индивидов сознания и самосознания и превращает их в самостоятельные. Соответствует этой мистифицирующей манере и язык произведения: 14.

На время и краешком Гегель дал появиться на сцене - , в виде ослепительного, - идеалу, с которым чем дальше, тем больше будет соотноситься движение анализа:. Ее появление дарует своего рода утешение - перед новым, после тьмы сверхчувственного мира, погружением во мрак.

Ибо как бы для того, чтобы последующее дедуцирование из, из и (уже традиционное для немецкой классической философии) действительно стало предпосылкой озарения, Гегель сразу же погружает самосознание, только что проснувшееся к признанию другого, к признанию - погружает его в жуткую тьму, захватившего и сегодняшнее, во тьму отношений господства и рабства.

Весьма важно, что опознание, одним сознанием другого сознания и самосознания - а такова общая тема подраздела - с самого начала смоделированы у Гегеля по специфическому, существовавшему длительное время социально-историческому типу отношений индивидов.

Перед нами - явный случай, когда развитие системной мысли во многом стихийно прерывается вторжением своеобразной гегелевской исторической оценки, которая и далее будет вдохновлять автора на введение целого ряда

звеньев, только по видимости порожденных системой. Но, снова могут возразить нам, чем же это плохо, что в абстрактное системное построение вторгается историзм? А делото в том, что это вторжение Гегелем не предусмотрено и, быть может, даже не замечено. Он ведь полагает, что обрисовывает всеобщую структуру феномена, гештальта признания. Каковы противоречия и последствия такого историзма, мы еще увидим.

Сознание, увидевшее другое сознание, сравнительно недолго красовалось на сцене в некоем невозмутимом виде.

Автор сразу же стал прорисовывать тему. Что значит по Гегелю, что самосознание, что индивид обрел alter ego? Означает это не обретение, а потерю и тревогу: 15. Затем тема потери перерастает в мощную мелодию, которая наводит ужас своим спокойным реализмом: оказывается, противоположные самосознания 16.

А почему именно так? Почему обретение другого обязательно оборачивается потерей себя? Почему возможно не иначе как через смертельную угрозу другому и себе, а то и через убийство другого или доведения себя самого до смерти? Ответ Гегеля: 17. Ратовавший за свободу, утверждаемую благодаря гуманным человеческим отношениям, философ теперь выписывает мрачную ситуацию борьбы самосознаний, по его мнению всегда и везде соответствующую индивида индивидом.

Авторы некоторых интерпретаций гегелевской феноменологии связывали главу о господстве и рабстве только с рабовладельческим обществом. Но и форма, и суть феноменологического анализа - против такого сужения выражаемого Гегелем почти трагизма. Он вовсе не думает, что уродливый облик нового гештальта - уродливый для гуманистически настроенного, цивилизованного человека - история оставила где-то в прошлом. Гегель здесь вовсе не случайно удерживает анализ на абстрактно-всеоб168 щем уровне. Философ убежден: пока и поскольку действуют, проистекая из глубин самого духа, соответствующие структуры одним индивидом другого, до тех пор и постольку сохраняются широко понятые отношения господства и рабства.

Гегель с немалыми на то основаниями зафиксировал неразрывную связь объективных предпосылок отношений господства и рабства, с одной стороны, и особой формы духовных процессов, процессов сознания и самосознания - с другой. Нет рабства, если кто-то не утверждает себя в качестве господина и кто-то другой не признает в нем господина, а в себе - раба. Разумеется, отношения господства и рабства к этому не сводятся, да ведь и Гегель не претендует на то, что в сказано все о господстве и рабстве. Непосредственно, в соответствии с замыслом, исследуется лишь взаимодействие самосознаний.

Самостоятельность и несамостоятельность самосознания - вот первая общая проблема, которая разбирается в разделе о самосознании. Самосознание, верно констатирует Гегель, позволяет человеку обернуться на самого себя, на свое, но этот процесс уже неотделим от, от другого и других самосознаний. Сознание для себя мир других.

В такой постановке проблемы - немало реальных моментов, которые объясняют плодотворность гегелевского (а потом и гуссерлевского) феноменологического исследования. Социальные отношения людей, конечно, существуют объективно, они складываются по законам, которые не зависят от воли и сознания людей. Но в отношения-то эти вступают существа, одаренные волей, сознанием, самосознанием. Механизмы их действия таковы, что становление и функционирование общественных отношений всегда, в том числе на ранних этапах истории, должны опосредоваться осознанием и самого бытия (наличия) и характера общественных связей. Процессы осознания, в свою очередь, весьма многоаспектны, многообразны, варьируются в зависимости от различных социально-исторических обстоятельств. Но есть в них, видимо, формы осознания, которые постоянно должны приводиться в действие, в том числе и непосредственного актуального осознавания, ибо без них общение индивидов не состоится.

Таков, собственно, предмет гегелевского (отчасти и гуссерлевского) исследования интерсубъективных структур сознания, исследования достаточно важного, в истории фило169 софии по существу впервые так глубоко и масштабно развернутого именно в.

Структуры тут исследуются весьма интересные и тонкие - учтем только, что главное о них сказано Гегелем еще до раздела о господстве и рабстве.

Видя другого, сознание в форме самосознания сначала видит в нем себя самого, стремится это свое, снять и самого себя. В первом беспокойстве, метании самосознания между собой и другим верх одерживает самость: 18; едва коснувшись другого, самосознание в форме оставило - пока! - другое самосознание свободным. На сцене феноменологии, стало быть, уже расположились два самосознания (в ближайшей перспективе можно ожидать введения в действие бесконечно многих самосознаний). для каждого из них наполнено уже двойным смыслом. (В русском переводе употреблено носящее уничижительный оттенок русское слово, например 19. Вернее было бы сказать, что имеет двойной смысл.) Возврат к себе и в себя таков, что другое самосознание уже нельзя сбросить со счетов, хотя освоение сознанием структуры alter ego только началось и ему еще предстоит длительное и сложное движение.

Теперь на сцене два самосознания. Рефлектируя над совершившимся, каким бы ни был еще неполным результат, видим: первое сознание, первоначально обретя другое, совершило самостоятельное действование. Почему же действование, если это может быть просто акт некоего усмотрения, духовного созерцания? Нельзя, однако, забывать, с чего началось самосознанием другого - оно ведь началось с отношения первого к предмету, с вожделения и его удовлетворения.

Гегель во многом верно рисует ситуацию взаимодействия самосознаний как обязательно опосредованного какой-либо предметностью (момент, который счел необходимым учесть и Гуссерль в теории интенциональности). Два - знающие друг о друге самосознания - натолкнулись друг на друга, когда первое самосознание овладело предметом, а второе, вероятно, тоже проделало или захотело проделать подобную же процедуру. Спор вокруг овладения предметом вот-вот возникнет: он уже предопределен предшествующим рассмотрением вещной формы реализации деятельности сознания. Для Гегеля такой ход мысли естествен: он соответ170 ствует фактам и смыслу человеческого действия, почему клеточкой рассмотрения сознания и самосознания, да и всего являющегося духа с самого начала стало именно вещное, предметное действие. Для понимания и точной критики феноменологии Гегеля следует объективно учесть и этот тонкий момент. Особенность гегелевского идеализма состояла вовсе не в том, что автор пытался говорить о каком-то внепредметном сознании; напротив, предметность, и именно в форме вещности, стала исходным пунктом, клеточкой рассмотрения самосознающего являющегося духа. Но одновременно были сделаны два допущения.

Первое: рассмотрение духа как и было связано с противоречивой, даже парадоксальной процедурой духа, его объективизации и превращения в единственный источник всего развития, в демиурга всех миров. Соответственно вырабатывается причудливый язык, объединяющий приемы онтологизации духа, его превращения в суть, субстанцию всего и вся - и одновременной его персонализации, наделения его антропоморфными характеристиками воли, сознания, самосознания. В персонализируются, как бы отделяясь от индивида, сознание и самосознание, причем абсолютная субстанция скорее незримо присутствует, чем сама действует. В дальнейшем Гегель внесет в идеалистическую модель духовного существенные изменения. Наделение же сознания и самосознания некоей самостоятельной способностью - ясно видная в тексте первоначальная тайна последующего гегелевского идеализма. За реальность, однако, здесь принимается объективная по своему характеру, т. е. глубоко укорененная в структуре духовной деятельности видимость: продукты и процессы сознания во многих формах, процессах человеческой деятельности действуют как бы самостоятельно, как бы отдельного сознания, образуют как бы самостоятельный мир духа.

Второе: Гегель искажает отношения самосознаний, а стало быть, отношения людей. Они предстают у Гегеля как изначально и обязательно опосредованные вещно-отчужденной формой. Таким образом, исток гегелевского идеализма мы усматриваем, как это ни

покажется необычным, не в том, что он недооценил предметно-вещную сторону человеческого действия, а в том, что он на первых порах универсализировал ее: ведь модель вещного отчуждения, модель вещи, ее как бы переносилась на

171

отношения людей, на структуры сознания, самосознания.

Отношение к отчужденной вещи (попытка утвердить свое господство над ней, а с помощью вещи над другим индивидом) стало моделью, которую Гегель делает всеобщей при изображении отношения самосознаний. Структуре, которая возводится во всеобщую для сознания и самосознания клеточку их дальнейшего развертывания, Гегель придает вид такой схемы: едва разглядев друг друга, самосознания уже поставлены в непримиримую ситуацию спора вокруг вещи; они находятся в неравном отношении к вещи, ergo: один есть господин, другой - раб.

Гегель при этом выделяет в процессах самосознания два структурных аспекта: 1); 2) каждое сознание видит другое,. Действование по отношению к предмету теперь опосредовано, заключает Гегель, отношением самосознаний друг к другу, а именно их взаимным признанием и признанием этого признания: 20.

Констатация верная и глубокая. Разговор как будто бы идет об отвлеченных структурах сознания, которые ни одному, ни другому гештальту не должны доставлять беспокойства. Гештальт - он уже обсуждался нами ранее, в связи с предшествующими йенскими работами Гегеля, где и был заготовлен впрок - столь же интересен, важен, реален, сколь и, казалось бы, всеобщ. Но структура сознания, добытая на прежних этапах обобщенного феноменологического рассуждения, сразу же облекается плотью антагонизма, плотью вещного фетишизма, через который теперь только и просматриваются человеческие отношения.

Факт взаимозависимости, взаимопризнания индивидов немедленно получает у Гегеля особое выражение: 21.

172

, - пишет Гегель. Что же, с такой констатацией взаимности действия или взаимодействия как дальнейшим системным развитием феномена признания вполне можно согласиться. Но у Гегеля сразу же следует: 22.

Логика всей конструкции так преподносится Гегелем: 23. Вот итог, к которому привело на стадии самосознания выхождение вовне и утверждение сознанием самого себя: неизбежность взаимного уничтожения и самоуничтожения сознаний, их война не на жизнь, а на смерть. Есть ли в этих гегелевских гештальтах своя правда, чему соответствует, на новом уровне охватывающая сознание?

Модель признания у Гегеля фактически имеет следующий вид: индивид (или общественные группы) действуют только с позиции силы, а сила проявляется в постоянном бряцании смертельной угрозой. Думается, что начертанный Гегелем гештальт в общем и целом соответствует наиболее экстремальным историческим и индивидуальным ситуациям и что тип исследования Гегеля из общесистемного здесь то и дело становится ситуационным, своего рода историко-психологическим типологическим анализом. Но хотелось бы снова подчеркнуть: Гегель не только не стремился к столь конкретному историческому эффекту; он полагал - как и раньше, так и после в , - что ведет речь о всеобщем. Такой непреднамеренный результат - схематическое изображение пограничных, чреватых смертью ситуаций - сделал это произведение излюбленным объектом внимания экзистенциалистских историков философии.

173

Гегель намеренно нагнетал такой психологический мрак в картине драмы, где на сцене появился феномен взаимопризнания. И он не случайно именно здесь создал метафизическую завесу, жонглируя квазидиалектическими оборотами вроде: 24. Гегелю нужно было ввести на сцену гештальты господства и рабства, а их история давно пометила мрачными, кровавыми знаками. Однако почему они должны были из феноменов взаимопризнания? Из самой раскладки системы это не вполне ясно. Только, пожалуй, и облик, который придан гештальту взаимопризнания самосознаний, становится неким предсказующим символом, возвещающим о неизбежном углублении, универсализации антагонизма самосознания. Да остается еще вещность: не будем забывать, что предмет не принадлежит самому вожделеющему самосознанию.

Гегель, впрочем, не особенно затрудняет себя органичным выведением новой структуры, новых гештальтов. Они появились, и все тут. Остается возвестить: 25.

Рассмотрение диалектики господского и рабского сознания в обыкновенно относят к числу выдающихся теоретических достижений Гегеля. Мы не претендуем на пересмотр этого суждения в целом. Однако думаем, что следует внимательнее присмотреться к тому, какие действительно новые диалектико-системные моменты здесь внесены - новые и по сравнению с предшествующим текстом , и по сравнению с другими идейными феноменами гегелевского времени, где отношения господства и подчинения были предметом анализа. И еще: очень важно выяснить, каково в действительности, в целом от174 ношение Гегеля к той стороне противоречия, которая названа им широко толкуемым словом. Это, увы, не всегда делается.

Каковы же теоретические результаты анализа господства и рабства? При ответе на этот вопрос не всегда учитывается, что характеристики признающих друг друга самосознаний были введены в предшествующих сценах и мизансценах. Теперь они на новую пару гештальтов. Раньше, как мы видели, Гегель показал, что отношение самосознаний друг к другу опосредовано вещью; они соотносятся с собой через. Это буквально повторяется по отношению к господскому и рабскому сознаниям: господин относится к вещи при помощи раба; раб относится к вещи негативно, ее, а это и есть, над которым властвует господин. Раб не может с вещью. Причина проста: над вещью он (теперь отчуждение от вещи приобрело более конкретный смысл), ибо вещь принадлежит господину. Раб только обрабатывает вещь. А вот господин, владея вещью, может удариться в потребительский разгул, дать волю вожделению: 26.

Элементарная структура отношения эксплуатации и подчинения в материально-экономической сфере (и отнюдь не только рабовладельческого общества) зафиксирована тут правильно. Потребление вещи собственником, эксплуататором невозможно, пока эксплуатируемый не обработает вещь, поэтому господин действительно соотносится с вещью через посредство раба. Господину, в самом деле, открыты возможности удовлетворения своих вожделений. В гегелевском тексте нашла свое отражение структура, довольно ясная на уровне здравого смысла. Но во всяком случае она совершенно недвусмысленно была артикулирована классической политической экономией, причем было особенно заострено из-за присущего экономическому мышлению товарного фетишизма. Гегель не вносит в артикуляцию этих структур новое социально-экономическое содержание, что, впрочем, и не является в исследовательской задачей. Но вносится ли что-то новое в понимание отношений самосознаний?

Мы полагаем, вряд ли. Ибо взаимозависимость господина и раба раньше уже была и раскрыта, и скрыта, ибо была

сведена к взаимозависимости двух сознаний. А больше пока ничего не сказано. Восторгаются, например, гегелевской фразой: 27, но забывают, что, согласно стилистике, это все-

го лишь утверждение зависимости господского сознания от рабского, им своей зависимости, т. е. еще раз повторяющаяся знакомая мелодия.

Относительно новый момент - тема страха: Гегель поясняет, что характеристикой рабского сознания является особый страх - это место в особенно любят экзистенциалисты: 28. (Вот где уже различались и.) Какова же теперь расстановка сил в конфликтном противостоянии самосознаний? На стороне господина: удовлетворенное вожделение, владение вещью, т. е. почти все элементы, за исключением того, что с вещью он соотносится при помощи раба. На стороне раба: отчуждение от вещи, неудовлетворенное вожделение, космический страх -, сотрясающий все его существо.

И вот на противостояние двух гештальтов направляется авторско-режиссерским вмешательством, и общий колорит картины меняется29. Просветление колорита всего сценического действия возвещает о появлении новой темы - гештальта под названием раба, растерявшееся от зависимости и страха рабское сознание как бы поднимает голову. Автор удачно показывает, сколько преимуществ по отношению к заключает в себе зависимое, несамостоятельное рабское сознание.

30.

В начале XIX в. требовались прогрессивность мышления, гуманность ценностей, определенная личностная смелость, чтобы объективно признать преимущество и внутреннюю силу позиции. И только передовой читатель мог с сочувствием следить за подобными ремарками автора . Правда, подобный читатель, современник Гегеля, был наверняка знаком с классической политэкономической трудовой теорией стоимости. Вступление на сцену гештальта труда и достаточно высокая оценка его роли соответствовали духу этой концепции.

Рабское сознание в изображении автора теперь состоит из двух элементов: в нем есть и унижающий, но раба универсальный страх (Furcht), и его труд. Гегель именно в единстве, диалектике страха и труда видит специфику рабской позиции, рабского сознания. Едва (с позиций передового мышления эпохи) уверив читателя, что рабское сознание 31, Гегель тут же и заверяет: 32.

Итак, что же остается рабскому сознанию? Трудиться, ибо труд. Подчиняться дисциплине, нести , ибо без них не подняться до подлинного страха.

А страх, заклинает Гегель рабское сознание, надо испытать, более того, им должна субстанция! И никуда не годится сознание, 33. Гегель, таким образом, сделал страх и труд всеобщими структурами, особыми гештальтами, характеризующими и самосознаний, и специфику сознания. Путь последнего к осознанию своей самостоятельности пролегает, по Гегелю, через уяснение значимости труда и через переживание страха.

3. Злоключения стоицизма, скептицизма,

и противоречия гегелевского историзма Фокус феноменологического действия затем перемещается на господское сознание. Что же делает оно, в то время как сознание рабское трудом и страхом? Казалось бы, что ему делать, как не вожделеть и не удовлетворять вожделение, предаваясь разгулу с размахом римских патрициев? Кстати, на гештальты духа, выступающие далее в разделе о самосознании - стоицизм, скептицизм, Гегель надевает именно тогу свободного римлянина, а несчастное сознание обряжает в лохмотья подданного римских провинций, что, однако, по замыслу автора, не должно мешать зрителю видеть за рамки античности выходящую значимость стоически-скептических треволнений самосознания и неизбывность его состояний.

Пока рабское сознание трудится, господское сознание, если оно устало от потребления или не имеет к нему интереса, может заняться чем-то другим. Чем же именно? Да, конечно, мышлением. Но когда к мышлению переходят от только что описанной ситуации конфликтного противостояния господства - рабства, когда сознание говорит себе: 34, а само бросается в мышление, как в забвение, забвение своей зависимости и от вещи, и от рабского сознания, тогда самостоятельность, свобода, мышление приобретают особую форму. Новый гештальт - это.. - Н. М.) свобода самосознания, когда она выступила в истории духа как сознающее себя явление, была названа, как известно, стоицизмом. Его принцип состоит в том, что сознание есть мыслящая сущность и нечто обладает для него существенностью, или истинно и хорошо для него, лишь когда сознание ведет себя в нем как мыслящая сущность»35. Принцип нового гештальта - вот что, в самом деле, важно для Гегеля, а состоит он в уходе от противоположения господства и рабства, в погружении самосознания в самого себя и в свое мышление. 36.

Как бы эта констатация ни была важна для Гегеля, изображение гештальта не прибавляет к знанию о стоицизме

ничего, чего не было бы в учебниках истории и истории философии. Гораздо интереснее то, что это изображение у Гегеля подверстано к еще не оконченному конфликту господского и рабского сознаний, к теме труда и проблеме свободы. Благодаря этому школьный образ стоицизма включается в действительно интересный контекст. Если по отношению к чисто феноменологическому действию, т. е. к выявлению форм и структур сознания, тут мало что происходит интересного, то для связывания исторически данных феноменов стоицизма (где бы и когда бы он ни возникал или ни возрождался) с проблемой господства - рабства, с проблемой борьбы за свободу - для такого анализа в жанре социологии познания дает немало ценного.

Глубоки и обоснованны, например, характеристики стоицизма, а затем и скептицизма как существенных для цивилизации и в то же время иллюзорных способов обретения свободы. 37.

Подчеркнем, свобода, трудно и постепенно обретаемая сознанием и самосознанием, - вот лейтмотив. И скептицизм - более гештальт, чем стоицизм, именно потому что в нем уже обнаруживается: само сознание (как особое само-сознание) сообщило себе свободу, сохранило ее для себя. Но оба гештальта - формы мятущегося сознания, которое занимается, переходит от погружения в мышление, несущее забвение, к беспокойному пробуждению. Пробуждаться же в гегелевском сценарии его заставляет не действительность, а само испытываемое сознанием состояние. Оба гештальта - стоицизм и скептицизм - с их иллюзорной претензией уйти от разорванности сознания (разорванности между господством и рабством, самостоятельностью и несамостоятельностью, свободой и подчинением, трудом и мышлением) только увеличивают хаос, нагнетают тоску, несчастье. Сцена опять погружается во мрак - на ней появляется.

В подразделе о несчастном сознании гегелеведы обычно указывают на опознавательные знаки, вызывающие ассоциации с христианством - если не с фактами и обстоятель179 ствами его появления на свет, то с некоторым его обобщенным образом. Это верно, и о некоторых гегелевских характеристиках, вызывающих исторические ассоциации, мы далее скажем. Но и тут также важно с самого начала установить, каков особый предмет исследования этого подраздела и к каким действительным результатам в конце концов приводит гегелевский анализ. Формально, внешне, как будто бы продолжается феноменологическое исследование - исследование, представляющее феномены, в их всеобщей типологии и системности. На деле же якобы всеобщая системно-феноменологическая канва здесь, как и в предшествующих подразделах раздела, непосредственно совмещается со специфической духовной формой. Гегеля интересуют именно структуры сознания, определяющие прин-

ципы действия, признания друг друга, общения. С ними - а Гегель думает: благодаря им - появляются важнейшие элементы христианства, которые философ рассматривает здесь не как теоретическую идеологию и не как практику церкви, а в свете процессов, затрагивающих. Имеется в виду, по существу, массовое сознание. История христианства используется автором фрагментарно, избирательно, иллюстративно. Ассоциации с этой историей, правда, вполне явные. Так, Гегель стремится пробудить в читателе воспоминания о хорошо известных феноменах христианства - и общих, принципиальных (например, персонифицирование бога, на него черт человеческого сознания и самосознания) и второстепенных, затрагивающих лишь некоторые группы людей (например, аскетизм). Но христианство берется Гегелем все же в типологическом виде. И хотя опять-таки делаются намеки на те или иные события (например, на крестовые походы), практика верования, иерархия церкви, конкретность церковного действия - все это конкретно не разбирается.

Лишь некоторые, нужные автору явления включаются в изложение.

Колебания мысли между высокой обобщенностью, намеренным отвлечением от исторических деталей и внезапным как будто бы, но вполне обдуманным обращением автора к историческим ассоциациям, срезам анализа - это исследовательское противоречие, противоречие историзма всей , которое здесь проявляется весьма наглядно. Переход к у Гегеля достаточно искусственный, тем более что тема господства и рабства, которая здесь могла бы обрести интересное диалекти180 ческое продолжение, почти потеряна. Основной интерес философ видит в обнаружении параллелизма между способами изображения божества в христианской идеологии и сознания на самого себя, на иные сознания и самосознания. Например, в христианстве как особом веровании Гегелю важно то, что бог как бы становится символом 38 - в раскрывается неизбежность движения самосознания к аналогичной структуре. 39. (Между прочим, не вполне понятное это, и наоборот, быть может, станет яснее, если мы снова представим себе сцену феноменологии: два гештальта, меняясь местами - сначала один попадает в фокус, тогда как другой образует для него фон…) , появившись в без достаточно глубокого системно-теоретического объяснения, вступает теперь во взаимодействие с сознанием.

И с сознанием, вспомним,. Несчастье сознания, впрочем, вызвано не какой-нибудь частной бедой: подобно - космическому страху раба, рождается, так сказать, социально закрепленное несчастье, несчастье неизбывное, уже необъяснимое каким-нибудь неудовлетворенным вожделением. Наоборот, сознание как бы развенчивает для себя и другого всякое вожделение. - и тоска - сознания обращается сначала к неизменному: к духовной сущности, которая, правда, с самого начала предстает в единстве с двумя другими ипостасями - с, т. е. сознанию, а также с формой (ипостаси сознания, как бы внедряющего себя в неизменное, явно сообразованы тут с символом троицы). Но поначалу это еще не подлинное мышление о неизменном. Время пришло только для тоскующего гештальта - благоговения. Тоску его Гегель объясняет так: сознание, изображавшее неизменную сущность по аналогии с собой и другими людьми, бросается на ее поиски, хочет видеть, ощутить ее; где бы ни искали неизменную сущность таким образом, она, конечно, ускользает.

Но приходит пора и сознанию, благоговейно прикипевшему к неизменной сущности, спуститься с неба на землю: тут 40. Далее разыгрывается новый конф181 ликт: (вместе с автором) знаем, что в можно дойти до 41, а сознание этого пока что не видит. Начинается движение: сознание, неизменную сущность, стыдится труда, потребления, жизни. Конечно, отмечает Гегель, в таком стыде-отчуждении есть, но оно проходит через, т. е. изображаемые автором критически стадии-гештальты. Тут и религиозный аскетизм42, и собственного действия через институт духовников, и бормотание молитв на чужом языке, и отдача, и отказ от наслаждения путем 43, и другие опознавательные знаки религиозно-христианской истории, превращенные, однако, в типологически схваченные формы поведения.

Таким образом, в подразделе мы можем найти несколько замаскированные критические инвективы в адрес христианской церкви и разбор существенных, а значит, по Гегелю, неуничтожимых, объективных структур сознания. Интересный своими находками этот под-

раздел, однако, наиболее важен для Гегеля телеологически: на фоне цели, еще не достигнутой, христианское благоговение, чувство, лишенное понятия, обречено быть только сознанием, притом сознанием несчастным. Оно только гештальт, станция - пусть крупная, но только станция - на общем пути духа. Она существенна как провозвестник разума.

Двойственность несчастного сознания, о которой абстрактно или более конкретно, с историческими деталями рассказывала феноменологическая драма, теперь раскрыла свой смысл: 44. сознания было и остается платой за его возросшую свободу, за обретаемую. Раздел заканчивается. Гегель переходит к следующей большой теме, которая охватывается названием .

182

Относительно своеобразного историзма мы уже показали, что Гегель, с одной стороны, намеренно не делает свой труд историческим, намеренно очищает гештальты духа от непосредственной связи с каким-нибудь одним этапом истории. С другой стороны, в - и чем дальше, тем яснее - присутствует исторический фон. При этом сокращенное воспроизведение истории, т. е. феноменологическое ее изображение, реализуется не как историческое, а как всеобще-структурное, имеющее в виду взаимосвязь объективированных феноменов сознания. В конце своего труда Гегель сам подчеркивает: феноменология, правда, об истории. Но в отличие от собственно исторического рассмотрения духовных феноменов ( ) феноменология анализирует их 45.

Это анализ формообразований, гештальтов духа, внутренняя логика каждого из которых и логика их связи, следования друг за другом историю не воспроизводит, более того, Гегель решительно сметает всякие исторические ограничения. И то историческое, что вклинивается в понимание (в том числе и по воле Гегеля), становится скорее исторической разновидностью всеобщего типа духовных структур.

Гегелевское феноменологическое исследование - попытка развернуть в теоретической системе (неисторический) генезис особых всеобщих форм сознания, а именно форм его явленности, перерастающих в бытийственные формы. Поскольку же сознание, что понимал Гегель, есть свойство человека, а человек - существо социальное и историческое, то первая исходная посылка не могла не быть исторической. Однако даже приняв такую общую посылку, Гегель затем как бы, приняв, как это ни парадоксально звучит, противоположную исследовательскую установку: он нацелился на отыскание всеобщего, абсолютного в являющемся духе.

Итак, специфика феноменологического историзма состояла в стремлении осуществить на основе общих исторических предпосылок как бы вынесенное за пределы истории сущностное исследование сознания. Для становления гегелевского логицизма принципиальное значение имел как сам замысел, так и определенные противоречия в его реализации. Одно из таких противоречий состояло в ненамеренном сползании якобы всеобщего изображения на уровень исторически особенного. Как было показано, под образом всеобщего порой даются формы исторические, например фор183 мы антагонизма, войны всех против всех, рассматриваемые как самая суть феномена и т. д. Хотя Гегель стремился начертать картину всеобщих структур, в ней стали узнавать рабовладение или капиталистическое. Это, конечно, тоже можно счесть историзмом. Надо только не забывать, что такой незапланированный, нечаянный историцизм - одна из превращенных форм осмысления.

В заключение анализа раздела еще одно замечание. В этом разделе значительно ярче проявляется один момент, который был мало развернут в ее начальных разделах, посвященных чувственности и рассудку. Сознание, которое движется через станции духа, тут не только чувствует, мыслит, знает, рефлектирует - требуя от читателя-зрителя со-чувствия, со-знания, со-мыслия. Теперь оно также и страдает, взывая к со-страданию.

К феноменологическому аспекту анализа (внутренне ли, внешне ли он проработан) присоединяется аспект, который иногда обозначают как психологический (поэтому Гегеля уп-

рекают в психологизме)46. Далее эта особенность гегелевского анализа получит дальнейшее развитие, и мы разберем ее подробнее, опираясь на более широкий и выразительный материал. А теперь перейдем к анализу третьего, и последнего раздела.

Примечания

\1 Hegel G. W. F. Phanomenologie des Geistes. Hamburg, 1973, S. 68. Здесь и далее ссылки на оригинальный текст даны по этому современному изданию, которое, следуя первому изданию 1807 г., одновременно фиксирует изменения, внесенные в издания 1832, 1841 гг. (Шульце) и коррективы, имеющиеся в 6-м издании 1952 г. (Лассон - Хоффмайстер); ср.: Гегель Г.В.Ф.

Соч. М., 1959, т. 4, с. 73. 2 См.: Гегель Г. В. ф. Соч., т. 4, с. 73 - 74. 3 Там же, с. 79. 4 Там же, с. 81. 5 Г.-Г. Гадамер написал интересную работу, где тщательно разобрал смысл и значение гегелевского понятия, мир, широко используемого не только в, но и в.

См.: Gadamer H.-G. Die verkehrte

Welt. - In: Materialien zu Hegels Phanomenologie des Geistes. Frankfurt a.M., 1973, S. 124 ff., 130. 6 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 91. 7 Там же, с. 92. 8 Там же. 9 См.: Там же, с. 93 - 94. 10 Там же, с. 95. 11 Такое мнение, например, выражает Г.-Г. Гадамер. См.: Gadamer H.-G. Op. cit. S. 106. 12 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 98. 13 Там же. 14 Там же, с. 98 - 99. 15 Там же. 16 Там же, с. 101. 17 Там же, с. 101 - 102. 18 Там же, с. 102. 19 Там же, с. 99. 20 Там же, с. 100. 21 Там же, с. 101. 22 Там же. 23 Там же, с. 102. 24 Там же. 25 Там же, с. 103.

26 Там же. 27 Там же, с. 104. 28 Hegel G. W. F. Phanomenologie des Geistes, S. 119; ср.: Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 104 -105.

29 См.: Hegel G. W. F. Phanomenologie des Geistes, S. 119. 30 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 105. 31 Там же, с. 106. 32 Там же. 33 Там же. 34 Там же, с. 107. 35 Там же, с. 107 - 108. 36 Там же, с. 108. 37 Там же. 38 Там же, с. 113. 39 Там же. 40 Там же, с. 117. 41 Там же, с. 118. 42 См.: Там же, с. 120. 43 См.: Там же, с. 121. 44 Там же, с. 123. 45 Там же, с. 434. 46 Проблема соотношения феноменологического и психологического подходов чрезвычайно сложна.

Этой противоречивости и сложности не поняли и не приняли некоторые исследователи. Они попросту отвергли как психологизм своеобразное вторжение жизни, человеческих страстей, психологии социальных групп, целых народов в философию, которую - не без влияния уже позднего Гегеля - они привыкли считать строгой, невозмутимой обителью.

Р. Гайм, К. Фишер пытались утвердить подобную оценку. Так, Р. Гайм писал, что она есть; и эта философия, утверждает Гайм, (Haym R. Hegel und seine Zeit. B., 1857, S. 243, 232).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мятущийся разум в поисках

Мы перешли к разделу, которому Гегель дал общее название и подразделил на такие части (A. A.) Разум; (B. B.) Дух; (C. C.) Религия; (D. D.) Абсолютное знание.

Предшествующие разделы, согласно установке Гегеля, выполнили свою основную роль: они показали, как в трудах и муках рождается.

Разум в его первоначальной форме только провозвестник разума, к которому еще должен прийти индивид. Читатель, который бы знакомился с после зрелых работ Гегеля (например, после или I части), наверняка удивился бы тому, какой разум на феноменологической сцене. Это не шагающий размеренной и величест185 венной поступью логический разум, который уверен в себе, знает цену себе и всему другому, не завоеватель, которому уже известны и его победы над миром и ясна цена поражения, которую сопротивляющийся мир ему еще выплатит (он идет прямо к победе; шествие его ясно, безмятежно; противоречия сущностны,, благостны; цель - поистине божественна). А вот беспокойный, мятущийся, лишь смутно догадывающийся о величии цели; охваченный сумятицей, он ударяется то в одно, то другое деяние, которое на поверку оказывается превратностью.

Разум ближе не к позднему гегелевскому, а к кантовскому или фихтевскому разуму. Ведь у Канта разум ставит себе цели, которых не должен ставить, неминуемо впадает в антиномии, которые сам не может разрешить. Фихтевский разум тоже лишь постепенно рождается из неразумия - он с трудом, с великими ошибками и даже в конце концов не приводит к несомненным успехам. Сродни этим разумам гештальты, появляющиеся теперь на феноменологической сцене.

В целом же феноменологическое исследование разума оригинальное, даже, пожалуй, беспрецедентное по своему характеру, по своей особой системной и истористской логике. Но вся трудность - в определении специфики этой системной работы. Не так-то легко найти для нее определения. За какое ни возьмешься - не подходит. Исследование - это не гносеологическое и не логическое, не историческое и не социологическое. Но даже и не полностью феноменологическое, если иметь в виду тот трудно определимый синтетический жанр, с которым мы уже познакомились на примере первых двух разделов. Легче передать его не через все эти устоявшиеся определения, а описательно, причем требуется, чтобы проникнуть в суть дела, достаточно подробное описание.

Разум в - это формообразование, вышедшее из недр самосознания. Он как двуликий Янус. И не случайно Гегель называет его то, то . Существенно то, что здесь перед нами разные гештальты полусамосознания-полуразума, но у них будет одна общая черта. Они все будут стремиться претвориться в действительность. Подобно тому как коррелятом сознания был некоторый всеобщий индивид, пробовавший свои силы в единоборстве с вещью, как коррелятом самосознания был тот же индивид, но уже признавший других индивидов, так коррелятом разума станут само186 сознания, помещенные в стихию социального действия.

Иногда говорят так: в первых разделах Гегель говорит об индивидуальном сознании, в разделе о разуме - об общественном. Такое различение нуждается в уточнениях, ибо и в первых разделах сознание, как мы видели, не сугубо индивидуальное, а во втором, как увидим, не только общественное. В том-то и дело, что разум в является синонимом треволнений, опять-таки происходящих с индивидами. Но взяты они постольку, поскольку их помыслы, их действия прямо или косвенно обращены на общественную реальность.

Абстракция являющегося духа более полно, более определенно наполняется социальной плотью. Что бы ни делал разум, он не хочет замыкаться в себе, ему нужен какой-либо мир, где он стремится запечатлеть себя. Поэтому перед нами самосознание с устремлениями, деяниями, по-своему творческими, широкими, но выходящими из частного, сугубо индивидуального мирка. Если носителями разума попрежнему являются самосознания индивидов, то это самосознания, радеющие о целом мире и на него опрокидывающие свой немалый активизм. Но в отличие от преобразующего, творческого разума логики разум феноменологии создает не только истины и не их главным образом. Опыт этих самосознаний поучителен несостоявшимися намерениями, или, которые, однако, не являются невинными пробами. Они тяжелые неудачи на пути человеческого духа в погоне за счастьем, страдания и стенания именно разума, интеллекта, . Это страдания, падения, иллюзии, которые не должны быть куда-то упрятаны, как на сцене логики. Наоборот, согласно замыслу феноменологии, разум просто обязан сделать видимыми и свой смех и свои слезы.

Гештальты разума описаны у Гегеля блестяще: философская проза поднимается на уровень философско-художественной типологии, а потому с такой охотой пользуется великими творениями литературы, именно ее бессмертными вроде образа Фауста. А когда соответствующий образ найти затруднительно, Гегель и сам великолепно, как мы увидим, портретирует. Галерея его портретов неразумного еще разума, бросившегося претворять себя в действительность, реформировать ее, по силе обобщения не знает равных в философской литературе. Жаль, что она так мало рассматривается именно в этом аспекте.

Самое, пожалуй, резкое противоречие данного раздела: противоречие между блестящим реализмом в портретирова187 НИИ авантюрных меТаний, т. е. несовершенного, разума, еще не знающего о стоящей на нем печати всеобщего, и идеализмом, перерастающим в конформизм, представленным позицией автора, защитника, разума. С этим предуведомлением мы и перейдем к рассмотрению галереи образов разума в их системе, и тогда характеристики, которые, возможно, еще остались неясными, будут конкретизированы.

Итак, с самого начала дух, который пока понастоящему не сбросил одежду самосознания, но уже стал примеривать костюм разума. Являющемуся духу, вышедшему из недр чувственной достоверности, рассудка, самосознания, сначала гораздо естественнее и проще проявить интерес не к самому разуму, а к - к миру. Это, правда, уже не тот мир, с которым взаимодействовали чувственная достоверность и рассудок, самосознание, а мир разума, но с существенной поправкой: 1. Сначала разум выступает в виде: он занимается 2, а потом 3. От этих подразделов, которые мы за неимением места не можем рассматривать, Гегель переходит к следующему оригинально задуманному разделу, который назван.

Гегель здесь явно коррелирует усилия разума с коллективными формами деятельности, познания, знания. Такое коррелирование и придает разуму, духу:

4. Итак, разум претворяется в действительность. Но как именно? Дело обставляется весьма торжественно:; он уподобляется, на множество совершенно самостоятельных сущностей, подобно свету в звездах - ну чем не поэтические образы? Сам разум, продолжает Гегель, рассыпался

5.

Благодаря тому что весь этот метафизический и поэтический разговор о сверкающих точках - жертвующих не иначе, как с энтузиазмом, - так плотно включен в далее развиваемые темы индивида и всеобщего, индивида и народа, высвечивается связь, важная для понимания сути, (далее все более затумaниваемая Гегелем и, возможно, им самим забываемая). Это связь между исходной гегелевской установкой, конформистской по природе идеей, будто бы само время скомандовало индивиду раствориться во всеобщем (вспомним Введение), и моделью разума как некоей целостной, всеобщей, влиться в которую в качестве совсем незаметного ручейка все единичное должно почитать за честь и счастье, или некоего поистине космического света, в котором просто мечтают пропасть все отдельные.

И тот, кто сочтет такое толкование рождающегося гегелевского образа всевластного, вездесущего разума неправомерным переводом абстрактного размышления в социальный и моральный план, пусть еще и еще вглядится в более конкретные поясняющие гештальты.

Чисто единичные действия индивида, рассуждает Гегель, обусловлены его потребностями - ведь он есть природное существо. Благодаря народу потребности и функции индивида. Труд индивида - так опять возникла тема труда - направлен на удовлетворение потребностей, причем и своих и чужих. Все было бы приемлемо, если бы не завершение. 6.

Вот он, поистине роковой спутник любого вступления на сцену феноменологии взаимодействия, взаимозависимости индивидов. Лишь только один индивид завидит другого, лишь только индивиды слагаются в целое, объединяются в народ, так сразу же почему-то приходится, с радостью растворяться во всеобщем, забывать о себе. Наше предчувствие,

что таким образом заданная тема закончится конформизмом, - это предчувствие оправдывается, когда Гегель в следующем же абзаце делает заявление: это 7, или:

8. Что сказали бы человеку, когда бы он - а ведь в такой ситуации, как мы видели ранее, оказался молодой Гегель вместе с передовыми современниками - обнаружил, что нравы его народа граничат с безнравственностью, а законы с беззаконием? Прежде всего, надо думать, они присоветовали бы ему не спешить объявлять эти нравы и законы готовой , в текучести которой следует раствориться индивиду.

Гегель и сам спешит оговориться: такая ситуация, т. е. разум, только. Значит, дело всего лишь… Эта оговорка, однако, тонет в сверкании, поглотившего индивида. Но Гегель-мыслитель еще не побежден Гегелем-конформистом. Как бы устыдившись бесконфликтной, а значит, антидиалектической идиллии, он вспоминает об идеале свободы, свободной индивидуальности и устанавливает: 9 Впрочем, конформистскому содержанию гегелевских мыслей некоторые авторы находят оправдание: образ беззаветной самоотдачи индивида во власть целого, как полагают эти интерпретаторы, соответствует идеализированному греческому миру, изображению его полисной жизни как безмятежной гармонии индивида и общества. Но в таком случае можно сомневаться в историческом чутье Гегеля, в его умении считаться с реальностью истории и с суждениями тех самых мудрейших людей древности, которые вовсе не идиллически рисовали себе жизнь индивида в греческом или римском обществах.

190

Новое состояние, до которого доросло сознание, беспокойное, диалектическое. Оно определяется так: самосознание ощущает себя несчастным, ибо вопреки притягательному сверканию субстанции все же не может так сразу пожертвовать своей индивидуальностью; дух этого индивида тем самым посылает его в мир искать своего счастья. Плутание в поисках счастья, впрочем, предопределено: счастье не какая-то синяя птица, а всеобщий разум, на позицию которого индивиду неизбежно придется вступить.

Но индивид до такого понимания еще не дорос, он не хочет и не может сразу, безраздельно отдаться разуму. Так пусть же он - так решает Гегель - взойдет на свою Голгофу.

Где же плутает индивид до того, как становится забывшей о себе сверкающей точкой разума? Он посещает места, которые и напоминают прежние, и отличаются от них.

Первая новая станция… Вот как о ней и заодно о недисциплинированном самосознании говорит Гегель: 10. Неудивительно, что в качестве иллюстрации служат перефразированные слова Мефистофеля из:

Презирает оно рассудок и науку,
Наивысшие дары человека, -
Черту оно отдалось
И обречено на погибель.

Фаустовский дух, когда он отдается духу мефистофелевскому, - костюм, в который Гегель одевает новый гештальт духа. Как бы возрождается вожделеющий дух, но он принимает форму не поисков удовольствия, а выступает как чуть ли не космическая жажда жизни, наслаждения, счастья, как. Самосознание в этом гештальте требует остановить мгновение молодости и счастья; как, проплывают перед ним. А ему бы только наслаждаться жизнью: 11.

Тут более ярко высвечивается специфика предмета исследования Гегеля. Яснее и характер материала, исполь191 зуемого на данных стадиях феноменологического анализа разума, и методы работы автора. Темой, как и было сказано, являются метания индивидов, как будто уже и приобщившихся к разуму и в то же время убоявшихся безраздельно, самозабвенно служить ему, отдавая собственную жизнь, молодость, пренебрегая жизненными удовольствиями. Самосознание будет шарахаться во все стороны, только бы не подчиниться разуму целиком. Понятно, что, пока Гегеля интересует такая тема - типологически

рисуемое самосознание, однако, намеренно погружаемое им в широкий поток самой обычной жизни, - до тех пор хорошую службу может сослужить ему своеобразная художественная феноменология духа, а именно творения мировой литературы, где самосознание, на время отклоняющееся от науки (а также от законов, принципов, от нравственности, от религии), предстало в виде бессмертных образов., и другие творения художественно-философского духа служат опорами феноменологического движения в данном разделе.

Далее предстает гештальт, названный. Это уже не прежний гештальт, а вполне серьезное, даже, пожалуй, слишком серьезное самосознание. Оно исходит из, иными словами, пытается сообразовать действительность со своим одушевлением, со своим пониманием счастья. Действительность при этом воспринимается как 12. Поэтому законы сердца и законы действительности не имеют между собой ничего общего. Но одновременно самосознание хочет продиктовать законы сердца самой действительности.

Перед нами как бы возникает образ реформаторского духа, одушевленного и одержимого, но ничем не владеющего, кроме благих, из глубины своего сердца почерпнутых намерений кардинально переделать действительность. Гегель рисует неизменно печальный эпилог попыток претворения такого духа в действительность: закон сердца, погруженный в пучину действительности, немедленно перестает быть законом сердца; он вовлекается, как глубоко отмечает Гегель, в само бытие, в некий внешний порядок, более мощный, чем этот, только что претворившийся в бытие и утративший свой первоначальный замысел. Индивид, одержимый реформаторскими намерениями, с ужасом видит, что

13.

192

Состояние такого уже разочарованного сознания великолепно очерчено Гегелем. 14.

Гегель, о чем редко вспоминают, поистине велик в таких типологических социально-индивидуальных, прекрасных и с точки зрения формы характеристиках, благодаря которым гештальты духа становятся прямо-таки живыми людьми.

Разве не видим мы перед собой желчного, замкнувшегося в себе неудачливого реформатора, который клянет и саму действительность, а пуще того клику властвующих (с особой силой и скрытой завистью озлобляется против ничтожных, урвавших себе какие-то блага прислужников). - очень точная подпись под этим портретом.

На этом фоне и выступает следующий гештальт, имя которому. Добродетель, о которой пойдет речь, рождается в особых, извращенных условиях: всеобщность, каждый прибирает к рУкам все, что плохо лежит, воцаряется всеобщая вражда. Самое время возродиться и выступить в новом виде гештальту добродетели. Последняя - опять хороший феноменологически-сценический образ -, откуда пытается атаковать ни много ни мало как разложившуюся, превратную действительность, мнимую всеобщность.

Ясно, что дело такой добродетели обречено на поражение.

Гегель опять великолепен, ироничен в вынесении приговора:

15.

193

Победа, впрочем, дается не только потому, что он так силен: бессильна исходящая декламациями,, 16 абстрактная, окопавшаяся в засаде добродетель. Но поражение терпит, утешает автор, отнюдь не добродетель как таковая - ее час еще впереди. В конце подраздела - просвет: сверкающая, всепоглощающая всеобщность как бы дает бой самой себе. Суть печального опыта двух оппозиционных общему ходу вещей гештальтов Гегель видит также и в том, что 17. Но едва Гегель-мыслитель обозначил сей любопытный момент,

как на смену ему пришел Гегель-конформист всеобщего. Оказывается, жертва была напрасна потому, что в конце концов она пошла на пользу жрецам всеобщего. А что оказалось ненапрасным? Да именно действия индивидуальности, стоящей на стороне. Ей Гегель пусть и не поет прямые дифирамбы, но выносит своего рода оправдательный приговор: какая бы скверная ни стояла за ней действительность, она есть действительность, сила…

Что-нибудь из ее движения и образуется.

Тот, кто сочтет нашу оценку оговором, должен вдуматься в смысл слов Гегеля: 18. Иными словами, деспот или хорошо пристроившийся конформист, которые впали бы в реалистический цинизм, должны были бы понять, что их сознание , чем оно о себе мнит. А почему лучше? Всего лишь потому, что подчиняется течению. Автор, возможно, и забыл, что может быть превратен и безнравственен.

Следующий появляющийся на сцене гештальт обобщенный:. Он тут же рассыпается на три гештальта. Первый -.

Перед нами предстают метания духа, страдания индивидуальности, обуреваемой поисками другой, других законов. Вместе с ней анализ уходит вглубь от облегчающей дело социальной, социальнопсихологической декорации. Он становится более абстрактным, ибо разум, каким бы еще несовершенным он ни был, снова делает попытку помериться силами со всем миром, с

194

. Тут обсуждаются такие проблемы, как цель действования и само действование - индивидуальность начинает усматривать способы такого своего внедрения в мир, которое поможет ему приблизиться к сути дела.

Индивид что-то делает, нечто создает по мерке цели и индивидуального действия. Теперь сознанию приходится метаться не только между собой и природной вещью, между собой и другим сознанием - в число взаимодействующих элементов включаются собственные создания индивидов, которые увеличивает число сочетаний, возможностей для смятенного блуждания. Но и само по себе оно представляет труднейшую загадку: индивид загадывает ее себе, дает отгадки, но отгадками вполне справедливо не удовлетворяется.

Таким образом, стремясь при помощи набора искусственных средств перехитрить саму, разум, скажем заранее, запутывается и в сути дела, и в собственных хитростях. Однако Гегеля во всем разделе - не будем забывать этого - интересует скорее не познавательный аспект, не то, что (в виде законов бытия и познания) еще не раскрыта познанием. Он смотрит на проблему с точки зрения взаимодействий, переживаний, страданий индивидуальностей, устремившихся в поиски счастья. Вот о них-то и идет речь, когда Гегель рассуждает о, реализации цели и поиске средств. Индивид, что-то создавая, хочет выразить в произведении самого себя. Однако стоит только ему нечто создать, завести какое-то , как тут же. И уж во всяком случае им нет дела до первой индивидуальности, вложившей в создание самого себя.

19.

Гегель не слишком драматизирует ситуацию, но, вообще говоря, перед нами возникает картина и индивида в условиях отчуждения.

Царствуют равнодушие, корыстное, отчужденное поглощение вещи, вещный фетишизм, безраздельно предписанный Гегелем потребителю. Некоторые интерпретаторы опознают здесь капиталистическое общество, хотя гегелевские характеристики имеют более широкую значимость.

195

Два других гештальта - и, - суть обобщенные образы метаний индивидуального сознания в сферах широко понятого правосознания и предельно обобщенного моралистического и - а вдруг в полагании правовых и нравственных законов, в их корректировке и лежит великое счастье? Кратко можно сказать, что и этот вид реформаторства (а поясняется он главным образом на примере нравственности) обречен на неудачу. Гегель задумывает оба гештальта столь обобщенно, что хочет обнять им и житейское творчество всяких заповедей (вроде:), и такие же общие моральные утверждения, но только включенные в религиозные доктрины (например:), и афористические философские постулаты типа категорического императива Канта. Результат такого творчества, такого служения сознания, согласно Гегелю, невелик, если иметь в виду непосредственно реформаторскую цель, поиски счастья самим реформаторским сознанием: следовать всеобщим простым заповедям оказывается в принципе невозможно, почему и находятся разнообразные уловки для отклонения от них.

Разум оказывается неспособным реализовать поставленную цель: он не может создать действенных правовых и моральных законов, ибо не затрагивает самого содержания действия, постулируя лишь, что, по Гегелю, делает Кант, формулируя категорический императив. Однако это, поясняет автор, тоже немалое деяние: как бы ни был содержательно тавтологичен и формалистичен, он заключает в себе всеобщее, он оказывается своеобразным хранителем всеобщего морального духа. И все же неудача не проходит даром. 20. Обратим внимание на то, что один гештальт ( ) как бы сам, из-за своего, из-за логики своего развития, не подстегиваемый внешними ухищрениями автора, перелился в следующий гештальт. (В разум, лишь.) Ненадолго задержавшись на этих формообразованиях, Гегель подвел читателя к выводу, позволяющему оставить сферу и перейти в царство. Вывод этот сам по себе глубокий и для гегелевской системы, особенно для будущего ее облика, принципиальный. Гонимый поисками счастья и устремившийся в сферу правовых и нравст196 венных законов, разум (который еще есть сознание, и сознание, которое уже есть разум) потому терпит поражение, что он идет на приступ крепости, о которой еще ничего толком не знает. Гегель дает ей имя -, имея в виду сферы права, нравственности, религии, искусства, философии. \1 Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959, т. 4, с. 130. 2 См.: Там же, с. 131 - 160. 3 См.: Там же, с. 160 - 187. 4 Там же, с. 188. 5 Там же. 6 Там же, с. 189. 7 Там же. 8 Там же, с. 190. 9 Там же. 10 Там же, с. 193. 11 Там же. 12 Там же, с. 196. 13 Там же, с. 199. 14 Там же, с. 200. 15 Там же, с. 206. 16 Там же, с. 207 - 208. 17 Там же, с. 208. 18 Там же. 19 Там же, с. 216. 20 Там же, с. 227.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Загадки, страдания и высоты

1. Феноменологическое понятие духа

и облик нравственности Каков предмет исследования в разделе и какая реальная проблематика здесь разбирается? Как строится Как она соотносится с историей, в чем, следовательно, здесь проявляет себя историзм Гегеля? Какое значение все эти моменты приобретают для дальнейшего решения Гегелем проблем системности и историзма? Вот вопросы, которые мы будем держать в поле зрения, обращаясь к заключительной части гегелевской (раздел).

Содержание понятия и образа - вот первая немаловажная и весьма сложная проблема. Самосознание, которое в форме разума стремилось внедрить себя, претворить в действительность, в конце концов натолкнулось на то, что духовное уже в действительном мире:

это какое-то родственное ему и все же другое духовное. Самосознанию дух первоначально является в виде сущности, точнее, в виде совокупности сущностей, которые. 1.

197

Установить, формы духа, действительно уже в принципе невозможно: стерлись следы исторического происхождения его. И потому прямой и непосредственный исторический подход к решению проблемы тут невыполним. Однако возможно теоретически реконструировать генезис таких форм, их, рождение из. В разделе о духе общество уже представляет собой не заднюю, а ближнюю кулису, причем такую, которая приобретает способность оживляться и включаться в ход действия. Гештальты духа и тут будут появляться на сцене. В чем-то они сродни формообразованиям разума: та же типологическая обобщенность и в то же время живость портретов, та же отрешенность от истории и вместе с тем историческая насыщенность. Читатель, который не пожалеет труда вчитаться и в заключительный раздел, получит, несомненно, большое удовольствие от блестящего мастерства автора, продолжающего портретировать гештальты духа и, подобно искусному режиссеру, оживляющего созданные им портреты-маски и выпускающего их на сцену феноменологического действия. (Не все гештальты одинаково ясны Гегелю, и на фоне яркого анализа тех, которые автору понятнее и ближе, некоторые формообразования выглядят бледно, что и сказывается на содержании соответствующих актов и мизансцен.) Как и ранее, Гегель претендует на то, что привел формообразования духа в систему. Чтобы понять, каковы ее элементы и переходы, поставим первый вопрос: откуда берется материал для этого этапа движения феноменологической системы?

В начальной части помогают некоторые ассоциации с теми этапами истории человечества, когда оно переходит от преимущественной ориентации на семью к новым типам социального регулирования - государственно-правовым.

Но это, надо подчеркнуть, лишь смутно проступающая историческая подпочва, потому что и тема Гегеля значительно шире и имеет множество особенностей, которые было бы неверно отождествлять с догосударственной стадией истории или с историей Греции (что, однако, делают некоторые исследователи).

Где Гегель самым прозрачным образом вводит исторические прообразы и надеется на широту исторических ассоциаций читателя (образованному современнику Гегеля вызвать их было очень просто), так это в подразделах, названных, и . Не изменяя феноменолого-типологической

198

манере и стремясь дать некоторые всеобщие характеристики поведения духовных гештальтов, Гегель наделяет их портретным сходством с реальными силами, определившими совсем еще недавнюю историю французской революции.

Она, эта история, правда в ее постреволюционной фазе, только еще вводила в Германию наполеоновские войска, а мыслитель уже попытался дать раскладку ее духовных констелляций, зашифрованную в феноменологию формообразований духа. Но зашифровка эта в еще большей мере, чем в предшествующих разделах, соответствовала принципиальным убеждениям Гегеля.

Он полагал, что, портретируя борьбу сил французской революции, в особенности борьбу Просвещения и веры, он создает галерею поистине бессмертных портретов и выводит на сцену неувядающие гештальты. Как только история сделает сколько-нибудь сходный поворот, они оживятся, вступят на сцену, пусть в несколько иных костюмах и обличьях. Ибо Гегель намеренно ведет речь не просто о конфликте безнравственной правящей клики, королевского двора Франции и прислужников трона, с силами революционного протеста, апеллировавшими к разуму и нравственной чистоте, он повествует о вечном, как он

считает, конфликте аморальности, суеверия и просвещения, конфликте непростом, по-своему жестоком, где каждой из сторон достается своя доля лжи и страданий. Гештальты духа, как и гештальты разума, будут страдать и причинять страдания.

Тему духа, партию его, кроме автора, почти до самого конца вести будет некому. Ну уж зато под занавес, в последний раз опускающийся над феноменологической сценой, ее станет исполнять, пусть очень ненадолго,. И пусть дух, в себе, будет иной раз являть свой сверкающий облик, но Гегель сам поставит на нем штамп бездействия. А всякое действие духа будет сопровождаться образами порчи, греха, отклонения, ужаса и, конечно, никак не забытым Гегелем, т. е. смертью. Надо приготовиться увидеть дух именно таким - это особенность и заключительного раздела, еще одно свидетельство ее своеобразной жизненной диалектики.

Структурные духов будут по-прежнему обрастать живой плотью. Гегель умудрится связать каждый гештальт и с приметами реальной истории, и с понятными каждому человеку, часто совершаемыми им действиями, и с образами всеобщих форм, изобретенных человечеством, например нравственных принципов и юридических законов,

и с обобщенными чертами особых философских взглядов (например, философии Просвещения), различных вероучений (в разделе о религии), с типологией художественных форм (в разделе об искусстве), с изменением философских концепций (в главе). Очень заметным , который будет то прямо выступать на сцене, то подверстываться к поведению других гештальтов духа, станет своего рода массовое сознание - например, в виде оно станет исполнять по велению Гегеля столь же мощную, сколь и зловещую партию.

Системное движение в сфере духа открывает. Анализ здесь переходит в рассмотрение, так сказать, семейной нравственности. Можно спросить: почему сфера собственно духа начинается именно с изображения - в определенном аспекте - семейных отношений? В таком начале есть своя логика. Ведь Гегель стремится выявить бытийственные формы духа. А они в определенной степени идут параллельно формам бытия человеческих отношений, т. е. закрепленным формам организации, регулирования связей между индивидами, из которых семья - исторически первая и первая для каждого индивида клеточка социализации. Правда, для Гегеля и она, и все другие формы социальности сами по себе - в историческом происхождении или внутренней структуре - интереса не представляют. Философу существенно разглядеть, как дух, этих форм и тем самым, порождает определенные принципы жизни, общения, взаимодействия индивидов. Речь пойдет о (Sittlichkeit), об, и с самого начала следует учесть, что Гегель понимает нравственность весьма широко. Если она и не является у него синонимом общественных связей как таковых, то во всяком случае подразумевает духовные принципы, которые держат людей вместе, делая из собрания индивидов более или менее устойчивые сообщества.

Слово происходит от слова, которое (во множественном числе) означает,, что существенно для гегелевского толкования гештальта и всего подраздела. Во всяком случае первой в системе духа она становится, видимо, потому, что является одной из исторически первых форм социальной регуляции: общественное рождается и первоначально является людям, как, наверное, полагает Гегель, в виде властно организующих совместную человеческую жизнь нравов, обычаев, традиций народа.

2.

Теперь определена ситуация, в которой станет действовать гештальт, точнее, станет разворачиваться особое, процесс формообразования (Gestaltung) нравственности. Однако народ - это целостность, которая на первых порах действовать не будет. Действовать станет

нравственность, поскольку она воплощается в семье, которая, несмотря на всю свою, сразу же провозглашается не природной, а. Нравственное же, согласно Гегелю,.

Такова довольно простая, скажем прямо, упрощенная процедура обоснования, при помощи которой сложная объективная социально-историческая форма взаимодействия индивидов, в самом деле предполагающая сознание и самосознание, превращается в только духовную и нравственную сущность. семьи - вот что разбирает поначалу Гегель.

Введя нравственность семьи в качестве первоначальной клеточки исследования бытийственных форм духа, Гегель поставил себя в нелегкую ситуацию. Ему приходится включать в рассмотрение какие-то реальные моменты, а по какому принципу? Принцип оказывается во многом случайным. Содержательное развертывание системного анализа не определено, не продумано в его специфике, и система поглощает материал, который, что называется, подвернулся под руку. Раз нравственность - срез анализа, то с чего же начать, повествуя о семье? В каком облике явится миру семейная нравственность? Появляется она в мрачноватом виде, как… гроб, погребение, и сопровождается выспренне комическими сентенциями Гегеля: 3 Ну а

раз уж индивид взял да и преставился, то чем должна ответить Gemeinwesen? Вполне понятно, на, как называет Гегель смерть индивида, общественность должна ответить достойным погребением.

Вся эпопея смерти и погребения - пример метафизически-философского размазывания проблемы, которая сама по себе небезынтересна, если рассматривать ее на историческом, этнографическом и т. п. материале: когда-то возникшее правило погребения покойников, вероятно, далось нашим давним предкам не сразу и означало возникновение зародышевых форм. Но как пишет об этом Гегель?! 4. Эта поэтизация погребения могла бы иметь одно оправдание - если бы Гегель переводил на язык философии начала XIX в. какие-нибудь погребальные мифологемы народов, которые поначалу, вполне возможно, так и обставляли для себя обряд погребения, надеясь, что захороненный покойник будет в, а не сделается, только уже под землей, добычей тех же. Но вот что опять повторяется: только Gemeinwesen, общественное в новом обличии, появляется на сцене, как нового гештальта Гегель - к немалому восторгу экзистенциалистов - с роковым постоянством помещает зловещую старуху с косой!

И хотя через погребение Гегель хотел, пусть краешком, показать на сцене, уделив внимание , он в этом подразделе с задачей раскрытия явно не справился. Анализ сбивчив: заговорив о природе, Гегель переходит к семье, потом вдруг напоминает о правительстве, называя

его, нравственной субстанции5. И прежде чем читатель-зритель успеет пожаловаться, что ему ничего не стало ясно, Гегель опять возвращается к семье.

Гегель здесь использует сопоставления с прежними структурными элементами системы.

Так, отношения мужа и жены коррелируются с отношением . И более того, они проникаются. Правда, к бочке их медового благоговения примешивается капля дегтя: ведь их благорасположение 6 Не лучше и: тут дела портит одно: у родителей, проще говоря, они видят (ну не ужас ли?), что сами произвели отпрыска на свет.

А вот отношения брата и сестры повергают Гегеля в умиление: они, как выражается автор, 7.

Гегель не забыл об общественном предназначении семьи:

8.

А женщина? Ее начало, в которых она должна, не забывая, однако, о своей 9. Опять-таки исторически сложившиеся формы причастности мужчины и женщины к общественной деятельности возводятся во всеобщую структуру нравственного духа.

Бесспорно, что в плане задуманного Гегелем исследования нравственности и ячейка семейственности, и роль женщины в хранении пенат (роль живучая и почетная), и мужчины (а в последующем историческом развитии также и женщины) - все эти и другие темы могли быть глубоко и интересно разобраны. Они, в самом деле, образуют как в становлении человеческого рода и отдельного индивида, так и в движении сознания, важные ячейки: они способствуют созданию нравов и обычаев, благодаря которым совершается взаимообмен между и . Но Гегель так и не сумел органично включить материал этого рода в феноменологическое исследование: он не справился ни с деталями, ни с сутью проблемы, в чем проявилась та же непродуманность общего системного начала, что в дальнейшем, как мы увидим, сказалось в отсутствии системного стержня исследования духа.

В каждом подразделе или группе подразделов стержень обретается как бы вновь, и поэтому целое распадается на

ряд фрагментов. Гегель поспешно переходит от семейной нравственности к следующему гештальту нравственного сознания. Видно, что семейные мужчина и женщина со всем их благоговением друг к другу так и не помогли Гегелю решить, чем же заняться дальше. Тему нравственности, которая ведь объявлена, надо продолжать, точнее, начинать, и Гегель ищет на новую роль какую-либо.

Автор даже посвящает читателя-зрителя в свое замешательство. Ему в общей форме ясно, что надо говорить о нравственности как всеобщем, как долге. Но в какой костюм ее одеть? И что нравственному (долгу) противопоставить? Страсть? Слишком заезженная тема: 10, в которой не было бы этой коллизии. Между долгом и долгом? Такая коллизия, говорит Гегель, была бы 11. Так где же партнеры? После некоторого колебания они автором найдены. 12. По сути дела, тема предполагает рассмотрение конфликта индивида, который по каким-либо причинам не желает подчиниться, т. е. нравственности, и противостоит ей. Ну что же, тема сама по себе достойная, пусть ее стык с проблемой семьи и прошит Гегелем наскоро, что называется белыми нитками. Автор намечает в данном подразделе некоторые условия рассмотрения индивидов, причем условия существенные и реальные.

Индивиды, которым дано название, уже , что их действие не игра, не развлечение.

Ведь их сознание 13. Независимо от того, по каким мотивам действует, он должен ощутить нравственности, общественности, которая так просто не даст извратить свое содержание. Но решительно идет против такой мощи. Отсюда и возникают формообразования сознания, которым суждено стать поистине бытийственными структурами: вина, преступление и т. д. Гегель во многом прав.

Он с основанием связывает вину и преступление с самосознания, ощущающего вину. Правда, суть раз204 двоения формулируется им как колебание между и законами. Применительно к определенным этапам истории это верно, почему уместны тут ссылки на Софокла. Гегель трактует античный сюжет в том ключе, который позволяет ему сделать Антигону одним из, одним из гештальтов, поясняемых следующим образом: 14.

В данном контексте Гегель снова пользуется сценическими образами, например для очерчивания облика гештальта нравственного самосознания: на этой стадии оно, по Гегелю, как бы подстерегается некоторой силой, которая боится света рампы, 15. Довольно глубоко и интересно разбираются различные возможные ипостаси между характером и. Одна из них - с участием правительства: последнее рассматривается как, которая зорко следит, чтобы в индивидуальности не происходило подобное раздвоение. Но основные по-

люсы, между которыми совершается раздвоение и которые в какой-то исторической ситуации были своего рода реальностями для индивидов, - человеческий и божественный закон, - у Гегеля целенаправленно изображаются некоторыми всеобщими абстракциями, структурами всякого самосознания. Непосредственная универсализация конкретно-исторического не проходит даром. Немедленно является и спутник этой методологической ошибки - вычурная искусственность анализа.

Поскольку речь зашла о жизненных ипостасях всеобщего конфликта, приходится говорить о каких-то реальных деталях. Почему, например, нельзя признать правой стороной в разбираемом конфликте, нельзя счесть некоторым наместником всеобщего как истинного?

Оказывается, вмешалось женское начало, эта; она, 16. Тогда не правительство как таковое действует, а преследует свои цели индивид, стяжающий все, что можно, конечно же, на благо семьи. Короче говоря, chercher la femme… А человеческий закон, за который цепляется в своем бунте против интриганской женской общественности, - это, разумеется, мужское начало.

Рассуждения автора здесь можно было бы принять за стилистическую игру, за чистое свидетельство его чувства юмора и принять соответственно с чувством юмора. Но нет, Гегель не шутит. У него просто нет ни другого средства объяснения выведенного им на сцену и ярко обрисованного конфликта, ни другого способа перехода к следующему ряду гештальтов. Пожаловавшись, что интригующая вообще почему-то предпочитает, что всюду, особенно в военное время, чтится 17 (какая добыча для фрейдистов!), Гегель поспешно задергивает занавес, приговаривая: 18. Догадаться, какой именно гештальт вот-вот выйдет на сцену, в общем можно, раз речь идет об общественной оценке поступков. Это будет. О нем говорится наспех, причем совершается вокруг прежних, как будто бы поднятых на новую ступень структур: стоицизма, скептицизма. Но чувствуется, что Гегель торопится перейти к тому, что и составляет для него скрытый интерес всего раздела.

И в самом деле читателя-зрителя далее ожидают едва ли не самые блестящие страницы, едва ли не самые яркие сцены феноменологического действия.

Здесь системный стержень дают именно исторические ассоциации, благодаря которым типологические гештальты духа приобретают легко узнаваемые черты. Гегель осмысливает одновременно и духовные перипетии, и определенную типологию общественного сознания, поскольку оно было активным участником процесса подготовки, проведения, а отчасти и подведения первых итогов французской революции. Надо, однако, помнить, что Гегель по-прежнему ведет исследование так, чтобы исторические ассоциации присутствовали, но чтобы они не мешали пониманию структурной всеобщности рисуемых гештальтов. Короче говоря, он очень

надеется, что за надетыми на гештальты французскими костюмами в стиле конца XVIII в. читатель-зритель разглядит. Итак, объявлены два больших акта, условные названия которых: и.

2. Конфликты разорванного общества

и противоречия гегелевского историзма Пролог действия - общая констатация распада на два мира: 19.

Скоро мы убеждаемся, что понимать эти по видимости абстрактные характеристики надо вполне конкретно. Так, в первом мире будет властвовать не какое-то примитивное вожделеющее сознание, а сознание, которое будет изящно, по-французски; оно само сразу распадется на два гештальта: государственную власть и богатство, а государственная власть, в свою очередь, из , в роли которой выступят обобщенно вылепленные французс-

кие короли (с их самыми близкими родственниками и доверенными лицами), и, в котором не представит никакого труда узнать французское дворянство, и прежде всего придворную клику., понятно, выступит в костюме буржуа-толстосумов. О пока говорить подождем - ему свое место и время. Гегель подготавливает сцену при помощи различений, где абстрактные, и т. д. как бы уже переплетаются с толстой сумой буржуа или со шпагами дворян. Пример: 20.

Подобные ремарки будут иметь немалое значение в канве феноменологического действия: с их помощью автор будет разъяснять, что именно происходит, что стоит за внешними конфликтами обрисованных гештальтов-пер207 сонажей. Так вот: само по себе богатство сильно тем, что оно связано с трудом (зависимость господского сознания от рабского, от труда раба получает тут удачную конкретизацию). Но у Гегеля богатство - правда, потому, что оно потребление приведением в движение труда - определяется как формообразование, стоящее на стороне. Этого не следует забывать тем, кто хочет сделать из Гегеля безусловного критика капиталистического отчуждения. Ибо автор, объявив буржуа-толстосума пассивным и ничтожным, совсем иначе оценил его роль, когда тот стал. Далее разбираются своеобразные идеологии, спорящие вокруг проблемы богатства: одна утверждает, что богатство есть нечто, есть благо, поскольку оно, а вторая провозглашает богатство, считает его злом, поскольку оно несет угнетение, неравенство. Гегель переходит от этих дискутирующих моралистических гештальтов к другой идеологии, при помощи которой начинает осознавать свое положение в системе государственной власти - и, конечно, оправдывает, приукрашивает свое положение.

На сцене в первый раз блеснуло золотым шитьем своего костюма. Главное, однако, в том, о чем думает, что утверждает это сознание. А оно поначалу утверждает свое, свое равное право по отношению к общественной власти и богатству. Тут все просто и прозрачно: ведь в государственной власти благородное сознание имеет (читай: это и есть власть, защищающая интересы дворян и ими порожденная), да и служит оно ей с повиновением и уважением.

Богатство? Его благородное сознание признает тем, что дозволяет себе служить, и тем, уравнивает с собой. Иначе ощущает себя: оно проникнуто мыслью о своем неравенстве с (читай: с королевско-дворянским и буржуазным сословиями), видит в верховной власти 21. В нескольких словах метко передана психология некоего обобщенного 22.

И снова выход благородного сознания. На этот раз появляется оно как частный гештальт беззаветного служения верховной власти, в чем оно само видит и героизм, и доб208 лесть; у Гегеля все получается прямо-таки зрительно, объемно: 23. Нельзя, учит Гегель, недооценивать побуждений и действий столь ревностного, самозабвенного служения, благодаря ему государственная власть и является властью. Есть и другие типы, например, который действует в интересах государственной власти, но не опускается до заведомой сервильности, тем более что ему есть что сказать против власть придержащих: 24.

Поставленная в ситуацию принятия решения, государственная власть, которая ненадолго выводится Гегелем на сцену, пока, как оказывается, колеблется между различными, а сцена снова уступается благородному сознанию - тому, что с такой готовностью отказалось от себя вплоть до уже типичного феноменологического приема, а именно жертвования своей жизнью. Оказывается, что сознание преданных королю дворян, этих мушкетеров XVIII в., испытывает уже некоторую внутреннюю неуверенность, хотя не перестает служить согласно своему пониманию долга и чести. Оно сохраняет 25.

Поскольку в сервильности всегда есть ощущение неравенства по отношению к власти, Гегель, пока оставляя где-то в стороне от главного действия, предупреждает читателя, чтобы он потом ничему не удивлялся: сервильный слой 26. Уже назревает внутреннее неповиновение, уже и верные слуги готовы обратиться против господина, но на его стороне есть мощное оружие. Таким оружием Гегель объявляет… язык! Последнему далее уделяется особое внимание. На сцене феноменологии он становится как бы самостоятельным действующим лицом, своего рода маленьким божеством, которому другие действующие

лица драмы приносят свои жертвы, что делает анализ интересным, глубоким, оригинальным. Это, по определению Гегеля, язык особый: на нем уже говорит отчуждение. 27.

Немного поиграв абстрактными терминами, поясняющими, по его мнению, эту сложную грань между, где форма связана с содержанием, но все-таки отличается от него, и особым, отчуждением, Гегель переходит к характеристике последнего, конкретизируя смысл своего замечания о том, что содержание становится формой, притом формой языковой. Своеобразным пояснением служит гештальт. 28 За завесой, которую воздвигает как бы действующий , однако, разворачивается, согласно Гегелю, самое настоящее действие; благородное сознание, которое еще недавно в мыслях приравнивало себя государственной власти, от мыслей перешло к делу: 29.

Благородное сознание перестает с завистью смотреть на денежный мешок, украшающий костюм буржуа: в складках дворянского костюма благородное сознание уже прячет тугие мешочки с золотыми экю: 30. Так что же, получается, что благородное сознание уравняло себя со всеми главными (читай: классами и социальными группами), которые вызывали у дворянина постоянную зависть - со скипетром короля и денежным мешком буржуа? В том-то и дело, что позиция и благородного сознания глубоко противоречивы:

хотя, с одной стороны, оно сохраняет, с другой стороны, и мощь своей воли, и то, что оно - все это приходится прятать от 31.

А что в это время поделывает богатство? Как ему и полагается, обогащается и находит, чтобы обогащаться дальше. Отношение этой Гегель считает весьма важным, ибо они хорошо демонстрируют дух, охвативший. Связь богатства и его клиентуры отмечена глубокой конфликтностью: толстосумы охвачены, смешанной с чувством неполноценности (нельзя упускать из виду, что в данном обществе они так же, как и их клиенты), в то время как клиенты, вынужденные прибегать к языку лести в отношениях с богатством, таят, а порой высказывают огромнейшую к нему ненависть. Неплохо очерчена психология целого слоя - под видом типологии гештальта: 32. Вот какая психологическая атмосфера сопровождает выход на сцену феноменологии, а также одно из первых значительных самостоятельных появлений на исторической сцене - (читай: буржуазного класса). Это потом богатство обретет самоуверенность, а пока его наглость перемешана с неуверенностью, сознанием своей отверженности,.

Показав основные маски нового акта феноменологической драмы, автор позволяет себе сделать заключение относительно характера всего действия, которое - нельзя забывать - есть пьеса о движении, развитии и о злоключениях нравственности, общественности. Снова организует исследование в систему общий стержень раздела; снова нащупана ариаднина нить, не позволяющая потеряться в лабиринте прямых исторических реминисценций. Все, что произошло и происходит с поочередно действовавшими парами противоположностей, склоняет к такому выводу: 33. Ничто не лишено значения - ни конфликты, ни язык лести, ибо все становится индикатором разорванности, свидетельством

глубокого отчуждения, приобретающего множество конкретных обликов. И еще одно существенно: теряют прочный, устойчивый смысл нравственные понятия хорошего и дурного, высокого и низкого, которые традиционно связывались с делами, положением основных актеров драмы. 34. Итак, с точки зрения, царят разорванность, отчуждение. Все вроде бы безнадежно, но Гегель успокаивает читателя великой правдой некоей подспудной, которая, как ни парадоксально, пробивается из единства и борьбы всех этих прогнивших сил. 35.

Здесь наиболее четко, пожалуй, проступает смысл того понятия, которое играет важную конструктивную роль не только в системе феноменологии, но также во всех других будущих конкретных системных и метасистемных построениях гегелевской философии - понятие среднего термина.

В нем кристаллизуются достоинства и ограниченности системной мысли Гегеля. Достоинства в том, что она глубоко диалектична, проникнута идеей сверхсубъективной закономерности. Наложенное на канву истории французской революции исследование формообразований духа предстает как целостное, упорядоченное уже тем, что объект анализа не некое хаотическое движение, а закономерная борьба противоположных социальных сил. Все проявления противоположностей - и те, где налицо резкий антагонизм, и те, где рознь затушевывается на фоне существенной общности между крайностями, - с равной мерой тщательности учитываются, фиксируются Гегелем. Но каким образом стороны, крайности, противоположности приводятся друг к другу, как различные противоречия, составленные из крайностей, но в себе образующие некоторые целостные гештальты, соотносятся друг с другом?

Для Гегеля ответ на подобные вопросы и дается введением понятия, который оказывается незримым для самих противоположностей действием. Он сводит крайности, заставляет вступать их в великую борьбу, но и за тем, чтобы противоположности напрочь не истребили друг друга, чтобы не исчезли целостные, пусть и внутри разорванные образования.

В соответствии с замыслами и разъяснениями самого Гегеля есть некая стоящая над противоположностями объективная духовная сила, сила истинного, дух развивающейся далее целостности, некоторый гарант развития, посланец субстанции, абсолютного духа. Гегель, следовательно, отождествляет с некоторым всегда бодрствующим и всегда правым духом, что, разумеется, есть плод идеалистической мистификации, но за ней скрывается здравая идея: необходимо расшифровывать применительно к различным историческим эпохам переплетение линий объективного закономерного развития, обусловливающих различные формы единства и борьбы противоположностей. С гегелевской абстракцией среднего термина мы в дальнейшем еще встретимся. А пока средний термин помог Гегелю констатировать, что разорванное сообщество все еще сообщество.

В его дальнейшем развитии и целостном самосознании играет немалую роль - так впервые появляется (читай: сознание критически настроенных слоев французской интеллигенции, которое выражало себя по-разному, но наиболее ярко через философию и литературу). Оно не упивалось ни властью, ни богатством, но у него - этого, образованного именно духом и созданного в собственно духовной форме, - было тоже свое упоение. Дух (Geist), богатый (reich) многими формами, отстоящими друг от друга, становится прежде всего (geistreich - опять игра слов) и упивается своим остроумием. 36.

Эти одновременно бесстыдные и истинные (!) речи уподобляются сумасшествию музыканта, для характеристики помешательства которого - оно выражается в безумном смешении мелодий всех национальностей и всех жанров - Гегель пользуется цитатами из, еще одного замечательного произведения, помогающего автору феноменологии создать собственную галерею портретов духа. С помощью превосходных характеристик Дидро и

выводит Гегель на сцену критическое остроумие французской культуры предреволюционного периода - гештальт, по отношению к которому автор сам выступает критически и остроумно. Он припечатывает его яркой характеристикой, своего рода подписью под портретом:… Его противоположностью Гегель делает ту совокупность гештальтов (читай: сознание той социальной силы), к которой и обращено хаоса -, т. е. сознание людей, глубоко почувствовавших превращенность и извращенность других социальных сил и уже не желающих жить противонравственной нравственностью, противообщественной общест-

венностью. Что могло предложить такому сознанию упоенное собой остроумие? Вопрос глубокий и существенный.

Гегель не скрывает противоречий и трудностей, с которыми должен был столкнуться погруженный в действительность, а не в призрачный мир остроумия индивид, носитель простого духа нравственности. Если выдвигается обоснованное как будто бы требование 37, то ведь от индивида никак нельзя требовать (потому что это неосуществимо), чтобы он удалился из мира. Не может же удаление из мира извращения означать, что 38, - намек на Руссо и руссоизм, а заодно на всякую возможную самую новую будущего… Гегель пытается быть в чем-то объективным по отношению к, роль которого в реальных исторических событиях Франции (и возможную роль всякого столь же блестящего остроумия в другом социально-историческом мире) он не пытается отрицать.

Однако приговор немецкой философской глубокомысленности над этой французской остроумной критикой весьма суров. Она, потому что, умея, не идет дальше чего-то общеизвестного ( )39; умея выразить извращения в отношении к другому и запечатлеть всеобщее извращение, умея передать дух, она сама заразилась болезнью всеобщего хаоса, ибо 40. Она исповедь суетности и сама суетность, плоть от плоти того мира, который с таким жаром отвер214 гает и критикует; это суетность и потому, что она, так сказать, исходит языком, а не страдает рождением мысли.

Блестящая критическая французская культура предреволюционного времени не случайно осуждена так сурово (правда, Гегель, шаржируя некоторое и наделяя его хорошо опознаваемыми чертами, скажем руссоизм, во всякое время мог бы сказать, что дело идет не о Руссо, не о французах, да еще посмеяться над тем, что руссоисты поспешили узнать в гештальте-шарже самих себя). Ибо у Гегеля есть очень серьезная, с его точки зрения, претензия и к, упивающемуся остроумием, и ко многим другим формам саморефлектирующего Просвещения: они слишком бойко и бездумно включились в борьбу против веры.

Следующий конфликт весьма существен для, для ее автора, который уже доказал, как важно для него осмысление судеб религии и веры, как сильны в нем надежды разработать философские теоретические предпосылки для новой, высокой и человечной религии. Религия рассмотрена в ее конфликте с Просвещением, что означает: в конфликте с самыми различными силами, почему-то (отчасти и предстоит выяснить - почему) обратившимися против церкви, религии и веры. Иными словами, Гегель дает свой вариант и одновременно свое толкование борьбы, снова и снова прибегая к историческим ассоциациям, порождаемым недавней революцией во Франции и первыми итогами послереволюционного времени. А они, итоги, представляются Гегелю свидетельством неуспеха попыток отстранить веру, неуспеха, которому придается смысл фундаментальной исторической судьбы.

Но посмотрим, как разворачивается действие - ведь в нем согласно всему построению этого раздела должна принять участие не просто вера как таковая, а должны стать действующими лицами многие конкретные гештальты, в каких религиозный дух явил себя миру. Соответственно всему диалектическому рисунку произведения, каждый из гештальтов появляется на сцене уже ввязавшимся в борьбу с гештальтом враждебной ему. Сначала - Просвещения. Представляющий Просвещение гештальт знает веру как то, что ему - разуму и истине - противоположно41. Вера представляется чистому здравомыслию (точнее, пониманию, усмотрению - Einsicht) простым, толкуется им - по мнению Гегеля, наивно - как некая, тождественная царству заблуждения и простого одурачивания. У этого своего Просвещение выделяет три стороны: действия духовенства, которые подвергаются жесточайшей критике, заговор его с деспотизмом, в свою очередь презирающим духовенство и верующую толпу, и, наконец, саму эту толпу, т. е. с его и доверчивостью.

На примере чистого здравомыслия, или понимания, Гегель поясняет одну из конкретных структур выхождения духа вовне, обретение им практической, социальной мощи.

Казалось бы, какую опасность для духовенства или деспотизма могло представлять (скорее всего, тут речь идет о теории, в частности и в особенности философской, которая повела доступными ей идейными средствами борьбу против церкви, деспотизма, рели-

гии). Уделом этого гештальта в и становится отнюдь не действие, а именно. И вдруг оно оборачивается грозной силой.

Почему? Да потому, рассуждает Гегель, что (таким здесь предстает массовое сознание) оказывается необыкновенно восприимчивым по отношению к, этому единственному и, казалось бы, практически неопасному оружию гештальта. Путь понятия воспринимающему наивному сознанию Гегель описывает ярко и глубоко. беспрепятственно входит в другое сознание. 42. Понимание, заразившее собой массовое сознание, которое, со своей стороны, впитало критическую заразу, подобно губке, - такое соединение, назревающее столь же подспудно, сколь и непреодолимо, исполнено мощной жизненной силы. В данном случае Гегель имеет в виду особенность конкретной исторической ситуации (утрату церковью, духовенством автори216 тета у массового сознания - и действительно, в немалой степени благодаря непрерывным атакам философии), но описывает он данный процесс обобщенно, как стремительное ниспровержение всякого идола, которому еще недавно все поклонялись. Вот как опасна для религии и деспотизма зараза неверия: 43.

Однако какой бы внушительной ни была практическая победа, одержанная, Гегель не позволяет новому гештальту упиваться торжеством. Он заклеймляет победоносный гештальт именем, у которого, в сущности, не было иного содержания, кроме того, которое оно забрало у ниспровергнутого сознанием идола: 44.

Это одно из проявлений критического отношения Гегеля к историческому Просвещению. Гегель, правда, как и раньше, выполняет задачу портретирования Просвещения - хотя бы и обобщенно он хочет показать и его важнейшие достоинства, а не только недостатки. Однако же главная его цель - продемонстрировать, что ниспровержение разумом идола веры ни в коем случае не означает победы над верой .

У Гегеля есть немало ценных, интересных размышлений по поводу структур, свойственных гештальту Просвещения.

Например, просветители считали: народ верит потому, что он начисто обманут духовенством, опутан заговором, в который против него вступили священнослужители, деспот и его клика. Гегель в корне не согласен с подобным убеждением, где бы и в какой бы форме оно ни высказывалось.

45. Гегель, стало

быть, ставит вопрос необычно, парадоксально: можно обманывать народ по конкретным поводам, но нельзя обмануть его, внушив ему сознание того, чего он сам не видит, не переживает во всем процессе своей жизни.

Дальнейшее движение являющегося духа явно отмечено привходящим по отношению к системе интересом (но хорошо накладывающимся на канву исторических ассоциаций), в соответствии с которым автор пытается провести одну, в сущности, главную идею: дальнейшие злоключения духа вызваны именно безверием, которое охватило массовое сознание и сознание. изображается на сцене феноменологии во внутреннем расколе на, которые при первом появлении ведут философскую дискуссию - спорят и. Это столкновение гештальтов, один из которых в абстрактном споре, очищенном от исторически конкретных деталей, защищает чистую, духовность, другой пропагандирует.

Но скоро действие опять повязывается с историческими ассоциациями. - вот название нового акта, где пьеса становится философской драмой ужасов. Гештальт абсолютной свободы, рожденный прежде всего безверием просвещения, далее предстанет как соединение ничем не ограниченной, никак не регулируемой свободы воли индивида и. Обобщенной декорацией акта, пусть и созданной абстрактным искусством феноменологического системного рассуждения, являются, бесспорно, приметы и символы разразившейся революции. Абсолютная свобода означает сначала всеобщий порыв народа, как бы забывшего о расколе, о внутренней розни.. - Н. М.), единичное сознание, которое принадлежало одному из таких членов и в нем проявляло волю и осуществляло, преодолело свои границы;

его цель есть об218 щая цель, его язык - общий закон, его произведение - общее произведение»46.

Надо заранее сказать, что Гегель не пожалеет красок, чтобы живописать роковые, злоключения сознания; после того как это сознание захватило упоение абсолютной свободы и ощущение общности воли, ему предстоит катиться по наклонной плоскости - под влиянием стихии, более мощной, чем единичность. Гегель и до и после в общих суждениях отдавал должное французской революции как величайшему преобразующему событию истории, как проявлению, . Но в разбираемом подразделе философ выражает свой глубочайший протест против уже определенных формообразований, на которые конкретно распался как будто бы правый мировой дух, подтолкнувший французский народ к революции. Перед нами проходит череда этих гештальтов, которые волей автора приобретают зловещий облик и носят костюмы, цель которых - пробудить в читателе чувство ужаса. Все начинается с того, что появляется общей воли - правительство. Ему отдана поддержка общей воли; ему вместе с тем приходится совершить, поступки. Поскольку другие индивиды исключаются из его действия, правительство 47.

Гегель, конечно же, осуществляет исторические расчеты с якобинцами, причем обобщенность живописания позволяет ему не добиваться фундаментального историзма анализа, а ограничиться абстрактным историзмом; последний и облегчает дело сведения многомерности гештальта к немногим броским чертам, благодаря которым поддерживается избранный колорит образа. Как только на феноменологической сцене революционное правительство, так тут же появляются гештальты подозрения, и вообще. И все время на сцене маячит костлявая старушка смерть, одетая в костюм палача; в ее распоряжении - механическое устройство гильотины. Летят и летят головы… Сцена приобретает поистине мертвенное освещение. 48.

Итак, вся сложность революционных событий померкла перед, как выражается Гегель, обликом революционного террора; революционной свободы стали в глазах Гегеля бессмысленно и безжалостно срубаемые человеческие головы. Заключением раздела является напоминание, что весь сей ужас неверно приписывать нескольким - его надо записать на счет 49. Автору, который через все противоборствующие крайности до сих пор умудрялся протаскивать идею целостности движения и его необходимости, тут приходится туго. Гегель, с одной стороны, утверждает, что (читай: из революции) дух оказался отброшенным назад. Но как же диалектика? Найдена спасительная формула: дух 50, если бы сознание и самосознание не проделали своего рода холостое движение; абсолютная свобода совершила насилие даже над диалектикой, ибо ей удалось 51. Вот, оказывается, как и почему пробуксовали и даже откатились назад колеса истории.

Однако не продолжалось бы дальнейшее системное движение, если бы, с другой стороны, что-то в действительности не поддерживало его связь с всеобщностью.

Все надежды Гегель возлагает на и - они олицетворяют для автора немногие нравственно чистые силы, ничем себя не запятнавшие; они не были сущими 52. И вот такие чистые воля и знание как бы выносят на свет божий теплившуюся и в кровавом месиве революции, террора искру моральности, искру попранной веры. Задергивается занавес, чтобы закончить обобщенное феноменологическое действие, призванное автором подвести черту под изображением революции, и занавес поднимается, чтобы снова вернуть феноменологическую систему к почти что потерявшейся теме нравственности. Нравственность (Sittlichkeit) же, как это ни парадоксально, вышла из купели огня и крови не только живой, но в новом, более высоком облике моральности. Ве220 ликая необходимость должна была восторжествовать. На повестку дня еще явственней, чем прежде, встали проблема долга и совести; рождается, которое, в свою очередь, проходит через различные стадии развития и предстает в самых многообразных гештальтах, каждый из которых объективирует его противоречия (а их, как говорит Гегель, пользуясь словами Канта, 53).

От раздела о моральности, где анализ Гегеля как бы отдыхает от революции в более отвлеченных рассуждениях о долге, совести, поступке, совершается - через откровенно не-

диалектическую идиллию примирения всяких раздвоенностей и отчуждений54 - переход в сферы религии и абсолютного знания, или философии, где феноменологический анализ, по существу, уже. Являющийся дух наскоро пробежал через произвольно выбранные гештальты (например, применительно к религии типологически предстали некоторые верования и доктрины, а применительно к искусству - религиозное искусство).

На последних страницах Гегель хочет связать свое представление о проделанном движении с дальнейшей работой, что делается благодаря двойственному толкованию понятия. Надо сказать, что двуслойная эксплуатация одного и того же слова увеличивает сбивчивость, противоречивость, поспешность заключительного текста (который после описания вообще сделался тусклым и по сценическому действию; оживляется он только тогда, когда автор пишет самые последние слова книги).

С одной стороны, Гегель утверждает, что дух, дескать, ,, что он понял необходимость проделанного ранее движения и усмотрел ее в том, что совершилось. Отрешения - от чего же? Оказывается, от самого важного в проделанном движении - 55. Постулируется, что это сама наука требует понятия, требует безмятежного, спокойного шествия духа, все гештальты и злоключения которого остались позади. Совершилось как бы во имя науки.

С другой стороны, Гегель не хотел бы разорвать связь между обретенной наконец, а на самом деле просто постулированной понятийной сферы и той от чистого понятия, с которой пришлось столкнуться и работать в. Наспех утверждает221 ся, что это сама наука 56. Итак, есть и другое - от понятия, от науки, выход вовне их, в сферу жизни и становления., которое в данном случае и потребовала рассмотреть наука, имеет две стороны. Одна из них - природа, и тем суммарно намечается системный раздел философии природы, где будет рассмотрен 57.

58.

Гегель, следовательно, для своей системы философии истории.

Подошла к концу. Абзац, из коего мы только что привели цитату, заканчивается как раз образом Голгофы и (приводившимися ранее) перефразированными словами Шиллера о, из которой , - образом, который как нельзя лучше отвечает глубине и страстности феноменологического анализа Гегеля.

Применительно к разделу сформулируем особенности гегелевского понимания принципов системности и историзма.

1. Гегель стремится построить некоторую типологию духовных проявлений, принимающих бытийственные, независимые от индивидуального сознания формы существования и действия (мораль, право, а затем религия, искусство, философия), но задуманный анализ пока что не удался Гегелю: этот уже важный для него предмет автор то и дело теряет. Отсюда - осознанная впоследствии необходимость новой разработки проблемы и. В еще отсутствует работающий системный принцип, который помог бы установить взаимное отношение данных форм и в то же время дал бы стержень для анализа внутренних связей каждого из формообразований. Но и общее разделение форм, и отдельные конкретные структурные членения (например, разделение на моральность и нравственность) тем не менее уже были найдены Гегелем и впоследствии, пусть с несколько другим содержательным наполнением, воспроизводились в зрелой системе объективного духа.

2. Но в гораздо большей степени анализ Гегеля оказал222 ся повернутым к истории. Системное развертывание мысли в разделе связано с обобщенной зарисовкой некоторых действительных событий, а именно происшедших в предреволюционной и революционной Франции. Однако и тут - по принципиальным соображениям, рассмотренным ранее, - Гегель не намеревается писать что-то вроде исторического эссе. Он по-прежнему занимается исследованием духовных проявлений, но в разделе они отличаются немалым своеобразием. По существу это процессы массового сознания, сознания основных общественных

групп в революционные эпохи. Конечно, у Гегеля нет таких формулировок, но фактически его анализ течет именно по такому проблемному руслу.

Избранный Гегелем особый жанр анализа является истористским и по предмету, и по исполнению. Потому Гегелю удается дать немало ярких, остроумных типологических портретов общественного сознания своей, да и не только своей эпохи. Любопытно, что временами Гегель движется в таком русле анализа достаточно последовательно, проявляя внимание к особенностям методологии, пригодной для такого, впоследствии редко им используемого философского жанра. Но никак нельзя забывать о том, о чем, спохватываясь, вспоминает сам Гегель: он ведь ведет феноменологический анализ духа, по замыслу целостное, единое исследование. Гегелевские припоминания об в данном контексте выглядят особенно искусственно; реальное историческое содержание, хотя и в немалой степени оттесненное типологическим анализом Гегеля, все же достаточно сильно, чтобы дезавуировать слишком уже парадное, искрящееся всеобщее. Особый историзм не мирится тут с системой, которая к тому же еще не набрала силу, чтобы подчинить себе поток исторических ассоциаций, здесь пущенный Гегелем в другое, отличное от конструкций системы, русло.

Таким образом, если писать к гегелевской краткий эпилог, то он возвратит нас к характерному для всего произведения напряженному противоречию между пропагандируемым Гегелем, но еще не набравшим внутреннюю силу принципом системности, и специфическим, тоже внутренне противоречивым, принципом историзма.

В чем можно видеть одну из причин начавшегося вскоре пересмотра роли и содержания феноменологии в системе философии - истоки процесса, который совпал с новым этапом разработки, с существенным переосмыслением содержания принципов системности и историзма.

223

В год, когда вышла, Гегель испытал едва ли не самые глубокие в своей жизни сомнения и разочарования. Неудовлетворенность книгой была большей, чем работа того заслуживала. На Гегеля сильно повлияло то, что его не поддерживало не только официальное сообщество - это автор тогда счел бы по-своему почетным.

Специфика, жанр, открытия феноменологического исследования не были поняты, не были признаны и неофициальным сообществом, включая Шеллинга - самого близкого другаединомышленника. Было от чего прийти в отчаяние.

Мы констатируем тот факт, что здание гегелевской системы росло дальше не на фундаменте феноменологии (а ведь для этого он был заложен). И надо учитывать, что произошло это не только в силу внутренних, содержательных теоретических соображений, но и потому, что первой гегелевской работе суждено было еще проделать долгий, трудный исторический путь признания, причем при жизни Гегеля так и не была дана достойная ее высокая оценка. В новый период своей жизни Гегель вступил, будучи автором ряда статей и одной большой книги, накопив некоторый опыт университетского преподавания, хотя и не снискав ни славы, ни положения, ни внутренней уверенности в себе. По историческому счету итог был весьма серьезным. Но по счету той реальной жизни, какой и живет человек, итог, казалось, состоял из одних потерь.

Йена становилась провинцией. В преподавании заметных успехов не было. Гегелю пришлось - а может быть, хотелось? - попробовать себя в другом деле. Другим делом, к которому Гегель вначале отнесся горячо, и была упомянутая ранее. Журналист-политик из Гегеля не вышел. Полтора года (март 1807 - ноябрь 1808 г.) были растрачены на газетную рутину. Газета стала для мыслителя. Поэтому Гегель принял предложение Нитхаммера стать директором гимназии в Нюрнберге. На ниве образования Гегель трудился до 1816 г., т. е. восемь лет. К сожалению, необходимость выбора из колоссального материала не позволяет нам во всех подробностях рассмотреть роль этих двух периодов - бамбергского и

нюрнбергского - в развитии Гегеля как личности и как философа. Мы ограничимся замечательным трудом, который директор гимназии Гегель написал в Нюрнберге - его , которая будет рассмотрена в свете проблем системности и историзма, а отчасти и под углом зрения развития философского сообщества Германии в конце первого - середине второго десятилетия XIX в. \1 Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959, т. 4, с. 231. 2 Там же, с. 237. Блестящий анализ трактовки Гегелем и в поздних произведениях дан в книге О. Г. Дробницкого (М., 1974, с. 79 - 87). 3 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 239. Ж. Ипполит особо заострял внимание на тех пассажах, где появляется - и, как мы видели, нередко - слово. Отсюда заключение Ипполита: (Hippolite J. Grundlagen der Phanomenologie - Interpretation. - Hegel G. W. F. Phanomenologie des Geistes. Hamburg, 1973, S. 758). 4 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4, с. 240. 5 См.: Там же, с. 241. 6 Там же, с. 242. 7 Там же. 8 Там же, с. 244. 9 См.: Там же, с. 243. 10 Там же, с. 247. 11 См.: Там же. 12 Там же, с. 248. 13 Там же, с. 249. 14 Там же, с. 251. 15 Там же. 16 Там же, с. 255. 17 Там же. 18 Там же, с. 256. 19 Там же, с. 262. 20 Там же, с. 266 - 267. 21 Там же, с. 270. 22 Там же. 23 Там же, с. 271. 24 Там же. 25 Там же, с. 272. 26 Там же. 27 Там же. 28 Там же, с. 274 - 275. 29 Там же, с. 275. 30 Там же. 31 Там же, с. 276. 32 Там же, с. 278. 33 Там же, с. 279. 34 Там же, с. 280. 35 Там же. 36 Там же, с. 280 - 281. 37 Там же, с. 282. 38 Там же. 39 См.: Там же. 40 Там же, с. 283. 41 Там же, с. 291. 42 Там же, с. 292. 43 Там же, с. 293. 44 Там же, с. 295. 45 Там же, с. 296. 46 Там же, с. 315 - 316. 47 Там же, с. 318. 48 Там же. 49 Там же, с. 320. 50 Там же, с. 319. 51 Там же, с. 321. 52 Там же, с. 320. 53 См.: Там же, с. 330. 54 См.: Там же, с. 361. 55 Там же, с. 432. 56 Там же, с. 433. 57 Там же. 58 Там же.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разработка принципов системности и историзма в

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нюрнберг. Создание диалектической логики и содержание логических принципов системности и историзма Нюрнбергский период жизни Гегеля (1808 - 1816 гг.)1 - время, еще менее, чем прежде, отмеченное для философа сколько-нибудь значительными внешними событиями. Позади были йенские годы, не принесшие уверенности и утешения. Гегель покинул Йену, подгоняемый французским нашествием. Он отчетливо понимал, что университетское преподавание не стяжало ему лавров, хотя верил в себя как философа и преподавателя философии. Надежда Гегеля найти место в каких-либо других университетах Германии2 осталась тщетной. Затем были Бамберга и бегство с нее. И когда Гегель получил не очень престижную для него и малооплачиваемую должность ректора Нюрнбергской гимназии (тем не менее с трудом добытую для него другом Ф. И. Нитхаммером, с 1806 г. возглавлявшим в Баварии ведомство по школьным и церковным делам), он поначалу принял новую работу как избавление.

Нитхаммер привлек Гегеля к осуществлению школьной реформы. Составной частью последней, притом немаловажной, считалось реформирование гимназического преподавания философии, для чего нужен был незаурядный философский ум, который Нитхаммер, к его чести, рано распознал и глубоко уважал в Гегеле. Как педагогическая деятельность Гегеля в Нюрнберге повлияла на его философские занятия?

Ситуация сложилась весьма противоречивая. Гегелю как ректору гимназии приходилось заниматься многими чисто хозяйственными и административными делами. В письме к Нитхаммеру от 4 октября 1809 г. Гегель признается, что 3. Время от времени не в меру ретивые цензоры досаждали ректору Гегелю требованиями неукоснительно соблюдать чиновные правила и предписания. Воспитание школьников Гегелю, видно, стоило немалого

напряжения. Правда, биографы иной раз пишут о том, что Гегелю работа удавалась, что он был одновременно строгим и достаточно снисходительным, человечным педагогом и директором и т. д. Основываются при этом на таких документах, как воспоминания бывшего воспитанника Нюрнбергской гимназии, потом ставшего и ее директором, Лохнера4.

Гегеля-директора был начертан Лохнером тогда, когда философ стал европейски знаменитым. Неудивительно, что изображение получилось идиллическим. Менее благодушно настроенные биографы, например Р. Гайм5, как представляется, более правы.

Положение Гегеля вряд ли облегчалось тем, что он пришел в гимназию из университета. Практичный отпрыск филистерской семьи, скорее всего, видел в этом, что в его глазах не прибавляло популярности старообразному, скучному учителю. А. В. Гулыга пишет, что школьники воспринимали Гегеля как известного ученого, как автора

6. Очень сомнительно.

Уж если о гегелевском труде знали тогда лишь немногие философы, и буквально единицы считали его сколько-нибудь интересным (о чем с горечью писал сам философ), то куда уж было догадаться об этом нюрнбергским школьникам. Нет, стала знаменитой много позже. И все же педагогическая деятельность столь глубоко мыслящего человека, как Гегель, не могла не толкать его к ее теоретическому обоснованию. Для философии Гегеля его педагогический опыт был немаловажным. Проблема наиболее разумного образования, восхождения индивида к высотам духа и культуры, как мы знаем из, горячо интересовала философа, причем интерес его был одновременно теоретическим и практически-политическим. Реформаторские замыслы Нитхаммера, казалось, могли помочь продвинуться вперед к достижению целей, которые были сформулированы благодаря своеобразной теории воспитания, общие основы которой содержались в, а более конкретные принципы обосновывались уже в Нюрнберге. Эти принципы были выражены, в частности, в речах, произносимых Гегелем в конце каждого учебного года.

Для нашей темы наиболее существенно то, что запечатленная в них педагогическая программа Гегеля опирается на идею историзма. Гегелю приходилось руководить учебным заведением с классической, гуманитарной направленностью образования. Нитхаммер был намерен углубить - во имя реализации идей и - ознакомление школьников с античной культурой, противостоять тенденции, прагматизирующегося образования, сила и влияние которой в Германии и других странах Европы были обусловлены все более интенсивным индустриальным развитием.

Гегель горячо поддерживал нитхаммеровскую реформу; на собственном опыте он мог убедиться в поистине спасительном воспитательном значении истории человеческой культуры. 7. Впрочем, Гегель не мог бы, если бы и захотел, пренебречь целями государственной политики в области образования. 8 В этой речи Гегель, кстати, уже значительно смягчает категоричность и восторженность в оценке исторического вклада древних, так характерную для первых нюрнбергских лет. Слово употребляется только применительно к греческому искусству. В основном Гегель упирает на то, что у древних 9. Ректор, однако, остается верным основной истористской идее. Он пытается убедить слушателей, что для решения государственных дел нужны люди рассудительные и справедливые, которые умеют охватить жизнь народа в целом и не дают современной победить единство общественных связей. Вот тут-то особенно важно изучение древности, ибо именно в античной истории воплотились в жизнь, как полагает Гегель, идеальные представления греков и римлян о

гармонии индивида, личности и общества. Древние государства в изображении Гегеля становятся чуть ли не царством свободы10.

Изучение упомянутых речей, писем, других документов нюрнбергского периода11 (о которых, увы, также приходится по необходимости говорить очень кратко) позволяет сделать следующий вывод относительно развития идеи историзма в русле педагогического творчества Гегеля. Хотя практическая педагогическая деятельность философа в значительной степени была связана с преподаванием, а одновременно с изучением истории (особенно истории античной культуры), само по себе теоретическое осмысление исторического материала вряд ли продвинулось вперед. Гегелевские - не столь частые - философские рассуждения об истории страдают такими же недостатками, что и его ранние попытки рассмотрения истории: снова господствует ценностная установка (в данном случае свойственная сообществу немецких интеллектуалов ностальгическая идеализация античности); снова критическая оценка актуальной истории склоняет к некритическому изображению прошлого. Для понимания и путей развития гегелевской философской системы это обстоятельство важно.

В Нюрнберге Гегель выбрал логику в качестве основания системы, идеалистический логицизм - в качестве ее метафизического, онтологического фундамента, логический принцип системности - в виде своего рода диалектико-логической системной парадигмы, победившей другие, ранее рассмотренные варианты системного размышления. И все это осуществилось на фоне плохо проясненных философскоисторических предпосылок. В итоге система была выстроена на логицистском основании, и впоследствии созданная философия истории явилась скорее результатом применения идеалистической логической парадигмы, чем итогом глубокого философского осмысления объективных законов истории.

Но мы забежали вперед. Разработка новой логики - это самый главный результат идейного, творческого развития Гегеля в Нюрнберге. Педагогическая деятельность в известной степени стимулировала логико-теоретические размышления. Директор гимназии Гегель преподавал и философские дисциплины. Он создал популярное школьное учебное пособие по философии -*. Среди философских наук логике - по установив

(*Русский перевод (в издании: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2) выполнен Б. А. Драгуном.)

шейся традиции - придавалось важное значение, что видно и в. Мыслитель, шедший по стопам Канта, освоивший диалектические достижения философии Фихте и Шеллинга, не мог, конечно, удовлетвориться методами и существующими учебными компендиумами. Нитхаммер побуждал Гегеля написать новый учебник логики для гимназии. Но Гегель понимал: создание популярного учебника - дело преждевременное12. Ведь чем дальше, тем больше речь для него шла о пересмотре самого подхода к логике - о кардинальной логической реформе, которая в итоге действительно привела к разработке новой философской дисциплины, объединившей диалектическое учение о законах и категориях, теорию познания, логику системного понимания.

Прежде чем мы перейдем к анализу созданных Гегелем основ новой логики в свете принципов системности и историзма, упомянем еще об одной особенности творческого развития философа в Нюрнберге. Нитхаммер - друг и начальник Гегеля - в то время, вероятно, оставался и единственным его единомышленником. В остальном же Гегель в Нюрнберге был лишен достойной его философской среды.

Дружба с Шеллингом расстроилась вскоре после публикации. Шеллинг не смог оценить необычное, но бесспорно талантливое произведение Гегеля; всего больнее он, видимо, обидел друга тем, что более чем за полгода удосужился прочесть только предисловие к 13. Гегелю грозило интеллектуальное одиночество, на которое он не раз жаловался в письмах.

Ему грозил провинциализм, он был оторван даже от официальной философской среды. Но оттолкнув Гегеля на обочину философской деятельности, официозное сообщество не могло отнять у него радостей и мук творчества. Углубленная работа над созданием оснований собственной философской системы, над выяснением ее логики, оформлением ее теоретикометодологических оснований - вот что помогло Гегелю в Нюрнберге не только справиться с отчаянием, граничившим с болезненным состоянием духа, с одиночеством, забвением, но вырасти в гениального философа, автора одного из самых выдающихся философских произведений,. 14. Так начинает Гегель предисловие к первому изданию, благодаря чему сразу задаются исторические координаты, с которыми будут соотнесены состояние логики и необходимость ее реформы.

Мысль о преобразовании логической части философии, как мы помним, высказывалась Гегелем и раньше. Но только в нюрнбергский период от общих замыслов и проектов философ перешел к созданию новаторской логической системы. Как и ранее, преобразование логики Гегель связывал с необходимостью кардинального изменения мировоззренческой роли, содержания, теоретических функций метафизики. А потребность в изменении облика метафизики он выводил из исторических судеб народов.

Двадцатипятилетний период исторического развития принес, по мнению Гегеля, полную девальвацию старой метафизики с ее делением на онтологию, рациональную психологию, космологию и естественную теологию, с типичными для нее рассуждениями о нематериальности духа, механических и конечных причинах, доказательствами бытия бога. Гегель однозначно приписывает Канту роль ниспровергателя метафизики. Сильный удар по метафизике был также нанесен практицистскими ориентациями системы образования и новейшей педагогики. Об этом Гегель, ректор гимназии в Нюрнберге, мог судить с полным знанием дела. 15. Таким образом, манера выражать презрение к метафизике распространилась гораздо раньше, но Гегель прав, что настоящий крах постиг ее в начале XIX в., как отчасти прав он и в том, что Кант благодаря критико-рационалистической направленности своей философии приложил к этому руку16. Не менее решительно, чем Кант, Гегель стремится возвратить народу утраченную им метафизику и миссию ее возрождения считает весьма высокой: в храм духа как бы возвращается обновленной его главная святыня.

Результат, достигнутый в этом отношении Гегелем, запечатлен в словах К. Маркса и Ф. Энгельса из:*.

Идея возрождения попранной метафизики давно зрела в сознании Гегеля. Исторические факты свидетельствуют, что она рождалась под немалым влиянием неортодоксального сообщества Германии, наиболее значительные представители которого, испытав влияние кантовского гносеологизма, в то же время - опять-таки под воздействием Канта - стремились удержать более широкие проблемные общемировоззренческие притязания спекулятивной метафизики. Ранее упоминалось о том, что в период, когда Гегель и Шеллинг были друзьями и соратниками, они с разных сторон подходили к осмыслению роли метафизики, онтологии и стремились выработать новые позиции, не упуская из виду достижений прежней. К логике уже со времени Канта стали прилагать более широкие мировоззренческие критерии: ей вверялись функции обоснования, диалектического фундирования не только системы теоретических знаний, но и системы практического разума.

Но выполняет ли существующая логика столь высокие функции? На этот вопрос Гегель отвечает отрицательно.

Хотя логика и сохранялась в качестве предмета публичного преподавания, ее содержание, отмечает Гегель, делалось

17. Но ведь только те философские

и логические учения способны оказать влияние на жизнь народа и его дальнейшее развитие - к чему Гегель горячо стремится, - которые пойдут навстречу неудержимым историческим изменениям 18.

Перемены уже нельзя игнорировать. Даже противники новых представлений вынуждены к ним приспосабливаться.

Язык нового стал проникать в крепости старого, ретроградного, догматического миропонимания. Тем более должны впитать в себя требования стремительно развивающейся исторической эпохи философские учения, сделавшие своим принципом дух диалектики, дух творчества.

(*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 139.)

232

Гегель не только в общей форме соотносит потребности развития философии и логики с духом новой эпохи, эпохи коренных перемен, продолжая тем самым уточнять эпохальные характеристики эволюции человеческого познания, которые были даны в. Существенно, что он связывает с развитием эпохи и более конкретные этапы, переживаемые философом вместе со всей отечественной философской мыслью. Творческий принцип - а как раз тут речь пойдет о принципе диалектики, развиваемой в систему, - был утвержден в период, с которого вообще начинается всякое творение нового. Гегель здесь бросает ретроспективный взгляд на период поисков, когда антисистемные настроения были связаны с критикой старого, с новаторскими замыслами и неумением реализовать их, - на период, который сам он вместе со всей творческой философией пережил в конце XVIII - начале XIX в. Но теперь ясно ставится задача перейти от утверждения, пропаганды 19 к его превращению в обоснованную, развернутую научную концепцию.

Что это означает применительно к логике? Реализация замысла - превратить логику из формальной дисциплины с ограниченной служебной ролью в часть метафизики, в , в заповедную землю диалектики - для Гегеля совпадает с выполнением задачи, выдвигавшейся и другими корифеями немецкой классической философии:. Но дело, подчеркивает Гегель, осложняется тем, что совершенно нецелесообразно заимствовать представление о научности и научных методах от других дисциплин, пусть это будут и столь почтенные науки, как математика. (Делается отсылка к соответствующим формулировкам.) Понятие научности применительно к философии вообще, логике в частности весьма специфично и потому, что оно может быть получено только благодаря содержательному развертыванию всей категориальной системы. 20.

Из всего, что может быть сказано о научно-теоретическом познании, Гегель решительно выдвигает на первый план и во всей делает предметом системной логической реконструкции основную особенность: способность диалектически содержание, причем именно, способность разверты233 вать порожденное содержание, объединять его в специфические целостности. И это в какой-то мере есть развитие кантовских идей о творческой активности научного познания, относительно самостоятельные, как раз в их единстве и целостности невыводимые из опыта.

Гегель не всегда и замечает, что идет по стопам Канта, но он стремится в философии, в логике применить кантовский способ анализа. 21.

Судьбу новой логики Гегель связывает с обоснованием, развертыванием, реализацией системного принципа. Создание новой логической системы и означает для него формирование содержательной логики. Ее особое содержание уже накоплено в процессе исторического опыта, однако реально эксплицированным, объективированным оно станет только тогда, когда развернется, выстроится в систему. Иными словами, содержательная диалектическая логика подготавливается историческим развитием человеческой мысли, но актуальным фактом культуры она может стать лишь благодаря нахождению внутренней связи

ее законов, многочисленных категорий и форм. Так в гегелевском замысле объединяются историческое и логическое измерения, которые находятся друг с другом в непростых, даже противоречивых отношениях.

Пусть история и подготавливает реформу логики. Но логика не должна надеяться получить содержание готовым, данным извне; всякая внешняя содержательность, по Гегелю, может только повредить логике, ибо она замутняет логического. Даже философские рассуждения не всегда имеют логическую природу и не всегда обогащают логику содержанием. Нельзя ограничиться ни философствующим рассудком в его прежнем понимании, когда берутся некоторые застывшие определения, ни разумом, пока его диалектика сводится к отрицанию. Нужно подняться до уровня духа, который выше подобных односторонностей.

В отличие от прежних своих работ Гегель теперь намеревался осмыслить именно специфику логического и связать с этим выявление особенностей логического принципа системности. В предисловие ко второму изданию и во введение вынесены некоторые результаты изысканий Гегеля о природе логического и специфике логической системности.

Конечно, дело тем не ограничивается, и в основном тексте Гегель в разных связях обращается к это234 му вопросу. Во вводных же разделах зафиксированы самые существенные для автора книги соображения. Чрезвычайно важно, что разъяснения специфики диалектической логики, в частности логического принципа системности, прежде всего тесно связаны со специальным осмыслением роли истории для науки логики. Разработка логического принципа системности здесь имеет своей теоретической предпосылкой выявление, исторических путей развития логического. Применение - специально к логическим задачам - принципа историзма лежит у истоков и в самой сердцевине гегелевского замысла новой логики. Теоретическое исторического вовсе не случайно и опирается на реальный процесс развития человеческого познания. Ведь благодаря истории появляются предпосылки, которые диалектический логик имеет, так сказать, в наличии, прежде чем приступает к построению своей логической системы.

Суммируем исторические предпосылки логики: они одновременно являются в понимании Гегеля ее внутренними историческими.

1. Прежде всего предпосылкой логики является длительный исторический процесс, благодаря которому логические формы создаются и функционируют в едином сплаве с живым человеческим познанием, мышлением, общением, языком. Гегель высказывает тут правильную и теоретически перспективную мысль: 22. Обратим внимание: действительную сплавленность логических форм с историей человеческой духовной культуры, с обыденным сознанием человечества Гегель использует для утверждения идеалистического логицизма. Но для реформы логики, для ее исторического обоснования такой ход мыслей был весьма плодотворным. Итак, благодаря истории создается грандиозное опытное поле для формирования и последующего вычленения форм и категорий логики. Они функционируют стихийно и лишь постепенно становятся предметом логической науки.

2. Особо выделяется Гегелем роль языка: 23. Разумеется, для того, чтобы это произошло, тоже

требуется длительный процесс исторического развития. Гегель не берется исследовать исторические механизмы такого проникновения логики в язык. В он высказывает догадку, позже одобренную В. И. Лениным: наиболее общие отношения вещей, миллиарды раз схватываемые сознанием, закрепляются в нем в виде формул языка, выражающих и логические формы мысли. И уже в этой сплавленности с логикой язык передается от поколения к поколению. Подобно тому как логические категории, будучи, служат человеку в его обычной жизни, так и история выполняет для логики как науки великую синтезирующую функцию. Ведь post festum фиксируемый в ступенях движения логических категорий все-

общий процесс сначала многократно проигрывается людьми применительно к неисчислимому многообразию вполне реальных, конкретных предметно-познавательных действий.

3. Но отсюда проистекает еще одна фундаментальная функция истории по отношению к царству логики: от реального исторического развития человеческого действия и познания, и только от него исходит предметное содержание, запечатлеваемое в логических формах, правда включаемое в них в совершенно особом виде. Проблема содержательности логических форм, к которой мы еще обратимся в связи с анализом принципа системности, имеет у Гегеля в высшей степени важный аспект, связанный с глубокой проработкой принципа историзма: содержательность логики в конечном счете обеспечивается историей человеческой деятельности в предметном мире, историей человеческого познания.

4. Огромное значение для обоснования логики и для оснащения ее содержательностью Гегель придает конкретному научному познанию, прежде всего познанию природы. При этом фиксируется именно связь диалектической логики и новаторского продвижения наук к новым категориям. В более широком смысле имеется в виду вся культура, поскольку она вливается в реальное для человека каждой эпохи русло образования. 24. Правда, как показывает Гегель, конкретные исторические способы движения науки и обра236 зования к категориям не могут считаться для логической науки сколько-нибудь законченными, ибо здесь много путаницы, непоследовательностей, трудностей.

5. Тем более велика функция истории философии (включая историю логики) как специальной науки. Ее роль сначала очищающая. У истоков такой работы стоит античная философия. 25. Итак, сформулирована мысль о фундаментальном для логики - о выделении, очищении ее предмета. Названы и имена главных. Четко зафиксировано, что для создания логики как науки нужен был длительный исторический путь; чтобы в смолкли практические интересы, они должны были столкнуться раньше и на другой арене26. Реальное историческое развитие человечества сообщает логическому связь с широко понятым предметным содержанием и тем самым питает особую содержательность логики. Логика же, очищая категории, действующие в эмпирическом историческом процессе познания только, тем самым продвигает человеческий дух и к свободе и истине27.

6. Предпринимаемое им реформирование логики Гегель считает возможным благодаря тому, что позади осталась история вычленения и пересмотра ее предмета, что на каждом историческом этапе, в каждую эпоху велись острые дискуссии о специфике логики, ее границах и возможностях. В частности, Гегель кратко представляет наиболее влиятельные в его время взгляды на логику, старается предпослать развертыванию логической системы ряд разъяснений 28 (в предисловиях и во введении).

7. Необходимо также учитывать, что логика еще до Гегеля понималась как одна из частей философской системы.

Особенность гегелевского понимания логики в том, что ей в нюрнбергский период все более решительно отводится зна237 чение основополагающей дисциплины, с детальной разработки которой начинается развертывание системы. Однако сама логика по крайней мере в историческом смысле зависит от других философских дисциплин, от других системных построений. Логика в определенной степени опирается на те философские знания, которые обобщают исторический путь познания - его движение к науке, к новой логической системе, к, уже освобожденному от исторической конкретности (но не освобожденному от истории мысли как таковой) развертыванию логической системы.

В период написания Гегель считал, что такое выведение, более широко ориентированное на историю как процесс, обеспечивает, к которой не раз даются отсылки. Любопытно, что ряд ссылок на прибавлен Гегелем в поздних изданиях. В этих прибавлениях он, с одной стороны, разъясняет, что внешнее отношение дисциплин в философской системе изменилось: феноменология уже не считается фундаментом всей системы. С другой стороны, внутреннее отношение между феноменологией духа и логикой сохраняется: феноменология есть понятия чистой науки, которую уже предполагает осуществленной логика (Гегель во Введении, однако, предостерегает, что своеобразное феноменологическое деду-

цирование нельзя путать с резонерством, с нагромождением исторических сведений и 29). В обоих случаях история предстает философски обработанной, очищенной, хотя и различными способами.

Разъяснение специфики логического, выявление способов связи новой логической системы с предметным содержанием даются, следовательно, через раскрытие исторического измерения логики. Принцип историзма не появляется извне и затем применяется к логике - он рождается, обосновывается как сторона, аспект прояснения специфики логического, специфики логики как науки, специфики именно в ее рамках формируемой системы. Поэтому развиваемый в принцип историзма мы считаем необходимым назвать. Это, напомним, первый шаг, который сделан Гегелем для раскрытия содержательного характера новой логики и соответственно содержательности ее системного принципа.

Другой шаг, который играет особую роль в обосновании принципа системности, связан с проблемой научно-теоретического мышления и познания. Гегель стремится продемон238 стрировать внутреннее родство (вместе с тем и историческую связь) между научно-теоретическим мышлением и категориальной логикой. Существенно, что философ видит в самом существовании такой связи возможность наиболее глубокой и гармоничной реализации свободы духа30. Поэтому выполняя высшую свою задачу - очищая категории, действующие, по выражению Гегеля, лишь в виде, представленные в сознании только разрозненно, - новая логика может сыграть такую огромную роль, которую логические дисциплины прежде на себя не брали. Ранее логика отделяла ставшую форму от живого, свободного процесса духовного творчества. Дерзкий замысел гегелевской логики - посягнуть на логическое воспроизведение творческого духовного.

Прежняя логика ориентировалась.

Гегелевская логика вознамерилась иметь дело лишь с такими мыслями, которые по крайней мере все царство духа, а через посредство этой своей диалектической функции выполняют своего рода диалектико-онтологическую роль - быть перводвигателями всего мирового бытия.

Насколько четко и настойчиво сам Гегель увязывает реализацию принципа системности на почве логики с исследованием науки, с, создание которого и считается основной целью логики, видно из многих гегелевских высказываний. Приведем одно из них: 31. Совершенно очевидно запечатлевается в гегелевской формулировке принципиальная взаимосвязанность следующих задач и процессов: 1) продуцирования - и именно получения, а не постулирования - вообще; 2) создания научного метода; 3) систематического развертывания логики как науки; 4) самоопределения логики (можно сказать, металогического познания); 5) логического рассмотрения,

иными словами, теоретического мышления, которое и объявляется основным предметом новой логики.

Вот почему для понимания такой логики, как указывает сам Гегель, всего полезнее ориентироваться на особым образом осваиваемый опыт наук. 32. Стало быть, речь идет об объединении логики науки и науки логики, а значит, о завоевании человеческой мыслью, ведь благодаря этому она, по Гегелю, 33-34.

Из сказанного напрашивается вывод, что в с системным принципом произошли серьезные и в целом плодотворные изменения. Если в предшествующих работах переход от самого принципа, его прокламирования к процессу реализации специально не осмысливался и протекал как бы стихийно, если соотношение системного движения и особой также, в сущности, не принималось во внимание, то в логике осуществляется углубленное постижение специфики системного принципа и его связи именно с логическим.

Что наиболее важно, каждый шаг развертывания мысли на почве диалектической логики одновременно есть и обдуманный шаг в отработке, реализации системного принципа.

Вот почему как бы собирает воедино (рассмотренные ранее) перспективные линии прежних гегелевских размышлений над системностью и образует теперь уже прочную предпосылку для уточнения формулировок, выявления новых направлений анализа и применения системного принципа в поздних произведениях философа.

Теперь мы попытаемся, имея в виду как такой итог и фундаментальную предпосылку, суммарно обрисовать специфический смысл разработанного в ней прин240 ципа системности гегелевской философии, наметить основную проблематику, с решением которой данный принцип связан.

Проблема, к которой обратился Гегель вслед за Кантом, является вполне реальной. Он задумался над характером движения теоретической мысли на особой стадии развития науки, когда уже накоплен достаточно обширный эмпирический и концептуальный материал - сформировались понятия, категории, законы данной науки - и когда становится актуальной задача его объединения в развернутую целокупность, т. е. именно в единую теоретическую систему. Гегель не случайно столь часто говорит о, эта характеристика отнесена им не только к философии, к логике, но также и к специфической исторической стадии в развитии европейской науки, когда индивид, занимающийся наукой, уже. у Гегеля - это, по сути дела, научной теории, когда она уже впитала в себя результаты опытных исследований, частных обобщений и начала двигаться к построению новых, весьма широких, а порой поистине всеобъемлющих (для данной области) теоретических единств, к последовательному выведению целостной концепции из сознательно избранных начал, исходных принципов, оснований.

Хотя Гегель берет такую стадию и форму теоретического мышления в виде, как логически возможную и необходимую, история науки дает немало примеров, подтверждающих правомерность ее специального анализа, причем анализа именно с точки зрения особого характера системного мышления и его внутренней диалектики. В сущности, всякий раз, когда в истории науки создавалась масштабная и новаторская теоретическая концепция, с той или иной мерой сознательности ориентированная на широкий концептуальный охват соответствующей области действительности, на осмысление большой массы ранее накопленного эмпирического и теоретического материала, утверждение новых оснований, начал и последовательное согласование с ними всей концепции - во всех этих случаях реально возникала большая совокупность системных проблем, часть из которых попала в поле зрения Гегеля. Наиболее яркие примеры сознательного подхода к построению науки как теоретической системы появились в истории науки уже после Гегеля - это создание Марксом политической экономии капитализма (с опорой на гегелевскую диалектику, и в

частности на системный принцип, далее развитый Марксом) или разработка А. Эйнштейном теории относительности.

Гегеля и в системной теоретической мысли особенно интересуют объективно присущие ей особенности, касающиеся ее содержания. Поясним более подробно, о чем идет речь. Нижеследующие пояснения и имеют целью раскрытие специфических особенностей того, что мы называем логическим системным принципом Гегеля.

1. Гегель, по сути дела, обращает внимание на особое свойство именно системного теоретического названия, системного движения теоретической мысли, которое состоит в его способности с необходимостью и внутренним образом порождать все новые и новые определения, богатейшие оттенки содержания. Иными словами, Гегеля интересует саморазвитие, саморазвертывание содержания теоретической мысли, поскольку она становится, поскольку она сохраняет определенную независимость от эмпирии и подчиняется относительно самостоятельной концептуально-понятийной логике своего развития. Или на языке Гегеля: 35.

2. Далее у Гегеля эта особенность теоретического системного движения проблемно конкретизируется. При и превращении его в систему, согласно Гегелю, имеют место не рядоположенность предыдущих и последующих знаний, а обязательное выведение нового понятийного результата и, стало быть, своеобразное отрицание предшествующей ступени системного движения. И здесь для Гегеля важна специфическая, фиксируемая в понятиях диалектики особенность достигаемого каждый раз содержательного результата: 36.

3. В системном и

переходе от ступени к ступени Гегель подчеркивает и такую

особенность: каждая ступень представляет собой системную целостность и соотносится с другими специфическим именно для этой системы образом. Применительно к философии Гегель формулирует системную идею, имеющую, однако, более общее значение: 37.

4. Сохранение целостности и единой идеи при системном разрастании содержания осуществляется благодаря целому ряду специфических особенностей теоретического познания.

Прежде всего оно отправляется от начал-оснований особого рода. 38. Особенность системного рассмотрения проявляется далее и в том, что его результатом является вся целостность движения, во всем богатстве и многообразии. Отсюда - важнейшее определение Гегелем истины: 39. (Хорошо известны сходные определения как богато расчлененного результата, охватывающего вместе с тем целостность движения.) Именно с этим аспектом связано данное Гегелем позднее определение 40, в наибольшей степени относящееся к действительным проблемам познания.

5. Каждая из крупных ступеней системного движения, увязанная в целостность теории, вместе с тем специфична, что проявляется в особенностях развития содержания, способов соотношения понятий, характере переходов от одного системного круга к другому. (Этот аспект принципа систем243 ности конкретизируется при рассмотрении специфики переходов на трех, в трех разделах.) 6. Системность научно-теоретического движения, как подмечает Гегель, предъявляет совершенно специфические требования к методологическим средствам и заставляет специально осмыслить системные аспекты методологии науки. Наиболее полно эта интересная идея разработана на примере философского метода, метода, т. е. диалектического метода. 42.

7. Логически осмысленная идея системности, превращенная в принцип и последовательно развитая в дифференцированную систему науки логики, имеет только одним из своих проблемных аналогов теоретическое научное мышление. В Гегель уже претендует на то, что благодаря логической системе - в движении ее категорий - схватывается суть всего развития природы и духа.

Иными словами, логическое онтологизируется и превращается в широко толкуемую, поистине системную парадигму. Начинается более тщательная разработка и защита также и на почве логики принципа тождества бытия и мышления - со всеми диалектическими достижениями и идеалистическими ограниченностями гегелевской позиции. (Поскольку в нашей литературе, в частности в работах Э. В. Ильенкова, эта тема подробно исследовалась, в настоящей книге рассматриваются главным образом ранее перечисленные - собственно логико-теоретические - аспекты проблемы системности.)

(*В переводе здесь ошибочно напечатано, и создается впечатление, что это местоимение относится к методу, тогда как Гегель пишет о диалектике, которую имеет содержание в себе самом41.)

Таковы самые основные оттенки смысла, которые Гегель вкладывает в понятие системы. Из суммарной их реконструкции становится ясно, во-первых, то, что теперь уже есть все основания говорить именно о системном принципе Гегеля, а также о разработанной, обоснованной системной концепции, тесно связываемой с другими центральными понятиями, а в потенции со всеми частями его философии. Вовторых, отчетливо видно, что Гегеля интересует содержания системной мысли, его внутренняя диалектика. Поэтому системный принцип Гегеля правомерно назвать содержательным диалектическим системным принципом. В-третьих, принцип этот не случайно развивается на почве и в рамках диалектической логики, почему его следует точнее определить как содержательный диалектико-логический системный принцип. В-четвертых, проясняется и то, что связывание важнейших понятий (и проблем) гегелевской философии -,,, ,,, - с понятием осуществляется Гегелем для того, чтобы выделить и исследовать в них особые и очень важные аспекты. Каковы они - уже было разъяснено выше: порождение новых определений, увязывание их в целостность, отношение отдельных целостностей друг к другу и к более обширной целостности, различные способы перехода от одной ступени к другой, выработка метода, соответствующего целям системного движения и т. д. Вот почему рассмотрение перечисленных понятий и проблем с точки зрения системности, целокупности мыслится Гегелем как особая процедура. Например, в 3-м томе при анализе метода, и в частности присущих ему способов порождения определенностей и способов опосредования, Гегель пишет: 43. Что касается понятия (и исследования Гегелем обозначенных системных проблем), то представляется несомненным: связывание с другими понятиями и проблемами обогащает его смысл, раскрывает разнообразные возможности его применения, но отнюдь не лишает его специфического значения.

Столь тесная переплетенность понятий приводит к тому, что о системном принципе и системной проблематике в текстах Гегеля фактически идет речь отнюдь не только тогда, когда прямо употребляется слово 44. Из приведенных выше цитат видно, что в наиболее близком, порой просто синонимичном смысле употребляются понятия,,, выражения,, и т. д.

Для более конкретного определения характера предпринимаемого далее исследования считаем необходимым кратко указать на имеющиеся в новой и новейшей гегелеведческой литературе, отечественной и зарубежной, типы подходов к интерпретации этого великого произведения Гегеля.

1. Текстологическая интерпретация отдельных разделов, глав, категорий - тип историко-философской работы, которая у нас почти отсутствует: в западной литературе представлен исследованиями К. А. Вайсхаупта, У. Ричли, П. Роса, А. Шефера и др.45 В ряде случаев такая интерпретация служит основой для критики и преодоления гегелевской позиции. Такова, например, интересная работа М. Тёниссена, который исследует учение о бытии и частично учение о сущности, пытаясь раскрыть примененные Гегелем в этих частях логики методы критического (Darstellung) старой метафизики46.

2. Заметное явление в литературе о гегелевской логике представляет попытка интерпретации текста в свете идей творческой субъективности, свободы, которые считаются стержневыми для гегелевского произведения (особенно для логики рефлексии) и подчеркиваются в силу их возросшей актуальности. В зарубежном гегелеведении эта тенденция представлена в обстоятельных работах К. Дюзинга, Г. Ярчик, Д. Хенриха и др.47 3. Существенные изменения произошли в интерпретации гегелевского текста специалистами по современной формальной логике. Если ранее были распространены негативные оценки логиков, по большей части не связанные с глубоким осмыслением гегелевского произведения, то теперь имеются интересные попытки по-новому, на основании текстологического анализа оценить как ценное, так и ограниченное в толковании Гегелем соотношения формальной и диалектической логик, в самом гегелевском замысле логической реформы. В

нашей литературе данная тенденция представлена работами В. Ф. Асмуса, И. С. Нарского, в зарубежном гегелеведении - исследованиями В. Крона, Л. Пунтеля и др. В частности, представляют интерес попытки по-новому определить место проблемы языка в гегелевской логике (Л. Пунтель), реальное влияние логики Гегеля на возникновение и оформление современной логики и аналитической философии (С. Розен)48.

246

4. Наиболее развитое в нашей стране направление исследование - анализ специфики, структуры, значения диалектической логики Гегеля. В сущности, все наши авторы, писавшие об интересующем нас гегелевском произведении, имели в виду эту линию анализа. В ряде случаев специально изучалось соотношение диалектики (как логики, теории познания, научного метода) у Гегеля и Маркса. Ряд западных философов ведут работу по сходной проблематике49. Представляет интерес попытка построить новую систему диалектических категорий - с учетом сильных и слабых мест гегелевской категориальной системы (у нас - работы А. П. Шептулина, на Западе - Х. Киммерле и др.). В последнее десятилетие также стало более явным желание формализовать диалектическую логику гегелевского или негегелевского типа50.

5. Исследования логики как важнейшей части гегелевской системы (у нас - в упомянутых ранее работах К. С. Бакрадзе, М. Ф. Овсянникова и др.) в последнее десятилетие были дополнены анализом специфики системности самой логики (на Западе - в основательных работах Э. Ангерна51 и в упомянутой ранее книге Г. Ярчик, где в связь приводились понятия и).

Приведенная классификация, разумеется, условна, и она не означает, что названные в каком-то пункте авторы не занимаются исследованиями другого типа. И конечно, надо помнить, что большинство названных здесь гегелеведов пишут не только о.

В новейшем гегелеведении, поскольку оно связано с анализом, имеются не только достижения, но и, на наш взгляд, серьезные пробелы. Например, в отечественной литературе преимуществом было и остается концептуальное осмысление диалектики Гегеля, также и в свете идеи историзма, но недостатком является отсутствие обстоятельных текстологических исследований, посвященных. В западной литературе (при неплохом освоении приемов текстологического анализа и при определенном внимании к проблеме логической системы) отсутствуют работы, в которых бы вскрывалась связь системной работы Гегеля и специфической реализации в логике принципа историзма. Поэтому в дальнейшем мы предлагаем по возможности подробный анализ текста, осваиваемый в свете нашей только что изложенной теоретической концепции относительно смысла, взаимосвязи гегелевских принципов системности и историзма, которая в конкретном анализе будет находить подтверждение и раскрытие.

247

\1 По вопросу о нюрнбергском периоде и см.: Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. М.; Л., 1933, с. 62 - 70; Гайм Р. Гегель и его время.

СПб., 1861, с. 219 - 283; Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958, с. 95 - 177; Овсянников М. Ф. Философия Гегеля. М., 1959, с. 89 - 151; Гулиан К. И. Метод и система Гегеля. М., 1963, т. 2, с. 478 - 683.

Отечественные работы 1970 - 1979 гг. о см. в кн.: Советская литература о Гегеле (1970 - 1979): Библиогр. список. М.: Ин-т философии АН СССР, 1980, #15 (книги); главы из книг: #14, 15, 20, 26, 27, 30, 39; статьи: #4, 5, 100, 129, 145, 146, 161, 170,

171, 173, 187, 211, 252, 266, 267.

Характерно, что учению о бытии в западных гегелеведческих работах последнего десятилетия уделялось меньше внимания, чем учению о сущности, которое привлекло особый интерес. См.: Die Wissenschaft der Logik und die Logik der Reflexion: Hegel-Tagung Chantilly, 1971. - Hegel-Studien, Bonn, 1978, Beih. 18. О других зарубежных работах см. примечания к данному разделу. 2 См.: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971, т. 2, с. 260,

269, 280.

3 Там же, с. 312. 4 См.: Фишер К. Указ. соч., с. 66 - 67. 5 Гайм Р. Указ. соч., с. 244. 6 См.: Гулыга А. В. Гегель. М., 1970, с. 87. 7 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, 1970, т. 1, с. 402. 8 Там же, с. 411. 9 Там же, с. 413. 10 См.: Там же, с. 414 - 415. 11 См.: Там же, с. 398 - 399;

Hegel, 1770 - 1970. Leben. Werk.

Wirkung: Eine Ausstellung des Archivs der Stadt Stuttgart. Stuttgart, 1970, S. 149 - 156. 12 См.: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет, т. 2, с. 293, 294. 13 См.: Там же, с. 283. 14 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 75. 15 Там же, с. 76. 16 См.: Кант И. Соч.: В 6-ти т.

М., 1963, т. 3, с. 74, 762. 17 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 77. 18 Там же. 19 Там же. 20 Там же, с. 78. 21 Там же, с. 79. 22 Там же. 23 Там же. С этим связана одна из наиболее интересных тенденций в современном западном гегелеведении - исследование роли языка в гегелевской философии вообще, в в частности.

См.: Bodammer Th. Hegels Deutung der Sprache: Interpretation zu Hegels Ausserung uber die Sprache. Hamburg, 1969 (разбор литературы по этому вопросу см.:

S. 4 - 22).

Из более новых исследований и подходов интерес представляет позиция Л. Пунтеля. Он толкует гегелевскую логику как, причем особого вида: особенность состоит в употребляемого Гегелем логического языка металогических объяснений. Иными словами, и здесь проблема языка в увязывается с разработкой системного принципа, диалектики целостного. См.: Puntel L.

Darstellung, Methode und Struktur: Untersuchung zur Einheit der systematischen Philosophic G. W. F.

Hegels. Bonn, 1973; Idem. Hegels - eine systematische Semantik? - In: Ist systematische Philosophic moglich?

Stuttgart, 1979, S. 611 etc. 24 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 83. 25 Там же, с. 84. 26 См.: Там же. 27 См.: Там же, с. 88. 28 Там же, с. 96. 29 Там же, с. 102. 30 См.: Там же, с. 88. В последние десятилетия западными гегелеведами предприняты интересные попытки выявить роль понятия

свободы в гегелевской логике и во всей системе Гегеля. Так, французский философ Г. Ярчик исходила из того, что существует в философии Гегеля; она стремилась раскрыть эту связь, исследуя как движение категорий в, так и соотношение логики с другими частями системы. См.: Jarczyk G.

Systeme et liberte dans la logique de Hegel. P., 1980, p. 7; см. также:

Angern E. Freiheit und System bei

Hegel. B.; N. Y., 1977. 31 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 95 - 96. Перевод частично скорректирован нами по кн.: Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik, Bd. 1 - Werke; 20 Bd.

Frankfurt a. M., 1969, Bd. 6, S. 35. 32 Там же, с. 112 - 113. 33-34 Там же, с. 113. 35 Гегель Г. В. Ф. Соч., М., 1959, т. 4, с. 18. 36 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 108. 37 Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1929, т. 1, с. 33. 38 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 128. 39 Гегель Г.

В. Ф. Соч., т. 4, с. 10. 40 См.: Там же, т. 1, с. 340 - 341. 41 Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik, Bd. 1, S. 50. 42 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 108. 43 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 306. 44 Тот, кто пользуется предметным указателем к новому русскому изданию, должен, кстати, учесть, что перечень употреблений слова далеко не полон. 45 См.: Richli Urs. Wesen und Existenz in Hegels. - Zeitschrift fur philosophische Forschung, 1974, Bd. 28, N 2, S. 214 - 227; Rohs P. Form und Grund: Interpretation eines Kapitels der Hegels. - Hegel-Studien, Bonn, 1972, Beih. 6; Schaefer A. Begriff der Grenze und Grenzbegriff in Hegels Logik. - Zeitschrift fur philosophische Forschung, 1973, Bd. 27, H. 1, S. 77 - 86; Weisshaupt K. A.

Zur Dialektik des Sollens in Hegels. -

In: Hegel-Jahrbuch, 1975, S. 452 -

458.

46 См.: Theunissen M. Sein und
Schein: Die kritische Funktion der
Hegelschen Logik. Frankfurt a. M.,

1978. 502 S.

47 См.: Dusing K. Das Problem der Subjektivitat in Hegels Logik. - Hegel-Studien, Bonn, 1976, Beih, 15;

Henrich D. Logik der Reflexion:

Neue Fassung. - In: Die Wissenschaft der Logik und Logik der Reflexion (Hegel-Studien, Bonn, 1978, Beih. 18); Jarczyk G. Systeme et liberte dans la logique de Hegel. 48 См.: Krohn W. Die formale Logik in Hegels: Untersuchung zur Schlusslehre. Munchen, 1972. 184 S.; Puntel L. Hegels - eine systematische Semantik? - In: Ist systematische Philosophic moglich?, S. 611 - 621;

Rosen S. G. W. F. Hegel: An Introduction to the Science of Wisdom.

New Haven; London, 1974. 49 Marx W. Hegels Theorie logischer Vermittlung: Kritik der dialektischen Begriffskonstruktion in der.

Stuttgart, 1972. 50 Эта идея в 30-х годах была высказана Г. Гюнтером (см.: Gunther G. Grundzuge einer neue Theorie des Denkens in Hegels Logik. Leipzig, 1933; Idem. Idee und Grundriss einer nicht-Aristotelischen Logik. 2. Aufl. Hamburg, 1978).

В приложении к этой последней книге имеется написанный Р. Кеэром обзор новейших попыток этого рода: Materialien zur Formalisierung der dialektischen Logik und Morphogrammatik, 1973 - 1975. 51 Angern E. Freiheit und System bei Hegel.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Учение о бытии как первая часть логической системы: единство системной логики науки и теоретической науки логики

1. Начало науки как системная проблема.

Системная диалектика категорий сферы Учение о бытии Гегель открывает вопросом, сама постановка которого отчетливо показывает, что наука логики есть обобщенная системная логика науки: Гегель пытается разрешить двоякую трудность: выяснить природу систематического начала любой науки, развертываемой в систему, и специфику начала науки логики, в свою очередь задуманной как метасистемная логика науки. В нашей литера-

туре (и прежде всего благодаря блестящим работам Э. В. Ильенкова, посвященным методу восхождения от абстрактного к конкретному1, а также ряду других исследований2) уже анализировались идеи Гегеля относительно логической природы начала систематической науки, относительно ее исходной.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному по существу своему неотделим от построения системы, а в логике от создания системы логических, философских категорий и законов.

Мы считаем необходимым сосредоточиться именно на расшифровке системных моментов гегелевского метода восхождения от абстрактного к конкретному. Вот почему в дальнейшем соответствующая диалектическая, логическая категория будет вводиться после фиксирования фактически ставимой и разрешаемой автором системной задачи.

Итак, при характеристике природы единство системной логики науки и науки логики проявляется в гегелевской философии совершенно четко. Есть еще одна существенная для нашей темы черта: проблему начала, как она ставится в науке логики как логике науки, Гегель вполне определенно соотносит с развитием науки нового времени, стало быть, не с наукой вообще, а с наукой определенного исторического периода. Истористское размышление и помогает разъяснить специфическую особенность логической проблемы начала системы. В новой логике она ставится

иначе, нежели в античной философии или на любом прежнем этапе философствования. В чем же видит Гегель отличие новой логики в постановке проблемы начала? 3.

Гегель здесь дает квинтэссенцию достижений современной философии, как бы их в проблеме логического начала. Действительно, начало систематической науки именно в новое время стало мыслиться как единство объективного и субъективного, метода и содержания, формы и принципа. Если это гегелевское утверждение покажется не вполне ясным, то достаточно вспомнить о товаре как систематической политэкономической науки: товар только в эпоху капитализма выступает как объективная характеристика социальной системы и как понятие, выделенное предшествующей наукой, стало быть, как проистекающее из самой действительности содержание, но уже взятое вместе с методом его научной интерпретации; объективно наличная товарная форма одновременно есть и принцип трудовой теории стоимости, принцип политэкономии определенной общественно-экономической формации.

Философия осмысливала данную проблематику на своем собственном материале. Она возвысилась до диалектической постановки проблемы первоначала не раньше, нежели испробовала разные варианты ее решения: акцент ставился на объективно-содержательных моментах, а затем на субъективно-формальных. Единство же их устанавливалось на еще более поздних стадиях развития философского мышления. Даже некоторым современным ему спорам относительно первоначала Гегель отказывает в праве считаться действительно релевантными новой диалектико-логической постановке вопроса.

Идея, также связана в толковании Гегеля с исторической координатой: 4. Не случайно Гегель апеллирует к опыту наук, разъясняя, что логическое начало не что-то таинственное, а, напротив, вполне известное ученым, философам, логикам: 5.

Итак, здесь мы снова видим в действии охарактеризованный ранее логический принцип историзма, который является стороной, предпосылкой диалектико-логического системного анализа: предмет, подвергаемый исследованию, с самого начала взят как исторически развившийся, достигший определенной стадии в своем становлении, что относится и к науке в целом, и к логике.

Сгруппируем даваемые Гегелем характеристики - начала системного развертывания научно-теоретической мысли, которое в логике предстает в наибольшей очищенности: 6. В данном случае взять в качестве начала (das Unmittelbares) - значит зафиксировать специ-

фическую определенность предмета данной науки, как он, как он, а значит, как он выделен на соответствующей исторической стадии, и воздержаться, насколько возможно, от дополнительных разъяснений и характеристик. Соответственно началом новой логики - а она выступает здесь в виде метатеории по отношению к наукам - становится. 7. Итак, начало есть 8,

что означает: в нем еще не содержатся и не должны содержаться различия, отношения к другому9. С одной стороны, оно есть результат исторической работы соответствующей науки (здесь - логики); с другой - начало - совершенно абстрактное,. Гегель все время подчеркивает, что философ, логик, естествоиспытатель должны и не подсовывать в абстрактное начало те или иные уже известные им конкретные характеристики их предмета.

Начало как - основание развертывающейся далее системы: оно есть 10. Систематическая наука должна начинать, следовательно, с, ненаполненной непосредственности, но в то же время с самой непосредственности, т. е. специфического абстрактного отношения, характерного именно для науки.

Будем внимательны к логическим переходам, ибо в системе логики размышления о начале важны не только сами по себе. На них возлагается не только самая общая системная функция (ибо начало и далее воспроизводящееся основание системы), но и функция более конкретная: должна - как результат саморазвития системного размышления - сфера бытия, притом в ее исходном категориальном облике. 11. Таким образом, размышление над природой начала систематического развертывания научной мысли, иными словами, постановка и решение первой системной задачи - вот предпосылка введения всей категориальной сферы бытия, а также отталкивания системного анализа от первой категории,. Гегель устанавливает эту связь очень четко:, т. е. системно развивающейся теоретической, науки. - Н. М.) требует, чтобы оно было бытием и больше ничем.

Бытие поэтому не нуждается для своего вхождения в фи253 лософию ни в каких других приготовлениях, ни в каких посторонних размышлениях или исходных пунктах»12.

И если философ все же останавливается на некоторых предварительных разъяснениях (например, на вопросе о том, почему в философии, в логике нельзя начинать с, или чего-то иного, требующего даже для своего введения конкретных характеристик), то он констатирует: целью всех предварительных рассуждений о начале скорее было 13. Итак, гегелевский системный анализ сначала толкает к своего рода логической редукции (опирающейся, не надо этого забывать, на полноту исторического опыта наук, обретающих свой предмет, и опыта логики, давно работавшей на ниве собственно логического) - к выделению чистого бытия как начала логики, обобщенно характеризующего, абстрактную природу начала теоретической науки как таковой.

Раздел первый носит название. Поскольку мы уже знаем, что анализ природы начала системного развертывания научного познания выдвинул на первое место категорию чистого бытия, иными словами, бытия, лишенного различений, лишенного определенности, то сразу возникает вопрос: почему же, оттолкнувшись от чистого бытия, логический анализ именно категории определенности, или качества? Сам Гегель считает такой вопрос весьма важным, поэтому размышления о бытии он и начинает с фиксирования исходного противоречия: чистое бытие действительно поначалу является неопределенным, бескачественным бытием, но ведь такая характеристика и возникнуть-то может, если полагается в противоположность качественному, определенному. Отсюда - проблема, которую и можно считать основной системной задачей, решаемой на всей стадии ; требуется, отправляясь от неопределенного, чистого бытия, лишенного качественных различий, дать возникнуть - разумеется, в строго системном порядке - многообразным различениям, определенностям качества. Всякий раз это будет связано с постановкой, решением и более конкрет-

ных системных задач, объединенных на первой стадии упомянутой общей системной целью.

Прежде чем будет показано, как выстраивается в логике цепочка этих задач, выражаемых на языке философских категориальных различений, надо подчеркнуть, как реальна и сколь сложна для науки сама эта проблематика. С Гегелем нельзя не согласиться в том, что фундаментальной

предпосылкой построения научной системы является нахождение исходного принципа, который и является основанием создаваемой научной теории. Всякий раз, когда в науке решается аналогичная задача, мысль ученых движется в том же направлении. Широко известны рассуждения Маркса, Энгельса, Ленина о значении исходной для теоретической научной системы, иными словами, о необходимости выделения именно отношения, а одновременно и фундаментального противоречия изучаемой предметной сферы (массовидного отношения, доступного наблюдению и в то же время избранного наукой в качестве существенной для нее точки отсчета), о необходимости так повести анализ, чтобы исходное отношение было и далее воспроизводящимся основанием системы науки. Поскольку в созданной Марксом политэкономии капитализма метод обретения клеточки был успешно применен и поскольку о нем много написано, позволим себе не останавливаться на этом подробнее.

К сходным выводам приходили также и естествоиспытатели, когда они решали аналогичные познавательные проблемы. Над проблемой начала, возникающей при поиске логических основ для разработки физики в качестве единой систематической науки, размышлял, например, А. Эйнштейн. Системная задача была поставлена сходным образом. 14. Эйнштейн также пришел к выводу, что исходные принципы систематической науки обладают - даже в физике, где всегда есть проблема обоснованности теории через опыт и эксперимент, - особой абстрактной природой15.

Благодаря современным методологическим исследованиям теперь уже можно считать доказанным, что выделение наукой вообще, каждой наукой в частности особого изучаемых ею предметных сфер, действительности представляет собой весьма сложный исторический процесс. И хотя, в чем Гегель прав, в каждый данный момент над аспектами в науке уже идет целеустремленная широкая работа, но при переходе научного познания к построению системной теории вопрос о специфике бытия приходится осмысливать на новом уровне.

Ибо дело тогда заключается в последовательном развертывании различных по характеру определенностей бытия. И к тому же, что верно показывает Гегель, все эти определен255 ности не просто, как если бы последний просто складывался из известного набора характеристик. Определенности, различия должны, возникать вновь под влиянием внутренней логики системного размышления над бытийственными аспектами.

Дальнейшее логическое осмысление такого процесса бытийственных определений систематической науки Гегель связывает с фиксированием первой противоположности - чистого бытия и ничто. О чистом бытии уже шла речь: научному мышлению при помощи философской категориальной символики здесь вменяется в обязанность просто зафиксировать, что оно отправляется от бытия как такового, лишенного каких бы то ни было конкретных определений, от бытия, которое 16. Ученый или философ, не имеющий привычки мыслить в предлагаемой Гегелем манере, может возразить: при чем тут чистое бытие и ничто, если наука всегда рассматривает некоторое конкретное бытие, которое есть, налично и вовсе не равнозначно ничто.

Гегель такие вопросы и недоумения предвидит и подробно разбирает их в примечаниях (скажем, на известном кантовском примере со ста талерами). Мы опустим и контекст, в котором пример фигурирует у Канта, и целый ряд подробностей, о которых именно в свя-

зи с кантовским контекстом вынужден говорить Гегель. Остановимся только на том, что в гегелевском пояснении относится к рассматриваемому здесь вопросу о специфике первого системного этапа логики науки и науки логики. Возражение обыденного сознания против объединения философами-диалектиками категорий бытия и ничто кажутся особенно убедительными, когда оперируют подобными примерами.

Когда сто талеров лежат у меня в кармане, когда я ими обладаю, когда их налицо, то разве не кардинально отличается это состояние от того, когда карман мой пуст, когда я не обладаю ста талерами, когда в кармане моем - ? Кант, а вслед за ним Гегель отвечают на это: если речь идет о конкретном имущественном положении отдельного человека, то ста талеров, их наличие в его кармане, и (если оно отождествляется с пустым карманом) - состояния существенно различные. Но если становятся научным понятием, например понятием политэкономии, науки о финансах и т. д., то факт их наличия или отсутствия в кармане данного человека вообще ничего не меняет. и применительно к науке приобретают иное значение.

256

Гегель пользуется кантовским примером, чтобы пойти дальше фиксирования специфики научных понятий как таковых. Понятие чистого бытия приобретает смысл исключительно тогда, когда философ и ученый умеют в целях теоретического системного исследования на первых его стадиях отрешиться не только от реального наличия или отсутствия чего-либо в обычной жизни, но также и от эмпирического содержания науки, от эмпирических понятий, подобных. исследуемое бытие становится только тогда, когда философ и ученый научаются видеть в зафиксированной ими своего предмета бытие, и ничего больше; когда, стало быть, они объединяют бытие, предварительно очищенное от любых известных определенностей, только с ничто. Это и означает переселение в стихию чистой логики системного рассмотрения.

Выявление единства бытия и ничто становится моделью для высвечивания типа системно-диалектического перехода от категории к категории во всей сфере бытия. Гегель подчеркивает, что система логики - и уже на начальной стадии - не удовлетворяется внешним постулированием единства. Недостаточно сказать, что бытие и ничто одно и то же. Недостаточно прибавить противоположное положение: бытие и ничто не одно и то же. И недостаточно чисто внешним образом постулировать двух высказанных суждений.

Обратим внимание на важнейший системно-структурный прием: приращение системной мысли Гегель получает благодаря анализу имманентной диалектики бытия и ничто, причем во имя диалектического анализа используются обыденные рассуждения о бытии или философские рассуждения, направленные против диалектики. Историческое - в виде некоторых концептуальных утверждений философии - вместе с их новой интерпретацией включается в систему, становится ее строительным материалом. Посмотрим, как это делается.

17. Гегель

тут же предлагает сторонникам подобных взглядов: укажите, в чем состоит различие между бытием и ничто, но при этом не перескакивайте к какому-нибудь определенному бытию, например к действительным ста талерам. Пока же мы остаемся на уровне чистого бытия и чистого ничто, - а

257

это очень важно для дальнейшего системного развития мысли, - то различие бытия и ничто сделается невыразимым. Но ведь заведомо ясно, что различие между бытием и ничто должно существовать! Вот каким образом Гегель решает возникшую апорию: 19.

Трудный логический переход к категории становления, над которым бьется Гегель, иногда пытаются разъяснить чисто онтологически, имея в виду бытие предметов внешнего мира, всегда находящихся в процессе. Основания для такого толкования дает сам Гегель, особенно позже, когда в он более четко акцентирует онтологические, метафизические (одновременно идеалистические) предпосылки и выводы своей философии. Однако и там Гегель устанавливает:, что означает , но особого вида: существование как нечто прочное, относительно устойчивое. (В переводе лучше передать как устойчивое наличие, существование.) Это тем более важно иметь в виду, что в следующем абзаце Гегель вводит, говоря о существовании, слово : 18. (При переводе и одним и тем же словом стираются принципиально важные именно для системной диалектики оттенки мысли.)

258

есть возвращение из различия к простому соотношению с собой»20.

Важно тут то, что сам Гегель считает более сопоставления раскладок учения о бытии с познавательными усилиями человека. Два последних, более устанавливаемых момента, которые проблемно соответствуют системной диалектике логических категорий, суть: 1) человеческое познание, когда оно достигает совокупного определения некоторой сферы, но поначалу не идет дальше самой простой фиксации: она, эта сфера,; 2) научное познание, когда оно, переходя на системный уровень, удаляется от прежде зафиксированных различий и выделяет определений некоторой сферы с ней самой.

В таких мыслительных процессах те понятия и процедуры, которые обозначаются категориями бытие и ничто, и различимы, и неразрывны. И только если иметь в виду корреляцию между такими мыслительными процессами и развертыванием диалектических категориальных различений, то тончайшие оттенки гегелевского хода мыслей становятся понятными, ибо получают содержательно-логический характер. Что означает введение и? Обобщая сказанное, констатируем: это фиксирование перехода мысли на особый уровень - вступления ее на порог теоретического научного познания. Согласно Гегелю, на первых уровнях системы не должно быть ничего, кроме бытия изучаемой сферы как такового, кроме некоторого абстрактно взятого наукой. Такой логически важный момент в системном развертывании науки Гегель фиксирует через утверждение изначального единства чистого бытия и чистого ничто, подвергая критике обыденное сознание и некоторые философские учения за. Однако достаточно выделить клеточку научного рассмотрения, как сразу создается стимул дальнейшего саморазвертывания мысли. Чистое бытие, которое пока есть чистое ничто, чревато дальнейшим развитием, почему необходимо, имея в виду системный замысел, различать чистое бытие и чистое ничто. - теоретическая сфера, которая все более станет удаляться от чистого ничто и тем самым от чистого, неразличенного бытия.

Таким образом, идея системного развития мысли наполняет диалектическим движением исходное единство и исходное различие первых двух категорий; выясняется: их отношений заключена не в них самих, а в чем-то

259

третьем, во что они воТ-вот перейдут. Категория является обозначением как самой необходимости, так и специфического типа системного перехода к следующей стадии мысли. Решается также одна из первых, и именно системных задач науки логики, которая далее конкретизирует более общую системную проблему всей сферы бытия, названную ранее: от простой теоретически выделенного бытийственного отношения (изучаемой наукой

сферы) требуется перейти к введению более конкретных бытийственных различений. - категория чрезвычайно важная и по той причине, что движение научного познания уже на данном этапе системного построения имеет задачей включение в орбиту анализа именно развития изучаемой области.

Чему в научном мышлении соответствует логически фиксируемая стадия различения чистого бытия и чистого ничто, взаимоперехода этих категорий? При фиксировании специфической области уже выражаются друг через друга ее и, а значит, ее возникновение и ее прохождение. Так, жизнь как бытие можно ухватить не иначе, чем через ее ничто - смерть, отсутствие жизни. А это значит, что через единство-различие бытия и ничто должна быть решена особая, но чрезвычайно важная системная задача, состоящая в первом подходе к процессу развития (смерть есть жизни, возникновение жизни - отрицание смерти). Следовательно, при фиксировании в любой науке такого отношения, которое соответствует чистому бытию, должна как бы пробегаться обширная сфера, должен схватываться особый бытийственный срез, где отношение-клеточка есть, имеется, и должна как бы подвергаться отрицанию совокупность отношений, где данного бытия нет, где оно ничто. Равным образом намечается, пусть не вполне осознанно и абстрактно, грань между теми состояниями или формами, где и когда данного бытия еще , и теми, где и когда оно уже. Значит, уже при первых шагах создания системы в самой общей форме применительно к исследуемому срезу бытия должна вводиться идея развития. Это специфическая особенность системной логики Гегеля как диалектики, отличающая ее от других, более поздних системных построений логики науки, не концентрирующей внимание на содержательно-диалектических проблемах.

Гегель сам поясняет на примере реального научного опыта, как важен учет развития на первом этапе системнотеоретического исследования. Так, он полагает, что мате260 матика как наука лишь тогда пришла к понятию бесконечно малых величин, когда ученые сделали для себя неразделимыми, взаимосвязанными бытие и ничто, когда они поняли, что надо найти нечто третье, иное, т. е. между бытием и ничто. Для Гегеля в опыте математики заключен и великий эвристический урок более общего характера: 21.

И не случайно значимость подобных категориальных построений подтверждается на примере физики XX в. Когда она стала работать со своими - проникла в микромир, то при построении системных моделей объектов, постоянно находящихся на грани между их и их, физики вынуждены были задуматься над особенностями бытийственности этих объектов. 22 (В системной модели В. Гейзенберга констатация бытийственной специфики частиц - один из первых шагов. Но эта первая стадия системного метаанализа была обусловлена предшествующим весьма стремительным историческим развитием квантовой механики.) То, что В. Гейзенберг считает особенностью элементарных частиц23, относится к формам бытия многих процессов, исследуемых наукой. Вероятно, что-то похожее о своих объектах могли бы сказать те ученые, которые исследуют человеческую мысль, да и все быстротекущие, бытийственные процессы. Гегель потому и считал, что логика, диалектика перехода бытия и ничто в случае бесконечно малых может быть ярким, ясным примером более общего познавательного принципа:, исследуемое наукой, именно в его специфическом - идеальном - относительно устойчивом существовании (Bestehen) лишь тогда, когда развертывается нацеленная на него творческая научная мысль. Иначе оно не дано в виде.

Подведение первых итогов развертывания системной теоретической мысли, таким образом, объединено у Гегеля с введением первых философских категорий сферы бытия и

обнаружением их диалектического Взаимодействия. Оказалось, что логическая сфера бытия своеобразно выразила три процесса.

Первый из них - логика и диалектика отношений действительного бытия. Когда политэкономия выделяет товар и отношения товаров как своего теоретического анализа, то ведь она опирается на действительное бытие, возникновение, развитие, прохождение товарного мира. Устойчивое его существование (Bestehen), его - это одновременно отличие товарных отношений от нетоварных. И каким бы сложным ни было глубокое познание их специфики, она так или иначе ухватывается обыденным сознанием и досистематической наукой.

Сознание товаровладельца и политэконома привычно скользит между постулированием и товарного отношения (и именно отношения, что вовсе не тождественно только наличию или отсутствию у какого-нибудь лица того или иного товара). и какой-либо целостной сферы, с которой теоретически или практически имеет дело человек, поколения людей, - не какие-то сверхметафизические тонкости, а обстоятельства для этих людей более чем обычные. В этом смысле и действия людей в повседневной социальной практике внутренне теоретичны; они без труда подверстываются под гегелевскую категориальную схему, что не в последнюю очередь облегчает философу превращение всего существующего в инобытие, облегчает утверждение идеалистически толкуемого принципа тождества бытия и мышления.

Второй процесс, ухватываемый в диалектическом сплетении категорий, - теоретическое размышление в узком смысле, системное построение. Тут скрытая диалектика человеческого познания должна, по убеждению Гегеля, стать явной. Фиксирование первоначала, в самом деле, в свернутом виде заключает в себе противоречие. Высветить, эксплицировать едва заметные для ученого оттенки движения мысли - задача логики. Когда бытие и ничто какого-либо бытийственного отношения уже на первой стадии развертывания системы предстали в единстве, то ведь они сразу и исчезли, оказались, переходящими в нечто иное.

И наконец, третий момент, запечатленный в диалектической логике категорий, - переходы, имевшие место в истории научного и философского познания, поскольку оно в особенной или всеобщей форме фиксирует отношения бы262 тия. Размышления Парменида и Гейзенберга, принадлежащие двум исторически разным эпохам, с этой точки зрения заключают в себе принципиальную логическую общность.

И всякий ученый, который будет решать аналогичную системную задачу, как бы интендирован гегелевской логикой и включен в своих поисках в ее бытийственную стадию.

Эти три слоя, своеобразно пересекающиеся, опосредующие друг друга, на протяжении всей поддерживают единство принципов и диалектики, системности и историзма - в их особом, ранее разъясненном толковании. Благодаря чему, в частности, высвечивается богатое содержание, спрессованное Гегелем в категориальном переходе к становлению.

Подобно тому как бытие и ничто перешли в нечто третье, в становление, так и становление подлежит, т. е. переходу в иное. 24. В системе теоретической мысли, полагает Гегель, переход от фиксирования бытия к фиксированию ничто, а затем и следующий шаг системного движения - все это должно стать относительно самостоятельными, тонко дифференцируемыми и в то же время взаимосвязанными задачами познания. Обращая внимание на возникновение изучаемой им, ученый действительно переходит от ничто к бытию (как и наоборот - в прехождении мысль движется от бытия к ничто). Но на этом нельзя остановиться. Результатом движения мысли между бытием и ничто является нечто третье: они оказались снятыми в новом шаге системной мысли, благодаря которому совершился переход от бытия, бытийственного среза к его определенности. В чем же приращение, что появилось нового? Объединились бытие

(*В контекстах, подобных этому, в переводе вряд ли целесообразно терять составляющую (бытие). Результатом, хочет сказать Гегель, является бытие, которое исчезает, но не тождественное ничто.

В парадоксальности сочетания - исчезновение и бытие - весь смысл удивительно интересной категориальной стадии.)

и ничто; ученый осваивает приемы свободного движения мысли как бы вдоль всей суммарно взятой бытийственной сферы, парения между бытием и ничто, ухватывания бытия-исчезновения. Эвристический урок, состоящий в поисках, введении, развертывании системного начала, оказывается одновременно уроком диалектики, причем он касается важнейшей проблемы предмета каждой науки, предмета системной научной теории, предмета чистой логики.

Дополнительный момент: решение теоретической мыслью системной задачи - ухватывания объективной сферы как чего-то сущего, бытийствующего (Seiendes) - должно осуществляться, по Гегелю, посредством особых переходов самой системной мысли. Диалектической подвижности бытия и ничто соответствующей сферы или среза действительности должна отвечать не просто диалектика понятий науки, но совершенно особая диалектика именно бытийной стадии системного познания. Иными словами, понятийно-категориальные переходы на данной стадии построения системной теории должны быть пригнаны к специфике бытийственных взаимосвязей самой действительности. Такова важнейшая метасистемная идея, по существу развиваемая Гегелем в учении о бытии.

Особую роль в ее дальнейшей конкретизации играет понятие снятия: 25. В свете сказанного раскрывается на первый взгляд парадоксальное значение этого понятия - и. Ибо при системном развертывании мысли, и как раз на стадии бытия, каждая пара определений переливается в новую определенность, т. е. становится бытием одновременно и исчезающим и удерживаемым. Понятно и то, почему снятое отождествляется с идеальным (надо к тому же учесть, что в оригинале стоит: das Ideelle - идеальное как таковое, само идеальное). Ведь в ходе построения системы следующая ступень, в которой сохраняются и одновременно в своем бытии два прежних определения, является идеальным результатом, который никак нельзя путать с предметом вне научного познания.

Гегель, по сути дела, подчеркивает: если бытие и ничто, возникновение и прохождение еще можно было более непосредственно соотносить с миром вне науки, то после первых шагов диалектической работы с понятиями, категория264 ми на стадии бытия уже следует принимать во внимание идеальный характер результата -. Далее мы вынуждены только очень кратко обозначить связь и соответствие между логической постановкой системных задач и диалектическим самодвижением категорий в гегелевском произведении.

Сфера, названная Гегелем, имеет более общей системной целью ввести определенности бытия, сделать его конкретным. Вместе с тем автор считает необходимым выделить несколько следующих друг за другом моментов движения мысли и соответственно обозначить их при помощи философских категорий. Первая определенность совпадает с констатацией наличия бытия как целого - не забудем, что речь идет о бытии, осмысливаемом наукой и уже прошедшем через горнило логического очищения. Комплекс системных задач связан с тем, что нужно прежде всего последовательно развернуть момент (Dasein - тут-бытие) всякого бытийственного отношения, исследуемого наукой. Решение этих задач - дело не столь простое, как может показаться на первый взгляд.

В чем состоит физических или химических действительности, которые ведь сами по себе, вне целостности природы не даны, не существуют? В чем заключается , или формы данности, наличности, бытийственности таких идеальных объектов, как сознание, познание, знание?

Как зафиксировать способы социальных отношений? Как общественное мнение?

Все это вопросы фундаментальные и для научных теорий, и для практического использования их результатов.

Пока хоть как-то не схвачено особое для данной научной дисциплины, невозможны описания, эксперименты, расчеты, исчисления. Начальная стадия системного развертывания познания (тут-бытия), по Гегелю, такова, что познание не выходит - и что очень важ-

но, не должно выходить, если оно хочет двигаться шаг за шагом, - за пределы единства бытия и ничто, за пределы простого указания на, исследуемой сферы. Философ обозначает данную стадию при помощи категории, опять-таки выращивая из нее, как из куколки, дальнейшие определения. Надо, согласно Гегелю, задуматься над тем, каким здесь предстало бытие и его определенность. Они пока выступали перед исследователем в спаянности друг с другом. Имеет место определенность, еще не отделившаяся от бытия, совпадающая с бытием как таковым. Единство

определенности и бытия, взятое в общей форме, Гегель обозначает при помощи категории. Этот момент весьма важен. В некоторых популярных пособиях по диалектическому материализму как понятие диалектики нередко непосредственно онтологизируется, отождествляется с суммой свойств предмета.

Иначе подходит к проблеме Гегель. Для него - категория, при помощи которой фиксируется особая стадия диалектико-системного рассмотрения, имеющая смысл исключительно в соотношении с предшествующим и последующим логическим анализом науки. - категория, связанная с вычленением совершенно особого класса теоретических системных задач.

Могут спросить: но разве в самих предметах нет качеств, свойств? Разумеется, они есть, но путь к ним через диалектическую логику не прямой. Смысл категорий в логике Гегеля не совпадает ни с обыденным словоупотреблением, ни даже с тем значением, которое придается им в других философских системах26. Первейшее условие понимания того особого содержания, которое всякий раз имеет в виду Гегель, - раскрытие системной роли категорий, опосредующей возможность их применения к анализу действительных предметных отношений. Что касается качества, то его роль в логике уже опосредована стадией и еще точнее уяснится при переходе на другие стадии системного рассмотрения.

Конкретизация стадии качества происходит благодаря перемещению акцентов движущегося вперед системного анализа. Очень важно, что и тут наращивание категориального содержания осуществляется как бы посредством саморазвития имеющихся определений. Так, в качества уже имплицитно заключено то, что из нее разовьется далее. Качество, по Гегелю, совпадает с бытием. Опять-таки неверно толковать это положение лишь онтологически: бытие, существование предмета только качество, и ничего больше. В диалектико-логическом понимании качество обозначает особую стадию системно-теоретического анализа - процесс придания, выделенному наукой, новых и новых определенностей. Но ведь это означает, что создается и удерживается для исследования специфическая абстрактная. (Насколько философ прав по отношению к науке, свидетельствуют, например, размышления о или острые дискуссии в философских относительно специфической духовного.) Стало быть, когда ученый фиксирует

тот момент, что качество есть сущее, он фактически делает новый шаг в системном рассмотрении бытийственных отношений, что и обозначается в логике Гегеля при помощи категории. И сразу же вновь акцентируется внимание на том, что именно качество придает налично сущему определенность.

Придание определенности, или присвоение качества какому-то бытию, как верно показывает Гегель, уже заключает в себе процедуру отрицания, по крайней мере по отношению к другим реальностям. В дальнейшем отрицание окажется сложным и ступенчатым, но поначалу важно иметь в виду, что распалось на различения и. Однако как только это происходит, сразу же как бы само собой вступает в силу и снятие их различения. На стадии бытия (при условии, что ранее последовательно проделано системное движение) сня-

тие различий и оказывается раскрытием отличительных особенностей наличного бытия. Системный анализ снова проявляет способность к диалектическому самодвижению содержания. Достаточно сказать: 27, как возникает возможность развертывания, экспликации заключенных в этом теоретико-логическом шаге движений мысли. Держа в памяти логиконаучный аспект, можно расшифровать сложнейший гегелевский текст. 28.

Сложное, абстрактное рассуждение имеет вполне реальный аналог: до сих пор осмысливаемое в логике системное движение научного познания. И в самом деле, произошло отталкивание анализа от чистого бытия как клеточки системного развития науки логики и одновременно системнотеоретической логики науки; бытие развернулось в целую цепь категориальных определений и различений, получаемых из осмысления каждого шага движения научного по267 знания бытийственных отношений и развертывания моментов, потенциально заключенных в каждом таком узле мыслительных определений. Так, наличное бытие ( ) было выведено из бытия как такового благодаря тому, что к мысли о бытии присоединилась мысль об определенности.

А эта процедура, в свою очередь, оказалась и утверждением определенности, и отрицанием. Отрицание же подтолкнуло к идее о нечто; последнее, превратившись в иное, сохранило себя. Логично вводится идея о противоречии в-себе-бытия и бытия-для-иного.

В-себе-бытие благодаря этому шагу анализа наполняется новой качественной определенностью: происходит установление связи исследуемого бытийственного с . 29. Определяется и бытие-для-иного. Научное мышление, постоянно отграничивающее свой предмет от других бытийственных срезов, должно осмыслить диалектическую природу; нечто имеет границу прежде всего; вместе с тем 30 - иными словами, имеет отношение не только к иному, но и к внутренней качественной определенности самого нечто. Отсюда своеобразное гегелевское определение конечности нечто: 31.

Особое значение гегелевской науки логики, отчетливо проявляющееся уже на этой стадии развития мысли, заключается в том, что результатом в конечное - через диалектику бытия и благодаря учету мельчайших оттенков системного развертывания мысли - является специфическое обретение, предметной сферы: она в строгом отграничении избранного бытийственного аспекта и взята с точки зрения внутреннего противоречия, специфического для данной области. Отчасти и поэтому противоречие - научному и соответственно логическому анализу сообщается дальнейшее диалектико-системное движение.

Категория конечного тоже распадается на различаемые в ней моменты, причем последние тоже ожидает снятие. Но несколько необычно то, что различенными моментами ока268 зываются предел (die Schranke) и долженствование (das Sollen); по крайней мере вторая категория смоделирована по человеческой субъективности, по специфической для человека конечности и даже по особому типу человеческих рефлексий о конечном. Логика то и дело напоминает здесь феноменологию. Неудивительно, что, дав категориям сферы конечности такие наименования, Гегель и обсуждает логическую проблему скорее на материале практического, а не теоретического разума. Человек осознает конечность своей жизни тем, что знает ее границу. В своем сознании он фиксирует предел, который выявляет. Но он не соглашается с мыслью о собственной конечности, формируя понятие бесконечной жизни, бесконечного существа.

Интересна мысль Гегеля о том, что мыслительные процедуры, питающие религию, вытекают также из природы размышлений о границе, пределе, когда размышления эти достигают стадии и всеобщности32.

Суть же системной задачи, увязываемой с категорией долженствования, такова: если полагается граница конечного какой-либо бытийственной сферы (например, физического тела), то логически вводится и идея бесконечности. В таком полагании уже должна заключаться идея о том ином, которое выходит за пределы конечного. Сначала такая идея не больше, чем долженствование. Общая системная задача, в свою очередь, ветвится на специфические последовательно исполняемые шаги научного рассуждения. Прежде всего, согласно Гегелю, надо выйти в бесконечное и осмыслить природу перехода. Как возника-

ет категория бесконечного в системном развертывании мысли? Она тоже вводится в связи с особым классом задач - со снятием конечного, причем снятием, которое само же конечное и осуществляет.

Исследование логических переходов в разделе принадлежит к числу наиболее глубоких и блестящих в. Начинается оно системной триады -. Когда на предшествующей стадии научного анализа проступило противоречие конечного с самим собой, когда через установление соотношения предела и долженствования раскрылось, тогда возникла идея бесконечного. Прохождение конечного, снятие конечным самого себя - вот от чего отталкивается первоначально всякая мысль о бесконечном. Само конечное благодаря постоянному противоречивому соотношению со своим пределом, со своим прохождением мысль к бесконечному.

269

Необходимо принять в расчет глубину, проблемную насыщенность, диалектический характер гегелевского анализа и вместе с тем близость диалектической логики к реальному историческому опыту познания человека и человечества.

Ученый-естествоиспытатель постоянно совершает процедуру тех или иных конечных предметов. Ведь, скажем, при изучении физических свойств как таковых обязательно выхождение к конечных предметов. Под найденные физикой или химией закономерности, по сути дела, вся природа - череда потенциально изучаемых ими предметных единств становится поистине бесконечной. То, что для научного познания это достаточно сложная и относительно самостоятельная теоретическая задача, показывает логика науки, когда она специально имеет дело с проблемой конечного и бесконечного (к сожалению, в таких случаях гносеологические проблемы, проблемы системного хода мыслей чаще всего непосредственно выдаются за онтические и онтологические, к чему в определенной мере причастны и гегелевские мистификации).

Но и в науках, пусть не всегда выходящих к логическому артикулированию своих мыслительных процедур, имеет место ухватываемое Гегелем движение мысли между конечным предметом как и более общим срезом анализа,. Иными словами, наука по своему смыслу всегда должна усматривать в конечном бесконечное, должна уметь переходить от одного уровня анализа к другому. Процедуры перенесения на всю бытийственную сферу закономерностей, познанных на каких-либо предметах (например, на вовлеченных в данный эксперимент), и, наоборот, переход от общих установлений, соотнесенных с бесконечным классом предметов, к специфической предметно-приборной ситуации - все это столь же привычные для науки, сколь и логически сложные этапы работы с бытийственными характеристиками, которые в логике обозначаются в качестве особого класса решаемых в строгой связи и последовательности задач, т. е. задач системного характера.

Итак, возникает обобщенная системная задача - выйти от конечного к бесконечному, показать, что для данной научной системы бесконечное. Следующая задача - указать на взаимоопределение конечного и бесконечного, что в гегелевском изложении подразумевает также распутывание сложного клубка прежних представлений о соотношении двух категорий. Гегель пользуется типичным для приемом: в исторически данных представ270 лениях, которые приводят к ошибочным результатам, когда абсолютизируется некоторый этап развития мысли, он обнаруживает позитивный смысл, включая их в более широкую системно-логическую интерпретацию. Одновременно вновь возникают категории предшествующих стадий, но только обретающие на более высоком системном уровне новый смысл.

Было получено бесконечное - получено конечного, точнее, из размышлений над его соотношением со своей границей, со своим прохождением. То, каким поначалу предстает бесконечное, полностью определено рождением из конечного. Гегель великолепно фиксирует ступень анализа, которую нельзя миновать, но которую совершенно ошибочно абсо-

лютизировать: бесконечное стало конечного, его отрицанием, а значит, первоначально выстроилось по образу и подобию конечного. В результате конечное и бесконечное представляются как бы двумя разными мирами, причем бесконечное якобы располагается конечного, ним, становится от него. Недавно еще слитые, неотличимые друг от друга, конечное и бесконечное оказались не просто различенными, но взаимообособленными. Если они и соотнесены, то именно 33. На таком уровне анализа бесконечность существенным образом не отличается от конечного и является всего лишь. Гегель именует ее также, а способ исследования, который бы не вел дальше постулирования такой бесконечности, - прогрессом в бесконечность.

Анализ Гегеля в этом разделе имеют обыкновение трактовать достаточно узко - в связи с физикой и математикой, прилагающими понятия конечного и бесконечного к пространственно-временным отношениям.

Между тем Гегель на этой стадии системного анализа разбирает более общую проблему качественного исследования наукой всяких бытийственных отношений (независимо от того, обращена ли научная мысль на предметы в пространстве и времени или на идеальные объекты). Поэтому проблема конечности - бесконечности применительно к пространству и времени, - проблема более узкая, на данной системной стадии еще не в ее определенности.

Лишь в той мере, в какой осмысление именно пространственно-временных отношений становится узкой задачей научной или философской теории, и для такой сферы приобретает свое значение системный переход от к. (Любопытной иллюстрацией может служить тот узел кантовских размышлений о пространстве и времени, где мысль о подвижности границы всякого пространственного и временного бытия, в самом деле, толкает к признанию пространства и времени бесконечными.) Далее Гегель ставит задачу преодоления, как и конечности, только внешним образом Соотнесенной с бесконечным. Это дается благодаря осознанию внутренней логики, т. е. имманентной диалектики двух временно обособившихся друг от друга полюсов противоположности. Или, иными словами, выход намечается только тогда, когда выясняется особая системная природа движения мысли: предстает как стадия, дальше к разрешению имеющихся в ней противоречий. Гегель так и говорит: требуется понять, что при постулировании выходят за пределы конечного, но, так сказать, 34, т. е. не движутся дальше, не истинное единство конечности и бесконечности, а потом и снятие единства, отрицание отрицания. Образ подлинной, а не дурной бесконечности не надо искать где-то вне, не надо ее в какой-то вымышленный мир, лежащий вне конечного, ним. (Что также значит: не следует подлинную бесконечность, смысл которой нам дает размышление над движением мысли, совмещать с образом сколь угодно беспредельного пространственного мира.)

35.

Научная мысль здесь сталкивается с особым отношением, порожденным как сложностью действительных, вне человеческого познания имеющихся взаимосвязей, так и спецификой ранее проделанного системного движения. Ведь спонтанно возникли два определения: противоположность конечного и бесконечного и единство конечного и бесконечного. Когда такие определения появляются, показывает Гегель, то чередует их определения, потому что одна мысль уже подразумевает переход к другой. Однако она не сразу способна - как не сразу это делается в системном движении познания - постигнуть противоположные моменты в их единстве. Постижение истинного единства происходит не раньше, нежели имманентным для каждой науки образом со272 вершается выХод от конечного к бесконечному, а потом осуществляется новое отрицание - новый переход к конечному.

Гегель совершенно обоснованно показывает, что разрешение противоречий, в которых могла бы запутаться мысль, натолкнувшаяся одновременно на единство и различия конечного и бесконечного, плодотворно только на пути дальнейшего системного рассуждения.

36. И далее: 37. Один из уроков системного рассмотрения на данной стадии - установление специфически идеального значения соотносящихся определений. Что же вытекает отсюда? Запрет на сколько-нибудь непосредственную онтологизацию ступеней и оттенков системного научного исследования бытийственных отношений, превращения их в.

Однако у Гегеля как раз здесь намечается переход к таким идеалистическим мистификациям. Настаивая на идеальности всех определений, фиксирующих специфическое движение научной мысли, Гегель утверждает: это и значит защищать идеализм. Он пишет: 38. Скорее даже, рассуждает далее Гегель, противопоставление идеалистической и реалистической философии теряет смысл: ведь или древних материалистов не более чем идеальный принцип, конечное, которое уже снято в бесконечности мысли. Субъективному идеализму, в том числе фихтеанскому, не решающемуся выйти за пределы субъективного идеального, Гегель противопоставляет другой тип идеализма, который смело придает духу 39. Сам дух хлестко назван Гегелем 40. Переход от глубоких и обоснованных диалектико-методологических рассуждений к метафи273 зичесКим идеалистическим мистификациям бросается В глаза.

Возвратимся к логике движения системной мысли. Совершился, как мы видели, выход в бесконечное, в свою очередь вытекавший из осознания логической природы качественной границы. И новая стадия сразу же подвергается новому отрицанию (снова совершается отрицание отрицания).

Это значит, что от некоторого обобщенного представления о мысль исследователя снова возвращается в собственную и специфическую бытийственную сферу ( ). Но возвращение происходит на новом уровне: ведь с бесконечным иным, постулированным ранее, можно соотносить только бесконечное же, т. е. исследуемого данной наукой бытия. В результате исследование естественно направляется на имманентную бесконечность, анализируемого наукой. Благодаря этому уже и здесь дуализм внешнего для науки и внутреннего для нее преодолевается так, что внешнее как бы снято внутренним, его бесконечной сферой. А тогда оказывается возможным следующий логический шаг: вся изучаемая бытийная сфера предстает как, принципиально однородное в качественном отношении. Это в общем и целом подготавливает переход от стадии качества к стадии количества, но для перехода, как полагает Гегель, еще нужны дополнительные шаги.

В гегелевской логике, с чем мы уже сталкивались, сохранение системно-диалектической линии постоянно обеспечивается особым диалектическим методологическим приемом: совершается как бы возвращение к пройденной категориальной стадии, но, разумеется, на новом уровне, применительно к новому характеру системных задач. Так и на уровне переход от бесконечности иного снова к бытийственному срезу науки означает возврат к наличному бытию, или.

Что же нового появилось на данной стадии с точки зрения фиксирования особенностей? При определении его уже предполагаются и учет бесконечного иного, и абстрагирование от него. 41, - пишет Гегель и далее поясняет: 42.

Особенность данного шага системного движения Гегель раскрывает на примере анализа сознания. Здесь выхождение в бесконечное иное - констатация того, что сознание соотносится с миром материальных предметов. - новое переключение на сознание, на его идеальную предметность, но при условии, что предметный мир продолжает фигурировать в качестве самостоятельной реальности. Фактически Гегель коррелирует с этим шагом позицию философского дуализма в понимании сознания, например дуализма кантовского или фихтевского43: с одной стороны, исследуется сознание, когда оно уже оттолкнулось от предметности и перешло к миру явлений, но, с другой стороны, предметный мир в его реальности. Устремившись к исследованию сознания, постулируя через понятие явления как исходной клеточки анализа его соотношение с собой, открывая бесконечность имманентной сферы сознания, философ естественным образом выйдет затем к идее самосознания. Для Гегеля такого рода философский дуализм - обозначение более общей, по-своему неизбежной стадии научного анализа, которую, однако, было бы ошибочно понимать как

окончательную даже для исследования бытийственных отношений. Но суть ее следует четко осмыслить, ибо только тогда можно столь же сознательно совершить следующий шаг в системном рассмотрении. Он анализируется под категориальной формой (Sein-fur-Eines).

Внимание исследователя должно быть снова сосредоточено на том моменте, что изучаемое им бытие не является особым классом внешних предметов, что внешняя предметность снята в бытийственном срезе. Однако должен появиться новый момент по сравнению с прежним движением: теперь иначе устанавливается отношение к границе. Если раньше две сферы - исследуемое и его иное (например, мир сознания и мир предметов, микромир и макромир и т.д.) - могли соотноситься как различным образом наличные, предметные сферы, то теперь надо сознательно уходить от подобного типа сопоставления. Уход поначалу связан с некоторыми неизбежными ограниченностями исследовательской позиции. Граница пока что предстает как постулированная исследователем, и она выступает как. Бытийственную сферу еще надо будет представить как нечто, которое еще только будет распадаться на единицы и на

множества, нетождественные физическим предметным единицам и реально наблюдаемым предметным множествам. Однако поскольку между двумя мирами - внешним предметным миром и миром особых, изучаемых какой-либо наукой, - все-таки должно устанавливаться сложное соответствие, то отсылки от одного мира к другому (здесь - при условии постулирования снятости первого мира во втором и в то же время самостоятельного существования второго) постоянно имеются в виду. А тут уже есть и первый ход к выявлению однородности изучаемого бытия. Оно теперь может и должно быть представлено как, как, как такое идеальное бытие, которое только в самом себе заключает свою границу.

Поскольку гегелевский анализ и на данной стадии заключает в себе историко-философскую линию, кратко упомянем о ней, тем более что благодаря этому абстрактные характеристики получают свою конкретность. Системному движению мысли здесь соответствует развитие истории философии, причем на тех ее этапах, когда бытие уже характеризуется чисто абстрактно, когда в нем снимаются определенности, но когда еще недостаточно осознано, что бытие есть идеальное. Главное, не осуществляется движение к развертыванию характеристик бытия как идеального. Таковы, по Гегелю, бытие у элеатов и субстанция как бытие у Спинозы. Лейбницевский идеализм рассматривается как дальнейшее движение в сторону абстрактности в понимании бытия. Однако в адрес лейбницевской концепции монад высказывается такой упрек: движение, которое делает монады идеальными, совершается вне их. А тем самым проясняется задача, ставимая Гегелем перед последующей стадией системного движения: необходимо дать органично, естественно возникнуть как системным движением самой науки, поскольку она анализирует бытийственные характеристики. Это движение логически обрисовывается под формой категориальной сферы, составляющей особый подраздел.

Здесь также полезно сразу принять во внимание историко-научный и историко-философский фон, прямо включаемый Гегелем в позитивное категориальное исследование.

Речь идет об этапах развития науки, когда некоторое субстанциональное, рассмотрение приводит к выделению своего рода множеств. Естественно, что речь заходит, например, о древне276 греческой науке и философии, когда в них формируется атомистическая концепция. Затем сходные стадии как бы вновь повторяются, когда атомизм принимает новый вид. (Согласованность путей науки и философии тут заведомо предполагается Гегелем, что исторически обосновано, хотя и не изучается философом с точки зрения генезиса и причин.) Перед наукой логики Гегель ставит задачу изобразить данную стадию в более обобщенном логическом смысле. В науке довольно часто как бы совершается распадение

прежней субстанциональной для нее целостности,, на множество, составных. Основную задачу логики по отношению к таким стадиям системного движения Гегель видит именно в том, чтобы раскрыть их логический генезис и тенденцию перехода в другие стадии анализа, что, однако, далеко не всегда делается.

В истории науки нередко получалось так, что, появившиеся как стадия логического распадения некоторой теоретической целостности, воспринимались чисто онтологически, как особые. Наука и тогда, правда, находила выход из создавшегося положения, по природе своей весьма сложного и противоречивого.

Анализ Гегеля высвечивает именно логические проблемы и трудности, возникающие в подобных ситуациях, причем обнаруживается неизбежность ряда последовательных стадий, которые проходит научная мысль, решая общую системную задачу перехода от теории к ее - своего рода.

Естественно, обращаясь к атомистике, Гегель делает ее исторической иллюстрацией к начальным ступеням категориальной стадии и. После того как мыслилось самодостаточным, неизменным (исторический пример - идея первоначала в доатомистической древнегреческой мысли) - в силу внутренней диалектики, толкающей дальше философскую мысль, произошел переход к новой стадии понимания бытия. 44. Однако едва древние провозгласили пустоту, они сами нарушили рядоположенность двух начал. Новые горизонты понимания открылись для более поздней мысли. 45.

Чтобы преодолеть эти ограниченности, необходимо, согласно Гегелю, вдуматься в диалектику мысли, которая вводит логический некоторой прежде единой бытийственности. Едва такой атом, новая логическая единица мысли, возникает, то фактически происходит дальнейшее отталкивание мысли, и она сразу продвигается от постулирования атома как такового к идее об их множестве. Собственно, идея уже заложена в понятии атома, в процедуре выделения всякой элементарной частицы.

Гегель хочет различить эти моменты прежде всего потому, что тогда обнаруживается внутренняя диалектика и. Суть рассматриваемого здесь этапа системной мысли: поначалу может происходить не более чем постулирование через простую аналогию с общей бытийственной определенностью.

Так, в учении о сознании может возникнуть такая посвоему неизбежная стадия, когда образ (соразмеренный с исследовательским полем философии или конкретной науки о сознании) попросту тиражируется во множестве экземпляров и именуется, индивидуальным сознанием и т. п. Через такой этап проходили и многие другие науки, когда дробили бытийственный срез в особые предметные единства. Весьма важно осознавать специфику, природу такого перехода как идеального, т. е. осуществляемого самим теоретическим познанием. и есть в понимании Гегеля особая теоретическая процедура, обусловленная движением от ранее проясненной теоретической. Ведь это теоретически взятая субстанция превратилась из во, оттолкнула из себя: 46. Гегель настаивает на том, что в ходе познавательного опыта науки (и соответственно в ходе его логического анализа) эвристические по своей природе, логические атомы и их , следует брать непременно в единстве с породившей их теоретической мыслью, в частности с процессами отталкивания, благодаря которым они возник278 ли, и с процессами притяжения, в которые размышления о таких далее оказываются втянутыми.

Иначе говоря, Гегель считает существенной ошибкой по отношению к самому принципу атомизма наделение логических атомов вещественно-физическими характеристиками.

Но он также считает, что в ошибку подобного рода то и дело впадают философы, физики, химики. Поэтому природа процедур и подвергается дальнейшему анализу, совпадающему с развертыванием имплицитно заключенных в них и становящихся актуальными системных моментов.

Чтобы правильно понять смысл категорий отталкивания и притяжения, надо, согласно Гегелю, отказаться от непосредственных вещественно-физических ассоциаций. Здесь, в логике, отталкиваются и притягиваются друг к другу только мысли, идеальные определе-

ния. Однако Гегель вовсе не случайно применяет такие категориальные понятия, которые все же толкают к вещественно-физическим аналогиям. Ибо логика соотносится тут с особым типом использования науками понятийных характеристик, прилагаемых к бытию, к бытийственным свойствам реальности. Гегель по существу разъясняет один из интереснейших логических парадоксов, неизбежных при исследовании бытия науками: хотя понятийные характеристики науки относятся не к физическим предметам, данным простому наблюдению, но к , превращенному в своеобразное теоретическое измерение, все же научное мышление постоянно онтологизировало, опредмечивало идеальные определения теории.

Отсюда - противоречие данной стадии: появились из теоретически осмысленного, но как только на них перемещается анализ, они уже превращаются в относительно самостоятельные единицы анализа, а порой в особые предметы. Можно было бы привести немало высказываний ученых и философов, занимающихся логикой науки, в которых показаны теоретический смысл порождения таких единиц и своеобразная необходимость их объективации. Например, применительно к философии физики элементарных частиц данный вопрос разработан Ю. В. Сачковым, Н. И. Степановым, В. С. Степиным, Б. Я. Пахомовым, А. И. Панченко47 и др.

Напомним,, по Гегелю, сначала не содержат ничего, кроме в процессе отталкивания.

48. Так

и было в истории атомистики: от прежних

размышлений философии о первоначале как истинном, бытии, перейдя к, к атомам, атомистика принялась заниматься, Но, в сущности, на первых порах атомам не было дано никаких новых логических характеристик, кроме тех, которые по крайней мере имплицитно были заключены в учении о первоначале. Новыми и весьма существенными результатами были смелый переход к атому (и пустоте), уподобление атомов - физической предметности с присущими ей характеристиками. Хотя по строгому счету Гегель считает ошибочным такое обращение с идеально-логическим предметом, все же прохождение в чем-то схожей стадии представляется ему необходимым для системного развертывания мысли, но, разумеется, при условии, что будет установлена связь с предшествующим и последующим движением системной теории. Неизбежность такой стадии - в самой природе полагания одного в множестве, когда теоретически расщепляется на.

Не только древние атомисты, но и физики нашего столетия вынуждены были обращаться к логико-гносеологической, методологической, системной проблеме, разбираемой Гегелем. Движение к новому элементарному уровню не случайно оказывается движением к большей абстрактности (что видно, например, в ранее цитированных словах Гейзенберга, считающего элементарные частицы квантовой теории более абстрактными, чем атомы греков). Возможен и своего рода тупик оттого, что на абстрактном уровне вскоре нельзя сказать ничего нового о таких. Но вот находится и выход: о ненаблюдаемом, логическом, выделенном из среза говорят по аналогии с теми характеристиками, которые ранее найдены наукой по отношению к исследуемому ею предметному бытию и которые уже выведены на некоторое наблюдаемое. Например, античная атомистика нашла выход в непоследовательном по отношению к принципу, но, вероятно, единственно возможном на том историческом этапе рассмотрении положения, формы атомов, их соотношения друг с другом.

Почему это было непоследовательным? Да потому, что по природе и происхождению атомы совершенно равноправны, однородны; в них - - не могло быть ни физических характеристик, ни физических различий.

Однако поскольку бытийственный срез анализа античной философии (одновременно натурфилософии) опосредованно восходил к физическим предметам действительности,

абстрактные атомы еще могли ассоциироваться с очень малыми частями реальных предметов, выступая и в качестве предела их физического дробления. Стало быть, понятие атома как, появившись теоретическим путем, для наполнения его содержанием должно было вновь отступить к наблюдаемым действиям человека с физическими предметами. Такое сложное отталкивание понятия от теоретических действий и его притяжение к действиям, имеющим наблюдаемые, бытийственные следствия, и фиксирует Гегель на данной стадии логико-научного анализа.

Есть все основания считать такую стадию анализа необходимой не только для систематической теории, она проходится и, видимо, будет проходиться в истории науки: происходит переход к новым ненаблюдаемым объектам теории, но их описание, осмысление, измерение еще совершаются путем к - к формам и результатам, возводимым к наблюдению. Тем самым обнаруживается, что логика может быть своеобразно спроецирована не только на историческое прошлое науки, но и на ее будущее, что логика обладает определенной предсказующей силой по отношению к процедурам, формам мысли.

Поскольку, как уже упоминалось, системное рассмотрение в науке имеет дело с материалом, ранее накопленным в данной научной дисциплине, надо быть готовыми столкнуться с подобной стадией интерпретации, но надо знать и выход. А он, по мысли Гегеля, состоит в том, чтобы снова возвратить науку от уподобления понятийного, логического , предметно-наблюдаемому (к каким бы плодотворным результатам аналогии, уподобления ни приводили) на путь, где элементарные частицы, выделенные теоретически, и будут глубже осознаны именно в своем качестве теоретико-системного отношения. Предметом анализа снова должна стать не некоторая простая физически взятая предметность, но особый идеальный предмет, который должен явиться здесь со его теоретико-системного генезиса. Раздел, дробящийся, как обычно, на категориальную триаду (исключение, единое притяжения, соотношение отталкивания и притяжения), заканчивается фиксированием главного логического результата, получаемого в результате выделения логических атомов из бытия как. Таким результатом является новое познание принципиального единства, однородности бытийственной сферы - единство предстает и на уровне, когда предметом рассмотрения является, и когда это раздробилось на. Вместе

с этим подводятся итоги рассмотрения и категориального раздела, и более общей категориальной сферы. Намечается переход к сфере.

Каков же общий итог системного движения, к которому Гегель приходит в конце?

Систематическая теоретическая наука начинает с выделения исходного бытийственного отношения, или противоречия, которое берется как. При дальнейших шагах теоретического познания осуществляется - через суммарное просматривание границ изучаемой сферы, среза бытия, через движение бытия, границ возникновения и прохождения - первое теоретическое определение специфического характера данной бытийственной сферы, ее развития, ее границ и ее бесконечности.

Впоследствии становится возможным продуцирование особых объектов, выделившихся именно из теоретической бытийственности, их во множестве экземпляров. С точки зрения Гегеля, восхождение по ступеням системного построения науки воспроизводит также некоторые узлы исторического развертывания обыденного человеческого познания, эмпирической истории науки (в том числе будущей истории, почему наука логики обладает предсказующей силой), истории философии. Только благодаря прохождению через тонко диф-

ференцированные ступени и стадии, рассматриваемые логикой под общей категориальной формой и, возможен, как полагает Гегель, обоснованный переход к развертыванию всего богатства количественных отношений, поскольку они фиксируются наукой.

В основе такого построения логики лежит идея Гегеля, согласно которой и в реальной истории человеческого познания приемы освоения количественных бытийственных отношений действительности были созданы не раньше, нежели человек, выделив качественное, научился абстрагироваться от качественного своеобразия осваиваемых им объектов, научился, сводя их сначала в некое, видеть в каждом из объектов не более чем экземпляр, разный другому. Только на такой основе возможны, согласно Гегелю, процедуры измерения, счета и т. п., получившие абстрактное фиксирование и развитие в различных математических дисциплинах. Мы вступаем, таким образом, в категориальную сферу.

282

2. Системная диалектика

категориальных сфер и В системной диалектике, рассмотренной Гегелем на данных стадиях, заключено настоящее богатство для тех, кто интересуется проблемами философского осмысления количественных и мерных отношений. Собственно логических абстракций занимает сравнительно немного места. Зато Гегель делает пространные примечания, смысл которых заключается в интерпретации математического материала, в новом истолковании уже имеющихся философских решений проблем пространства и времени, бесконечно малых и т. д. Гегель исходит из того, что человечество накопило арсенал приемов, позволяющих успешно осваивать количественные отношения. Однако их использование всегда связано с прохождением эвристических стадий, которые значительно усложняются с возникновением математических дисциплин и имеют тенденцию усложняться далее по мере того, как открывается возможность применения количественных методов ко все более широкому спектру бытийственных отношений. Такие стадии в истории проходились столь долго, что следы их потерялись в глубине веков. Известная человечеству история цивилизации - это история, уже связанная с довольно интенсивным освоением количественных отношений. Конечно, исследование собственно исторических аспектов становления количественных понятий, символики и т. д. представляет немалый интерес для понимания приемов мысли.

Однако Гегель - в сущности, вслед за Кантом - выбирает своеобразный логико-генетический, а не конкретно-исторический способ анализа. История, правда, и тут включена в орбиту исследования, но в снятом виде.

Логико-генетическим гегелевский анализ правомерно назвать потому, что тщательно прослеживается, во всех эвристических предпосылках и мельчайших различимых шагах, переход мысли к сфере количества, а в самой данной сфере тоже объективируются в их логическом происхождении, в их связи, самопорождении многочисленные мыслительные приемы, позволяющие осуществлять расчет, измерение и т.д. Те ступеньки, через которые поспешно и часто бессознательно проходит человеческое познание, в гегелевской логике даны, так сказать, крупным планом и как бы в замедленной съемке. Надо заметить, что Гегель сначала назвал исследуемый раздел (Grosse - Quantitat). Затем, уже в

283

, понятие было выпущено и объяснена причина этого: 49.

Впрочем, поскольку в математике обычно связывают с понятием величины свойство увеличиваться или уменьшаться, то Гегель считает возможным частично опереться на такое определение: оно в количественном признаки изменчивости и определенного безразличия к изменчивости, которые и в включены в определение категории количества. Одна-

ко для понимания проблем, обсуждаемых применительно к данной сфере логики, очень важно с самого начала учесть именно гегелевский аспект анализа, отказавшись, что отнюдь не всегда делается, от имеющихся в сознании каждого из нас чисто представлений о количестве. Суть же гегелевского заключается, во-первых, в его из ранее проделанного системного движения, а во-вторых, в его последующем выходе на следующую системно-категориальную ступень. Рассмотрим сначала, как появляется новая стадия анализа и какие системные задачи на ней разрешаются.

Вспомним, только что была учтена логикой процедура отталкивания (например, атомов в атомистике). Гегель показывает, что следующий шаг логически предопределен отталкиванием: после появления множества объектов мысль возвращается к бытийственному единству, от которого ранее произошло отталкивание и которое предстает теперь в новом свете. Единое бытие понято как своеобразное, как обнимающее их единство. Речь снова идет о бытийственной сфере во всей ее широте, однако теперь уже представления о бытии неотторжимы от своеобразных конструкций теории. Согласно Гегелю, благодаря происходит осмысление бытийственной сферы как непрерывности. Такой шаг - к идее непрерывности - логически воспроизведен Гегелем в первой подрубрике количества, названной. В сложной категориальной символике шаг этот зафиксирован следующим образом: 50.

Суммируем моменты системного движения к и в его рамках: 1) это движение, обязательно опосредованное распадом на множества; 2) оно связано со своеобразным восстановлением как бы наряду со множеством; 3) теперь предстает не под знаком некоторой, но имплицитно содержит в себе, в соотношении с самим собой идею вычлененных многих. Но сначала мысль акцентирована на единстве, непрерывности. Такова, согласно Гегелю, логическая природа любого движения теоретической мысли, в ходе которого рождаются понятия, такие, как материя, пространство, время.

Под в гегелевской трактовке подпадает, стало быть, любая стадия научного и философского познания, на которой происходит переход от выделения единичных объектов теории к идее объединяющего их континуума. Поэтому эвристические предпосылки и особые приемы рассмотрены здесь на целом ряде интересных и поучительных примеров51. Для порождения понятий мысль, согласно Гегелю, должна от множеств, выделенных на предшествующих стадиях анализа, однако она должна снова выйти к совершенно новому уровню осознания целостности. Это и есть особая системная задача. Так, после появления атомистики только и возможно было сформировать понятие материи.

Но для его продуцирования нужно, чтобы материя оказалась не простым дублированием атомов, не их суммой, а специфическим единством. Для представления же, напоминает Гегель, новое рождающееся понятие легко соскальзывает на уровень простого сложения целого из кирпичиков множественности. Достаточно научиться разлагать линии на точки, а плоскости - на линии, как возникает представление, что линия и есть совокупность точек. Любопытно, что Гегель возражает тут против метафизики, разла285 гающей время и пространство на совокупность отдельных моментов и не возвращающейся к постижению их как особых континуумов, и призывает в союзники математику52, с помощью которой и утверждается такая идея: понятий континуального характера вообще не возникло бы, если бы мысль не продвинулась к применению процедуры, названной - тогда, и только тогда создаются целостные множества, понимаемые как, вечное продуцирование своего единства.

Во втором подразделе раздела о количестве находит продолжение и конкретизацию идея непрерывности, континуума. Так, пространство и время предстают не просто как, или текучие целостности, возникшие после выделения идеальных множеств. Необходимо, чтобы они далее предстали и как непрерывные величины, что отчасти предопределяется моментами, имплицитно заключающимися в континуальном ходе мыслей. Гегель пишет: 53.

Непрерывная величина, по определению Гегеля,. Это надо понимать так, что применение исчислений и измерений к какому-либо целостному бытию имеет и должно иметь сво-

ей предпосылкой охват континуальности как истока всех последующих более конкретных количественных определенностей данной области. Иными словами, исследователь не должен упускать из виду, что на , с которыми он вскоре начнет работать, распадется не что иное, как, непрерывная величина предшествующей стадии: 54. Через третью стадию - - произошел, таким образом, переход от чистого к определенному количеству, открывающемуся первым категориальным шагом, который обозначен понятием.

286

Гегель пытается обобщенно представить в этом подразделе важнейшую стадию человеческого познания вообще, научного познания в частности, систематического теоретического познания в особенности, на которой предпринимаются реальные шаги к исчислению некоторых предварительно выделяемых единиц. При этом в истории познания нередко случается, что исчисления, их приемы складываются раньше, нежели возникает возможность интерпретации осуществляемых во всех этих случаях действий. Математика - наука, в которой сняты различия между различными предметными сферами, но в которой даны различные системы исчислений вместе с соответствующими указаниями относительно критериев и условий их применимости. Простейшие математические действия, выраженные арифметикой, берутся Гегелем как обобщенный пример операций человеческого мышления на особой стадии: к ней подобралось теперь системное научное исследование, анализируемое логикой. Математика так или иначе уже решила вопрос о том, как должна действовать наша мысль, чтобы исчислять различные множественности и их соотношения. Логика должна осмыслить, почему действия мысли оказались именно такими. Изучив всеобщую эвристическую природу, логика способна благодаря этому пролить свет на все познавательные ситуации, основной задачей которых и является создание систем исчислений, соответствующих определенности взятого бытийственного континуума. Из последнего и должны быть получены особые, которые не совпадают с предметными множествами, хотя и могут быть с ними соотнесены.

Что это означает? Приглядимся к простейшей арифметической операции, например к пересчету определенных .

Никак нельзя упускать из виду - на это правильно обращает внимание Гегель, - что имеет место относительность получаемых количественных результатов; во-первых, это отношение к предшествующему для мысли континууму.

Если мы подсчитываем любые физические предметы, то континуум в самом широком смысле не что иное как мир материальных вещей. Если отсчет идет от него, то как будто бы простая операция пересчета предметов имеет своей предпосылкой (по сути дела, условием исторического характера) уподобление одних предметов каким-либо прежде сосчитанным предметам и благодаря этому отвлечение от качественных определенностей; во-вторых, предполагается овладение той системой исчисления, на основе которой осу287 ществляется подсчет. Гегель на ряде примеров ведет исследование общих логических процедур, которые необходимы, чтобы осуществилось исчисление, измерение любого прежде единого континуума. Сначала, полагает он, необходимо, чтобы была выделена дискретная единица континуума, которая превращена в. Это весьма важное для гегелевского контекста понятие. или любая бытийственная частица, несмотря на свою идеальность, были, так сказать, качественными элементами; теперь же подлежат определению количественные смысловые единицы, элементы континуума, не совпадающие ни с реально выделяемыми в нем образованиями, ни с атомами. Нужно вычленить с их совершенно особыми, некачественными границами. В чем состоят отличительные особенности этих своеобразных количественных атомов?

Во-первых, они должны представлять собой, т. е. быть в себе непрерывными. Во-вторых, вместе с тем они должны быть дискретными, т. е. в них должно находиться - независимо от того, является ли данное множество в-себе-сущим или.

В-третьих, это (как своего рода количественный атом) представляет собой и отрицание в качестве простой границы, которая как бы отбрасывает от себя другие определенные количества.

Итак, смысл категории количества, как и смысл поясняющих его более конкретных категорий, более общий, чем его специфическое выражение в математических ипостасях величины, числа, экстенсивных и интенсивных величин.

Главное в этих категориальных определениях для гегелевской логики связано с той общей стадией и с теми более конкретными ступеньками развертывания определенностей бытия, которые здесь проходит человеческое познание, в частности и особенности систематическое научно-теоретическое познание.

Применительно к количеству затем происходит возвращение на новой стадии к проблеме границы, к ее осознанию - происходит возвращение на новом уровне к проблеме бесконечности. Она названа Гегелем. Модель развертывания определений здесь в принципе такая же, что и на стадии качественной бесконечности. Изменение определенного количества происходит таким образом, что оно другому определенному количеству. Раз определенное количество как состоящее из данного количества единиц, раз оно

288

множество, значит, оно находится как бы в ряду других множеств. Прибавьте к 25 единицу, получится другое определенное количество, 26. 55.

Для Гегеля существенно показать органичность и диалектичность имманентного перехода определений конечного и бесконечного, поскольку они вновь всплывают в сфере количества. Конечность определенного количества - в том, что для определения себя определенное количество должно предполагать выход к иному. Так, смысл определенного числа - в его отличии от другого числа. 25 - число, которое содержит множество именно в 25, а не в 24 и не в 26 единиц. Другими словами, ограничение данного числа имеет смысл в его соотношении с иными определенными же количествами. Но раз предполагается выход за границу этого определенного количества, то точно так же предопределен выход за границы другого определенного количества, а следовательно, сам из себя развертывается момент нескончаемости, бесконечности такого выхода.

Таким образом, определенность числа 25 - в существовании бесконечного множества больших и меньших, чем оно, чисел. Мы уже можем предвидеть, какое название получит у Гегеля такой первоначальный этап бесконечности. Гегель по аналогии с дурной бесконечностью или прогрессом в бесконечность сферы качества называет следующую системную стадию. Речь идет только о выражении обрисованного противоречия: определенное количество полагает себя как бесконечное. Дело для логики заключается в том, чтобы повести мысль в направлении разрешения противоречия посредством снятия в более высоком определении. Но важно и то, что даже в мысли, пока еще построенной по модели бесконечного прогресса, обозначился переход на новую стадию развития знания о бытийных определенностях -

289

стадию, чреватую имманентной диалектикой совершившихся и назревающих переходов: 56.

Гегель, как и в сфере качества, анализирует внутренние противоречия мышления по модели дурной бесконечности, чтобы показать, что оно остановилось в том пункте, который в себе уже содержит необходимость дальнейшего диалектического движения. Когда происходит движение, направленное на отрицание, снятие определенного количества, то обыкновенно обращают внимание только на это первое снятие, на первое отрицание. Говорят, что определенное количество, как бы велико или мало оно ни было, может изме-

няться до такого предела, что оно исчезает и, значит, можно выйти за предел его, в нечто, стоящее по другую сторону определенного количества. На том и останавливаются, не принимая во внимание, что фактически в мысли об этом первом отрицании содержится внутренне нераскрытой идея второго отрицания, отрицания отрицания. Это существенный момент, который позволит нам понять и смысл движения на категориальной стадии количества, и общую закономерность движения всех вообще бытийственных определений - закон отрицания отрицания, один из важнейших законов диалектики. (Гегель и далее в станет обращаться к этому закону.) На стадии качества он уже помог Гегелю выбраться из парадоксов дурной бесконечности, скучного прогресса в бесконечность и перейти к количественной бесконечности.

Принцип отрицания отрицания учит: столкнувшись с парадоксией конечного-бесконечного - теперь уже на количественной стадии - мы должны восстановить в памяти пройденный крупный этап системного движения, отрицанием, снятием которого явилась та стадия, на которой мы теперь находимся. Мы должны как бы поместить совершаемое нами на этой стадии отрицание таким образом, чтобы обнаружить, какая стадия ему предшествует, в нем снимается (первое отрицание) и какая стадия будет следующей, снова готовя отрицание, снятие (отрицание отрицания). Определенное количество возникло в результате отрицания, снятия качественной границы. Когда переходят на стадию бесконечного прогресса, то второе отрицание в глубоком, действительном смысле еще не имеет места, хотя уже как бы содержится в нем. Надо сделать отрицание отрицания явным и работающим принципом. В данном

случае для нас важно, что в законе и в процедуре отрицания отрицания высвечивается именно системная диалектика: согласно Гегелю, должна быть не только возможность выходить за пределы определенного количества в его - что как будто бы и есть бесконечность, но нужно, чтобы стала и эта неистинная, дурная бесконечность. Она тоже должна быть подвергнута отрицанию. Происходит это благодаря возвращению мысли от бесконечности к самому определенному количеству, к новому определению его - через понятие количественного отношения.

Мы не имеем возможности из-за недостатка места рассматривать стадии гегелевского анализа в данном категориальном подразделе, в которых излагается то, что можно было бы назвать гегелевской диалектической философией бесконечно малых. Рассуждение здесь становится специальным философско-математическим анализом. Оно еще ждет своего глубокого истолкования, для чего должны быть соблюдены по крайней мере два условия.

Во-первых, необходимо профессиональное знание математики, ибо Гегель вникает в специальные математические работы Декарта, Ньютона, Лейбница, Лагранжа, Кавальери (и других авторов), что неудивительно, если учесть, что автор хорошо знал и даже преподавал математику.

Во-вторых, столь же существенны глубокое знание всего категориального контекста, тонкое понимание специфических задач системного логического движения в категориальной сфере количества, стало быть, желание и умение проникнуть в необычную ткань специального гегелевского логического и философского рассуждения.

Надо принять в расчет, что у Гегеля понятия, ,,, и имеют другой смысл, чем в математике, что поэтому переход анализа от математического к логическому срезу чрезвычайно труден и многозначен.

Переход от данного раздела к третьей категориальной сфере бытия - к - также один из самых сложных и туманных в. Суть его - в том, чтобы от количественных определенностей снова возвратиться к качественным, но, разумеется, уже на новой основе. Размышления о бесконечно малых позволяют Гегелю сделать вывод, что в (а они смоделированы по

исчислению бесконечно малых) количество, безразличная к бытию определенность, снова возвращает мысль к ка291 честву, ибо тенденция количества к уже является его особым качеством. На примере исчисления бесконечно малых Гегель показывает, что мысль математиков и физиков не случайно ищет выхода из внутренних противоречий и трудностей в переходе к каким-нибудь качественным формам и образам, т. е. в прикладной сфере, будь то геометрия или физика.

Но вообще гегелевская логика здесь, пожалуй, больше подчинена заведомой телеологичности, предопределенности перехода к единству количества и качества, чем внутренней логике раскрытия определений предшествующей ступени, как это было до сих пор. Из разъединенности качества и количества нужно получить их единство, ибо без него немыслима диалектическая целокупность. 57.

Проблема меры признана самим Гегелем одним из самых трудных предметов рассмотрения58.

Предваряя развертывание конкретных определений меры, Гегель суммирует общий смысл всей этой сферы (надо сказать, излагаемой в более лаконично, чем два предшествующих раздела учения о бытии). Эти разъяснения весьма интересны тем, что четко обозначают реальные проблемные корреляты движения логической мысли на стадии меры. Гегель говорит, что при дальнейшем определении количества и анализе его абстрактных связей с качеством имеется в виду, которая в ее связи с конкретными предметами выявляется в частных науках о конкретном (в связи с чем автором впоследствии была вставлена ссылка на § 267 и 270, где механические законы свободного падения и движения тел рассмотрены как применения понятия меры). Гегель предупреждает, что только в области механического рассмотрения может иметь место 59. Уже в области физического, а еще более в сфере органического имеет место не

чистое развитие отношений меры, а ее подчинение более высоким отношениям, замечает Гегель. Что же касается социальной жизни людей, то те или иные количественные отношения (например, соотношения количества индивидов, занятых в различных видах деятельности) нельзя принимать за сколько-нибудь постоянные и окончательные, какие можно установить по отношению к движению природных тел. Гегель предупреждает и против игры в, т. е. количественно определенные соотношения в психологии60.

Первая стадия развития определений меры -. Мы должны вспомнить, что переход к мере состоялся тогда, когда стало ясно: определенное количество в-себе и качественно. А это хорошо видно в осуществившемся теперь переходе к развертыванию - на новом уровне - качественных характеристик. Безразличие количества к качеству существует лишь до определенного предела. Всякое наличное бытие имеет определенную величину. До какого-то предела изменение величины не меняет качества. Но все же не безразлично к изменению величины, ибо с ее изменением меняется и качество. 61. Когда понятие меры употребляется в обыденном смысле - как масштаб для каких-нибудь других вещей, - то выявляются особенности продвижения мысли по первым ступенькам стадии меры. Хотя применение какого-либо масштаба не случайно представляется безразличным данной вещи (масштабы - следствие некоторого соглашения, а не некая), все-таки наличие в вещи некоторой измеряемой при помощи таких масштабов величины вовсе не внешний для ее существования фактор. Обнаруживается это, так сказать, в крайних, предельных ситуациях исчезновения качества, гибели (или, напротив, появления) вещи, что, по Гегелю, и было зафиксировано в древних софизмах (и). Так намечается переход к следующей стадии - специфическое определенное количество становится.

Внешне данная стадия налицо тогда, когда формируется некоторое правило, или масштаб, при помощи которого измеряются некоторые виды предметов или состояний. Когда такое правило измеримости, сравнения уже появилось, то

это означает, что мыслью взята еще одна высота, выяснились некоторые формы и степени связи качества и количества. (Примером для Гегеля является измерение температуры тел.) Единство количества и качества, к которому первоначально прикоснулась системная мысль, сразу диалектически распадается на две стороны меры: то, при помощи чего измеряется единство количественных и качественных отношений, и то, что соответствует ему в самих измеряемых предметах (пример - измерение температуры и тех качественно-количественных единств, которые соответствуют теплоемкости, но нетождественны способам ее измерения). Через постулирование сначала этого раздвоения совершается переход к.

В нашей литературе обнаруживалась связь между движением категориальной сферы количества у Гегеля и выведением эквивалентной формы стоимости в Маркса62 - связь, о существовании которой определенно говорил Маркс в предисловии ко второму изданию своего труда. Поэтому мы позволим себе не останавливаться на этой стороне дела. Другая возможность проиллюстрировать особенности системной ступени мысли, подробно обрисовываемой здесь Гегелем, - периодический закон Менделеева - глубоко и интересно использовалась в известных работах Б. М. Кедрова. Логический принцип построения рядов количественных отношений меры, которые становятся действительно,, Гегель усматривает в установлении связи прежде разрозненных качественной и количественных мер, в приведении в отношений количества и качества, которые взяты в их единстве, но главным образом с точки зрения обусловленных определенностью количества границ качества.

И хотя Гегель не мог предвидеть, скажем, формирования периодической таблицы химических элементов, он в известной степени определил область и направление поисков, поскольку в примечании к анализируемому подразделу материалом ему служила именно химия: 63.

Тем самым иллюстрируется и гегелевское понятие, и понятие, и закон перехода количественных отношений в качественные и обратно.

Эти понятия иллюстрируются при помощи довольно простых, понятных, а потому многократно описанных в гегелеведческой литературе примеров. Таким рядом, в котором видны узловые линии меры, Гегель считает натуральный ряд чисел. Продвижение по шкале натурального ряда в обоих направлениях показывает, что каждое число - воплощение узловой линии меры, а переход от одного к другому подчинен и определенному количественному закону.

Можно составить ряды соответствия между высотой звука и числом колебаний и т. д.64 Гегель, вводя рассмотренные категории, глубоко и обоснованно критикует философские концепции, согласно которым в природе нет скачков. Он предлагает присмотреться к природе того перехода, который означает возникновение или прохождение какого-либо качественного состояния: здесь уже остались позади промежуточные стадии перехода. Иными словами, совершается скачок., - пишет Гегель65.

Благодаря переходу к мере в исследовании бытия также происходит скачкообразное изменение.

В итоге анализа обнаруживается: качественное и количественное, которые до некоторого предела мыслились друг к другу (так что в рамках каждой из этих категориальных сфер законом было движение к иному), вдруг предстали взаимопроникающими:

66. А это

новый тип отношения категорий. Как только анализ наталкивается на данные отношения, бьет час перехода к новой стадии - к категориальной сфере сущности.

Последуем за Гегелем в его глубоком и интересном системно-категориальном диалектическом анализе.

\1 См.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в Маркса. М., 1960. 2 См.: Шинкарук В. И. Логика, диалектика и теория познания Гегеля. Киев, 1964, с. 163, 164; Воробьев М. Ф. О логических (гносеологических) оттенках бытия вообще - исходной клеточки логики Гегеля. - Вестн. ЛГУ. Экономика, философия и право, 1975, вып. 2, с. 56 - 64; Сорокин А. А. Логика Гегеля и логика Маркса. - В кн.: Междунар. гегелевский конгр. 10-й. М., 1974, вып. 1, с. 111 - 125. 3 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 124. 4 Там же, с. 125 - 126. 5 Там же, с. 131 - 132. 6 Там же, с. 126. 7 Там же, с. 125. 8 Там же, с. 126. 9 См.: Там же, с. 128 - 129. 10 Там же, с. 128. 11 Там же, с. 126. 12 Там же, с. 129. 13 Там же, с. 136. 14 Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965, с. 59. 15 Там же. 16 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 140. 17 Там же, с. 151. 18 Там же, с. 152. 19 Там же, с. 151. 20 Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1929, т. 1, с. 144. 21 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 165. 22 Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963, с. 47 - 48. 23 Не станем разбирать более частный вопрос о том, адекватны ли термины, при помощи которых В. Гейзенберг сопоставляет квантовомеханическое и античное представления об атомах. Важно то, что исторические сопоставления при характеристике бытия частицы оказались необходимы физику не в меньшей мере, чем философу, строящему систему логики. 24 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 167. 25 Там же, с. 168. 26 См. соответствующую критику (Там же, с. 177). 27 Там же, с. 176. 28 Там же, с. 181. 29 Там же, с. 186. 30 Там же, с. 190. 31 Там же, с. 191. 32 См.: Там же, с. 195. 33 Там же, с. 204. 34 Там же, с. 207. 35 Там же, с. 213. 36 Там же, с. 218. 37 Там же, с. 219. 38 Там же, с. 221 - 222. 39 Там же, с. 223. 40 Там же, с. 222. 41 Там же, с. 224. 42 Там же, с. 224 - 225. 43 См.: Там же, с. 230. 44 См.: Там же, с. 233. 45 Там же, с. 235. 46 Там же, с. 236. 47 См., например: ПанченкоА.И.

Логико-гносеологические проблемы квантовой физики. М., 1981, с. 69. 48 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 238. 49 Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 1, с. 170. 50 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 258 - 259. 51 См.: Там же, с. 261. 52 См.: Там же, с. 260. 53 Там же, с. 274. 54 Там же, с. 275. 55 Там же, с. 303. 56 Там же, с. 305. 57 Там же, с. 414 - 415. 58 См.: Там же, с. 422. 59 Там же, с. 423. 60 См.: Там же, с. 424. 61 Там же, с. 425. 62 См. выше примеч. 1 и 2. 63 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 451. 64 Аналогичные по теме и проблеме рассуждения см.: Борн М.

Моя жизнь и взгляды. М., 1973, с. 122. 65 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 466. 66 Там же, с. 475.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Категориальная диалектическая логика сущности и понятия, ее роль в реализации и осмыслении системного принципа 1. Учение о сущности: соответствие между решением системных задач научной теории и диалектическим движением основных категорий Учение о сущности не случайно представлено в гегелевской логике более лаконично, чем учение о бытии (соответственно и нами оно будет рассмотрено более кратко). Категории, анализируемые в данной сфере, на второй крупной ступени логической системы, - категории тождества и различия, противоречия, причинности, случайности и необходимости, действительности и т.д. - достаточно глубоко исследовались в истории философии, что облегчает их рассмотрение в диалектической логике Гегеля. В то же время при разъяснении структур и переходов сферы сущности автор имеет возможность опереться на подробные разработки общих для всей науки понятий и принципов, которые были даны в предшествующем разделе. Сопоставления с бытием имеют целью показать связь и различие двух системных сфер: и.

Так, введение самой объединяющей всю сферу категории сущности и первой раскрывающей ее категориальной ступеньки (что значит: рассмотрение сущности под категориальной формой рефлексии) почти целиком получает свое содержание, толчок своего развертывания от сферы бытия. Как мы уже знаем, это и есть один из важнейших для Гегеля моментов диалектического системного принципа: предшествующая ступень изнутри порождает определения более высокой ступени научного познания. Почему на более поздней ступени необходим? 1. То, чем стала сущность, поясняет автор, порождено не некоторой чуждой ей отрицательностью, а бесконечным движением бытия. Поэтому возвращение мысли к некоторым особенностям сферы

бытия и есть первоначальный способ определения вновь возникшей категориальной сферы. Общие характеристики логики сущности здесь выступают в виде металогики и по отношению к пройденной сфере бытия, и по отношению к далее развертываемой диалектике самой сущностной сферы2. Для этого, по Гегелю, необходимо прежде всего осмыслить природу общего системного результата и способов работы с полученными определениями, например с определенностями количества и качества.

Что дали логической мысли (и соответственно логике научной теории) многообразные приемы выявления качественных и количественных определенностей, приемы соотнесения качества и количества, фиксирования узловых линий меры? Это были главным образом методы работы с бытием как областью преходящего, изменчивого. Это было освоение одной стороны общего противоречия развития. Благодаря систематическому применению таких методов возникает возможность поставить вопрос: есть ли за всеми этими изменчивыми взаимосвязанными характеристиками бытия нечто постоянное, пребывающее? Как только этот вопрос вступает в силу, делается актуальным первый переход к новой стадии исследования. Логика обозначает ее через категорию. Общий тип системных задач, ставимых на этой стадии, определяется ее промежуточным положением между сферой бытия и третьей крупной сферой логики -.

Гегель и начинает логику сущности с выяснения общего типа системных задач и далее дает, так сказать, дробление на подзадачи, совпадающие с подразделами и более мелкими рубриками сущности, каждая из которых получает категориальное обозначение. Основных с логической точки зрения шагов Гегель и тут различает три: 1) видимость (где речь идет о типах рефлексии); 2) определенные сущности или рефлексивные определения; 3) основание. Каждый из подразделов внутри себя также делится, а внутренние членения подразделов также распадаются на троицу более мелких категориальных определений.

Мы охарактеризуем их не с одинаковой степенью подробности.

Подобно тому как на уровне чистого бытия исследователь должен познать специфику научного исследования как такового, и особенно теоретического системного исследования, так на стадии рефлексии происходит осваивание специфики сферы сущности и специфического для нее способа работы с категориальными определениями. Способ взаимо298 связи определений в сфере бытия и соответственно способ перехода от категории к категории в бытийственной сфере, как было подробно показано ранее, осмысливался Гегелем с помощью понятий,,.

Теперь таким понятием, под крылом которого специфицируется новая сфера с точки зрения типа взаимосвязи и самодвижения определений, становится. Если на уровне бытия наличие бытийственной сферы постоянно притягивало к себе исследовательскую мысль и служило источником дальнейших отрицаний, производимых мыслью, то теперь началась более имманентная и более свободная теоретическая работа именно рефлексивной природы. Способность теоретической мысли полагать определения (а она ведь проявила себя в действии уже на стадии бытия) логика в сфере сущности впервые делает предметом спе-

циального обобщающего анализа. Гегель передает эту системную задачу, системную установку, сопоставляя сферы бытия и сущности: 4.

Ведь произошло изменение статуса тех определений, которые получены благодаря. Их субстратом действительно является не бытийственная сфера как таковая, познаваемая наукой. Ближайшая (Гегель и употребляет слово) определений рефлексии не что иное, как сам процесс определений. Именно он есть совершенно специфическое, с которым, как с исходной почвой, могут и должны соотноситься рефлексивные определения, прежде чем они снова благодаря сложным опосредованиям выйдут к бытийственной сфере. Отход от эмпирически данного (как наличия физического мира) начался, как мы видели, с первых шагов. Но только на стадии сущности обеспечивается сознательное самопорождение определений научной теории.

Это значит: теоретику придется иметь дело с бытийственностью особого рода, отличной даже от теоретически

опосредованного бытия первой сферы. И потому для понимания и соотнесения сущностных характеристик приходится принимать в расчет сложнейшее -. Гегель считает осознание этого необходимым предварительным условием, без которого мысль ученого не может выйти к успешной работе по вычленению, скрывающегося за взаимосвязью качественных и количественных характеристик. Не случайно естествоиспытатели подчеркивают тот же момент, хотя специфику бытийственности, с которой они теперь работают, они обозначают при помощи иных терминов, чем это делает Гегель.

Но довольно часто именно сущностные понятия науки интерпретируются как конструкции ума, как сфера, которая имеет свои основания только в самой себе и является совокупностью, сопоставимых только друг с другом.

На второй ступеньке - продолжается процесс расшифровки движения в новой сфере. Это делается благодаря введению категорий тождества и различия. Общее значение данной стадии системного движения теоретической мысли может быть охарактеризовано следующим образом.

Когда теоретическое познание переходит на уровень сущности как таковой, то первая ступенька, правда, имеет своей системной задачей освоение природы рефлексивных определений, фиксирование специфики той бытийственности, с какой теперь имеют дело. Однако как бы ни были необходимы такие метасистемные, металогические подготовительные шаги, содержательное сущностное освоение исследуемой области на первых порах происходит не иначе нежели благодаря общему определению границ и специфики качественно-количественных единств, полученных на прежних этапах научного анализа. Стратегия исследования такова, что первые шаги сущностного рассмотрения совпадают с обобщенным фиксированием единства, однородности исследованной и далее исследуемой сферы, причем в ее существенной связанности теми бытийственными определениями, которые уже имеются и нашли плодотворное применение в науке. В Гегель дает более четкие разъяснения относительно того, с какими именно стадиями исторического развития наук коррелируется выход логики на категориальный уровень тождества. Например, от ранее разработанных принципов механики, ее методов переходят к их последовательному и все более широкому применению, причем различные качественные состояния действи300 тельности выступают под знаком тождества с соотношениями качества - количества, узловыми линиями мер, найденрыми механикой. Иными словами, имеет место во многом плодотворная, хотя и противоречивая в своем конкретном исполнении редукция к механическому (или к физическому, химическому)5.

На примере самой логики Гегель показывает, как плодотворная в целом отработка процедур отождествления (и решения соответствующих системных задач - системных потому, что эффективные результаты возможны только при улавливании и сохранении связи с

предшествующими ступенями, при планомерном переходе на более высокие, новые ступеньки) может вести и, более того, в эмпирической истории мысли обязательно вела к ошибкам редукционизма. При этом редукционизм - погрешность, выражающаяся именно в забвении необходимости диалектико-системного хода мыслей. Ибо редукционализм истолковывает операцию отождествления как самодостаточную задачу мышления; своеобразное застревание на тождестве возводится в высший мыслительный закон. В какой мере Гегель справедлив или несправедлив по отношению к формально-логическому закону тождества, мы не станем разбирать, тем более что этот спорный вопрос немало обсуждался в нашей и зарубежной литературе. Подчеркнем только тот момент, который существен для нашей темы: при помощи диалектико-логической интерпретации закона тождества Гегель намечает переход к категориальной ступеньке различия. Это делается при помощи уже известного нам приема выявления скрытой логики и диалектики анализируемого феномена (здесь: формально-логического закона тождества). Выводы Гегеля:; 6.

Что касается категориальной ступеньки различия, то она своеобразный негатив позитива, которым было тождество.

И коррелируется различие с такой тенденцией развития наук, когда стремятся к открытию 7, что, разумеется, есть необходимая ступень анализа, однако лишь в случае, если она прерывается установлением тождества, т. е. существенных отношений единства между вновь открытыми сферами. Для стадии сущности ха301 рактерно то, что дальнейшее продвижение анализа - это не снятие тождества и различия в некоторой третьей категории, не переход к иному, а рефлективное соотнесение их, выяснение того, как тождество через различие и наоборот. Иными словами, прирост содержания, его саморазвертывание осуществляются благодаря тому, что тождество и различие - как категории, как стадии системного анализа - вступают в особое отношение друг с другом.

Выяснение характера их отношений - это и есть задача, решаемая на следующей системной стадии. Делается это при помощи выявления, высвечивания скрытой логики мышления, в том числе повседневного, обыденного.

Давайте присмотримся, как бы приглашает читателя Гегель, к простейшей процедуре различения вещей, состояний и т. д. Две вещи, говорим мы, различаются между собой тем, что… Вот это показательно. Оно означает: различие не нечто такое, что можно как особое . Мы постигаем различие только благодаря соответствующей рефлексии. На что же мы рефлективно опираемся, когда говорим о различии, фиксируем его? Да на то, что хоть в каком-то отношении имеется и тождество.

Вначале фиксированные в определенной зависимости друг от друга тождество и различие все же выступают как. Смысл первых этапов категориального движения в сфере сущности Гегель, стало быть, видит в том, чтобы показать, что не только, хотя и она немаловажна, характеризует движение мысли между отождествлением и различением и внутри каждой из процедур. При помощи отождествления и различения, особенно когда они являются сознательно, системно исполняемыми процедурами теоретического научного познания, редуцирование или дифференциация становятся установлением однородности или неоднородности, изоморфности или неизоморфности бытийственных сфер, целостностей, с чем сопряжена практически плодотворная возможность применить методы одних наук для изучения других бытийственных срезов (например, методов механики, физики и химии для изучения живых организмов) и в то же время ориентироваться на границы применимости, т. е. на.

Идея Гегеля заключается далее в том, что именно благодаря исчерпыванию возможностей отождествления (как плодотворного редуцирования) и обязательно увязанного с ним столь же плодотворного различения уже происходит не всегда замечаемое учеными продвижение на новую ступень теоретического анализа. При этом переход не есть, а постижение, т. е. взаимной рефлективности процедур первого и второго рода.

Если переход к количеству был принципиально возможным при временном отвлечении от качества (переход к иному, в иное), то переход к новой ступеньке сущности возможен

не иначе как через непосредственное развертывание целого как особого соотношения двух типов процедур, отождествляющих и различающих. Тогда, и только тогда, когда исполнены, пройдены, исчерпаны отождествление - различение, можно выйти к противоположностям, а через них к раскрытию противоречия.

Таков переход Гегеля к категориальной ступеньке, где исследуются единство противоположностей и противоречие, которые совершенно очевидно зависят от развертывания, от действенного осуществления системного принципа. Отсюда следует весьма важный вывод: как бы ни пытались люди, претендующие на диалектическое понимание, непосредственно прилагать категорию противоречия и учение о противоречии к каким-либо отношениям и связям действительности, хотя бы видимость плодотворности это может иметь лишь в том случае, если кто-то проделал требуемое диалектикой предшествующее движение познания. Согласно ходу мыслей Гегеля, подтвержденному, в частности, логикой Маркса, без предшествующего постижения и раскрытия определенностей и прохождения непосредственно предшествующей стадии (с применением операций отождествления и различения) невозможно теоретическое, исследовательское осмысление противоречий. Возможно, эти предваряющие стадии в том или ином виде уже пройдены человеческой мыслью или отношения противоречия выявились через коллизии самой жизни. Но все равно, познание противоречия, которое может продвинуть научную мысль к новым горизонтам, должно иметь, так сказать, стадиальный характер.

Мысль о противоположностях и противоречии, таким образом, рождается из процедур отождествления и различения, т. е. из установления сходства и различия. В Гегель не без остроумия поясняет, что проблемой для человеческого познания, а особенно для познания научного оказывается не различение того, что несомненно различно (например, нет трудности в том, чтобы различить перо и верблюда), и не отождествление того, что явно сходно (например, бук и дуб). Вся проблема в том, чтобы различать то, что тесно связано, и отождествлять то, что кажется существенно различным. Поэтому уже нахождение

мыслью таких нетривиальных и - при условии, что установление тождества и различия между двумя состояниями, предметными единствами, зиждется на объективно нерасторжимой связи, к постижению которой приблизилась наука, - содержит в себе гарантию перехода анализа к изучению противоречий.

Но это еще не сам выход. Его опосредует очень важная категориальная ступенька (третья в рубрике). Ее Гегель через по видимости абстрактное размышление, в котором смысл операций отождествления - различения глубоко увязывается с проблемой сходства - различия самих вещей (а диалектико-логический анализ плодотворно выходит также и на онтологический уровень). Положим, сопоставляются две вещи, которые признаются различными. Но что признается состоящим в отношении противоположения? Не сами эти вещи, а рефлективные определения, в соответствии с которыми обе вещи, с одной стороны, признаются разными, а с другой - в чем-то отождествляются. Это весьма существенный момент. Согласно Гегелю, именно благодаря рефлексии выделяются две стороны: одинаковость и неодинаковость, причем надо твердо помнить, что различаются они в деятельности рефлектирования, так что одна сторона через другую. Поскольку Гегель называет также, а - отрицательным, то далее противоположение рассматривается через соотношение положительного и отрицательного моментов.

В реальном научном познании стадия обретения противоположностей соответствует этапам, на которые перемещается научное познание, когда оно зафиксировало единство и взаимовлияние тождества и различия. Если пользоваться приведенными выше гегелевскими примерами: биологическое соотнесено с химическим, механическим, физическим и т.д.; в какой-то мере выявилась плодотворность редуцирования к тождественному и одновременно обнаружились ограничения, полагаемые различиями. Согласно гегелевской

логике, следующей системной задачей должен быть рефлективный анализ двух (скажем, биологическое и химическое) с целью выявить отношение двух процедур теоретической рефлексии: отождествления и различения. Последние должны выступать как противоположения, как и, причем мысль обязана четко зафиксировать их принципиальную неотделимость друг от друга, друг в друге. Следующий

304

этап - возвращение к сущности (скажем, к), которое, однако, на данной системной стадии может явиться не иначе как через соотношение уподобляющих и различающих процедур. Так происходит восхождение на категориальную ступеньку, в свою очередь образующую переход в третий подраздел - он называется.

О противоречии, что, возможно, разочаровывает некоторых читателей, у Гегеля сказано очень немного, причем большая часть и без того краткого текста - это поясняющие примечания. Тут нет ничего случайного. Противоречие - категория, которая формально обозначает только один из необходимых моментов, одно из звеньев цепи, объединяющей ставимые и решаемые логические системные задачи. Но вместе с тем вся рефлективная сфера, т. е. вся сфера сущности, - философский рассказ о том, как через различные пары категориальных определений фиксируются и разрешаются проблемные противоречия мысли, в свою очередь, через рефлексию, или, противоречия самой действительности. Вот почему в и в особенности в Гегель неоднократно подчеркивает универсальное значение выявляемого здесь принципа мышления, закона мысли; такого рода определения, согласно которым противоречие движет и миром, и человеческой мыслью, мы позволим себе не цитировать, ибо они общеизвестны.

В связи с проблемой противоречия рассматриваются формально-логические законы исключенного третьего и противоположности. Мы не станем вникать и в эту сторону дела, ибо в литературе данному разделу было посвящено много работ, причем как бы в подтверждение значимости категорий противоположности и противоречия скрестились мнения прямо противоположные.

Укажем лишь на то, что оба закона снова выполняют в гегелевском изложении конструктивную роль: налагаемые формальной логикой запреты на противоречие косвенно демонстрируют именно неустранимость противоречия: 8. Отец нечто иное, чем сын, но оба понятия имеют смысл исключительно в соотношении друг с другом.

305

Конечно, они есть нечто и вне этого соотношения. Но тогда тот, кого мы назвали отцом, будет мужчиной вообще, гражданином государства и т. д. Тем самым выясняется важнейший момент: противоречие толкает мысль к раскрытию некоторого единящего противоположности и порождающего их основания: 9.

О категориальной ступеньке будет сказано очень кратко. Общее назначение этой стадии - перейти от оперирования рефлективными определениями сущности к тому, в чем они коренятся. А коренятся они, как было показано, в процессе полагания, который является непосредственной их почвой. Есть у них и подпочва - осмысленное ранее отношение бытия. Поэтому должны быть последовательно введены, по Гегелю, категориальные определения, которые вновь, на более высокой стадии, возвращают исследование к бытию. Вслед за появятся, а затем и. Важно, что существование - первая категориальная форма, вводящая в подраздел. И отсюда один из наиболее принципиальных для нашей темы вопросов: почему понадобилось пройти целую ступень ( ), чтобы перейти к явлению? Разве все, сущность чего мы познаем, уже не становится явленным прежде, чем заходит речь о сущности? Не значит ли это, что, обрисовывая ход человеческого познания, следует начинать с явлений, а затем переходить к сущности?

Согласно логике Гегеля, сознательное развертывание системной научной теории должно сначала остановиться на исходных определениях сущности и только затем особо явления. Но и введение сферы явлений в логическом отношении есть процесс постепенный, проходящий ряд предварительных стадий. Дело в том, что научное (и вообще) познание явлений не простое описание всего непосредственно наблюдаемого. Ведь это должны быть явления, опосредованные знанием существенного для данной науки. В системном построении особенно важны упомянутые подготовительные шаги. Сущностное отождествление и различение, отграничение противоположностей и исследование их отношений по типу противоречия - предварительные предпосылки перехода к чему-то, которое, однако, будет взято наукой в совершенно особом ракурсе, аспекте.

306

И Маркс в перешел к проблеме (обращение товаров) не раньше, чем на первом этапе раскрыл (природу товара, для чего были предварительно введены понятия потребительной и меновой стоимости, последовательно раскрыты качественные и количественные отношения товара, показана их мера - эквивалентная форма стоимости). Но и перейдя к такой обычной для капитализма стихии, как обращение товаров, создатель научной политэкономии капитализма дает ей в особом виде. Посредником явленности сущности становится - как в гегелевской логике - именно противоречие.*.

Маркс далее показывает, в каком смысле совершается в процессе обращения: внешней противоположностью становится распадение на товар и деньги, а внутренней - столкновение потребительной и меновой стоимостей:**. Эти рассуждения Маркса - хорошая иллюстрация применения и развития в реальном теоретическом научном исследовании системного типа категорий тождества, различия, противоположности, противоречия, взятых в их содержательном соотношении с соответствующими процедурами, шагами исследования.

Истолкование упомянутых противоречий снова возвратило исследование к чистой товарной форме как основанию противоречия: сущность подвела снова к бытию - к как клеточке теории. Однако товар появился уже как внутренне противоречивое бытие. Нельзя забывать**,**

(*0Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 113 - 114.)

(**Там же, с. 114 - 115.)

307

что товар избирался как клеточка исследования отношений капитализма. Сущность их должна еще и, так сказать, облечься, к чему и подготавливает выход в сферу обращения товаров. Однако оказалось, что анализ обращения, возвративший снова к товару как клеточке, пока не дал прямого ответа на вопрос о капитале, о причинах его появления. И все же благодаря анализу сферы обращения Марксом был получен вывод, толкающий к дальнейшим системным поискам. Капитал не может просто и непосредственно возникнуть из обращения товаров, если их обмен происходит эквивалентно. Надо искать нечто другое. Вместе с тем к появлению капитала процесс обращения обмена товаров имеет определенное отношение - какое именно, предстоит выяснить.

В гегелевском логическом анализе аналогичная стадия фиксируется абстрактно, через последовательное определение: 10. Гегель не случайно опровергает в анализируемом разделе обыденные формы оснований (поступков, событий и т. д.), ибо речь в строгом смысле идет о совершенно особой стадии анализа, которая лишь поверхностно дает о себе знать при обычных апелляциях к основаниям. Тут логически препарируется сложнейший ход мысли исследователя, когда он, как было сказано, ищет основание изучаемой сущностной связи (в анализе Маркса - основание прибавочной стоимости).

Дело не в доказательстве реального прибавочной стоимости, ибо она является повседневным фактом капиталистического общества. Нужно привести исследование к такому пункту, когда искомая (Wesenheit) станет явной, т. е. когда станет явленной, сущность. Или, говоря иначе, надо найти такие специфические условия, при которых станет ясным процесс рождения прибавочной стоимости, ее. Выявив, что прибавочная стоимость

308

рождается в обращении и одновременно не в обращении, Маркс показал, что условием должно стать отыскание особого товара, рассмотрение которого - без нарушения принципа эквивалентного обмена товарами, полученного в результате всего предшествующего системного движения, - раскроет тайну рождения капитала. Таким товаром, как известно, является для Маркса рабочая сила.

Логические особенности данного этапа системного движения теоретической мысли глубоко подытожены в следующих по видимости абстрактных гегелевских характеристиках категориальной ступеньки, переходящей - через постулирование существования - в сферу явления:

11.

Согласно всему смыслу гегелевского логико-системного рассуждения никак нельзя путать появившуюся на особой стадии научного рассмотрения категорию с чем-то действительно наличным, сущим. Иначе будет неясно, как же нечто,, - суть дела (Sache) - есть раньше, чем существование. Но это разъясняется, если иметь в виду системный ход мысли. В примере Маркса суть дела - это прибавочная стоимость, которая, конечно,, и она имеется также и помимо всякой мысли о ней. Однако в теоретическом познании она должна уже после выявления особых условий ее порождения: ее, как говорит Гегель, полагают ее условия. Впрочем, не случайно и то, что Гегель пользуется в данном случае термином (буквально: вещь), ибо стремится вызвать у читателя онтологические ассоциации. Они достаточно правомерны.

Когда теория выявляет совокупность сущностно необходимых условий, исследуемого ею отношения, то ведь речь должна идти также об условиях (не всех, но некоторых), какие были необходимы,

309

чтобы данные отношения реально возникли и возникали, что называется, ежедневно. Нигде и никогда не может прибавочная стоимость, если не будет найден на рынке труда особый товар - рабочая сила. Теория раскрывает тут глубочайшую тайну сущности и вместе с тем проливает свет на историю, генезис изучаемого ею бытийственного среза. Вот где в конкретном движении анализа снова объединяются системная логика мысли и история ее предмета, стало быть, работают вместе гегелевские принципы системности и историзма. В теории, как было показано, к сфере проявления и сущности нужно выйти при помощи специальных методов. Применительно к теории капитализма дать проявиться сущности - отношениям прибавочной стоимости - значит повернуть анализ от сферы обращения к сфере производства, от отношения товаров перейти к выражающим их отношениям людей. В системе гегелевского логического движения аналогичная системная проблема и задача анализируется в сфере.

В подразделе нас прежде всего ожидает встреча с категориальными ипостасями ступени существования:,,. Снова может возникнуть недоумение: откуда же взялись на стадии исследования? Не устранена ли подобная категориальная позиция уже тогда, когда теоретическая работа преодолела ступеньки качества (где речь тоже как будто шла о свойствах

вещей)? Чтобы ответить на эти вопросы, надо понять, какую роль категории и выполняют в разделе о сущности. Предварительно можно заметить, что здесь, как и в ряде других мест, трудности порождаются использованием традиционных терминов в новом смысле. (Впрочем, в истории философии это случай более частый, чем словотворчество.) На данной стадии логического анализа понятие вещи - и соответственно размежевание с кантовской концепцией - играет иную роль, нежели в разделе о бытии.

Строго говоря, и там и здесь Гегелю нужно было бы создать новую категориальную терминологию. Однако снова же приходится констатировать, что, отходя в логической интерпретации от чисто онтологических по своему назначению определений (вещь, свойство и т.д.), но в то же время сохраняя именно эти категории, Гегель поступал обдуманно по отношению к реализуемому и в сфере сущности идеалистическому замыслу. Он опирался

и на то реальное обстоятельство, что между вещью как реально существующим физическим предметом и теперь, между материальностью мира и вещи, о которой идет речь в подразделе, все-таки есть связи, пусть сложноопосредованные. Однако сначала нам нужно выявить особую роль проходимых теперь логикой стадий системного исследования.

Гегель устанавливает, что, к которой продвинулась логика после общего постулирования существования, - это абстракция, причем абстракция особого рода.

Гегель критикует Канта за: это 12. Повторяется упрек, который сделан в учении о бытии13. Проблема, по Гегелю, и в учении о бытии, и в учении о сущности заключается не только в том, чтобы понять теории как некоторую абстракцию, но чтобы осмыслить специфику достигаемого в каждом случае уровня абстрагирования. Смысл прохождения мысли через стадии вещи, ее из различных и последующего вещи виден из собственных гегелевских пояснений.

Это, например, такая стадия рассмотрения электрических взаимодействий, когда от отдельных исследования через абстрактные понятия, их выражающие, переходят к более общим постулатам относительно включенности электричества в реальные процессы. Насколько труден такой переход для науки, настолько труден он и для Гегеля. Несмотря на то что Гегель прибегает к опровергнутым историей науки понятиям (например, к теплороду), стадия, о которой он говорит, весьма важна и по-своему непреходяща; для развития научного познания необходимо, чтобы наряду с понятиями вещи и вещественного возникали понятия, обозначающие то, что существует, но не является ни вещью, ни веществом (таково, например, понятие поля в физике).

Если учесть, что речь идет об особой, составляемой мыслью из различных, то становится яснее целый ряд гегелевских характеристик этого раздела: с их помощью раскрывается активность исследовательского мышления, способного для себя и различные, вещественности, и формировать синтезирующие понятия о целых сферах материальных единств, не имеющих непосредственно-предметных прообразов, но еще тесно связанных с материально-вещественными проявлениями. Согласно Гегелю, чрезвычайно важно ни на минуту не

упускать из виду, что различные срезы анализа в результате уже рассмотренного сложного пути приобретают квазипредметную спецификацию. Раз электричество стало объектом анализа, то оно воплощается в различных искусственно скомпонованных предметностях: человек заставляет по проводам электрический ток, так что электричество обретает особым образом сконцентрированную сферу .

Исследование поднимается непосредственно на стадию явления. Наполняются содержательным смыслом абстрактные гегелевские характеристики: 14. Вопреки тем, кто утверждал бы, что непосредственное существование есть истина, а здесь мы имеем дело, Гегель

объявляет достигнутую ступень более высокой, поскольку явление есть. Ступенька (имеющая то же обозначение, что вся ступень, ранее оставившая позади существование и переходящая далее к) просто и четко фиксирует выход научного исследования к определению., в свою очередь, ветвится на отношения между целым и частями, между силой и ее проявлениями, между внешним и внутренним. Какими бы интересными ни были эти стадии, приходится пожертвовать их подробным рассмотрением, обозначив только их общее системное назначение: выявить единство сущности и существования (в уже рассмотренном значении этих понятий) и перейти в третью крупную область сферы сущности -.

Гегель так характеризует движение на первой ступеньке (она носит название):

15. Такой - диалектико-системный -

способ анализа противопоставлен 16, т. е. внешней игре диалектическими категориями. В соответствии с диалектической природой системного принципа к данной стадии подвело себя и в нее перелилось само системное движение. Вторая (после) стадия, собственно действительность, особенно важна, так как здесь вводятся, хотя и весьма лаконично,

категории действительного и возможного, случайного и необходимого.

При их интерпретации следует избегать очень распространенной ошибки, состоящей в том, что названные категории (и категории последующего раздела) вырываются из общего контекста, т. е. берутся вне их диалектико-системной логико-гносеологической роли. В соответствии с подобным способом интерпретации некоторое событие, обстоятельство и т. д. именуется возможностью (соответственно случайностью, причиной), тогда как другие события, факты, обстоятельства - действительностью (соответственно необходимостью, следствием и т. д.). Гегель многократно и с немалым терпением разъясняет: исследование должно выйти на особый уровень, когда оно способно обоснованно применить категории действительность - возможность, случайность - необходимость, причем эти и другие категории сферы сущности, категориальной области содержательны только в их происхождении из предшествующего системно-категориального движения, только в связи друг с другом, только при соблюдении соответствующих переходов. И вовсе не всякие наугад взятые отношения могут быть подогнаны к той или иной паре категориальных определений сферы сущности.

В чем же состоит особенность исследования, поскольку оно выходит на стадию действительного - возможного?

Прежде всего надо строго учесть, о каком идет речь. Действительное - срез анализа, результат предшествующего исследования соотношения внешнего и внутреннего в, которое предстало как своеобразное объектирование сущности. Для пояснения содержания и характера перехода Гегель приводит некоторые примеры. Из зародыша растения появляется растение, из зародыша человека рождается человек. По отношению к тому, что из него впоследствии разовьется, наличие и первоначальное развитие зародыша - в терминологии Гегеля - являются неким бытием, которое сначала остается всецело внутренним. Но вместе с тем это и нечто всецело внешнее, что не без оснований можно принять за общность, лишенную системы17. Подобная переходная ступень, согласно Гегелю, имеет всеобщее - и онтологическое, и логическое - значение. 18.

Гегель считает правомерным слить онтологический и логико-гносеологический аспекты рассмотрения по той причине, что формы перехода и закономерности развития - а они-то выражаются в движении категорий, в их взаимоотношении - в обоих случаях едины. Процесс становления человека, его превращение в действительно человеческое существо и процесс научной мысли протекают, по Гегелю, так, что на определенном этапе есть (зародыш человека, растения, животного или концептуальная основа теории), в котором уже

как бы заложены различные возможные тенденции будущего развития. Понимание этого - пролог к введению понятий возможности и действительности. Основой развертывания форм саморазвития содержания на данной стадии является рефлексия, имеющая в виду тончайшие оттенки самих логических переходов, что и позволяет философу выделить несколько более конкретных ступенек движения мысли на той стадии, когда исследование (особым для каждой данной области способом) снова вышло к проблеме развития, рождения специфических объектных единств.

Гегель выделяет три основные стадиальные формы развертывания мысли, которые им анализируются в виде системной целостности, специфического единства, относимого к категориальной сфере.

Первая стадия - действительность, которая предстает как набор возможностей, как сама возможность. Эту стадию Гегель называет 19.

Например, в процессе начавшегося развития зародыша уже имеется первая форма той действительности, которая рождается, - человеческого индивида. Но пока это не более чем, (нечто подобное потом имели в виду экзистенциалисты, когда говорили: человек рождается как существование, которому еще предстоит обрести сущность). Содержание и смысл дальнейшего про

(*В. И. Ленин в своем конспекте отмечает диалектику внешнего и внутреннего, но особенно подчеркивает слова: , усматривая здесь у Гегеля. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 139.)

цесса развития - в том, что уже есть некое;

Гегель анализирует данное состояние, ступеньку развития, используя категорию и развертывая более конкретные категориальные определения. Сначала имеется не более чем некоторая неопределенная возможность; но и бытие есть не более, чем в самом общем смысле наметившаяся возможность. И подобно тому как в случае развития человеческого зародыша с какого-то исторического времени более или менее известна общая линия развития (известна), так и в процессе развития науки - это в общих чертах выявленные предшествующей научной теорией и практикой цель, направление и даже искомый результат поисков. Например, на определенном этапе развития квантовой физики становится ясно, на каких путях - в рамках каких возможностей - может быть реально квантовый эффект.

Сдвиг в направлении следующей стадии (как в реальном развитии, так и в развитии исследования) Гегель связывает с тем, что первоначальное тождество действительности и возможности если и не распадается, то становится подвижным, беспокойным, или, выражаясь гегелевским языком, становится рефлектированным. С положительной стороны возможность, как чисто формальная, становится. Все, что не противоречит себе, как будто бы должно предстать как возможное. Но поскольку столь широкое понимание возможного переводит его в форму невозможного, должны быть предприняты новые поиски соотношения возможного и действительного; должно возникнуть более строгое понимание того, как и почему некая возможность стала своеобразным воплощением действительного20.

21.

Размышление над случайным ведет к дальнейшему определению логических оттенков заключенной внутри него противоположности действительного и возможного. Тут, кстати, наглядно видна специфика отношения категорий в

сфере сущности: на достигнутой теперь стадии анализа только через фиксирование противоречивого соотношения двух предшествующих категориальных определений может быть получен прирост содержания, может осуществиться дальнейшее движение системной мысли. Так, случайность - порождение противоречивого соотношения возможности и действительности; ее определение не что иное, как развертывание, экспликация моментов данного противоречия. Что же выясняется относительно противоречия возможного и действительного, поскольку анализ уже поднялся до категориальной формы случайного? С одной стороны, действительное на данной стадии соотношения есть не более чем возможное, оно лишено основания. Но, с другой стороны, это возможное, уже ставшее неким существованием, уже чреватое действительностью и носящее ее в себе. Гегель прекрасно выявляет тонкость диалектических переходов - их фиксирует логика, но они свойственны также объективным процессам развития и процессам движения исследования: 22. Таким образом, введение категории необходимости осуществляется через посредство анализа особой формы противоположности возможного и действительного (она, в свою очередь, обозначена категорией случайности). Затем Гегель переходит к выяснению логической роли новой пары категорий, причем можно видеть, что в логической рефлексии задействован целый ряд категориальных определений непосредственно предшествующей стадии (возможность и действительность), и стадий, оставленных позади (например, категорий в-себе-бытия и основания).

Это характерно именно для системного построения гегелевской логики. необходимость затем также должна быть поднята по ступенькам последовательного системного восхождения. Кратко рассмотрим, каковы шаги становления и развертывания мысли категории необходимости, иными словами, какие задачи системного научного анализа должны быть зафиксированы и разрешены, чтобы осуществился переход к следующей стадии, которую Гегель назвал - там нас прежде всего ожидает встреча с категорией причинности. Первая ступенька - осознание особого оттенка отношения возмож316 ности и действительности. Так, развитие зародыша - наличный процесс, реальная действительность как таковая, некоторая целокупность, которая просто в силу этого выступает как необходимость. Гегель обозначает такую стадию реального развития и соответственно особую стадию научного анализа при помощи категории, подчеркивая противоречивый характер создавшейся логико-исследовательской ситуации. Стадия формальной возможности была простым установлением тождества, непротиворечивости какой-либо сферы (снова очевиден у Гегеля якобы к - к категориям тождества, различия, противоречия). 23.

На ступеньке формальной возможности возможно нечто, но возможно и иное. Например, зародыш подразумевает и многие возможности, тенденции будущего развития. Но возникло растение, родилось животное, родился человек - и возможность стала действительностью, а следовательно, она преобразовалась в реальную возможность, уже не соседствующую на с другими возможностями. В силу этого необходимость, которая раньше представала только как относительная, теперь обратилась в. Однако и реальная необходимость - только промежуточная стадия в развитии определений необходимости. (Для понимания приемов системного категориального анализа важно иметь в виду, что Гегель намеренно дает интерпретацию действительного, уже, так сказать, носящего во чреве категориальные ступени субстанции - акциденции, причины - действия.) Реально возможное потому необходимо, что развитие состоялось, что оно уже не может быть иным: 24. Процесс возникновения нового - в силу ли действия естественных природных законов, под влиянием ли созданной человеком, в том числе исследователем, искусственной ситуации - проходит через такую стадию: новое появилось благодаря особому соединению условий, обстоятельств, средств. из зародышевой формы, из некоторого абстрактно возможного набора тенденций стала некоей действительностью. Круг возможностей сузился и свелся к одной из них - к той именно, которая воплотилась в действительность. Согласно Гегелю,

на такой стадии уже пробила себе дорогу некоторая необходимость. Но вначале и она обременена случайностью. Вот когда для логики наступает момент диалектического связывания друг с другом категорий необходимости и случайности, осмысления их диалектики на основе движения системно взаимосвязанных стадий анализа.

Необходимость, отмечает Гегель, пока соотносительна со случайностью25. Тонкие логико-системные переходы, выделяемые здесь Гегелем, соответствуют особому моменту процесса порождения какого-либо нового качества, состояния, эффекта, материального или идеального результата: искомый эффект получен; следовательно, заявила о себе необходимость, возможность стала реальностью. Но дальнейшие попытки повторения эффекта, наталкиваясь на многие случайности, зависят от более точного определения совокупности условий, действительно необходимых для его порождения. Каждый, кто создает, например, новый вид растений или животных, новый вид материалов на основе некоторого теоретического замысла, хорошо понимает разницу между такой и следующей стадией, когда тот же эффект может быть воспроизведен уже благодаря точному знанию и необходимых для него соотношений. На гегелевском языке переход обозначен следующим образом: абстрактное различение противоположностей случайного и необходимого должно быть превращено в их единство. А это значит, по Гегелю, что совершается переход к. Гегель не забывает суммировать этапы пройденного системного пути: приводятся в новое движение и в многообразные отношения друг с другом не только категории необходимости и случайности, но и другие категории сферы бытия и сферы сущности. И в самом деле, всякое вновь порожденное - это и бытие, и сущность, и своего рода слияние бытия и сущности. Именно логическое понимание процесса порождения, естественного или искусственного, позволяет развернуть, как в замедленной съемке, тончайшие моменты процесса и определить специфику достигнутого результата.

Переход к абсолютной необходимости - иными словами, к уверенному порождению каких-либо форм - означает, что развитие и исследование вступили на новую стадию.

Когда природа стала человека, то возник целый вид существ; когда человек вывел новые растения и новых животных, возникли особые видовые целостности; когда был порожден квантовомеханический эффект - был

расщеплен атом, то была создана также новая реальность, требующая от человека внимания, контроля и т. д.

Для Гегеля это означает, что в логике снова осмысливается место данного этапа, его связь с предшествующими стадиями движения мысли, а потом их роль в дальнейшем развертывании системы определений. Гегель делает это в заключительной главе учения о сущности, носящей название.

Первая ступенька новой стадии, последней в сфере сущности, связана с напоминанием о том, какой именно тип отношений возник благодаря устойчивому порождению новых форм (оно осмыслено при помощи категории). Каждое порожденное, воплотившееся в действительность есть некоторый сущности.

Для познания, перешедшего на данную стадию, оно уже не является просто бытием как таковым, но выступает как бытие, тесно связанное с сущностью и становящееся ее воплощенным носителем. При этом никак нельзя упускать из виду, что сущность стала действительностью, бытием благодаря всему процессу рефлективного развертывания, полагания и приведения в единство противоположных определений. Как в независимом от человека процессе развития, так и в человеческой практико-созидательной или научно-познавательной деятельности вновь достигнутая ступень означает развертывание, реализацию вначале только противоречий. Одновременно она знаменует появление устойчивой целостности,

общности, притом особого рода. Это целостность, спаянная некоторыми едиными законами и потому имеющая сходные формы проявления.

Своеобразные формы связи между самой этой целостностью и ее бытийственными спецификациями абстрактно-логически разбираются Гегелем.

Вот на какую реальную проблематику замкнута здесь . Ведь если порожден как следствие научной теории некоторый реальный предметный эффект (скажем, квантовомеханический), то, следовательно, проявили себя, стали явленными законы некоторой сферы, некоторой целостности. К ней - во имя более точного определения ее характера - и должна на новом этапе вернуться наука.

Забегая вперед, скажем, что данная ступенька приведет непосредственно к установлению причинного отношения. Но еще до этого исследовательской мыслью должны быть выполнены системные процедуры, связанные с прояснением упомянутых отношений между целостностью определенной сферы отношений и порожденными целостности.

319

Согласно Гегелю, системные задачи такой переходной стадии следует выявить через соотношение категорий субстанции и акциденции. Опять-таки очень важно иметь в виду совершенно особый системный смысл, который в контексте гегелевской логики получают названные категории, которые начиная с древности использовала и исследовала философия. Категорией субстанции обозначена стадия развития и соответственно стадия исследования, когда уже объективировано, получило предметное выражение единство бытия и сущности26. Поскольку же имеется также и предметное подтверждение этого - в виде некоторой доступной фиксированию, наблюдению, описанию целокупности, постольку - на гегелевском категориальном языке - субстанциальное выступает в единстве с акцидентальным.

Видовое, родовое единство со скрепляющими его особыми законами и воплощающееся в некоторых его - вот ближайший пример взаимосвязи субстанциального и акцидентального.

Для Гегеля сказанное означает: сложились в действительности и анализируются познанием, теорией отношения особого типа. Субстанция есть обозначение управляемой специфическими законами целокупности. С этой точки зрения она объемлет акцидентальное, так что акцидентальности и есть сама субстанция. Поскольку же имеется многообразие акциденций, субстанция проявляет себя как, в то время как множество простых акциденций не имеют власти друг над другом. Иными словами, закон всякой субстанциальной совокупности правит и в каждой ее индивидуации, причем полный смысл правящего закона - в его абсолютной власти над всем, что акцидентально по отношению к данной субстанции. Вместе с тем отношение субстанциального и акцидентального проникнуто противоречием, потому что в акцидентальном есть уже существование, которое как бы превышает субстанциальное, ибо акцидентальное тоже целокупность формы и содержания. Гегель фиксирует здесь немалую сложность раскрытия закона и его проявлений в некоторых индивидуальностях, пусть и порожденных на основе действия субстанциального, благодаря мощи закона. Так, человек создал новые виды растений и животных на основе знания некоторых закономерностей, которые и воплощены в данных индивидуальных целостностях. Но воплотившееся в них субстанциальное - некоторая форма, которая отнюдь не исчерпывает попутно родившегося богатства акцидентального содержания. По Гегелю, начавшееся рас320 крытие противоречивого единства субстанции и акциденции - это и есть стадия, когда субстанциальные отношения переходят в отношения причинные.

Что было выявлено раньше? Что нечто действительное и необходимое породило определенный эффект, определенное действие. Когда человеческая мысль переключает внимание на этот аспект, действие выступает как нечто положенное, произведенное, по отношению к чему субстанциальное - нечто первичное, порождающее. Поначалу фиксирование

этого отношения должно пройти через стадию, обозначенную у Гегеля категорией формальной причинности. Специфика ее - в простой отсылке действия к некоторой порождающей целокупности: 27. Затем выясняется: причинное отношение - необходимое отношение, ибо речь ведь идет о связи субстанции и ее акциденций. Субстанция обладает действительностью, констатирует Гегель, лишь в виде причины. Иными словами, только через причинные отношения субстанция реально являет и обнаруживает себя в качестве необходимости. Отношение причины и действия - одна из форм диалектических отношений, строящихся как противоречивое взаимопроникновение противоположностей.

Человеческое познание устанавливает, что вне соотношения двух моментов, фиксируемых категориальной диалектикой, нет никакого смысла применять понятия причины и действия. Фиксируется тождество причины и действия28.

Это особая стадия раскрытия отношений (например, двух вещей или двух событий). Складывается такая познавательная ситуация, когда причина и действие соотносятся с какой-либо конкретной областью, или, как говорит Гегель, когда апеллируют к некоторой. Причинность тогда выступает как своего рода аналитическое положение, и рассудок с известной мерой тавтологичности одно называет причиной, а другое - действием. Например, дождь считают причиной сырости, которая по отношению к дождю расценивается как действие. Гегель называет такое понимание причинности аналитическим (в смысле Канта), потому что в положении действие просто выводится из скрытой до поры до времени тождественности и. О содержательной тавтологичности установления отношений причины и действия (на стадии, когда не выявлено ничего, кроме тождественности причины и действия, кроме аналитической возможности нечто уже имеющееся в понятии провозгласить причиной бытийст321 венных проявлений определенной вещи или определенных событий) Гегель говорит не случайно.

Он преследует цель развенчать превращение такой причинности, взятой на первоначальной стадии познания причинных отношений, чуть ли не в единственный и даже исчерпывающий способ объяснения, что особенно неуместно, заявляет Гегель, в случае физико-органической и духовной жизни29. Так, недозволительно объявлять пищу причиной крови или считать климат Ионии причиной творений Гомера.

Гегель издевается над подобным в . В. И. Ленин специально отметил оправданность этих мыслей Гегеля, касающихся объяснения истории, подчеркнул их актуальность и для XX в.* Фиксирование тождества причины и действия - необходимый и своеобразный момент познания. Отношение их как бы формализуется, простирается на различные сферы (в частности, широко укореняется в обыденной жизнедеятельности человека). Благодаря процедуре отождествления причины и действия, привычно осуществляемой человеческим познанием, их отношение трактуется как взаимозаменяемое: та вещь, которая в одном случае является причиной, в другом случае может стать действием. Улавливается некоторое безразличие определенного содержания к самому отношению причины - действия. Иными словами, какая-либо порожденная вещь имеет многие определения, и в их числе то определение, что в каком-то отношении она есть причина, а в каком-то - действие. При попытках более глубоко вникнуть в отношение причины и действия неизбежно проходят такой этап, когда упомянутое безразличие и тождество позволяет совершать непрерывное движение от действия к его причине, затем к причине причины и т. д.

Такой способ рассуждения Гегель называет бесконечным регрессом от действия к действию или регрессом от причины к причине30. Как и на других стадиях, в дурной бесконечности причины и действия Гегель вскрывает внутреннюю диалектику, заставляющую преодолевать монотонность, неисчерпаемость, а потому неплодотворность отсылок от причины к причине. Переход на более высокий уровень исследования обозначен категорией. А к ней ведет последняя ступенька причинного отношения -.

Здесь совершается как бы возврат к старому, т. е. своеобразное возвращение к категории субстанции и выяснение ***(*См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 144.)***

того, что же раскрытие причинных отношений внесло В толкование субстанции. Субстанция как бы распалась на две субстанциальности: субстанцию пассивную и действующую31. Одна из них как бы становится воплощением причинности, другая - как бы воплощением действий.

Чтобы гегелевские рассуждения казались более ясными, будем держать в памяти пример, который имеется в тексте 32: рассмотрение удара -, исходящей от тела А как причины действия тела В.

При выделении причинного отношения такого типа необходимо, даже неизбежно понимание, толкающего тела как некоторой субстанции, от которой исходит активная сила, и тела толкаемого как пассивного восприемника возникшего толчка. Вместе с тем правила такого рассмотрения, его логика сразу приводят и к некоторому , отождествлению причины и действия: ведь тело, получившее толчок, движется, т. е. как бы берет на себя, благодаря чему и оно может сообщить движение телу С - и так до бесконечности.

Дурная бесконечность, в свою очередь, порождает попытки найти выход из назревающего кризиса каузальности.

Одно из решений - замкнуть потенциально бесконечную цепь причин и цепь действий на некоторую первопричину, которая как бы воплощает в себе чистую активность.

Кстати говоря, даже и тогда высвечивается тот путь, которым уже не может не идти человеческая мысль: апелляция к первопричине (например, в истории науки и философии) говорит о стремлении прервать дурную бесконечность причинного ряда, свидетельствует о начавшемся движении мысли за рамки каузальности, а значит, за рамки субстанциально-акцидентальных отношений. Согласно Гегелю, это и значит, что мысль продвигается к стадии взаимодействия (переходная форма фиксируется при помощи категории). На двух-трех последних страницах второй части дается пролог к новому логическому движению - на этот раз в сфере.

Мы подходим, таким образом, к третьей крупной ступени, вступаем в третью сферу категориальной диалектики Гегеля.

2. Учение о понятии: диалектика субъективно-объективного и итоги реализации системного принципа Третий том носит название, тогда как два первых раздела - о бытии и сущности - охватываются термином . Смысл разделения логики на субъективную и объективную более понятен после рассмотрения специфических определений всей сферы понятия. Но уже в небольшом предисловии к третьему тому (1816) Гегель так определил различие между двумя частями логики: объективная имеет отношения, тогда как субъективная больше повернута к традиционным формально-логическим разработкам с целью

Воспользовавшись в учении о понятии вспомогательными для него средствами формальной логики, Гегель тем не менее и эту часть подчинил диалектикосистемной идее. Исходя из такой оценки, которую в целом принимают (спорящие по другим вопросам) логики, мы считаем необходимым продолжить начатый ранее анализ гегелевского текста в свете принципов системности и историзма. Предваряя более подробное рассмотрение категориального движения на стадии понятий, постараемся обобщенно сформулировать принципиально важные особенности третьей крупной сферы логики - с точки зрения действительных проблем содержательной диалектической логики науки, которые были здесь поставлены и исследованы. в целом определяется прежде всего как целостная сфера, в которой вводится внутреннее подразделение на три основные части:, и. Гегель в этих трех

подрубриках по существу имеет в виду и логически осмысливает особый этап развития научной теории, когда она специфическим для научного познания образом приводит в единство и. В истории науки - классической и современной - мы находим немало примеров, помогающих понять неизбежность и особенность такой стадии, а также ее специфику, привносимую каждой особой исторической эпохой развития человеческого познания (таким примером является формулирование принципа дополнительности в квантовой механике). Сказанное не означает, что на стадии бытия и сущности исследование не

устанавливает и не предполагает, хотя бы имплицитно, особое соотношение объективного и субъективного. Но - это уровень развития науки, когда ставится задача специального метатеоретического и метасистемного рассмотрения данного соотношения, причем обязательно на материале данной науки и имманентным для нее способом.

В логике Гегель обозначает такой этап термином, справедливо полагая, что глубокое установление наукой специфического для ее предмета соотношения субъективного и объективного предполагает прохождение целого ряда логически необходимых, связываемых в единую систему ступенек познания.

Специфику новой стадии Гегель опять-таки проясняет благодаря выявлению отношений к уже пройденным логикой этапам. Проблема понятия расшифровывается Гегелем через определение особого соотношения бытия и сущности.

И на прежних стадиях бытие и сущность соотносились друг с другом. Но только теперь бьет час, когда они обретают подлинное единство. 34. Надо отметить, отрицание отрицания - общий диалектический принцип, закон, связывающий и три основные сферы. Третья крупная ступень логики соответствует последнему логическому отрицанию. В то же время имеется в ВИДУ исторический этап развития какой-либо научной системы, когда уже приведены в системную связь бытийственные (качественно-количественные) определенности, когда выведены законы явления и новые предметные сферы, как бы кристаллизующие в себе, делающие явленными эти законы. После этого реально встает новая общая системная задача: познанные законы должны быть отнесены к бытию, вычлененному и познаваемому наукой; на с найденными законами должны быть выведены многообразные знания, которые возникли до данной теории или наряду с ней.

В Марксовом политэкономическом анализе стадия понятия как целого соответствует третьей и четвертой частям : в них приводятся в соответствие структуры теории и подробно воспроизведенный - под эгидой законов - мир особых проявлений капитализма. капиталистической системы (как особый пласт теории) и (как открытые теорией законы) приводятся в органическое единство, благодаря которому, т. е. внутренне противоречивая, даже превратная реальность капиталистической экономики получает объяснение в теории. Далее дается анализ истории политической экономии ( ), который становится важнейшей стороной и завершением системного исследования.

Специфика достигнутой теперь ступени теоретического познания далее конкретизирована у Гегеля также и благодаря тому, что вскрываются отличия фиксирующих ее категорий от категориальных определений сфер бытия и сущности, хотя последние то и дело упоминаются в сфере понятия. Автор показывает читателю, что познание на стадиях бытия и сущности поднялось весьма высоко, однако еще не достигла завершенности задуманная система науки. Теперь всем этим понятиям, категориям суждено влиться в новую теоретическую рамку, где имеет место новый тип отношения категорий. Если на стадии сущности выявление противоположности, а затем противоречивого соотношения двух категорий было способом продвижения к каждой следующей ступени, то в сфере понятия имеет место иной способ объединения категорий: Гегель сразу дает в неразрывном единстве три категории. Он старается прояснить специфику категориальных отношений уже на первых ступеньках движения.

Так, категория представлена в троичном соотношении:,,. Всеобщее - особенное - единичное и есть общая категориальная рамка нового системного движения, которое уже на первой стадии, как это принято во всем сочинении Гегеля, получает своеобразное металогическое и метасистемное определение. Всеобщность, особенность и единичность сначала предстают как ипостаси понятия, но последнее, согласно Гегелю, по самой своей природе принадлежит к сфере всеобщего. Поэтому ключевым для всей сферы становится выявление смысла категории. Это опять-таки делается через - через конкретное сопоставление всеобщности понятия с прежними сферами.

Бытие - сфера, где изучаемая наукой реальность представала еще в ее непосредственности, простоте; определяемая в силу этого только через отношение к иному, сфера бытия характеризовалась становлением. обозначает сферу, которая поначалу тоже является в ее,. Но отличие новой ступени в том, что на ней определения иначе, чем в сфере бытия, соотносятся с целым. На стадии бытия, например, определение исчезло в ином (качество - в количестве, оба они - в мере). 35. Всеобщее, разъясняет Гегель, не вовлекается в процесс становления, обладая способностью 36.

Если в сфере сущности благодаря рефлективному характеру определений сущность давала о себе знать в некотором ином, которое было не сущностью самой по себе, а ее (причем формально внешнее действование обладало определенной самостоятельностью), то тождество определений понятия с понятием как всеобщим имеет другой характер: это полное, абсолютное тождество.

В тексте, а также в Гегель дал ряд пояснений, помогающих понять реальные проблемы, к решению которых теперь выходит систематическое научное познание. Данная ступень имеет своей исторической предпосылкой, во-первых, все познавательные усилия человечества, направленные на освоение родовых единств, а во-вторых, освоение самого понятия всеобщего, которое, согласно глубокой мысли Гегеля, есть достижение, возможное лишь на довольно позднем этапе в развитии человеческого общества и человеческого познания37. Поэтому многие гегелевские разъяснения относительно специфики понятия, которые нередко изображаются идеалистическими, мистическими или по крайней мере считаются весьма туманными, на самом деле могут предстать глубокими и ясными, если не упускать из виду действительный предмет анализа.

В самом деле, каков характер родовых единств, и, таких, как понятие цвета, растения, животного, жизни, духа и т. д.? Гегель справедливо подчеркивает, что даже в обыденном познании родовых единств имеется в виду некоторое тождество, которое богато различено внутри себя, - и всеобщность, ухватываемая мыслью, объемлет действительные связи весьма широкого диапазона. Научное познание, когда оно выходит к освоению своего предмета как некоторой родовой, в конце концов движется к ее более глубокому пониманию. Но на каждом историческом этапе развития науки при познании всеобщего как такового приходится преодоле327 вать немалые трудности, связанные с необычностью и всеобщего.

Трудность прежде всего заключается в том, что такие общности и всеобщности непосредственно, веществennопредметно не существуют. Мышление, открывающее связи родового типа - это, по существу, смелое и свободное духа, свидетельство созидающего, творческого характера мышления, чем Гегель пользуется и в идеалистических целях. Однако предпосылкой идеалистических мистификаций являются глубочайшие прозрения относительно специфического характера целокупностей, теперь изучаемых научной мыслью. Ведь выявляемая здесь родовая всеобщность, в самом деле, не есть нечто существующее наряду с особенным и единичным - она проникает их, так что родовое единство немыслимо вне богатейшего разнообразия и конкретности форм, как бы охватываемых всеобщим.

Итак, Гегель имеет в виду исторические этапы и логические стадии в развитии наук, когда те - после проведения исследований на качественно-количественном уровне, после установления причинно-следственных отношений и т.д. - переходят к высшей рефлексии: предметом мысли являются такие целостности, а вместе с тем такие понятия, как жизнь,

физическая реальность, законы природы, сознание как таковое, дух и т. д. Каждая из анализируемых родовых, целокупностей в свою очередь содержит видовые целокупности. Гегель правильно обнаруживает эту всеобщей целокупности ей, имеющими обособленные и индивидуализированные формы целокупностями, но он и мистифицирует ее, изображая понятие субстанциальным, творческим духовным первоначалом, непосредственно онтологизируя его38. Теоретическое познание, руководствующееся принципом системности, должно эксплицировать и пройти этапы системного анализа всеобщего целенаправленно и последовательно. Поскольку некоторые понятия рассматриваются как воплощения, носители всеобщего, постольку размышления над их природой - конечно, движущиеся по ступеням и подчиняющиеся системному же принципу имманентного категорий - становятся способом дальнейшего развертывания логических определений.

Зная структуру гегелевской системы, мы можем предсказать, что отправной точкой исследования проблемы всеобщности понятия станет выявление специфики его определенностей. Здесь логика Гегеля вплотную

подводит к вопросу, трудности разрешения которого исстари служили питательной почвой идеализма. Этот вопрос: как, всеобщее? Гегелевский ответ на него - прежде всего утверждение неразрывной связи всеобщего с особенным и единичным. Родовая всеобщность не и не фиксируется иначе, как через ее особенные и единичные. Связь всеобщего с особенным противоречива. Особенное - форма проявления всеобщего, которая изменчива. Но благодаря смене форм особенного всеобщее. Так, исторические формы человеческого существования, виды человеческих существ изменялись и отличались друг от друга, но именно через них сохранялось постоянное человеческого рода. А оно первооснова и почва всеобщности, заключенной в понятии.

Гегель поясняет, что на уровне особенного всеобщее понятие как бы, но в то же время дает особенному сообщить первую определенность всеобщему. То, что разъяснено на примере родового понятия , может быть выражено в более общих логических формулах - что чаще всего и делает Гегель, говоря о понятии самого понятия. Как понятие понятия способно принять форму особенного, как оно себе специфическое? Ответы на такие вопросы давно давались формальной логикой и философией: ими фиксировались формы непосредственно, так сказать, внешнего вступления в мир обобщающей мысли и ее результата, т. е. понятия. Такими формами были признаны суждения и умозаключения.

Подразделы о суждении и умозаключении выполнены в весьма детально. Мы воспользуемся тем, что учения о суждении и умозаключении (а это второй и третий подразделы учения о субъективности, образующие переход к учению об - объективности субъективного, понятия) построены по единой схеме. Поэтому кратко остановимся на принципиальном логико-системном, диалектическом значении обеих форм и покажем, какова их роль в создании целостной системной конструкции субъективной логики.

Итак, сначала суждение, а потом умозаключение используются как внешние формы понятия (и понятия понятия, т. е. понятия как всеобщего). Через суждение - и только через него - понятие получает; благодаря же умозаключению еще спрятанные в суждении связи всеобщего - особенного - единичного обретают свою

бытийственную объективацию. Как раз здесь Гегель избирает формально-логическую рамку и детально ее использует как уже готовую парадигму движения. Необходимо, однако, иметь в виду, что гегелевские раскладки в данных подразделах уже связаны не с формальным, а с содержательным толкованием суждения и умозаключения. Во имя наполнения данных форм логической содержательностью Гегель прежде всего обосновывает

мысль об изоморфности данных логических форм и общих форм бытия окружающего мира.

Эта сторона дела фиксируется в гегелевских формулировках типа: 39. В. И. Ленин особо подчеркнул ценность гегелевского логических фигур к*.

Поскольку в литературе достаточно подробно раскрываются как сильные стороны, так и идеалистические ограниченности данного аспекта учения о понятии40, мы не будем на нем останавливаться. Нас будет интересовать вопрос о том, каким замыслам и проблемным целям системно построенной науки логики как логики науки отвечают стадии суждения и умозаключения.

Речь, по существу, идет о метатеоретическом анализе ряда ранее добытых системной научной теорией результатов, причем именно таких, в которых уже воплощены знания о законах явлений данной области, осуществлено рефлективное соотнесение категориальных характеристик знания. Теперь теория сопоставляется с (и с другими эмпирическими и теоретическими знаниями), причем первоначальные этапы движения на новой стадии - это, так сказать, новая перегруппировка знаний, новая компоновка понятий, новая рефлексия по поводу положений теории. Например, если применительно к проблеме бытия на первых стадиях построения научной системы в общем и целом устанавливалась специфика бытийственного среза, изучаемого данной наукой, то на стадии понятия осуществляется новая рефлексия такого рода: в какой мере бытийственные высказывания теории, проведенные через стадию сущности, т. е. причинности и закона, фиксируют всеобщее, родовое, необходимое для данной науки. За формально-логической формы суждения и умозаключения Гегель помещает глубинные мыслительные структуры - их формируют обыденное познание или на

(*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 159.)

учный анализ. Выход, к действительно присущей ей всеобщности - своего рода восхождение. Одну за другой познание проходит три ступени.

Первую мы уже знаем - это понятие как таковое, т. е. принципиальное определение связи всеобщего, особенного, единичного - бытийственных ее аспектов. Смысл второй ступени, ступени суждения, Гегель видит в поднятом на новый рефлективный уровень, перворазделении (отсюда Ur-Teil) понятия на всеобщее, особенное и единичное. Это, как считает Гегель, имеет место и в обычном суждении, и в суждении какой-либо науки о ее внешне фиксируемых или, что теперь становится важным, всеобщих и необходимых отношениях. Все суждения такого рода имеют какую-либо общую внешнюю форму. (Гегель берет из формальной логики классификации суждений:, суждения рефлексии и суждения необходимости, с соответствующими тройственными подрубриками в каждой из рубрик - схема движения форм, которая потом повторяется и на стадии умозаключения.) Но главное, за общей внешней формой скрывается закрепленная - конечно, в ходе исторического процесса - мыслительная структура, теперь интересующая Гегеля: отношений между единичным, особенным и всеобщим, зафиксированных мыслью, на объективные отношения тех действительных совокупностей, о которых идет речь. Поясним эту общую логическую форму данной стадии мыслительного процесса - мы считаем ее ключевой для понимания системной роли ступеней суждения и умозаключения.

Разделение суждений Гегель в общем и целом осуществляет по формально-логическим канонам., или качественные суждения (разделяемые на положительные, отрицательные и бесконечные), иллюстрируются на примерах: или 41.

Даже на примере таких простейших суждений, полагает Гегель, можно раскрыть понятийные отношения, которые важны теперь для логики (хотя для обыденного сознания они могут быть скрытыми, несущественными). В обыденном познании и в познании научном

всякое суждение о наличном бытии уже фиксирует существенное отношение, которое выражается связкой. Это одновременно разделение, единичного и всеобщего, единичного и особенного, но также и выстраивание внутренних связей между ними. При интерпретации таких связей, считает Гегель, формальная логика делает ошибку: формально

331

истолковывая суждения, она намеренно отвлекается от вопроса о том, правильно или неправильно какому-либо субъекту суждения S приписывается некоторый предикат P, так же как и от того, выражает ли предикат действительно существенное свойство данного логического субъекта.

Иными словами, формальную логику интересует только форма суждения - S есть P, например, суждения и вовсе не интересует, действительно ли красна роза, о которой в данном суждении фактически ведется речь, и существенно ли для этой общности (розы) свойство быть красными.

Гегель полагает, что в интерпретациях формальной логики упускается из виду самое существенное в суждении - то содержательное, без чего не могла бы сложиться, не могла бы применяться и сама логическая форма. Например, в суждениях наличного бытия вся соль в том, что в нем явно или неявно фигурирует связка, причем коренная функция таких суждений - приписывать единичному действительно присущие ему, а следовательно, существенные для него всеобщие понятийные определения. Вот почему в суждении даже о самых простейших вещах всегда имплицитно содержатся коренные для предмета определенности, человеческое мышление, наученное длительной исторической практикой, умеет, если потребуется, развернуть нужные для него данности, заключенные в суждении. Но во всяком случае проверяемые на суждения (а потом и умозаключения) являются простейшими носителями связи единичного и всеобщего, единичного и особенного, особенного и единичного.

Назначение системного этапа, охватываемого категорией , - дать полностью раскрыться этому диалектическому содержанию.

Гегель далее рассуждает так: когда я говорю, что роза есть красная, золото есть металл, картина есть прекрасная (неявная связка везде превращена в явную), то это уже приписываю субъекту суждения определенное свойство. Но если это делаю, то откуда проистекает возможность приписывания предиката (свойства) субъекту? Гегель в общей форме пытается ответить на этот вопрос. Наиболее часты в тексте утверждения, согласно которым независящей от предпосылкой суждения является действительная присущность реальному предмету каких-либо общих и всеобщих свойств. Суждение функционирует лишь постольку, поскольку эта роза в самом деле красна и поскольку реально существуют красные розы.

332

И это верно. Однако в интересное, глубокое раскрытие соответствия бытия и мышления вклинивается онтологический буквализм. Тогда определенные стадии развития мысли Гегель стремится непосредственно, полностью отождествить с самим действительным развитием, что ведет к идеалистическим мистификациям, причем порой довольно комичным., - правда, в себе уже есть особенное, но в понятии как таковом особенное еще не положено, а находится в прозрачном единстве со всеобщим. Так, например, зародыш растения, как мы раньше (§ 160, прибавление) заметили, уже, правда, содержит в себе особенное корня, ветвей, листьев и т. д., но это особенное, однако, существует пока лишь в себе и полагается лишь тогда, когда зародыш раскрывается, что должно рассматриваться как суждение о растении*. Этот пример может служить также и для того, чтобы сделать для нас ясным, что ни понятие, ни суждение не находятся только в нашей голове и не образу-

ются лишь нами. Понятие есть то, что живет в самих вещах, то, благодаря чему они суть то, что они суть, и понять предмет означает, следовательно, осознать его понятие»42.

Такие высказывания, пожалуй, и делают наиболее наглядными проблемные истоки гегелевского идеализма и онтологизма.

Несомненно, Гегель справедливо исходит из определенного соответствия содержания научного познания самых системных стадий и объективных законов ( ) тех областей, сфер, вещей и явлений действительности, исследование которых осуществляет наука. Обыденное познание, обычное суждение - в чем Гегель также прав - опирается на то, что в мысли фиксируются действительные, независимо от сознания сложившиеся отношения. Всякое разделение всеобщего, особенного и единичного, так же как и их единства в человеческой мысли, опирается на некоторые сложившиеся вне мысли отношения рода, вида, индивида. Верно - и это теперь должно быть специально подчеркнуто, - что развитие мысли, особенно если оно строится по диалектическому системному принципу, должно воспроизводить наиболее существенные стадии развития самой изучаемой области, ее пред

(*В новом издании (М., 1974) гегелевское выражение исправлено на. С этим нельзя согласиться: Гегель здесь именно онтологизирует форму суждения, приписывая ее - не без мистификации - самому растению.)

метных целостностей. Однако Гегель ведь говорит нечто большее: все развитие есть раскрытие некоторого понятия. Зародыш растения - понятие, раскрывающееся, распускающееся растение -.

Это можно было бы счесть за нестрогую игру образами и категориальными понятиями, когда бы Гегель не проделывал идеалистические мистификации намеренно и последовательно.

Характерно, что непосредственная онтологизация идеального, абсолютный идеализм глубоко противоречат развертыванию определений системной научной мысли, осуществляемому в. Ведь любая стадия научного познания, большая и малая, - проявление творческой природы человеческого мышления. Все движение в целом означает приближение человеческого познания к закономерностям объективного мира. Но ничем не доказывается полное, тождество системной диалектической мысли и действительности. Их превращение в тождество вносит в гегелевскую логику идеализм, онтологизм, мистику. Кроме того, имеет место теологизм и телеологизм: поскольку связка суждения выявляет некоторое тождество, то истоком и гарантом тождества бытия и мышления для Гегеля оказывается божественная духовная сущность. Но если для философии в целом идея понятия означала возможность идеалистических, логицистских мистификаций (в их еще сравнительно мало, а в они становятся лейтмотивом), то для логики она служила опорой при реализации содержательного диалектического подхода к интерпретации логических форм. В подразделе виды суждений, взятые в их традиционной классификации, предстали вместе с тем как формы последовательного (системного) движения мысли. Гегель показал, что суждения наличного бытия позволяют диалектике исследовать специфику бытия всеобщего; суждения необходимости, или рефлексии, дают знания об объективно необходимых всеобщих связях предмета исследования и, так сказать, о степени заключенной в таком знании необходимости; из извлекаются знания о принципиальном значении некоторых утверждений обыденного знания и науки для всеобщности исследуемой сферы.

Чтобы смысл диалектического анализа в сферах суждения и умозаключения был более ясен (а Гегель, надо сказать, сам затуманивает его и формально-логической внеш334 ней рамкой, и идеалистическим онтологизмом), необходимо иметь в виду, в каком именно направлении здесь развертывается логическое системное движение. под суждение и умозаключение соответствует продвижению системно построенной теоретической науки бли-

же к исследуемой реальности - благодаря метатеоретическому толкованию важнейших научных знаний, благодаря их обобщению, благодаря определенной экспансии теории на области, которые на предшествующих системных стадиях не служили непосредственными, проявлениями и подтверждениями выведенного закона. о таком новом - подведение его под выведенные ранее законы и в то же время расширение, обогащение теории.

Кроме того, надо учесть, что стадии суждения и умозаключения проливают свет на работу с общностями и всеобщностями на прежних стадиях теории: тут обнаруживается, что при условии глубокого и обоснованного подхода к тем понятиям, развитие которых воспроизводит развитие , происходит также высвечивание отношений всеобщего - особенного - единичного. Теперь же начинается их специальная экспликация.

Деление умозаключений тоже осуществляется по известной формально-логической схеме: умозаключения наличного бытия (или качественные), умозаключения рефлексии, умозаключения необходимости. Но, как и суждения, умозаключения толкуются шире, да и вообще во многом иначе, чем в формальной логике. Правда, уже и формальная логика, исследуя форму умозаключения, вскрыла немаловажные ее особенности. Например, была выявлена общая схема качественного умозаключения, или умозаключения наличного бытия: Е (единичное) - О (особенное) - В (всеобщее). Гегель отмечает, что это одновременно и всеобщая схема умозаключения, выражение (пусть пока лишь формальное) специфики данной стадии системного развития мысли. Ее функция - привести в обоснованную связь некоторое единичное с всеобщим. Но возможно это только таким способом, что единичное связывается с особенным.

То, что в классическом формально-логическом умозаключении три предложения, Гегель считает обстоятельством сугубо внешним. Существо дела - в реальном процессе опосредования между единичным и всеобщим, которое выполняется особенным. члены - единичное и всеобщее. - особенное. 43. Как раз в этой связи дана Гегелем приведенная выше, одобренная Лениным формула: вещи суть умозаключения.

Известны также высокие оценки К. Марксом и Ф. Энгельсом разделов о суждении и умозаключении гегелевской логики. При этом существенно, что основоположники марксизма воспользовались гегелевскими разъяснениями как содержательным методом, позволяющим в различных теоретических областях эксплицировать отношение всеобщего - особенного - единичного. Так, Энгельс увидел возможность использовать гегелевскую диалектико-системную теорию суждения для того, чтобы продемонстрировать развитие и переход одних форм движения в другие, а это философская проблема, тесно связанная с выходом самого естествознания на высокий теоретический уровень размышления, сопредельный с философией*. Несомненно, что вопрос о связи всеобщего, особенного и единичного является тут центральным, хотя содержательное наполнение каждой из категорий вовсе не простая задача. Впрочем, для научного познания данные категориальные различения и связи только тогда и могут быть конструктивными, когда точно определена точка отсчета, в соответствии с которой некоторая целокупность определяется как всеобщее, а другие целокупности - как особенное и единичное.

Это видно на примере, который мы находим у Маркса.

Он пользуется формой одной из выделяемых Гегелем (в некотором отличии от классической формальной логики) фигур умозаключения для выявления отношений всеобщего - особенного - единичного в формуле товарно-денежного обращения: Т - Д - Т.**. Экспликация отношений всеобщего - особенного - единичного в рамках товарного обмена - внутренний акт теории, который имеет глубокое содержательное значение и важные следствия: эта процедура позволяет выя

(*См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 79.)
(**Там же, т. 13, с. 78.)

вить сущностные и одновременно релевантные истории формы взаимосвязей самого товарного производства.

Умозаключение - последний подраздел раздела, образующий переход к разделу, в свою очередь разделяемого Гегелем на троицу подразделов:,,. Нас не вполне удовлетворяет сложившаяся в историко-философской литературе трактовка этой части, которая, как представляется, возникла из-за внешних ассоциаций с механикой, химией, науками о жизни. И хотя связь со срезами исследования этих наук так или иначе имеется у Гегеля, есть и более общая логическая системная функция данного раздела, которая отнюдь не сводится к иллюстрациям в духе философии природы, в данном случае философии механики, химии, биологии. В чем же состоит специфика проходимой теперь логической мыслью стадии, специфика ступеней, на которые она дробится?

Начать надо с того тонкого момента, что в понятия, суждения, умозаключения не что иное, как, рождается идея объекта. Может возникнуть вопрос: а разве объективность, объект не суть исходные предпосылки познания, которые и должны быть рассмотрены где-то в начале логики? Ведь традиционная гносеологическая схема так и строится: есть объект, который дан субъекту. Но в том-то и дело, что данная схема фиксирует отношение субъекта к объекту, поскольку объект вычленен и на него уже направлена познавательная деятельность субъекта. В типичных для человеческой жизни случаях простота выхода субъекта к объекту гарантируется оставленным позади многократным повторением в истории человечества такой же в принципе процедуры применительно к этому и многим другим объектам. Другая генетическая предпосылка известного познавательного автоматизма в вычленении объекта познания - становление каждого отдельного человеческого существа.

В процессе научного познания становится более ясным - именно из-за его нацеленности на новое - творческий характер вычленения объектов науки. Процедуры объектного характера (выделения объекта, его конституирования, его соотнесения с другими объектными целостностями) в определенном виде, как правило, виде осуществляются уже и на ранних стадиях системного построения теории. Но их более полная специальная экспликация возможна только после прояснения связей всеобщего - осо337 бенного - единичного применительно к данной научной области. Видимо, не случайно и то, что более или менее соответствующие современным представлениям категории , (как нечто противостоящее познанию - Gegenstand) вводятся, эксплицируются наукой и философией только в новое время.

Нельзя забывать, что в гегелевской логике переход к - это переход, понятием (читай: познанием, научно-теоретическим познанием на определенной ступени его развития). Гегель и здесь не преминул воспользоваться сложностью перехода в идеалистических и теологических целях (во имя предсуществования понятия)44. Однако и здесь в оболочке идеализма и онтологизма осуществляется прирост системной мысли. Функция данного этапа логики заключается в прояснении специфики достигаемой теперь научным познанием ( ) совершенно особой.

Чтобы выявить ее специфику, Гегель прежде всего суммирует обычные способы оперирования понятием объективного: 1) объективное противопоставляется сознанию,, как 45; 2) объект трактуется как предмет интереса и деятельности для того или иного человеческого индивида, субъекта; 3) объективным считается познание, которое достигает свободы от произвола и случайности46. И хотя такие способы словоупотребления нужны для житейской практики, задача логики - совершенно четко выявить особую системную проблему. А состоит она в том, чтобы разглядеть специфику,, которое парадоксальным на первый взгляд образом является бытием, лишенным. Надо научиться работать с ним как с особым бытием.

Соответственно категория объекта здесь берется в особом смысле и является сложным результатом всего до сих пор проделанного системного движения. 47. Данное положение тем более важно, что разделы,, и являются его дальнейшим развертыванием. На этих трех

стадиях дается разъяснение сущности трех основ338 ных типов вычленения объекта обычным человеческим познанием и наукой, а также вытекающих отсюда типов человеческой деятельности с объективными целокупностями.

Отсюда - принципиальные определения данных сфер. 48 При переходе к объекту - сначала к механическому - имеет место, согласно Гегелю, особое логическое движение. Если на стадии умозаключения эксплицировалась связь единичного, особенного, всеобщего, то теперь 49, и мысль снова пришла к отождествлению, но уже на новом уровне. Вычленение объекта возможно там и тогда, когда объект уже берется как некоторое всеобщее. Всеобщее же не некоторая одинаковость свойств, а 50. Гегелевские определения, на первый взгляд абстрактные, тем не менее вполне правильно и глубоко характеризуют процесс вычленения объективности и объекта, например механичности 51. Ведь механическое не дано как некоторое предметно обособленное существование. Это действительно некоторое всеобщее - вещей и явлений, но опятьтаки не в смысле их внешней одинаковости. Вычленение механического объекта имеет своей предпосылкой именно то, о чем пишет Гегель: всеобщность предполагается особенное и воплощенной в единичности. Нет случайности в том, что исторически первые вычленения человеком объектов вылились в - создание механических орудий, а вычленение объектов именно как объектов опытно-экспериментальной науки - в создание науки механики.

Надо, однако, учесть, что в гегелевской конструкции механика как практическая деятельность и механика как наука берутся для выявления более широко понятого познавательного процесса, состоящего в таком вычленении объектов, которое только и возможно при первых шагах освоения человеком и человечеством. Вначале выделение объектов, их первые определения и операции с ними возможны не иначе как на основе неопределенности объекта. Его первое определение, как это ни парадоксально, лежит не в нем самом, а в ином (вспоминается стадия

). 52. Раздел о (вводящий понятие - с его членением на процесс формальный, реальный и продукт процесса - и понятие, разделяющегося на,,) является рассмотрением основных стадий внутренней системной логики движения мысли, когда она - в практике ли, в теории ли, в механике как особой науке или в других областях знания - овладевает первоначальными приемами вычленения объектов и обращения с ними.

Намеренно возьмем (приводимый Гегелем) пример не из области механики как науки. Автор полагает, что по принципам действуют люди, когда они определяют формальные отношения между правительством, гражданами-индивидами и потребностями людей в пределах общества, государства. Определение таких отношений - дело весьма важное, необходимое и для государственных установлений, и для науки о государстве. Но , как они взяты на такой стадии определения их взаимоотношений, соотносятся друг с другом совершенно особым образом. Тут Гегелю и предоставляется возможность снова продемонстрировать плодотворность применения фигур умозаключения. через них, он то ставит в, делает, правительство (тогда по отношению к нему индивиды становятся единичным, а их внешняя жизнь, потребности чем-то особенным), то выдвигает в центр именно индивидов53.

Гегель не играет здесь в. В этом можно убедиться, вспомнив, что в любых формальных по своему существу конституционных актах совершается эта в зависимости от того, идет ли речь об обязанностях граждан, их ответственности перед властью или об обязанностях власти по отношению к гражданам, к удовлетворению потребностей и соблюдению прав индивидов. И конечно, природа такого рода установлений - в том, что объекты вычленены на основе некоторой всеобщности (социальная, государственная жизнь). Но ведь вычленены они в их формальности, известной абстрактности, в отвлечении от всего многообразия конкретной жизнедеятельности управляющих и подчиняющихся индивидов. Здесь, кста-

ти, видна одна из особенностей подхода с - идея об относительности, к которой механика как наука пришла сравнительно поздно.

В подобном же стиле определяется у Гегеля природа химизма, а потом телеологизма. объект (соответственно) имеет своей спецификой определенность (в отличие от неопределенности на стадии механизма), которая выявляется в соотношении с другим и в выяснении способа этого соотношения. Гегель сам поясняет широкий смысл понятия: 54. Одним словом, Гегель полагает, что принципы и объектные операции, выявляемые здесь, так или иначе применимы к самым различным сферам действительности: понимаемый таким образом химизм является специфической стороной рассмотрения и явлений природы и проявлений человеческой жизни. Подобно этому - прояснение особых объектных целокупностей, специфических способов их вычленения и обращения с ними, а одновременно попытка диалектико-логической интерпретации, мы сказали бы даже, реабилитации понятий ,.

Механический объект отличается тем, что он к вопросу о том, является ли он определяемым или определяющим. Точнее, при анализе с позиций механизма это не принимается во внимание. Хотя отношение химизма есть, по выражению Гегеля, 55, все же требуется осуществить отрицание отрицания, чтобы выявилось содержание перехода от механизма к химизму. Третья по отношению к ним стадия, отрицание отрицания механизма, и есть. Ее более высокое значение иллюстрируется просто: достаточно, показывает Гегель, вспомнить о механической и химической технике, чтобы понять, что само вычленение, порождение таких объектов всякий раз зависели от как будто бы внешней по отношению к ним, но

341

принципиально воздействовавшей на них. То обстоятельство, что намеченное Гегелем восходящее движение через механизм и химизм к телеологизму (организму) в общем и целом воплощается в единстве, логике взаимосвязи наук (которая ведь вычленяется в процессе восходящего движения), выявлено в известных словах Энгельса о прогрессивности для гегелевской эпохи и самого тройственного членения, и понимания организма как, связывающего и*.

Гегель стремится показать, что и здесь в развитии категорий ухватывается всеобщего, его развитие.

Иными словами, движение к телеологизму означает прогресс в понимании внутренних отношений всеобщего - особенного - единичного. Но у стадии есть особая системная задача: благодаря ей обнаруживается, что цель не была внешней для той совокупной действительности, к которой она применялась. Это было своеобразное движение самой этой действительности.

Гегель анализирует диалектику субъективной цели и средства, их восхождение на более высокую стадию -, которая и образует переход к третьему разделу субъективной логики, который носит название

56.

В. И. Ленин, конспектируя, так определил смысл перехода к сфере и совокупное значение самой этой сферы:**.

Раздел, в свою очередь, делится на три подраздела:,,. Правомерен вопрос: почему первым в разделе становится понятие? Гегель и стремится показать, 57. Употребляя в логике понятие, Гегель осмысливает специфику развития систематической теории на такой стадии, когда она выявляет зависимость способов рассмотрения своего объекта, зависимость самого вычленения объектов

*(*См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 565 - 566.)*
*(**Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 173.)*

от человеческих целей вообще, от каких-либо определенных целей в частности и в особенности. Тогда проясняется и то, что субъект так или иначе спроецировал себя в объекте, причем специальная экспликация уровней и способов проецирования теперь должна стать для науки системной задачей, в свою очередь ветвящейся на ряд подчиненных ей проблем, вопросов.

Не следует думать, что речь идет о самых общих постулатах относительно единства субъекта и объекта, влияния субъекта, его целей, избираемых им средств на конкретную познавательную ситуацию и научную теорию в целом. Даже для философской теории субъекта - объекта на данной стадии требуется найти релевантную системному рассуждению особую теоретическую проблематику. Что же касается отдельных наук, то они только в совершенно конкретном материале совершают восхождение на стадию, имманентными для данной науки средствами учитывая и теоретически выявляя задействованность в процессе познания (данного типа) целей, средств, даже познающего человека. Поправка на субъект на этой стадии принимает не просто вид некоторого качественно-количественного описания и расчета, как было раньше, а выливается в обобщенное метатеоретическое построение. Проводя логику через разъясняющие диалектико-логическое понятие системные ступени (они, как и вся стадия, тоже носят сбивающие с толку названия:,,), Гегель, по сути дела, рекомендует науке, в том числе науке логики, вносить теоретический на существование человека как живого, природного индивида (единичное), на его потребности, имеющие исторически относительную форму (особенное), на его родовые отличия (всеобщее).

В. И. Ленин в хорошо известном замечании к данному разделу признал понятной и гениальной мысль Гегеля включить, т. е.*.

Гегель здесь, как и всюду в логике, имеет в виду не только логико-научный аспект, но также его общее соответствие тенденциям и ходу процесса развития. Так, переходя через подраздел к, Гегель использует некоторый или язык, говорит об,, о раз

*(*Там же, с. 185.)*

витии зародыша и т. д. И хотя постоянно имеется в виду полумистическим образом полагаемый понятия, все-таки и здесь хотя бы косвенно и опосредованно выражается более общая диалектика жизни, что позволило Энгельсу толковать этот раздел как релевантный также и особым проблемам науки о жизни, биологии. Однако имеют место некоторые типичные для всего текста мистификации, попытки при непосредственном рассмотрении проблем науки логики и логики науки играть, порой комично, в слова и понятия, что верно отметил В. И. Ленин:*.

Начиная с, гегелевская наука логики вступает именно на путь методологического, научно-логического объяснения. Это стадия, на которой научная теория делает предметом специального анализа применявшиеся ею общие и специальные методы. Под рубрикой эксплицируются методы аналитического и - особенно подробно - синтетического познания (с разъяснением понятий,,), где привлекается к рассмотрению интересный естественнонаучный, логический, философский материал. Оригинальным в тут является то, что в отличие от характерной для гегелевского времени фрагментарной трактовки названных проблем они показаны как ступени системного движения, восхождения логики науки по ступеням

последовательного металогического объяснения. Идея познания, появившись в ипостаси, переливается в , а та, в свою очередь, в.

Функция стадии, обозначенной словами, понятна и значительна. Научно-логическая саморефлексия была бы неполна, показывает Гегель, когда бы теоретическая идея не соединялась с практической, когда бы наука не соотносила осуществленные ею цели с идеей блага. Необходимость понять единство теоретической и практической идеи и составляет смысл перехода к идее абсолютной.

Содержание заключительного раздела гегелевской определил В. И. Ленин:*.

Для нашей темы особенно существенно подчеркнуть, что превращение диалектического метода в всей в значительной степени совпадает с подведением итогов применения системной логики во всем произведении. Восходя по ступеням понятийно-методологической саморефлексии, двигаясь все ближе к разъяснению метода в его всеобщности, Гегель на самой высокой ступени своего труда просто не мог не прийти к резюмированию принципов диалектики как метода. К этому толкала и структура, и лежащее в подпочве ее движения системное развитие логики науки. Это предполагал и историзм как принцип, тесно объединенный с системностью. И столь же обосновано то, что заканчивается не чем иным, как прояснением диалектического метода как метода построения системной науки логики и логики науки. Развившаяся как система, наука логики теперь должна была во всеобщей форме резюмировать отличия взятого ею на вооружение, примененного на большом философском, логическом, конкретном научном материале содержательного диалектического системного принципа. Вводя этот принцип в начале нашего исследования, мы уже ссылались на формулировки заключительного раздела, в частности последних страниц великого гегелевского труда.

Построена новая логика. Она развернута как, - заявляет Гегель58. Или, другими словами, она развернута в диалектически систему категорий. Что это верно, доказывает шаг за шагом накапливавшееся огромное богатство взаимосвязанных категориальных определений, лишь часть которых можно было представить и разъяснить в нашей работе. Суммированные Гегелем в заключение аспекты системного принципа были нами проанализированы сначала в целом, а потом, так сказать, в действии. Ими была пронизана, что делает эту книгу вершиной развития системных идей предшествующей философии и самым высоким из результатов системной мысли самого Гегеля. Приведем только одну из резюмирующих формулировок Гегеля, где ясно видна связь системы науки логики и системной логики науки: 60.

Последнее слово - это, с одной стороны, заключение логической системы, а с другой - выход в другие науки, которые как бы имеют тенденцию вырастать из логики. Гегель возвещает о возможности и необходимости, опираясь на логику, развернуть более широкую и имеющую системные основания философскую науку о природе и философскую науку о духе. Подобно тому как логика содержит в себе точки роста для других философских наук, так любая систематическая научная концепция, как правило, содержит в себе обоснованный переход в сопредельные сферы научного познания и обнаруживает способность к живому росту. Заключительный аккорд снова приводит в гармоническое, поистине музыкальное единство науку логики и логику науки. Им мы и завершаем анализ сформировавшихся принципов системности и историзма в философии Гегеля. \1 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 11. 2 См.: Там же. 3 Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik, Bd. 2. - Werke: 20 Bd.

Frankfurt a. M., 1969, Bd. 6, S. 32. 4 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 2, с. 26. 5 См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. М.;

Л., 1929, т. 1, с. 192. 6-7 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 2, с. 38. 8 Там же, с. 67. 9 Там же, с. 69. 10 Там же, с. 97. 11 Там же, с. 108. 12 Там же, с. 122. 13 См.: Там же, т. 1, с. 182 - 183. 14 Там же, т. 2, с. 134. 15 Там же, с. 175. 16 Там же, с. 173. 17 См.: там же, с. 168. 18 Там же, с. 167 - 168. 19 Там же, с. 188. 20 См.: там же, с. 188 - 190. 21 Там же, с. 190 - 191. 22 Там же, с. 192. 23 Там же, с. 193 - 194. 24 Там же, с. 196. 25 См.: там же, с. 197. 26 См.:

там же, с. 204. 27 Там же, с. 209. 28 См.: там же, с. 210 - 211. 29 См.: там же, с. 213. 30 См.: там же, с. 216. 31 См.: там же, с. 218. 32 См.: там же, с. 211 - 212. 33 Там же, 1972, т. 3, с. 7.

346

34 Там же, с. 30. 35 Там же, с. 37. 36 Там же. 37 См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 346. 38 См.: Там же, с. 341. 39 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 3, с. 112. 40 См. литературу, указанную в примеч. 1 к I главе части III. 41 См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 3, с. 70 - 72. 42 Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 351 -

352.

43 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 3, с. 112. 44 См.: Там же, с. 155. 45 Там же, с. 157. 46 Там же. 47 Там же, с. 158. 48 Там же, с. 159. 49 Там же, с. 160. 50 Там же. 51 Там же, с. 159. 52 Там же, с. 161. 53 См.: Там же, с. 173. 54 Там же, с. 177 - 178. 55 Там же, с. 182. 56 См.: Там же, с. 198 - 208. 57 Там же, с. 217. 58 Там же, с. 309. 59 См.: Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik, Bd. 2, S. 572. 60 Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 3, с. 8 - 309.

347

Заключение Формирование содержательного диалектического принципа системности и его объединение с принципом историзма в в творческом развитии Гегеля можно сравнить с обретением земли обетованной после длительного и трудного путешествия. Гегель имел все основания высоко оценить найденную им логическую парадигму, развернутую в систематическую научную дисциплину - ведь последняя не имела прецедентов в догегелевской истории мысли. Ему представилось, что дальнейшая работа требует лишь применения найденного принципа - в области философии природы и философии духа, что должно привести и к обогащению логического учения о системности. В известной мере так оно и получилось. Но Гегель недооценил того, что природа и общество, как и каждая из природных и социальных сфер, не простое приложение логической идеи, что науки о них не некая прикладная логика. Дальнейшее развитие гегелевской философии, по видимости успешное, победоносное, совпавшее с наконец-то пришедшим всемирным признанием мыслителя, - не было ли оно и нисхождением с вершин последовательно развитой системной логики, диалектического учения о категориях? Это вопрос, который нуждается в обстоятельном анализе.

Что касается историзма, то и он, органично, плодотворно примененный на почве логики, вдохновил Гегеля на своеобразную экстраполяцию логической модели на другие области, включая историю философии и философию истории. К каким достижениям и противоречиям это привело - интереснейший вопрос, который должен стать предметом другой работы (она была бы посвящена развитию философии Гегеля после).

Нам было важно показать, как именно родились, видоизменялись и в каком виде, наконец, сформировались два важнейших принципа философии Гегеля: системность и историзм.

348

This file was created with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
02.04.2007